

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСТОЧНАЯ АНАТОЛИЯ 1833–1835 гг.

Военно-географический очерк

Москва
2023

УДК 913
ББК 26.89
В78

*Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН*

Составитель, автор предисловия и комментариев
М. Р. Рыженков, канд. ист. наук (ИВ РАН)

Ответственный редактор
А. Д. Васильев, канд. ист. наук (ИВ РАН)

Рецензенты:
Д. В. Жигульская, канд. ист. наук (ИВ РАН)
Б. В. Норик, канд. ист. наук (ИВ РАН)

В78 **Восточная Анатолия.** 1833–1835 гг. Военно-географический очерк / Сост. М. Р. Рыженков; отв. ред. А. Д. Васильев : Ин-т востоковедения Рос. акад. наук. – М.: ИВ РАН, 2023. – 408 с.

ISBN 978-5-907671-75-1

Публикация представляет собой оцифрованный, аннотированный труд российского военного топографа полковника П. П. Львова, посвященный военно-географическому описанию Восточной Анатолии. Работа П. П. Львова появилась в канун российско-турецкого сближения по итогам Ункяр-Искелесийского договора и стала одним из первых описаний восточной Анатолии, составленных русскими военными востоковедами. Оригинал рукописи под заголовком «Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана» хранится в фонде-коллекции Турции (Ф. 450) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Рукопись представляет собой три тома, первый из которых посвящен физической географии, второй – экономической географии, а третий рассматривает Восточную Анатолию как вероятный театр военных действий.

УДК 913
ББК 26.89
В78

ISBN 978-5-907671-75-1

© М. Р. Рыженков, А. Д. Васильев, 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
ВОСТОЧНАЯ АНАТОЛИЯ И ЧАСТЬ ТУРЕЦКОГО КУРДИСТАНА	22
Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана. Часть 1-я	29
Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана. Часть 2-я	93
Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана. Часть 3-я.....	194
Приложения	334
Указатели	366
Список использованной литературы	397
Комментарии	398

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рукопись под заголовком «Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана» хранится в фонде-коллекции Турция (Ф. 450) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Рукопись представляет собой три тома общим объемом в 560 листов, в переплетах из зеленоватой кожи с богатым тиснением и золотым обрезом. Внешнее оформление, каллиграфический почерк, штампы на бумаге с вензелем Николая I – все свидетельствует о том, что рукопись была создана в 30–40-х годах XIX в. и, вероятно, представлялась на «высочайшее» рассмотрение. В описи фонда, составленной в 1950-х гг., дело ошибочно датировано концом XIX в., а также отмечено, что автор неизвестен. В то же время в составленном не ранее 1843 г. аннотированном перечне хранящихся в Департаменте Генерального штаба материалов за 1820–1843 гг., касающихся Османской империи., значится сочинение полковника Львова «Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана» в трех частях и «Сирия» в одной части.* Согласно отчету Департамента Генерального штаба за 1833–1834 гг.,** в эти годы на Ближний Восток был командирован подполковник Генерального штаба Львов, который представил по возвращении свой отчет о путешествии. Приложением к отчету была «Военно-расспросная карта Восточной Анатолии и части Турецкого Курдистана, составленная и поверенная по глазомерным съемкам главнейших дорог в 1834 и 1835 гг., полковника Львова»*** – печатный экземпляр на основе рукописной с раскраской карты. Все эти документы позволяют с уверенностью утвер-

* РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 529. Л. 33 об. – 36.

** РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 222. Л. 28.

*** РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 405.

ждать, что публикуемая рукопись есть результат служебной командировки 1833–1835 гг. полковника Львова по заданию Департамента Генерального штаба. Чтобы правильно понять роль этого учреждения в создании описания «Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана», нужно обратиться к истории русского Генерального штаба.

Еще с XVIII в. – времени создания регулярной армии в военном ведомстве России стала формироваться квартирмейстерская служба, в задачу которой входили изучение театров военных действий, разработка маршрутов движения войск, составление военно-топографических описаний и карт. В 1763 г. весь корпус офицеров-квартирмейстеров получил наименование Генерального штаба. В отличие от современного значения этот термин обозначал не одно из высших военных учреждений, а как бы род войск. Офицеры Генерального штаба во время войны прикомандировывались к штабам частей и соединений действующей армии для выполнения, в числе прочих, военно-научных работ. В 1796 г. Павел I упразднил Генеральный штаб, учредив вместо него Свиту его императорского величества (е. и. в.) по квартирмейстерской части. Характер службы, однако, не изменился от перемены наименования, так как с развитием военного искусства становилась очевидной необходимость научного подхода к планированию боевых операций. Все большее значение придавалось всестороннему изучению театра военных действий, а вместе с этим и квартирмейстерской службе. В 1827 г. был вновь восстановлен Генеральный штаб.

В деятельности офицеров Генерального штаба на Востоке была своя специфика. Если для Европы XIX в. дело сводилось в основном к изучению вооруженных сил вероятного противника и уточнению топографических данных, то в отношении сопредельных азиатских государств необходимо было начинать с изучения физической географии. Крайне скудными были сведения о народах Востока, их быте, хозяйственной жизни, религии и языках. Таким образом, офицерам Генерального штаба на Востоке приходилось выполнять задачу исследователей-географов, а иногда и первооткрывателей. Постепенно формировалась отрасль военно-научной деятельности, которую можно назвать военным востоковедением. На выдающуюся роль

офицеров Генерального штаба в изучении, в частности, Ближнего Востока обращал внимание в своем обобщающем труде известный историк отечественного востоковедения Б. М. Данциг.*

Период времени, прошедший после окончания русско-иранской 1804–1813 и русско-турецкой 1806–1812 гг. войн и до начала войн с Персией 1826–1828 и Турцией 1828–1829 гг., был знаменательным этапом в истории военного востоковедения в России. За этот период в области знаний о Востоке военными был достигнут прогресс больший, чем за предыдущее столетие. Этому способствовало несколько обстоятельств. Во-первых, был накоплен опыт военных действий на азиатских границах, который, собственно, и вызвал к жизни военное востоковедение. Во-вторых, стала значительно активнее внешняя политика России на Востоке, а, следовательно, возросла потребность в точной информации о соседних азиатских государствах. В-третьих, усовершенствовалась система военного ведомства, упорядочилось управление квартирмейстерской частью с ее военно-научной функцией. Следует также отметить и возросший образовательный уровень русского офицерства после Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов 1813–1814 гг.

В 1820 г. начальник штаба 2-й армии, располагавшейся на Юге России, генерал-майор П. Д. Киселев составил записку «О необходимости и возможности в мирное время собрать топографические сведения о турецких районах», в которой предлагал: «1) Отправлять офицеров квартирмейстерской части, особенно из греков и молдаван, с купеческими караванами, следующими из Бухареста; 2) Отправлять курьерами в Константинополь квартирмейстерских офицеров, коим поставить в обязанности в оба пути составлять замечания свои и секретные маршруты; 3) При министре в Константинополе иметь квартирмейстерского офицера для собирания топографических материалов; 4) Увеличить в Европейской Турции число консулов и вице-консулов, и предпочтительно назначать на эти должности офицеров, как квартирмейстерских, так и инженерных»**.

* Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 147.

** Там же. С. 150.

С начала русско-персидской войны 1826–1828 гг. согласно приказу начальника Главного штаба е. и. в. в штабах частей и отрядов велись журналы военных действий. Приказ обязывал вносить в эти журналы все сведения о передвижении войск – как своих, так и неприятельских, давать обзор местности, занятой войсками, обращая внимание на характер населения, его основные занятия.* Таким образом возникали подробные обзоры всех сколько-нибудь значительных политических и военных событий, происходивших в Персии и Азиатской Турции. Это позволяло русскому командованию правильно ориентироваться как в период военных действий, так и в ходе мирных переговоров. Собранные материалы имели не только сиюминутное значение – они позволяли существенно расширить круг востоковедных знаний, способствовали дальнейшему развитию военно-научной деятельности.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. дала новый импульс развитию военного востоковедения. Еще с 1826 г. в Главном штабе е. и. в. интенсивно собирали подробные сведения о Турции. Из отдельных донесений составлялись обзоры, содержащие информацию о военных приготовлениях турецкого правительства, о сосредоточении турецких войск в европейских областях империи под предлогом борьбы с греческими повстанцами. Вместе с тем война показала, что европейский театр военных действий оказался известен куда лучше азиатского, что послужило, среди прочих, причиной слишком осторожных действий корпуса И. Ф. Паскевича в Закавказье. Изучение Турции, проводившееся во время войны, было продолжено и в мирное время. В марте 1830 г. главнокомандующий действующей армии И. И. Дибич сообщал военному министру: «Пользуясь настоящими мирными отношениями с Османской Портой, представляющими возможность при взаимных сношениях собрать сведения о некоторых областях сей империи, несколько офицеров Генерального штаба отправлены были по моему приказанию в разных направлениях для обозрения края и составления описаний оного с присовокуплением сделанных ими замечаний»**. Речь шла опять же о европейской

* РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4292.

** РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4479. Л. 381.

части, но большой и разнообразный материал дало русско-турецкое разграничение в Закавказье после Адрианопольского мира, проводившееся офицерами Генерального штаба, и участие русских офицеров в турецко-персидском разграничении.

На основании накопленных в период войн в Азии материалов были написаны обобщающие работы. Полковником Н. И. Ушаковым была написана «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах» в 2-х томах. Книга выдержала два издания. Уделяя главное внимание боевым операциям, автор, тем не менее, отмечал: «С другой стороны, описание кампаний против азиатских наших соседей требует хотя краткого начертания тех стран, где происходили военные действия, ибо без этого изображения нельзя в точности постигнуть и оценить, как самые усилия и труды войск, так равно и важность распоряжений главнокомандующего. Здесь опять недостаток не только исторических и статистических, но даже и географических материалов может надолго остановить трудящегося, потому что большая часть нынешних читателей в справедливом любопытстве о землях малоизвестных, ожидает в подобных военных записках изображения не одних походов и сражений, но общей картины местности со всеми ее оттенками, сколько в описании природы, столько же и в начертании политического и нравственного быта народонаселения»*.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. отразилась на внутреннем состоянии Османской империи. Воспользовавшись поражением султанского правительства, правитель Египта, вассальной турецкой территории, паша Мухаммед Али начал открытую борьбу против султана. Осенью 1831 г. египетские войска под командованием сына правителя Ибрагим-паши начали военные действия против турок в Сирии. Через год египтяне овладели горными проходами Тавра и вторглись в пределы Анатолии. В декабре 1832 г. турецкие войска были разгромлены в битве у Коньи, а их командующий – великий визирь – взят в плен. Ибрагим-паша угрожал уже непосредственно столице Османской империи. В Петербурге пристально сле-

* История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг. Ч. 1, изд. 2-е. Варшава, 1843. С. XI–XII.

дили за успехами египтян, особенно тогда, когда военные действия стали приближаться к границам России. Николай I, не испытывая особо дружеских чувств к Османской империи, все же предпочитал видеть своим соседом слабого и нерешительного султана Махмуда II, к тому же испытывавшего на себе силу русского оружия, чем энергичного и сильного Мухаммеда Али. Поэтому, когда египетское наступление стало угрожать самому существованию Османского государства, царь решил вмешаться в конфликт на стороне султана.

В декабре 1832 г. в Стамбул, а затем в Александрию был направлен в качестве специального посланника Николая I генерал-лейтенант Н. Н. Муравьев (впоследствии Муравьев-Карский). Поручение, данное ему лично царем, заключалось в следующем: поддерживать Махмуда II обещанием военной помощи в случае необходимости; угрожая этим Мухаммеду Али, заставить его прекратить военные действия против султана и вступить с последним в мирные переговоры. При этом царь заявлял, что он не собирается вмешиваться в сами переговоры и влиять на условия мирного соглашения между Турцией и Египтом. Главная цель России состояла в сохранении Османской империи, пусть и ослабленной территориальными уступками Египту. Переговоры Н. Н. Муравьева в Александрии формально завершились успехом: Мухаммед Али в присутствии русского генерала подписал приказ Ибрагим-паше прекратить военные действия. Однако, вернувшись в Стамбул, Муравьев узнал, что, хотя египтяне приостановили наступление, Ибрагим-паша держит свою армию в готовности для нового решительного броска. Сигналом к египетскому наступлению могло послужить восстание населения в Стамбуле или в каком-либо другом городе против власти султана, авторитет которого был сильно подорван военными поражениями. Отчасти это и произошло в Смирне, где занятию города египетскими войсками помешало лишь то, что при приближении Ибрагим-паши дипломатические консулы европейских держав демонстративно спустили свои флаги, выражая тем самым поддержку султанскому правительству.

В таких условиях Махмуд II, преодолевая сопротивление своих приближенных, обратился к России за обещанной военной помощью. В феврале 1833 г. в Босфор прибыла русская эскадра под командованием контр-адмирала М. П. Лазарева, а затем еще один отряд кора-

блей с десантными войсками на борту. Русские полки расположились лагерем на азиатском берегу Босфора в местечке Ункяр-Искелеси. Впоследствии в своих записках Н. Н. Муравьев так охарактеризовал сложившуюся тогда военно-политическую обстановку: «Странные события! Россия, природный и давний враг Турции, поддерживает упадающее царство сие, и Турция должна положить лучшие свои надежды на Россию!»* Это высказывание очевидца и активного участника событий как нельзя лучше отражает противоречивость возникшей ситуации. С одной стороны, Николай I вынашивал планы раздела ослабевшей Османской империи и не рассматривал русско-турецкую войну 1828–1829 гг. как последнюю. С другой стороны, в силу обстоятельств Россия второй раз за всю свою историю оказывалась военной союзницей Турции (первый раз это было в 1798–1799 гг. во время совместного участия обеих держав в антифранцузской коалиции). Военный союз был закреплен в том же 1833 г. договором, который был подписан прибывшим в Стамбул с чрезвычайными полномочиями А. Ф. Орловым и получил название Ункяр-Искелесийского. Договор был триумфом русской дипломатии на Ближнем Востоке. Египетские войска отступили из Анатолии, а русский десантный отряд покинул берега Босфора. Согласно уже турецко-египетскому мирному соглашению, за Мухаммедом Али осталась Сирия, которую султан формально предоставлял ему в управление. Было очевидно, что достигнутое на этих условиях равновесие является временным и неустойчивым. В случае возобновления войны Восточная Анатолия и Сирия могли стать театром военных действий, в том числе и для русских войск.

Первая попытка изучить вероятный театр военных действий была предпринята еще при отправлении миссии Н. Н. Муравьева в конце 1832 г. Вот что он писал позднее: «По воле его величества и с распоряжения военного министра был назначен для состояния при мне Гвардейского Генерального штаба полковник Дюгамель, которого, однако же, снабдили особенным наставлением, определившим занятия его, а мне велено было содействовать ему в исполнении возложенного на него дела. Дюгамелю поручалось на пути из Одессы

* Муравьев Н. Н. Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869. С. 47.

в Константинополь собрание сведений о положении турецких крепостей и о мерах, принятых для восстановления их после заключения мира с Портой. В Константинополе он должен был озаботиться собиранием сведений о состоянии турецких сил, как сухопутных, так и морских. Ему было сказано, что из Константинополя он будет мною отправлен в Египет сухим путем, чтобы обозреть действующие силы Турции, состояние Сирии, узнать о духе жителей ее и положении египетской армии. В Египте он должен был знать о морских и сухопутных силах Мегмет-Али-паши и о способах, какие он имеет для продолжения войны. Все сии сведения обязан он был доставлять прямо от себя военному министру, мне же предоставлялось сообразить данные ему поручения с обстоятельствами так, чтобы не подвергнуть его очевидной опасности».*

А. О. Дюгамель был не единственным офицером Генерального штаба, побывавшим в Турции в 1833 г. В списке русского десантного отряда значились: подполковник Генерального штаба Менд, капитаны Генерального штаба Давыдов и Вронченко, поручики Генерального штаба Болдырев и Дайнези.** Как сообщал в своем рапорте военному министру от 18 августа 1833 г. Н. Н. Муравьев уже из Крыма, они занимались сразу после возвращения в Россию обработкой материалов сделанных в Турции топографических съемок.*** В списке возвратившихся из похода офицеров Генерального штаба отсутствует фамилия М. П. Вронченко. Он получил после возвращения с Босфора особое задание, в соответствии с которым под видом секретаря русского консульства в Смирне путешествовал более двух лет по Малой Азии, сделав несколько поездок в различных направлениях. Маршруты его в общей сложности покрывают десять тысяч верст и охватывают огромную территорию, ограниченную на востоке линией Самсун – Токат – Адана. Результаты его исследований были позднее опубликованы.**** Вронченко писал: «Двухлетнее пре-

* Там же. С. 8.

** РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5326. Л. 101.

*** Там же. Л. 40.

**** Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии / Записки Военно-топографического депо. СПб. 1838-1840. Ч. III, V.

бывание в крае, конечно, недостаточно для обстоятельного изучения нравов и быта народа, кроме того, частная жизнь турок не всегда для иностранца доступна, она, однако, не столь непроницаема, как то воображают и пишут многие».*

Как было сказано выше, в Азиатскую Турцию был командирован и подполковник Генерального штаба Львов, который также представил по возвращении свой отчет о путешествии, но если работа Вронченко получила известность благодаря опубликованию, то работа Львова так и осталась в архиве в единственном рукописном экземпляре. Именно этот труд является предметом настоящей публикации. Регион исследования Вронченко ограничивался на востоке линией Самсун – Токат – Адана, а для исследований Львова эта линия обозначала западную границу, на востоке же рубежом служили пределы Персии. Кроме того, в сферу интересов Львова входила Сирия, описание которой в настоящее время опубликовано.**

Из формулярного списка 1837 г. полковника Генерального штаба Львова Петра Петровича,*** 35 лет от роду (т. е., исходя из даты составления списка, 1802 г. рождения), видно, что он происходил из дворян Тверской губернии. В документах он именуется еще как Львов 5-й в соответствии с армейской традицией различать однофамильцев и родственников в одной части по номерам, а не по инициалам. Существовал богатый княжеский род Львовых, но Петр Петрович к нему не принадлежал. В его формулярном списке отмечено отсутствие у него недвижимого имущества, как родового, так и благоприобретенного. Семья была небогатой и жила за счет службы. В одном из писем к генерал-адъютанту А. И. Нейдгарту (приложение № 6) Львов благодарит за ходатайство о назначении пенсии матери и малолетним братьям и сестрам. Очевидно, что мать Львова овдовела незадолго до этого, оставшись с младшими детьми без собственных средств к существованию.

* Там же. Ч. III. С. XV.

** Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 168–178.

*** РГВИА. Ф.395. Оп. 29. 1838 г. Д. 405.

Военная карьера Львова началась в 1820 г., когда он поступил колонновожатым в Свиту е. и. в. по квартирмейстерской части. Колонновожатые были в квартирмейстерской службе на положении вольноопределяющихся унтер-офицеров. В основном это была дворянская молодежь. Выполнение обязанностей колонновожатого требовало предварительного образования – знания математики, географии и фортификации. В формуляре не сказано, закончил ли Львов какое-либо учебное заведение, кадетский корпус или существовавшую с 1815 г. в Москве школу колонновожатых. Вполне возможно, что он получил домашнее образование, как и многие дворянские отпрыски. В первый офицерский чин прапорщика Львов был произведен в 1823 г., причем, как сказано в документе, 17 лет от роду. Здесь в формулярном списке содержится явное противоречие. Из этой записи следует, что он родился в 1805 г., хотя в этом же формуляре за 1837 г. указан его возраст – 35 лет. Курьез заключается в том, что в прошении об отставке, подписанном самим П. П. Львовым, содержатся те же противоречивые сведения о дате его рождения. Создается впечатление, что он автоматически перенес в прошение данные из формулярного списка. В послужных документах того времени подробно фиксировалось все, что касалось службы, а остальному, личному, придавалось куда меньшее значение. Сразу после производства в офицеры Львов был направлен в Главный штаб 2-й армии. В мае 1824 г. он был командирован в Бессарабию для топографических съемок, а в декабре 1826 г. за отличие по службе произведен в подпоручики. 27 июня 1827 г. Свита е. и. в. по квартирмейстерской части была переименована в Генеральный штаб, а в июле того же года Львова перевели в Санкт-Петербург с назначением в 3-е отделение Военно-топографического депо.

Во время войны офицеры Генерального штаба поступали непосредственно в действующую армию для штабной работы. В 1828 г. с началом русско-турецкой войны Львова прикомандировали к войскам Гвардейского корпуса, с которым он выступил в поход на Дунай. С 26 августа он участвовал в осаде Варны, 16 и 18 сентября – в сражениях против турецкого корпуса Омер-паши, после падения Варны – в преследовании разбитых турецких войск. За отличие в этих боях Львов был награжден золотой шпагой с надписью «За

храбрость» и орденом св. Анны 3-й степени с бантом. 29 октября он возвратился в Тульчин в распоряжение Главного штаба 2-й армии, а 1 января 1829 г. его перевели в гвардейский Генеральный штаб, т. е. он получил привилегии гвардейского офицера. 21 января Львов был назначен адъютантом главнокомандующего, генерал-фельдмаршала И. И. Дибича. С началом весенней кампании 1829 г. после форсирования Дуная Львов участвовал в сражении под Силистрией и в осаде этой турецкой крепости. За участие в знаменитом сражении у Кулевчи 30 мая он был за отличие произведен в поручики, а за бой на р. Камчик 6 июля награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. После подписания Адрианопольского мирного договора в сентябре 1829 г. поручик гвардейского Генерального штаба Львов получил уже первое самостоятельное задание. Он должен был проехать с депешами из Константинополя через Ангору, Сивас и Эрзерум в Тифлис к командующему на Кавказе генералу И. Ф. Паскевичу. Очевидно, что поездка, кроме официальной цели, носила разведывательный характер. За эту командировку Львов был награжден перстнем с алмазами и, «во внимание к особнным трудам в течение войны с Оттоманской Портой», годовым окладом жалования.

В 1831 г. Львов участвовал в подавлении польского восстания и за личную храбрость в сражениях с повстанческой армией был награжден орденом св. Анны 2-й степени и чином штабс-капитана. Но не только награды получил он за эту кампанию. 2 апреля 1831 г. в сражении при местечке Ливе он был ранен пулей в правую ногу с сильным повреждением кости. После двухмесячного лечения он вернулся в строй и 7 июня 1831 г. был назначен адъютантом к новому главнокомандующему – генерал-фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу. Почти через год, 10 апреля 1832 г., Львов переводится из Генерального штаба в лейб-гвардии гренадерский полк, оставаясь фактически адъютантом Паскевича, а 6 декабря того же года его производят в капитаны. 19 марта 1833 г. он оставляет адъютантскую должность и возвращается в Генеральный штаб, получив при этом чин подполковника.

Такова в общих чертах служебная биография П. П. Львова к 1833 г., т. е. к тому моменту, когда возникла необходимость в командировании офицеров Генерального штаба на Ближний Восток.

Так же как А. О. Дюгамель и М. П. Вронченко, Львов был достаточно опытным офицером, уже знакомым с внутренними областями Османской империи и имеющим навыки военно-топографических работ. О самой поездке формулярный список лаконично сообщает, что 22 июля 1833 г. он был командирован «по высочайшему повелению» в Азиатскую Турцию с особым поручением, откуда возвратился в С.-Петербург 4 июля 1835 г. Вместе с тем в архиве Департамента Генерального штаба сохранился целый комплекс документов о путешествии Львова, из которых 17 документов составители помещают в Приложении в хронологическом порядке. Эти материалы позволяют проследить весь ход путешествия. Так, из секретной инструкции (приложение № 4) узнаем, что Львов путешествовал под видом секретаря русского генерального консула в Египте А. О. Дюгамеля, которому он был формально подчинен на время командировки. По рапорту на получение необходимых для командировки книг, карт и геодезических инструментов (приложение № 5) можно судить о серьезной подготовке Львова к выполнению поставленной перед ним задачи. Из писем и рапортов, отправлявшихся из разных мест по ходу путешествия, узнаем как о маршруте Львова, так и о трудностях и опасностях, с которыми он сталкивался в пути. В Восточной Анатолии и в Сирии в это время было неспокойно. В Курдистане началась серия экспедиций турецких войск против непокорных курдов, а в Сирии, занятой египтянами, началось восстание местных жителей, вызванное попытками египетских властей изъять у населения оружие и провести рекрутский набор. И это на фоне неустойчивого баланса сил на линии египетско-турецкого разграничения, грозящего возобновлением войны. Львову приходилось порой отказываться от ранее запланированного маршрута или нанимать вооруженную охрану. Немалую помощь ему оказывал казак Кизлярского линейного полка Василий Густомясов, приданный ему еще в Тифлисе ординарцем и владевший турецким языком (приложение № 15). На некоторых документах имеются пометы, что их содержание было доложено и одобрено лично государем императором, который следил за ходом поездки Львова. В вознаграждение «отличного исполнения важной и опасной командировки» он был пожалован пожизненной пенсией в 2 тыс. руб. в год и произведен в полковники.

Над составлением карт и описаний Восточной Анатолии, Курдистана и Сирии Львов начал работать сразу после возвращения в Россию. В архиве сохранился доклад исполняющего обязанности генерал-квартирмейстера Главного штаба и директора Корпуса военных топографов генерал-лейтенанта Ф. Ф. Шуберта от 15 июля 1835 г., где говорится о том, что обработка материалов для составления карты путешествия осуществляется, но еще не завершена. Шуберт предлагал сопоставить материалы, собранные Львовым и Вронченко, до перенесения их на карту, поскольку Вронченко, по его мнению, заслуживает большего доверия как топограф. Однако рукой Николая I на полях доклада была написана резолюция, что сравнение обеих работ можно будет провести позднее, не ставя в известность авторов, «чтобы не обижать достойных офицеров»*.

Справедливости ради надо признать правоту Ф. Ф. Шуберта. В современных историко-картографических публикациях карта Львова оценивается довольно критически: «Являясь первой русской картой этой части Азиатской Турции, она, по отзывам пользовавшихся ей на местности, оставляла желать лучшего в части точности внутреннего содержания»**.

Обработка материалов съемок и составление окончательного текста описания заняли у Львова около двух лет. Его формулярный список не содержит каких-либо сведений о новых служебных поручениях за этот период, а из распоряжения военного министра и рапорта самого Львова мы узнаем о завершающем этапе работы (приложения № 16 и 17). В декабре 1837 г. полковник П. П. Львов подал прошение об отставке, в котором писал: «Ныне, хотя и имею ревностное и усердное желание продолжать воинскую Вашего императорского величества службу, но расстроенное здоровье, полученная в сражении против польских мятежников тяжелая рана и домашние обстоятельства, вынуждают с прискорбием оставить оную»***.

* РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1122.

** Басханов М. К. Графика пространств войны и мира: Османская империя в русской картографической традиции / Османская империя на русских исторических картах (1700–1917). Стамбул, 2023. С. 70.

*** РГВИА. Ф. 395. Оп. 29. 1838 г. Д. 405. Л. 6 об.

К прошению было приложено медицинское свидетельство, из которого видно, что ранение в ногу, полученное в 1831 г., давало себя знать. Таким образом, причина отставки с точки зрения состояния здоровья вполне понятна. Что касается «домашних обстоятельств», то здесь архивные документы не вносят ясности. Согласно формулярному списку, Львов был женат на дочери отставного гвардии прапорщика Марии Ладыженской, детей у них не было. Высочайшим приказом от 24 февраля 1838 г. П. П. Львов был уволен в отставку «за раную, с мундиром и пенсионом одной трети жалования». Это составило 566 руб. в год – сумма весьма скромная при отсутствии недвижимости и крепостных душ. В то же время он получал еще пожизненную пенсию за свою поездку на Ближний Восток. В прошении об отставке Львов указывал своим местом жительства С.-Петербург, но пробыл там недолго. В том же 1838 г. он вновь поступает на службу, теперь уже статскую. В течение двух лет, до 1840 г., он был губернатором в Витебске*.

Его статская карьера закончилась драматически. В РГВИА никаких сведений о дальнейшей судьбе П. П. Львова обнаружить не удалось. Но в недавно опубликованных фрагментах дневника М. А. Корфа (однокашника А. С. Пушкина по Царскосельскому лицей, успешного чиновника, государственного секретаря и члена Государственного совета), в записи от 11 марта 1840 г. говорится следующее: «Сюда пришло известие, что витебский гражданский губернатор Львов застрелился. Причина этому довольно скандальная. Львов служил прежде в военной службе и воспитывался в Пажеском корпусе. Товарищи его по школе рассказывали мне, что еще в училище всем известно было, что он от природы – полукастрат, т. е. хотя и имеет все принадлежности мужчины, но в размере, равняющемся почти нулю. И действительно, будучи уже почти 40-а лет от роду, он не брил бороды и говорил сопраном, как женщина или как евнух. При всем том, года три тому назад он имел дерзость жениться, и еще на очень хорошенькой и молодой девушке (Ладыженской), а тут, естественно, начали мучить его и ревность, и чувство бессилия. Наконец, мать жены, видя горестное его поло-

* Туркистанов Н. Губернаторские списки. М., 1894. С. 12.

жение, стала настаивать на том, чтобы они разошлись, что довело его до последней ярости. В сильном припадке такой ярости он покусился даже было резать свою жену, а когда его к сему не допустили, то он застрелился. В таком виде донесено об этом происшествии и Государю»*. Скорее всего, известие о самоубийстве витебского губернатора П. П. Львова соответствовало действительности, иначе Корф не имел бы повода для соответствующей записи в своем дневнике, тем более что сам факт был доложен императору. Но вот сведения о мотивах самоубийства вызывают сомнение. Во-первых, характеризуя физические ненормальности Львова, Корф ссылается на рассказы однокашников Львова по Пажескому корпусу. Но дело в том, что последний никогда не учился в Пажеском корпусе, как это следует из его формулярного списка. Если Корф ссылается на рассказы бывших пажей, то значит, речь шла о каком-то другом Львове, возможно, представителе княжеского рода, который имел больше оснований быть среди пажей. Во-вторых, интимные подробности личной жизни губернатора-самоубийцы вряд ли могли быть отражены в докладе на высочайшее имя, т. к. император Николай Павлович не был любителем таких скабрзностей, в отличие от Корфа, к тому же государь лично знал Львова как боевого офицера, следил за его путешествием по Ближнему Востоку, читал его донесения. Таким образом, источником для Корфа могли быть только сплетни, но никак не официальные документы.

Свой главный труд «Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана», который сам автор называет военным обозрением, он разделил на три части как в содержательном, так и в архивном смысле – каждая часть представляет собой отдельную единицу хранения с одинаковым внешним оформлением. Все части рукописи написаны ровным округлым почерком, принятым в военных документах 1820–1850-х гг., очевидно, писарской рукой. По содержанию первая часть посвящена физической географии, вторая – экономической географии, условно говоря, а третья рассматривает Восточную Анатолию как вероятный театр военных действий. В физико-

* М. А. Корф. Дневник за 1840 г. / Предисловие, подготовка текста к печати и комментарии И. В. Ружицкой; РАН. Институт российской истории. М.: Квадрига, 2017. С. 55.

географическом очерке описаны горы, долины, реки и озера, а также климат и природная растительность края. При этом Львов ссылается на сведения, почерпнутые у древних авторов, античных и средневековых, доступные ему из сочинений французского востоковеда, одного из основателей Азиатского общества (*Société asiatique*; 1822) Антуана-Жана де Сен-Мартена. Во второй части речь идет об исторических областях Восточной Анатолии, об административном делении и системе местного управления, об основных народах, населяющих край. Автор дает общую характеристику хозяйственной жизни и описания конкретных городов, которые он посетил во время своего путешествия. Раздел завершается описанием промышленности, сельского хозяйства и торговли края. Здесь автору, кроме собственных наблюдений, источниками сведений служили «Общее описание Оттоманской империи» Игнаса Мураджда д'Оссона* и «Повествование о путешествиях по Малой Азии, Армении и Курдистану в 1813–14 годах с замечаниями о походах Александра Великого и десяти тысяч греков» — сочинение британского путешественника Джона Макдональда Кинейра**. Раздел заканчивается очерком торговых отношений России с Персией и Турцией в Кавказском регионе и на Черном море, а также конкуренции с европейской торговлей.

Третья часть работы Львова в большей степени соответствует требованиям собственно военного обозрения. Здесь рельеф местности, пути сообщения и водные преграды рассматриваются с точки зрения движения войск и боевых действий. Причем предусматриваются два варианта военных действий: поход вспомогательного русского корпуса в помощь султанской армии против египетских войск или же выступление турецкой армии в качестве главного противника. От того или другого характера действий зависит как порядок движения войск, так и их снабжение и военно-медицинское обеспечение. Попутно дается сравнительное описание турецких и египет-

* *Tableau Général de l'Empire Othoman*. Paris, 1790.

** *Narrative of Travels in Asia Minor, Armenia, and Kurdistan in 1813–14, with Remarks on the Marches of Alexander the Great and of the Ten Thousand Greeks*. London, 1818 (Львов пользовался французскими переводами работ Кинейра. См. приложение № 5).

ских вооруженных сил. Данный раздел завершается глазомерным описанием восьми маршрутов с указанием расстояний и характера дороги на различных участках.

Оценивая работу П. П. Львова, следует отдать должное скрупулезности автора, его стремлению как можно полнее и точнее воспроизвести все детали увиденного во время путешествия. Вместе с тем описание не лишено и недостатков. Например, раздел, посвященный физической географии, написан недостаточно четко, изобилует неясными формулировками и терминами. Автор явно не обладал литературным талантом. Его язык далек от литературных образцов, его можно охарактеризовать как канцелярски вычурный с претензией на «ученость». Фразы порой построены так, что приходится по несколько раз перечитывать текст, чтобы понять смысл. Труд Львова не является легким, увлекательным чтением и не рассчитан на широкого читателя. Тем не менее описание является важным историческим источником по истории Турции и Ближнего Востока 1-й половины XIX века и в этом качестве заслуживает публикации.

Публикация осуществлена в основном в соответствии с «Методическими рекомендациями по публикации архивных документов в печатном виде» (Росархив. ВНИИДАД. М., 2022). Текст передан в современной орфографии с сохранением авторских стилистических и языковых особенностей. Части недописанных слов и восстановленные по смыслу слова, как и любые вставки в текст от составителей, заключены в квадратные скобки. Явные описки и ошибки текста устранены без оговорок, неисправности, имеющие смысловое значение (искажение слов, арифметические ошибки, описки, меняющие смысл слов), сохранены в тексте с оговоркой в примечании: «Так в тексте». Географические названия ввиду очень больших различий в их написании как в исторических документах (в том числе картографических), так и в литературе оставлены в тексте в авторской транскрипции и приведены в географическом указателе наряду с другими вариантами, включая современные, при наличии таковых. Населенные пункты Восточной и Центральной Анатолии пережили две, а в некоторых случаях и три волны переименований, и теперь сложно установить первоначальные наименования многих из них, упомянутых в тексте. Такая же ситуация с горами. Рельеф и тече-

ние рек сильно изменились в связи с масштабным строительством ГЭС на Тигре и Евфрате. Многие малые и средние реки и озера исчезли. Там, где это возможно, топонимы идентифицированы в географическом указателе. В конце каждой обособленной части текста приведены поисковые архивные данные: сокращенное название архива, номер фонда, описи, дела и части. Научно-справочный аппарат публикации составляют предисловие, подстрочные примечания (авторские и от составителей, что указывается курсивом), приложения и комментарии по содержанию, географический, именной и этнографический указатели. В комментариях много раз цитируется труд М. П. Вронченко «Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии» по первой его публикации в Записках Военно-топографического депо (СПб. 1838–1840. Ч. III, V). В тех случаях, когда предмет их со Львовым описаний совпадает, замечания Вронченко представляются существенным дополнением.

ВОСТОЧНАЯ АНАТОЛИЯ И ЧАСТЬ ТУРЕЦКОГО КУРДИСТАНА

Чтобы совершенно ознакомиться с краем и изучить все основные и частные его свойства, необходимо составить себе верное понятие как бы общего слепка всего наружного черепа, потом исследовать разнообразные виды его первозданных форм, изучить все принадлежности каждого отдельного участка и, наконец, представить край в настоящем его быте, сообразном влиянию народонаселения, большей или меньшей его деятельности, гражданского устройства, занятий и самых привычек жизни.

Труд такого рода может быть удовлетворительным только после продолжительных изысканий, основанных на математической точности чрезвычайно многих вспомогательных средств. Но кто знает способы путешествий, в особенности на Востоке, тот без сомнения согласится, что их наблюдения всегда ограничиваются мимоходными взглядами быстрых обозрений, которые ни в каком случае не могут иметь ни совершенной правильности, ни надлежащей полноты, ни самых выводов верного размера. Сведения, иногда чрезвычайно подробные в отдельных участках, разграничены слишком большими пространствами, и их связь есть угадочное соображение темных и запутанных показаний жителей. Если же довольствоваться тесным объемом одних виденных предметов, тогда замечания едва составят отдельные статьи географических материалов и будут чрезвычайно недостаточны для объяснения настоящих принадлежностей и общих свойств края. Впрочем, каждое путешествие почти всегда имеет определенную цель, и выводы положительной точности верных соображений возможны только в односторонних ученых изысканиях.

Нет сомнения, что и в военном смысле точность никогда не может быть излишней. Но там, где недостаток инструментальных съемок вынуждает ограничиться глазомерными и обозрениями, итоги собранных сведений руководствуются приблизительной и возможной верностью, и между тем они непременно должны показывать все условия основных принадлежностей их назначения. Цель и достоинство военного обозрения заключаются в быстром соображении характера края, верном объяснении его средств и мастерских абрисах основных его очерков. Это эскизы, которые могут быть не совсем точными в размерах, но они вполне должны выражать и общие формы, и каждый оттенок главных особенностей. Ограничиться частями—значит отойти от назначенной цели, ибо высшие военные соображения всегда основываются не на частных изменениях, но на настоящих знаниях и самом правильном обзоре целого объема театра действий.

Сеть глазомерно снятых дорог с помощью нескольких основных астрономических пунктов есть настоящий начальный скелет этой работы, и линии маршрутов заслуживают здесь чрезвычайной важности не по одному изложению местных подробностей, но как более или менее верное основание общей связи средних пространств. Промежутки эти должны вмещать, по крайней мере, те резкие черты, которые на каждом абрисе означают общие тени его выпуклостей или впадин. Пересекая разнородные ветви потоков и всю систему подразделения гор, снятые дороги составляют здесь как бы линии многоугольников, по которым обыкновенно перерисовываются планы, сами собой они едва означают общую канву относительных размеров, но пополненные в средних пространствах, представляют, по крайней мере, общие очерки изображения края. Верность и прямота военных понятий, особенно в гористом краю, находится под непосредственным влиянием характера местности и всегда зависит от настоящего знания главных его принадлежностей. Воевать по линиям или основать весь расчет стратегических соображений по одному размеру циркуля возможно только в теоретических уроках первых начал, и никогда несбыточно на самом деле. А потому, действуя сообразно этим понятиям, я полагал себя не в праве ограничиться теми очерками местности, о которых мог

судить как очевидец, цель военных обозрений составляла настоящий смысл моих занятий, и их главными итогами я представляю военно-расспросную карту, в размере 20 верст в английском дюйме, и при ней общее описание края. Для настоящей отчетливости, как неперемennого условия каждого труда, считаю необходимым обозначить со всей подробностью положительную степень верности каждого наблюдения, основные материалы этих работ и самый способ их составления.

Все собранные мною сведения могут быть разделены на частные и общие; к первым принадлежат: глазомерные съемки дорог, в размере 2-х верст в англ. дюйме, их подробные описания, планы окрестностей, городов и статьи об отдельных участках местности; общие же сведения есть свод этих первых материалов, дополненный рассказами жителей края, сравнительными выводами замечаний, взятых с разных сторон; весьма важными пособиями топографических работ, сделанных во время последней войны и, наконец, немногими из наблюдений, заимствованных из армянских преданий Моисея Хорена (*Géographie attribuée à Moïse de Choren*),¹ описаний Армении Св. Мартена,² сочинения Охсона (*Tableau de l'Empire Othoman par D'Ohsson*),³ английского путешественника Кинеира (*Kinneir*)⁴ и, притом, Страбона и авторов походов Ксенофонта и Александра. Проекция меридианов расспросной карты сделана в Военно-топографическом Депо. Первая ее сеть образовалась по точкам астрономических наблюдений берегов Черного моря карты Готье; Александреттского залива карты Аровсмита; * Самсун, Амасия, Токат, Кесарея, Девели-Карагисар, Энихан и Адана назначены по наблюдениям полковника Вронченки; Арзерум, Байбурт и Кеклык-Чефлык по наблюдениям капитана Бырдина,⁵ сделанным во время последней войны; Диарбекир и Алепп согласно таблицам *connaissance des temps* и, наконец, Сивасс, Альбистан и Мараш по приблизительным определениям разности времени и взаимных расстояний.

Все снятые дороги предварительно назначены линиями различных направлений бусоли, и там, где расстояния не совершенно

* Имеются в виду французский картограф Пьер-Анри Готье и британский картограф Джон Эрроусмит – (прим. сост.).

приходились к размеру астрономических пунктов, они увеличивались или уменьшались пропорционально общей ошибки; впрочем, самая большая разность не превышала 15 верст ошибки на 100 верст расстояния. Имея, таким образом, первую сеть и связь главнейших дорог, пустые пространства наполнялись согласно расположению различных ветвей главных потоков и общего разделения горных отраслей. Работа эта, без всякого сомнения, имела настоящим основанием расспросы жителей, но сверх того, должно заметить, что, будучи в краю во время ранней весны и поздней осени, я всегда видел верхние гребни гор покрытыми сплошными снегами, что чрезвычайно облегчало общую верность замечаний, ибо тогда главное разделение отраслей обозначено резкими чертами, приметными даже на самых дальних расстояниях. Потом, следуя показаниям жителей и наполняя промежутки маршрутов различного рода подробностями, я старался, сколько возможно, удержать главный характер местности; с этой целью я не назначил прямыми линиями, но напротив того, во всех изображениях изгибов рек и самых принадлежностях волнистых скатов старался подражать их природным изменениям. Мне хотелось представить край в главном эскизе, и потому я искал общих его очерков и принимал подробности как условные знаки выражения.

Представляемая карта есть первый брульон, и, составляя ее по частям, я должен был означить крутости снежных хребтов в настоящей темноте рисунка, ибо иначе невозможно было бы удержать взаимных отношений. Весь объем этой карты образовался от соединения отдельных участков более или менее значительных пространств, определенных по военным расспросам и ограниченных линиями снятых дорог; положительную верность могут иметь только эти глазомерные съемки, но между тем местность, не слишком от них удаленная, как я полагаю, соединяет непременно все принадлежности основных ее свойств; не совсем же надежными участками можно считать только те, которые, будучи расположены в дальних расстояниях, определялись по одним сравнительным показаниям жителей. На объяснительном сборном листе карты они покрыты желтым цветом; дороги снятые отделены от расспросных и, наконец, работы офицеров Кавказского корпуса обозначены розовой краской.

К числу не совсем надежных пространств в особенности принадлежат гористая часть древней Киликии или южные обрывы настоящего Ахур-Дагы между Марашем и дорогой из Кесареи в Адану; большая часть Лазистана; весь объем степей на юго-восток от Мардына и, наконец, полоса гористого края между равнинами Бин-Гёль (тысяча озер) и руслом Мурад-чая. Впрочем, вообще все собранные мною сведения едва могут служить первой основой общих понятий об крае, и представляя настоящие работы необходимым потребностям военных занятий, я считал бы чрезвычайно полезным удержать один экземпляр карты собственно в одних очерках снятых дорог, дабы пустые пространства пополнялись с постепенным сводом новых и столько же положительных материалов. Для совершенного же знания края необходимо было бы присоединить подробные обозрения недостаточно определенных пространств и всего объема окрестностей Ванского озера и его восточных берегов до пределов Персии и степей Багдада. Этот вполне неизвестный край представляет еще обширное поприще чрезвычайно любопытных наблюдений, и, заслуживая особенной важности собственно в ученом смысле, он требовал бы верных изысканий, основанных на самой положительной математической точности.

После карты необходимо перейти к описаниям как сведениям, составляющим настоящее основание более или менее верных понятий о крае. Они разделены мною на три главных отдела. В первом я ограничился собственно географическими описаниями края; здесь изложены общие очерки внешнего вида; горы с подразделением их отраслей, главные свойства их строения и самого грунта земли, значительнейшие равнины, потоки вод, главнейшие озера, изменчивость климата и средоточия богатства растительности.

Вторая часть есть отдел статистических сведений, в ней заключаются: общее политическое разделение страны, разнородность жителей, имеющих постоянные жилища, и племена кочевых народов, частные описания их быта, религия и гражданское устройство, главнейшие города и принадлежащая им промышленность, пути сообщений, торговля всего края и отдельные статьи подробного изложения торговли Трапезунда, Алеппо и Тарсуса, и, наконец, общие выводы главных соображений о настоящем положении страны.

Третья часть посвящена исключительно военным сведениям; они заключают частные изложения свойств горных хребтов, течения главных рек и расположения дорог в настоящем смысле военной географии. Участки края, заслуживающие особенной важности по главнейшим средоточиям богатых средств продовольствия. Общие предварительные меры, необходимые для большей прочности военных действий. И наконец, главные соображения наступательных и оборонительных действий от пределов Грузии и берегов Черного моря, в смысле вспомогательного корпуса, посланного на помощь турецкой армии, или на случай самого разрыва с Турцией.

Следуя такого рода разделению, я старался, сколько возможно, быть отчетливым; главные выводы соображений были основаны на самых виденных мною предметах; рассказы жителей принимались только после строгой разборчивости, несколько раз подтвержденных показаниях. Сочинение Охсона (*Tableau général de l'Empire Othoman par d'Ohsson*) служило мне богатым материалом в объяснениях настоящего разума понятий религии, гражданского устройства и вообще очерков нравственного быта жителей. Извлечения из обозрений капитана Чесней,⁶ дополненные сведениями, взятыми от его помощника капитана Ленче⁷ (в бытность мою в Антиохии), я принял для объяснения предприятий англичан на Евфрате и частных описаний всего пространства этой реки от Блисса до Персидского залива. Путешествие Кинейра доставило дополнительные сведения в описаниях Тигра и дороги от Битлиса через Мердынь до Джизирет-ель-Омар. Впрочем, Тигр и Евфрат вошли в черту моих обозрений только верхними ветвями их истоков, и я воспользовался посторонними материалами для описаний тех участков, о которых не мог судить как очевидец; по возможности полное описание столько знаменитых рек мне казалось необходимым. Сверх того, я руководствовался в некоторых случаях сочинением Св. Мартена, Страбона и авторами походов Александра и Ксенофонта*.

Но этими немногими сочинениями ограничиваются все вспомогательные мои пособия. Край этот еще и по сие время дурно

* Имеются в виду сочинения античных авторов, описывавших Малую Азию: Анабасис Ксенофонта, География Страбона, Естественная история Плиния Старшего и Поход Александра Арриана (*прим. сост.*).

известен Европе; его посещали многие путешественники, но каждый из них имел свою одностороннюю цель, дороги были проезжимы только по направлениям главных караванных путей, и общая недоверчивость жителей уничтожала почти всякую возможность открытых расспросов и настоящих наблюдений. И все его описания наполнены самыми грубыми ошибками. А потому, не увлекаясь желательною полнотою, я предпочел представить край таким, как я его видел и каким казался он в моих понятиях; и если общие итоги моих наблюдений обозначат хотя начальный абрис главных принадлежностей страны, тогда, не жалея о недостатках полноты и подробностей, я сочту себя совершенно удовлетворенным. Цель глазомерных обозрений не превышает этих назначений.

Оглавление первой части

Общие очерки внешнего вида. Горы с подразделением их отраслей. Главнейшие свойства строения гор и самого грунта земли. Значительнейшие равнины. Ровная плоскость окрестностей Арзерума. Бин-гэль-яйла или равнина тысячи озер. Равнины Ул-ова и Куз-ова в окрестностях Карпута. Равнины Юлдус-Ирмака и Мерикун-яйла. Ровные плоскости окрестностей Альбистана и Кесареи. Низменная плоскость древней Киликии или равнины Аданы, Тарсуса и Паяса. Потoki вод, главное свойство их течения и местность долин. Описание Евфрата и четырех главных его рукавов Фират-чая, Кара-су, Мама-Хатун-су и Мурад-чая. Предположения англичан насчет устройства плавания паровых судов по Евфрату для прямого сообщения с Индией и собранные по этому предмету сведения. Описание Тигра и его главных притоков. Чорох. Потoki, впадающие в Черное море на запад от Чороха и общее описание морского берега до устья Екиль-Ирмака. Екиль-Ирмак с его главными протоками Кулей-Гисар-су и Токмак-су или Токмак-Дереси. Часть Кызыл-Ирмака. Потoki восточных утесов Средней Террасы. Реки южных утесов Тавра, Гек-су, Джейхан-чай, Шейгун-чай и Тарсус-чай. Главнейшие озера. Общие очерки изменчивости климата и средоточия главнейших богатств растительности.

Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана

Часть 1-я

Общие очерки внешнего вида, горы с подразделением их отраслей, главные свойства их строения и самого грунта земли; значительнейшие равнины; потоки вод, главнейшие озера; изменчивость климата и средоточия богатства растительности.

Общие очерки внешнего вида

Весь полуостров Малой Азии, обставленный различными рядами гор, покрытый отдельными группами высоких холмов и прорезанный глубокими оврагами рек, в общем объеме его внешнего вида представляет от самых берегов Архипелага весьма приметный и в некоторых местах крутой подъем к той непрерывной цепи возвышений, которая, идя от владений Китая через Тибет, обе Бухарии, Кабул, Кандагар и Хорасан, опоясывает всю середину материка и постепенно сливается с пологостями Арарата. Западная часть этого ската, образуя высокую площадь окрестностей Арзерума, составляет главную вершину разделения истоков и как бы последнюю оконечность общего гребня возвышенности, опирающуюся на разнообразные откаты горных ветвей Малой Азии. К востоку она идет почти ровной чертой волнистой поверхности, но с южной и западной стороны оканчивается крутым скатом, который, образовав главный уступ общей громады, стелется обширной ступенью плоских степей. И равнины Сиваса, Кайсери, Ак-Сарая и Кони, расположенные у подножия высоких отрогов – главной возвышенности Арзерума, еще значительно подымаясь над поверхностью моря, составляют террасу, которая ограничивается к югу утесистыми обрывами Таврских гор; идет на левой стороне Евфрата высоким хребтом продолжения Джебель-ель-Немруд, минует истоки Тигра и южнее озера Вана после нескольких спусков постепенными пологостями теряется в степях Багдада и Сирии.

Поверхность ее является в самых разнообразных и неправильных видах. Она обставлена по разным направлениям подразделениями ветвей, представляющих или груды утесов, раскинутых на удачу, или округлые выпуклости холмов, которые образуют разнородные группы и тянутся рядами плоских возвышений, везде разграничивая беспрерывные площадки отдельных равнин. Быстрые потоки рек с крутым наклоном их русла глубоко прорезывают весь объем террасы и в местах твердых каменистых пород образуют как бы расселины гигантской груды скал, но с уменьшением упорности материальных частей слоев они образуют широкие долины с обыкновенными осыпями берегов и их плоскими откосами. Южная граница террасы или гребень вершин Тавра на всем протяжении Средиземного моря и рубежа древней Киликии, имея с севера только слабый и малоприметный подъем, оканчивается крутым утесистым обрывом, который, сливаясь с берегами долины Евфрата, снова возрождается на левой его стороне, тянется уступами оконечностей горных ветвей и, приняв направление от Бесни к Серету, постоянно разграничивает нагорную часть края от низменностей поморья и степей.

Древние давали название Таврских гор всей массе средней возвышенности Азии, в смысле греческого слова *Tauroi*, означающего несоразмерную огромность, и Страбон, объясняя протяжение хребта от берегов, противоположных острову Родосу, до восточных оконечностей в Индии и Скифии, разделяет по ним всю Азию на страны северные и южные*. Главное основание его очерков везде имеет отчетливую верность уроженца края, но что касается до частных подробностей подразделения гор, то все оставшиеся творения Ератосфена, Квинта Курция, Арияна, Геродота, Ксенофонта и самого Страбона представляют самые темные и запутанные понятия. Ограничиваясь вообще одними наименованиями массы высот, они дурно объясняют плоскую возвышенность середины полуострова, прини-

* Страбон, том 4 французского перевода, страница 176, замечание 2. Исчисляя общее протяжение хребта Тавра, Страбон считает по параллели острова Родоса: от Родоса до Исса 5000 стадий. От Исса до ворот Каспийских 10 000. От сих последних ворот до верховья Инда 14 000. От Инда до устья Ганга 13 500 стадий. От устья Ганга до восточной оконечности гор 2500. Всего 45 000 стадий. Считая стадии по 700 на каждый градус (*прим. авт.*).

мают уступы террасы за хребет, пересекающий Евфрат и, назначая почти всем его отрогам основное направление к северу, совершенно противоречит расположению общего ската.

Впрочем, неясность изложения древних писателей выражается всей сложностью итогов настоящих знаний. Новейшие географы, не имея положительных сведений об этом крае, употребляли до сих пор все возможные усилия, чтобы объяснить показания древних и, между тем, на всех существующих картах горы являются во всем разнообразии произвольных идей. Притом, начиная описание хребта с откатов предгорья, древние часто впадали в грубые ошибки и даже обыкновенные обрывы нагорных берегов часто смешивали с главными чертами основных кряжей. Между тем весьма естественно, что разнородные подножия горных твердынь не только не сохраняют систематической правильности расположения станových гребней, но, будучи под большим влиянием воды, представляют все разнообразие постепенных осыпей или наносных возвышений. Для верного распределения всех выпуклостей земной поверхности необходимо отделить нижние полости основания от настоящих откатов самых хребтов и непременно следовать течению рек, составляющих их природные рубежи. А потому при описании гор во всех подробностях их разделения кажется более основательным начать с высокой площади окрестностей Арзерума как настоящей вершины всей Анатолии, составляющей средоточие разделения вод между морями Черным, Каспийским, Средиземным и Персидским заливом.

Горы с подразделением их отраслей

Обширная равнина, на которой расположен Арзерум, окруженная пологими скатами, примыкает к разнообразным группам плоских холмов, обозначающих частные переливы верхней черты главной возвышенности. И одна из групп вблизи самого города по направлению к Батуму, принимая название Гияур-дагы, разграничивает с одной стороны истоки Чороха и с другой—правого или западного рукава Евфрата, известного между турками под именем Фират-су. От нее к северу тянется хребет Ахалцийский (Мосхийских гор), который, сливаясь с Кавказом посредством Имеретинских гор, своими отраслями образует утесистые берега верхней

части Лазистана и пологие скаты Гурии. Более на восток, перейдя Грузинскую дорогу или Джуржибогаз (Грузинское ущелье), продолжение вершин Гияур-дагы, называясь Саганлу-дагы, отделяет воды Аракса и Куры и составляет на север горы Самхетии с их отрогами Безабдала и Аз-биюка. Несколько южнее Арзерума высокая гряда Палан-Тукан-дагы, гребень основной выпуклости, тянется к востоку до подножий Арарата сначала под именем Карагёль, Зернак-Калеси и Алладагы и потом под общим наименованием Аггер-дагы или древнего Массиса*. Утесистые его откаты образуют на юг значительный хребет Кешмюр-дагы, который, обогнув истоки Мамахатун-су (среднего рукава Евфрата) при возвышенной площади Бин-Гёль (тысяча истоков), принимает название Музур-дагы и идет правым берегом Фират-су до самого ее соединения с Мурад-су или восточным и главным рукавом Евфрата.

От хребта Аггер-дагы левее Арарата, на одной высоте с Диатином, к югу отделяются горы Небада или Небадагана (древнего Нифата), которые, обозначив истоки Мурад-су, делятся на два высоких хребта; из них первый идет на юго-восток и составляет кряж Курдистанских гор, известных в древности под названием Mont-Lagros и Бактиарских. Второй же, следуя берегом долины Муша, огибает озеро Вана горами Гертюшли-дагы и, составляя близ Бидлиса вершины Джебель-ель-Немруд (горы Немврода), тянется на запад по направлению к Чермюлику. Хребет этот в окрестностях Арганы-маден (рудокопень Арганы), представляя каменистые гребни Меграпп-дагы, разграничивает истоки Тигра и, принимая далее название Девебоюн-дагы, Кегван-дагы и Сарымышь-дагы, оканчивается крутым обрывом, образующим несколько южнее Изо-Оглу, теснину Евфрата, известную между турками под общим наименованием Каджуклы-богаз.

За ним горы Джебель-ель-Немруд и потом Меграпп-дагы, сливаясь с южной стороны с степями Сиверика, Диарбекира и Мардына, идут зубчатой стеной от Чшермюлика к Аргане, Серту или Серету на юге Ванского озера и везде опираются на плоскость

* *Memoires historiques et geographiques sur l'Armenie* par M. S. Saint-Martin. Mos. Khor. P. 122 (*прим. авт.*).

обширных равнин, занимающих все пространство левого берега Евфрата от Урфы к Мосусу и далее до границ Персии. Степи перерезаны только небольшими уступами общего спуска, и один из главнейших, отделяясь от подножия высокой вершины Хазар-баба, принимая название Караджа-даг-Лара, идет от Диарбекира совершенно пологим и едва приметным скатом, но к Сиверику образует крутой обрыв ступени, продолжающийся к востоку до самого Тигра; здесь, после крутого поворота на юг, горы тянутся грядой Сенджар-дагы, разграничивающей пустыни Багдада.

С северной стороны продолжения Джебель-ель-Немруд или Маграпп-дагы, принимающих названия Девебоюн-дагы и Кегван-дагы, крутые скаты составляют высокий утес нагорного берега, сначала долины Муша и потом обширной низменной долины Карпута (Уль-Ова); а за оной в углу соединения обоих рукавов Евфрата является как бы отдельная громада скал Кабан-маден (рудокопень Кабан) или Джегер-дагы. Соединение ее с остальной массой гор почти неприметно, и только небольшой перевал по дороге из Карпута в Изо-Оглу обозначает этот ничтожный перешеек. От него на северо-восток скаты более округлые и более плоские, составляя подножия гор Кабан-маден, образуют высоты Карпута, и за оными возвышенную площадь равнины Куз-Ова, ограниченную с трех сторон небольшими рядами возвышений Мерджулим-дагы и Харысит-дагы.

Таково общее разделение гор левой стороны Евфрата, начиная от Фират-су или западного ее рукава. Вдоль правого берега реки от вершин Гияур-дагы плоский ряд возвышений тянется между Байбуртом, Аш-кала и Каракулаком, сначала под названием Копт-дагы, и потом Аглу-Оглан, образуя далее хребет Альма-дагы, который, обогнув равнины Сюнюр-Ова вблизи Кеклык-Чефлыка, разграничивает истоки восточного рукава Чмороха и сливается на западе с каменистою грядой Гемин-бели и Тешимиз-бели, расположенных на верховьях Кулей-Гисар-су. От них к югу идут горы Ерзенгама или Софкер-дагы, на север же они составляют хребет Гюмюш-Ханы с его восточными отрогами утесистых обрывов Лазистана или Хорос-дагы и Оф-дагы, идущих к Трапезонду высокою грядой Кулаат-дагы, которая, минуя вершины Каракапана, принимает назва-

ние Заада-дагы. С другой стороны от гребня высот, расположенных над городом Гюмюш-Ханы на северо-запад, отделяются две отрасли, идущие до самого устья Екиль-Ирмака, или древнего Ириса, почти параллельно берегам Черного моря. Первая из них, принимая название Сысс-дагы, Казан-кая и Кочбой-нези-даг, составляет два значительных мыса Вона и Иорос, и образует на своем гребне вершины Кох-Гио-вар и Чекрак-Тепе. Вторая, служа разделением вод Кулей-Гисар-су и Тершии на всем протяжении, сохраняет название Каябоюз-дагы.

Западнее твердынь Ерзингамских или Софкер-дагы, горы Дерелли-дагы, идя сначала левым берегом Кулей-Гисар-су образуют на высоте Диверика истоки Кызыл-Ирмака, или древнего Галиса. И две обширные долины этих рек, глубоко прорезывая поверхностный череп земли, обозначают утесистый кряж, идущий прямо на запад под именем Янин-дагы в окрестностях Ендереса, Камлы-дагы, или кровавых гор, вблизи Сивасса и, наконец, Юлдус-дагы, между Токатом и Сивассом, где хребет принимает название высокого конуса снежной вершины горы Юлдус-даг (гора Звезды). От гор Камлы-дагы на северо-запад отделяется небольшая отрасль, которая, образовав долину Тазанлы-су, простирается к Туркалу и слабыми пологостями сливается в окрестности Амазии. Самый хребет Юлдус-дагы, сближаясь с Иосгатом, после крутого поворота простирается к Османджику, где, приняв направление на северо-восток, огибает истоки Екил-Ирмака и оканчивается плоскою низменностью помощи между Бафры и Чмаршенбека. Названия его впоследствии изменяются согласно различным наименованиям его частных вершин; но вообще он известен близь Иосгата под именем Ак-маден-дагы, и в окрестностях Османджика, Делекли-бели. Горы эти, опираясь на всем протяжении южного ската на обширную площадь возвышенной террасы, средины полуострова, составляют ее северный рубеж и, вместе с тем, высоты правого берега Кызыл-Ирмака.

Хребет Дерелли-дагы, от родников этой последней реки, идет на юго-восток, представляя гигантские громады скал, которые, образовав ущелье Диверика, простираются к Егине и Арабкиру (под названием Егин-дагы и Арабкыр-дагы) и отвесными утесами оканчиваются у самого русла Евфрата. Но более на запад, теряя резкий

характер своих очерков, горы тянутся вдоль левого берега Кызыл-Ирмака и, сливаясь с одной стороны с рядами плоских возвышений самой террасы, образуют на юг постоянную черту крутого ее спуска, идущего от д. Аладжа-хан к д. Сюргун, где турки называют ее Акжадагы. Начальный гребень этого уступа, состоя большею частью из обнаженных скал, прорытых глубокими оврагами Куру-чая и Токмак-су, вместе с понижением одевается слоями земли, и, принимая разнообразные виды волнистого ската, составляет к Малатии обширную плоскость долины. Часть же высот террасы, вдаваясь в долину Малатии, ограничивает ее с южной стороны грядою Кестер-дагы и потом Биджак-дагы (древнего Амануса), которые, будучи отделены от главной массы Ахур-дага, или собственно так называемого Тавра, реками Гёк-су и Пунарбаши-чай, простираются до ущелья Коджуклы-богаз, образуя северными отрогами остроконечную вершину Малакан-дагы, и с южной стороны гребни Еркенек-дагы с перерезанными скатами окрестностей Гель-баши.

От них на запад высокий гребень Ахур-дагы (Тавра) представляет ряды возвышений, которые, огибая равнину Альбистана, постепенно сливаются с поверхностью террасы и оканчиваются на юг почти отвесной стеною с разнообразными грядами подразделения ее отрогов. Этот крутой обрыв, составляя рубеж возвышенной площади средины Анатолии, идет сначала к Марашу и потом, прорезанный тесным ущельем Джейхан-чая, тянется севернее Сиса и грядою гигантских утесов упирается на самое русло Аджемиз-чая. Горный поток, который, скрываясь в ущелье Камышлы-богаз под обрушившимися скалами, снова выходит на равнину Аданы под именем Шейган-чая (Адана-чай).

Верхний гребень уступа со стороны Кайсери, простираясь пологими откатами до подножия высокой снежной вершины Аргея (Argeus) или Ерзияс-даг, принимает вблизи деревни Гияур-Енегьль название Демир-Казык-дагы и Булдурус-бели и идет на юго-запад к Ерегли, следуя потом почти параллельно берегам Средиземного моря. Его юго-восточные отроги, обогнув теснину Базанты-богаз (по большой Константинопольской дороге), делятся на несколько горных ветвей, из которых главнейшая Хейво-дагы образует известное в древности ущелье Киликийское или нынешний Кулек-

богаз. Гряды этих крутых уступов, идя по направлению к северным берегам Александреттского залива (лиман Скенде-руни), упираются на обширную площадь равнины окрестностей Тарсуса, Аданы и Паяса. Над ними с восточной стороны возвышается горная отрасль, которая, отделяясь от гребня Ахур-дагы несколько западнее Мараша, идет на юг до самого устья Ассыса (Оронта) под названием Гияур-дагы, постоянно разграничивая пологие откаты степей Алеппо и Антакии (Антиохии) от низменностей Средиземного поморья. Горы эти на расстоянии трех часов или 15 верст от Мараша прорезаны рекою Ак-су, которая после крутого поворота на запад вьется в узкой теснине под отвесными скалами и сливает воды свои с потоком Джейхан-чая; и ровная площадь подножия гор у самого Мараша, составляя в начале широкую долину Ак-су, сообразно еще сохранившимся преданиям между турками, служила некогда бассейном значительного озера. Старики рассказывают, что во времена их дедов по настоящей Еркенег-ова проезжали только на лодках, и Ак-су уже гораздо позже промыла себе путь к стороне моря. В настоящее время южная оконечность плоской котловины Еркенег-ова, известная под названием Сукер-ова, еще удержала влажность болот с небольшим озером Гияур-гёль. Можно, кажется, с основательностью полагать, что прежде существовавшее озеро вполне отвечает сказаниям Страбона, который назначает его вблизи храма Юпитера-Дассия (Jupiter surnommé Dacius). Филострат и Аммиан Марселин (Philostrate et Ammien Marcelin) говорят о нем, как о смежном с древнею Тианою (Tyana). Существующее теперь состоит из пресной воды. Впрочем, такого рода бассейны в особенности многочисленны на самой террасе Средней Анатолии или общего подножия высот Арзерума. Обставленная по разным направлениям рядами плоских возвышений, ее поверхность представляет непрерывные площадки отдельных равнин, и те из них, которые более сохраняют вид котлообразный, служат водохранилищами растаявшего снега и дождей, составляя, сообразно грунту земли, частые солончаки.

Высокая громада Ерзияз-дагы (Argeus), расположенная под Кайсери (Сезария), образует главную вершину террасы, холмы ее подножия, сливаясь в группы пригорков, идут левым берегом

Казил-Ирмана до высот Делекли-таш и потом, постепенно возвышаясь, тянутся до самых гребней Дерелли-дагы, представляя, таким образом, среднюю черту общей выпуклости.

Общие очерки строения гор и главного свойства грунта земли

В отношении к породам составных частей и самого строения гор, широкий перешеек Малой Азии включает общее средоточие возможного в природе разнообразия различных формаций и различных эпох образования. Выдавшаяся окончечность гребня возвышенности Средней Азии, после плоских округлостей высот Арзерума, идет на юго-запад постоянным и в некоторых местах крутым спуском, расположенным в несколько ярусов. С одной стороны (по левому берегу Евфрата) как бы обвалы громад (*éboulements*) тянутся обнаженными гребнями утесов, обмытыми горными потоками, ровная с другой плоскость террас служит слиянием постепенной осадки (*affaissement*) разложенных частей.

И эта страна, вмещающая в недрах своих чрезвычайное изобилие ископаемых сокровищ, представляет непрерывные причуды самого расположения высот и в местах более гористых, ее резкие и своенравные очерки поражают величием гигантского сооружения. Здесь-то разум естествоиспытателя нашел бы обширное поприще новых наблюдений и, может быть, богатые открытия, уничтожая сложность науки, объяснили бы многие истины, затемненные одними предположениями систематических идей. Но, к сожалению, край этот по всей справедливости принадлежит к странам вовсе неизвестным; должно ограничиться одними общими описаниями наружных форм, поясняя при том только главными очерками немногие из тех горных пород, которые попадались по дорогам мною проеханным.

Высоты окрестностей Арзерума, расположенные верховьем главного разделения вод, везде покрыты слоем глинистой и несколько известковой земли, которая в долинах представляет грунт чрезвычайно вязкий и изредка смешанный с черноземом. Самые горы, судя по трещинам и обнаженным частям скал, принадлежат к породам известковым в различных их видах. Местность вообще представляет край покрытый группами и рядами плоских возвы-

шений, образующих широкие долины с пологими откатами, и хотя ни одна из округлых вершин значительно не отделяется от общей массы, но возвышенность всего объема основания дает им свойства самых высоких гор. Снега остаются от сентября до мая месяца, и растительность получает некоторую силу только на гребнях более низменных (хребет Саганлу-дагы покрыт уже сплошным сосновым лесом). Удаляясь от Арзерума к югу, пологие откаты, прорезанные быстрым углублением русла потоков, составляют хребты как бы усеченных высот, от вершины которых боковые откаты, начинаясь отвесным утесом, образуют к стороне долин непрерывные каменистые обвалы и крупные гребни скал. И там, где горы принимают название Кешмюр-дагы и Музур-дагы, породы их, кажется, без сомнения можно отнести к флечово-траповому образованию, ибо в них непрерывно попадаются порфировидный сланец, зеленый камень, серая вакка и базальтический туф. Неправильность их слоев и значительная толща разложенных влиянием атмосферы частей образуют, в особенности к стороне Евфрата, как бы приплюснутые массы с ровными поверхностями на вершинах. Но далее к Мушу и более на восток горы, постепенно возвышаясь, принимают резкие очерки остроконечных вершин, и на многих из них снег сохраняется в продолжении целого года; высоты же Кешмюр-дагы удерживают его до конца мая месяца.

Вдоль левого берега Мурад-су горы, составляющие продолжение Джебель-ель-Немруд, обозначая к северу крутой утес долины Муша, дробятся к югу на несколько небольших отрогов, которые опираясь на ровную плоскость степей, тянутся к Аргане и Чермилуку. По дороге от Арганы к Карпуту, на самых верховьях Тигра, горы везде состоят из гнейса древнейшего образования, перемешанного со слюдой и красноватым полевым шпатом. Сверх того, во многих местах попадаетея порфировидный сланец, крупнозернистый белый известняк и даже в глубине самых оврагов на темно-красном песку в некоторых местах видны прослой смолистого камня. Весь южный скат сохраняет частые следы вулканических свойств. Он имеет все признаки существования каменного угля, много пережатой глины и ключи горячей воды, в особенности в Чермюлике по рассказам жителей достигают чрезвычайно значительной

теплоты. Самый вид гор от вершин Меграб-дагы до Арганы представляет груды утесов, прорытых тесными ущельями горных потоков, и их крутые скаты почти везде загромаждены обрушившимися обвалами.

Горы вмещают, без всякого сомнения, многие металлы, но преимущественно красную медную руду (кажется, октаэдрического медного колчедана) и воднистую серно-кислую медь или синий купорос. Разработки, которые делаются на счет турецкого правительства почти на самых истоках Тигра в так называемой рудокопни Арганы или Аргана-маден (на расстоянии 16 верст от города Арганы), считаются самыми богатейшими во всей Анатолии, и они доставляют ежегодно до 150 т. батманов или около 70 т. пудов чистой красной меди. Впрочем, количество это не обозначает и половины настоящей добычи разработок, ибо правительство, при чрезвычайных злоупотреблениях частных начальников, конечно, не пользуется и третьей их частью. Необыкновенное невежество, недостаток производительных сил и полное бессмысленное неумение в способе работ, вынуждает удивляться и настоящему богатству добываемого металла, который служит только ясным доказательством изобилия гор. Но, не отвлекаясь частными описаниями рудокопень, о которых будет говорено после, мы снова перейдем к разбору главных свойств грунта земли.

Северные скаты Меграб-дагы, заключая те же породы, как и южные, вмещают некоторый перевес прослоев известкового камня, и их скаты, принимая вид более округлый, образуют довольно широкие долины, часто котлообразных форм, в которых грунт земли состоит из красной, почти кирпичного цвета, глины. Горы своими гребнями достигают значительной высоты, некоторые из вершин постоянно покрыты снегом от октября или ноября месяца до последних чисел мая, и к стороне Ванского озера многие удерживают небольшое количество снега во все лето. Что касается до признаков растительности, то сначала обнаженный гребень гор, вместе с понижением их отрогов, одеваются лесом и влево от Меграб-дагы за вершиною Хазар-баба, вся отрасль Сарымыш-дагы до ущелья Евфрата покрыта хорошим дубовым и частью сосновым лесом. На север же к степям Диарбекира грунт земли принимает свойство известковой

и глинистой осадки и уступ Караджи-даг-лара везде покрыт редким лесом, составляя прямо известковую породу, на своих откатах представляет одну из своенравных причуд природы; вся южная его полость на пространстве до Сиверика и даже далее к Урфе, на самых плоских частях поверхности, до такой степени усеян крупными кругляками сероватого известкового камня, что даже на равнинах конный с трудом только может пробраться шагом, и то с большим навыком лошади. Свойство, которое служит отличительным характером всей плоскости степей даже и на правом берегу Евфрата к стороне Антепа. Что касается до отдельной почти громады скал, расположенной в углу соединения обоих рукавов Евфрата, то надобно полагать, что она принадлежит почти к тем же породам, как и Меграбдагы, может быть только с небольшими изменениями и со значительнейшими признаками вулканического образования. Турки называют ее общим именем Джегер-дагы или Кабан-маден-дагы по рудокопням, в которых разрабатывается серебряная и свинцовая руда. Громады эти к стороне долины Евфрата выдаются высокою конической вершиною отдельной горы Мышар-даг, расположенной вблизи устья Мурад-су, и армянский монастырь, построенный на самом верхнем ее шпиле, сохраняет суеверное предание об оставшихся на них обломках ковчега.

На северо-запад от высот Арзерумских плоские ряды возвышений, которые слоями растительной земли известкового и несколько глинистого свойства тянутся к Байбурту, но далее, образовав гребень хребта Гюмюш-ханы, горы принимают виды первозданного глинистого сланца сероватого, зеленого, светло-желтого и, наконец, красного, почти кирпичного цвета; в них видны слои кварца, черного шиферного мелу, точильного камня, киновари и различных формаций известняка. Отроги этих гор, обращенные к Лазистану, принимая название Оф-дагы и других частных наименований, представляют крутые обрывы гигантских утесов, прорезанные непрерывными ущельями, по которым струятся быстрые потоки, и с их постепенным понижением вся местность одевается богатою растительностью, представляя страну лесистую и перерезанную; нижние откаты, упираясь на самые берега Черного моря, составляют породы более твердые и почти везде имеют базальтовое сложение. Самая

главная отрасль, идя на запад почти параллельно морю, постепенно понижаясь, принимает более известковое свойство, и уже начиная от Биюк-лимана одевается сначала редким и потом хорошим строевым лесом, в особенности при самых гребнях. Главнейшие его вершины Чекран-тепе и Казан-кая, выдаваясь закругленными конусами, сохраняют снег иногда до июня месяца.

Горы эти чрезвычайно богаты различными металлами и рудокoppi, теперь существующие, находятся в Гюмюш-хане, где добывается значительное количество серебра с небольшой частью золота; вблизи Триполи и Фассы также добывают немного серебра, но главные разработки назначены для получения меди, и ее находят вблизи Триполи, Кересунда, Унии и Байбурта, и по расчетам трипольского аги, из последнего города отправляют в Константинополь ежегодно до 50 т. пудов чистой меди, кроме той, которая расходуется для потребления самого края, составляя при том весьма важную статью торговых оборотов. Горы, идущие к стороне Диверика, представляют на юго-восток гряды утесов флещево-траппового сложения; их скалы, упираясь на самое русло Евфрата, везде имеют порфировидные и кварцевые формации, переслоенные на нижних полостях с гнейсом. Обнаженные, но плоские их вершины, составляя сначала ущелье и потом долину Евфрата, тянутся на северо-запад, постепенно сливаясь с горами Дерелли-дагы. Несколько южнее Ерзингама и от истоков Кызыл-Ирмака, вдоль левого его берега, они принимают свойство соленых гор. Состоят из глинистого светло-зеленоватого рухляка, перемешанного с значительными массами гипса и второй формации песчаника, имеют довольно много соляных ключей, но более на запад, кажется, по всей справедливости первенствующая порода есть флещево-гипсовая и известковая. Только южные скаты Юлдус-дагы по дороге из Токата в Сивас заключают слои раковистого известняка, икряного камня и местами ноздреватого и пузыристого песчаника, который будучи наложен красиво округленными изгибами тонких пластов, везде представляет как бы окаменелые древесные слои огромных масс со всеми излучинами подобные корням и ветвям. К этому свойству принадлежит гора Делекли-таш, находящаяся в расстоянии 12 верст от левого берега Кызыл-Ирмака (считая от Сиваса), и самое назва-

ние, выражая камень со скважинами, вполне отвечает изрытому пещерами и пустотами ее сложению. Горы эти вообще имеют вид плоских и округлых холмов, расположенных на верхней поверхности террасы, и только коническая остроконечная вершина Юлдус-дагы достигает значительной высоты, сохраняя на своей вершине вечные снега. Что заставляет полагать, что среднее ее возвышение над поверхностью моря, сообразно градусу широты, имеет по крайней мере до 3 т. метров, ибо Соссюр по сложности своих наблюдений назначает 2700 метров для линии вечных снегов между 46-м и 47-м градусом широты.

Вся местность на юг от Юлдус-дагы, представляя ровную поверхность степей террасы, обставленную различными группами холмов и глубоко прорезанную долиною Кызыл-Ирмака, она удерживает свойство глинистого рухляка, перемешанного с песчаником и известковыми породами различных формаций, и частые равнины котлообразной формы, служа бассейном растаявшего снега и дождей, образуют или болотистые низменности, или небольшие озера с чрезвычайно обильной осадкой соли, вероятно нанесенной с соленых гор Дерелли-дагы и составляющей также некоторую часть глинистого рухляка. Главнейшие из этих озер находятся вблизи д. Улаш в окрестностях Сивасса; к стороне Султан-хана около Кайсери и на так называемой Яваш-Оваси на высоте Девели Карагисара. Сверх того, местами видны следы красной железной руды, охры и кисленного железа, и вообще весь грунт земли содержит много соляных и серных частей. Восточная часть террасы или обрывы Акжа-дагы вместе с частями Еркене-дагы и Малакан-дагы составляют чистую известковую породу почти без примеси гипса, но с отдельными прослоями кремнистого и глинистого сложения. Высокая же громада Ерзияз-дагы (Argeus), возвышающаяся наподобие Арарата двумя вершинами и расположенная над самым городом Кайсери (Сезария), сохраняя значительное количество всегдашних снегов, представляет на нижних полостях своего основания слоистый известковый сланец и первородные породы той же формации.⁸ Вершины ее, выдаваясь двумя остроконечными гранями скал, как бы лежат на обширной массе изрытого и холмистого основания, и нет никакого сомнения, что эта гора может считаться высочайшею

во всей Анатолии. Северо-восточные ее откаты, сливаясь рядом плоских холмов с горами Дерелли-дагы, образуют постоянную и настоящую черту средней выпуклости всего полуострова. Что касается до самых южных обрывов террасы или собственно так называемого Тавра, то, сохраняя на северных скатах первенствующую часть известковых пород, они представляют к стороне моря отвесные утесы и груды скал, опирающихся на обширную площадь равнины самой низменности поморья. Здесь разнообразие формаций возможное только в одном общем обвале, включает, кажется, все существующие породы, перемешанные без всякой правильности и с гигантским своенравием доступным только природе. Вершины гор тянутся на юг остроконечным гребнем крутого обрыва, или представляют ступени обрушившихся скал, и быстрые потоки, прорезывая всю массу громад, обозначают их частные расселины, загроможденные во многих местах горами обломков. Отроги гор, касаясь самой прибрежной черты поморья, западнее Тарсуса и на восток от Паяса, составляют к стороне Александреттского залива обширную площадь низменной равнины Аданы, простирающейся до подножия Гияур-дагы. Плоскость эта, обставленная со всех сторон высокими горами, как бы совершенно отделяется от остальной части края, и отличительное свойство самых гор состоит в необыкновенном разнообразии перемешанных пород и в присутствии гранитных скал, которые здесь кажутся первенствующими.

Сверх того, крутизны везде сохраняют явные признаки металлов, и жители нагорных частей края для собственного своего употребления и частной мелочной продажи добывают без значительных трудов свинец, серебро и железо. Из числа открытых рудников главнейшие находятся на правом берегу ущелья Кулен-Багета, где со времени управления Али-Мегмед-паши начали доставать железо и свинец с небольшим количеством серебра. И по рассказам инженера (европейца), начальника этих рудокопень, они найдены по следам значительных разработок древних; но, несмотря на то, еще чрезвычайно богаты металлом. На стороне Булдурус-бели турки также разрабатывают свинцовую руду в так называемой Куршун-маден (свинцовая рудокопня). И на вершинах хребта над Марашем добывание железа составляет исключительное ремесло большой армян-

ской деревни Демир-маден (железная рудокопня), находящейся на откупу паши Мараша, вообще кажется, что горы изобилуют преимущественно этим последним металлом.

Самый гребень главного уступа, достигая значительной высоты, удерживает снега в продолжение большей части года; и остроконечные вершины гор Деве-боюн-дагы и Демир-казы служат всегдашними его хранилищами. Растительность почти ничтожная на северных скатах, вместе с понижением южных обрывов является в самом блестящем изобилии. Сначала ели, сосны, кипарис и кедры, годные даже для кораблестроения, одевают всю полость верхних уступов, но потом зеленый и различных родов дуб, явор, смоковница, лавр, дикие сливы, орех, чинар и гранаты составляют лиственные леса последних откатов. И местность, орошенная беспрерывными потоками, представляет в себе все выгоды богатого края. Но недостаток жителей, в особенности приметный на низменности открытой равнины, придает ей вид пустынных степей, и тучная ее почва темно-красной и чрезвычайно вязкой глины, перемешанной на оконечностях горных ветвей с известковыми слоями, оставаясь необработанной, представляет только изобильные пастбища. То же свойство грунта земли повторяется и за грядою Гияур-дагы (состоящей исключительно из пород известковых), на степях Антепа, но с тою только разницей, что там вся плоскость покрыта круглыми известковыми кругляками сероватого цвета.

Таковы основные принадлежности некоторых из сложных частей верхних слоев, но нет никакого сомнения, что неполный ряд этих наблюдений еще не выражает и самой малой части разнообразия постепенных переходов формаций и разнородности расположения отдельных масс, ибо горы столь обширного пространства непременно вмещают еще многие оттенки главных очертков их характера. Из числа замечательнейших, по моему мнению, заслуживает особенного внимания резкая противоположность не только различия свойств пород, но и самых абрисов наружных форм, как бы разделенных долиною Евфрата. Вообще все горы левого берега этой реки, начиная от истоков Мамахатун-су до степей Диарбекира и Мардыни, везде представляют следы сильных переверотов разрушения; обнаженные твердины, прорезанные беспрерывными расселинами глубо-

ких пропастей, с постепенным возвышением к стороне Муша, образуют остроконечные гребни утесов, и твердые породы порфировидных гнейсовых и базальтических сложений составляют как бы одну грудку скал, прорытых быстрыми струями беспрестанных горных потоков. Дикое величие своенравных очертаний, вместе с красотою гигантского сооружения, служат выражением настоящего характера страны. Напротив того, вдоль правого берега Евфрата одно только соединение гор Софкер-дагы и Дерелли-дагы сохраняет на юго-восточных отрогах свойства твердых пород, которые образуют отвесные утесы реки вблизи Арабкира и Егины. Но более на запад вообще все разделения хребтов, принимая виды плоских и округлых высот, постепенно сливаются в обширные пологости общей площади террасы и вся местность, сохраняя значительное возвышение над горизонтом моря, до самых обрывов Тавра представляет волнистую поверхность открытых степей, прорезанных глубокими долинами Екиль-Ирмака, Кызыл-Ирмака и Токмак-су. Сложность грунта земли отличается свойствами глинистого рухляка, известковыми формациями и почти правильною осадкой намывных гор.

Значительнейшие равнины

К числу главных особенностей страны можно причислить частые котловины плоских низменностей, представляющие водохранилища растаявшего снега и дождей, которые образуют или небольшие озера (иногда болота), или, высыхая, составляют отдельные площадки довольно значительных равнин. Вообще на всем пространстве общего объема края разделения хребтов и их скаты во многих местах представляют обширные плоскости, расположенные или в середине самых гор, или на дне широких долин, или, наконец, на усеченных вершинах, где они принимают свойства возвышенных террас. Турки весьма справедливо разделяют их на два рода, и именно на равнины возвышенные и низменные, последние они выражают словом *ова*, тогда как первым дают общее название *ййла*. Кроме такого рода различия, необходимо для большей ясности обозначить одни как бы равнины, наудачу раскинутые по всему пространству края, и потом, вместе с частными описаниями потоков вод, объяснить главные свойства самых низменных долин.

Равнина Арзерума: Значительная плоскость, обставленная рядами разнообразных высот, простираясь на запад, составляет на начальных истоках Фират-чая и Кара-су обширную площадь равнины, имеющую до двадцати верст в длину и от двенадцати до пятнадцати верст в поперечнике. К северу она примыкает к подножию Гияур-дагы, которая, обогнув верховья Фирата, тянется на юг небольшой грядой (перевала Грузинской дороги) до высот Палан-Тукан-дагы, образующих своими откатами южный рубеж равнины. Со стороны запада, начиная от д. Лыжа или Илыджа, ровная плоскость сливается с долиною Кара-су и потом более на север входит в постепенное образование долины Фират-чая. Вообще представляя открытую плоскость, орошенную почти непрерывными ручьями, она вмещает в себе довольно значительное народонаселение. И частые деревни, по большей части армян, раскинутые по всей равнине, с дурными их строениями и резкими очерками полудикого быта жителей, напоминают грязные землянки жилья грузин и служат верным выражением первого перехода к оседлой жизни. Возвышенность страны придает ей свойства, которые безошибочно можно сравнить с климатом средней полосы России, но тучная почва земли доставляет все преимущества богатого хлебопашества, и весь объем равнины заключает как бы одно сплошное обработанное поле, в особенности изобильное пшеницею и ячменем. Лесу на ровной плоскости вовсе нет, и только на близлежащих горах виден редкий хвойный кустарник (северные скаты гор к Саганлугу постепенно одеваются хорошим сосновым лесом), из числа же фруктовых деревьев самые яблони составляют необыкновенную редкость. Но, несмотря на эту одностороннюю бедность края, жители богатые первыми потребностями, держат большие стада рогатого скота и значительное количество хлеба, далеко превосходящее их надобности, доставляет им выгодные обороты. Ибо, не считая самого потребления города, равнина Арзерума служит средоточием продовольствия всей гористой части Лазистана и кочевьев левого берега Кара-су до вершин Кешмюр-дагы.

Бин-гёль-яйла: От нее к югу на самых верховьях Мамахатун-су находится еще другая ровная плоскость, которая, будучи покрыта непрерывными родниками, составляет одно из главных водохра-

нилищ (Réservoir) Евфрата. Самое название Бин-гёль, означающее в буквальном переводе тысячу озер, вероятно, дано ей в смысле множества истоков, образующих среднее русло реки. Равнина эта, сохраняя значительную высоту, принадлежит, без всякого сомнения, к так называемым яйла, она не имеет постоянных жилищ и в продолжение большей части года покрыта снегами, но в середине лета ее тучные пастбища служат соединением всех кочевьев окрестностей. И отличительные ее свойства, судя по рассказам жителей, заключаются в чрезвычайно здоровом воздухе, изобилии хорошей ключевой воды и необыкновенном богатстве подножного корма. Впрочем, такого рода равнины, хотя и в гораздо меньшем объеме, повторяются на всех раскатах Кешмюр-дагы и Музур-дагы, и небольшие плоские котловины, будучи весьма часты, удерживают почти везде основные принадлежности Бин-гёль-яйла.

Равнины Уль-ова и Куз-ова: Равнины же, в особенности заслуживающие внимания по средоточию всех преимуществ жаркого климата, многочисленности народонаселения и чрезвычайно изобилию разнородных произведений земли, составляют окрестности Карпута или так называемые Уль-ова и Куз-ова. Первая из них, представляя низменную и совершенно ровную плоскость, обставленную со всех сторон значительными крутизнами высоких гор, тянется от востока на запад почти параллельно течению Мурад-су на расстоянии от 35 до 40 верст в длину и от 10 до 15 верст в ширину. Ограниченная с южной стороны крутым обрывом Девебаюн-дагы, принимающего потом название Кегван-дагы, она примыкает с севера и запада к пологим откатам отдельной громады Кабан-маден-дагы или Джегер-дагы, на которых расположен Карпут, и потом, простираясь почти до самой долины Мурад-чая, отделяется от оной только небольшою грядою плоских высот, составляющих незначительный перевал общего ската. Сначала у подножия Девебаюн-дагы равнина образует широкую площадь, но к стороне Карпута, вдаваясь в пологие отрасли гор, ее плоскость принимает свойства в некоторых местах довольно узкой и потом снова расширяющейся долины. Потом за высотами Карпута на местности более возвышенной, начинается равнина Куз-ова, которая, простираясь между пологими откатами гор, примыкает с северо-запада к подножию высокой вершины

Парчукан-даг и ограничивается прямо на север и на восток грядями Хирисит-дагы и Мерджумик-дагы, образуя как бы общее соединение небольших долин, разделенных последними откатами разнообразных холмов.

Весь объем обеих равнин, сохраняя вообще характер значительного углубления, и обставленный со всех сторон крутизнами высоких гор, представляет местность недоступную в особенности влиянию северных ветров, и заключает в себе все условия жаркого климата соответственного градусу широты. Изобилие непрерывных родников ключевой воды; притоки растаявшего снега с частными свойствами временных наводнений, и, наконец, жирная почва земли темно-красной глины, перемешанной с разложенными частями горных откосов, составляют богатые начала необыкновенной силы и полного развития блестящей растительности. Здесь, можно сказать, щедрость природы была не напрасна, ибо, судя по опустелым окрестностям края, кажется, будто бы все его жители как бы столпились на протяжении этих двух равнин, но, несмотря на их многолюдство, столь небольшое пространство при самом ничтожном труде доставляет им полный избыток первых потребностей и даже почти все условия привычек роскоши привольной жизни, по крайней мере, сообразные их быту. Большие деревни, раскинутые по всей местности равнин в самом близком расстоянии одна от другой, везде окружены богатыми садами фруктовых деревьев, и хорошая постройка большей частью двухэтажных каменных домов, давая им красивую наружность, служит почти верным доказательством приволья жителей; множество же тополей, нарочно посаженных и перемешанных с группами строений, как бы выражают уже некоторого рода прихоть в украшениях местности.

Что же касается до точного расчета народонаселения, то я полагаю, что этот вопрос по сие время еще остается нерешенным для самых властей турецких; по рассказам сераскира Анатолии Решид-Магмед-паши⁹ (подтвержденных всеми показаниями), весь объем Уль-ова и Куз-ова заключает 366 деревень, из которых самая меньшая имеет до 300 домов, так что, считая на каждую деревню только по 1000 душ, общее число жителей обоего пола уже будет простирается до 366 т. душ, но, принимая в соображение, что

многие из деревень имеют от 1500 до 2000 домов, и в самом Карпуте до 2700, кажется, безошибочно можно полагать общий итог до 450 тысяч. Из них исповедывающих исланизм не более 40 тысяч, остальные же почти без исключения армяне, ибо сириян и греков, по расчетам жителей, едва только находится до тысячи человек. Общие их занятия обращены на обработку полей, и плодородность земли вместе с преимуществами жаркого климата, доставляет ежегодно двойную жатву; главные предметы посевов состоят из хлопчатой бумаги (*coton plante*), сезама, проса, кукурузы, пшеницы, ячменя и сарачинского пшена, иногда приносят чрезвычайно богатую жатву. Сверх того, вся местность равнин славится хорошим качеством и изобилием всякого рода фруктов вместе с обширными виноградниками, расположенными на последних горных откатах. Значительное количество всякого рода хлеба, превышающее потребности жителей, продается в окрестностях Малатии, Ареаны и Диарбекира, и в прошлом 1834 году 25-тысячная армия Решид-Магмед-паши в продолжении восьми месяцев довольствовалась одним только сбором пятой части урожая равнин Уль-ова и Кузова. Но вообще хлеб еще не составляет главных оборотов, и настоящие продукты выгодного сбыта жителей заключаются в хлопчатой бумаге, сезаме, сарачинском пшенице и чернильных орехах*, собираемых на пологостях Сары-Мышь-дагы, покрытых сначала мелким, и потом хорошим лесом.

Одно из главнейших преимуществ равнин, которое без сомнения имеет прямое влияние на увеличения их народонаселения, состоит в совершенной безопасности от непрерывных набегов кочевых курдов, опустошивших всю плоскость Диарбекира, Сиверика и Мардыни. Ограниченные со всех сторон горами, их богатые жатвы и многочисленные стада всегда были вполне обеспечены от быстрых налетов удалых жителей степей. Воинственные же, но оседлые племена Заза (к стороне Кыджана), Партчукан-курд (по дороге к Изо) и курды Кабан-маден, как близкие соседи, находясь в частых сноше-

* Частный вид галлов, образуемых личинками ряда насекомых семейства орехотворок на молодых ветвях и листьях некоторых видов дуба. С солями железа их танины образуют комплекс, окрашенный в черный цвет, на этом было основано получение железо-галловых чернил. — *примечание составителей.*

ниях с окрестностями Карпута по предмету первых потребностей, составляли еще с давних времен настоящую оборону края и его верных союзников. Но в отношении к всему пространству левого берега Евфрата, вместе с равнинами Карпута, как бы оканчиваются и свойства изобилия страны и все принадлежности приволья многочисленного народонаселения, ибо с переходом через горы от Арганы и Чермилюка к Диарбекиру, Мардыне, Урфе и Биру волнистая плоскость обширных степей, хотя и представляет во многих местах отдельные равнины, заключающие все условия удобства жизни, но они покрыты только временными кочевьями пришлецов, которые променяли деятельность труда и выгоды постоянных жилищ на безобразную нищету и притом полное своеволие и разгульные забавы разбойничьих наездов. Деревни чрезвычайно редки и они состоят или из зимовых землянок самых беднейших курдов, или населены постоянными жителями края, ограбленными непрерывными набегами и частыми выкупами безопасности последнего имущества, жен и детей. Некоторого рода изобилие, свойственное и прекрасному климату, и всем условиям плодородной земли, заключается только в самом тесном очерке окрестностей городов, и в особенности Диарбекира и Урфы. Впрочем, судя по рассказам жителей, продолжение гор Джебель-ель-Немруд и откаты Гертушли-дагы, вместе с частью самых берегов Ванского озера, заключают во многих местах небольшие котловины ровных низменностей, сохраняющих все свойства богатых равнин Карпута, и вмещающих значительное народонаселение оседлых курдов, и частью армян.

Описания Кинейра, проехавшего по дороге от Мардыни к Серту и Бидлису, вполне подтверждают эти показания, объясняя во многих случаях хорошую обработку полей и значительное изобилие края (*Voyage dans l'Asie mineure, l'Arménie et le Kourdistan par Macdonald Kinneir*). Что касается до правой стороны Евфрата, то на всем протяжении до Тарсуса, Кайсери, Токата и устья Кызыл-Ирмака, кроме значительных плоскостей долин, принадлежащих к частным описаниям потоков вод, заслуживают особенного внимания равнины подножия Юлдус-дагы, высот Сиваса, окрестностей Альбистана, Кайсери и, наконец, всего поморья между Паясом, Ада-ною и Тарсусом.

Равнина подножия Юлдус-дагы: первая из них, будучи расположена на верховьях Юлдус-Ирмака, представляет небольшую плоскость возвышенной местности, которая, сливаясь на юг с долиною реки, ограничивается со всех сторон пологими откатами высокой вершины Юлдус-дагы. Отличительное ее свойство заключается в суровости холодного климата, и притом изобилии значительных посевов пшеницы и ячменя, урожаи которых составляют одноственное, но важное богатство равнины.

Равнина Мерикун-яйла: Далее к Сивасу у самого подножия последних отраслей Юлдус-дагы пологие откаты образуют почти совершенно ровную плоскость, представляющую поверхность высокой террасы, с трех сторон ограниченную резкими утесами глубокого оврага Кызыл-Ирмака. Наружный абрис равнины, вдаваясь к стороне реки выгнутой линией обрыва, примыкает с севера к постепенным уступам гор, имея от 10 до 12 верст в длину и до 8 верст в поперечнике. Открытая ее плоскость, известная между турками под общим наименованием Мерикун-яйла, состоит из местности совершенно пустой, которая не имеет ни жилищ, ни обработанных полей, и заслуживает некоторого внимания только по условиям выгодной оборонительной позиции, чрезвычайно важной в военном отношении. Но в этом смысле подробности ее свойств будут объяснены особой статьей общих очерков военного описания края.

Равнины окрестностей Альбистана и Кайсери: Одна же из главнейших равнин всего объема средней террасы находится у подножия северных откатов Тавра вблизи небольшого города Альбистана или древней Команы Катаонии. Здесь совершенно ровная плоскость, сливаясь к стороне Гюрюма с слабым наклоном едва приметной пологости, обставлена на юг группами высот, которые разнообразными рядами тянутся до вершин Ахур-дагы (Тавра) и, огибая равнину с запада и востока, минуя плоскость, постепенно соединяются в общую поверхность возвышенных степей всего пространства средней Анатолии. Вблизи самого города крутизны откосов Тавра, идя левым берегом Джейхан-чая и опираясь на равнину, образуют левее Альбистана тесное ущелье реки, прорезывающей всю массу гор. Самая же ее плоскость, имея до 45 верст в длину и от 6 до 9 в ширину, вмещает 24 больших деревни и два города Альбистан

и Арпыс, которых народонаселение, судя по рассказам жителей, простирается до 40 тысяч, большей частью армян, ибо турок едва только считают до 12 тысяч. Посевы различного рода хлеба, многочисленные стада рогатого и мелкого скота, тучные пастбища и изобилие растительных красок*, казалось бы, соединяют в себе все условия полного приволья и даже богатства равнины. Но близкое соседство кочевых курдов, их частые набеги и непрерывные злоупотребления турецкого правительства, вместе с суровостью климата возвышенной местности, имея самое невыгодное влияние, уничтожают всякое начало благосостояния, и тяжелый труд хлебопашества едва только вознаграждает жителей некоторым избытком первых потребностей. Впрочем, те же неудобства, составляя основание всеобщей бедности, прямо относятся ко всему пространству от гребней Акжа-дагы до Кызыл-Ирмака и далее; ибо вообще страна эта сохраняет характер почти опустелого края, бедного своим народонаселением и представляющего волнистую поверхность степей, на которых изредка раскинуты ничтожные деревни и временные шатры кочевья курдов и туркменов. Только в тесном очерке окрестностей Кайсери ровная и довольно значительная площадь подножия Аргея, простираясь до берегов Кызыл-Ирмака, вмещает богатые жатвы многолетних деревьев (некоторые исключительно греческие), вместе с признаками частного изобилия. Но здесь местность, соединяя свойства некоторого углубления, пользуется всеми преимуществами жаркого климата, а потому посевы принимают большую разнородность; обширные же виноградники и сады уже являются в полном избытке хорошей растительности**, наконец, самый город, составляя средоточие деятельности довольно выгодных и обширных оборотов торговли, по самой необходимости не мог не иметь прямого влияния хотя [бы] на частное приволье

* Желтой, из так называемых персидских зерен (*graines jaune de la Persie*); зеленой, с цветов довольно высокого и колючего бурьяна; малиновой, из корня марены; и, наконец, черной и темно-сизой, из чернильных орехов. — *примечание автора.*

** Окрестности города в особенности славятся изобилием персидских зерен желтой краски, составляющих одну из важных статей сбыта. — *примечание автора.*

небольшого расстояния его окрестностей. Южнее Кайсери пологие раскаты подножия Ерзияс-дагы (Аргея), окрыляя болотистые котловины Мельджа-сазы и Султан-сазы, образуют сверх того несколько значительных равнин, но их народонаселение, кроме трех небольших городов Инже-су, Девели-Карагисара и Нигде, ограничивается весьма немногими деревнями с полной наружностью совершенной нищеты и со всеми принадлежностями полудикой пустыни.

Ровная низменность окрестностей Аданы: Что касается до плоскости древней Киликии (*Cilicia campestris*), то ее низменная равнина, идя вдоль всего поморья от Марсина (6 верст левее Казанлы) до подножия Гияур-дагы за Паясом, образует обширную площадь, которая, удаляясь от берегов моря на 15 и 20 верст, примыкает на север к крутым обрывам Тавра, и, разграниченная рядами пологих холмов, оканчивается широкими долинами, расположенными между последними отрогами утесов. Общий объем самой плоскости, будучи прорезан тремя главными потоками Джейхан-чая (древнего Пирима), Адана-чая (Шейхун или древний Сарусс) и Тарсус-чая (*Cydnus*), соединяет притом значительную массу приливов растаявшего снега и дождей. Воды эти, катясь в горах кипящими водопадами по каменистым порогам, как бы смывая разложенные части, несут к равнине необыкновенное множество наносного ила, который, удерживая быстроту их бега, вместе с прибоем песчаной волны иногда заграждает самые устья, и низменность всего пространства поморья, сохраняя вообще чрезвычайную влажность, покрыта мелкими и непрерывными болотистыми гирлами заросшими камышом. Летом испарения этих бесчисленных застоев воды, обсохшие отмели озер с гнилою рыбой и удушливость жаркого климата равнины, едва отделившейся от поверхности моря и совершенно огражденной от северных ветров, производят постоянные и самые зловредные болезни, вынуждающие жителей уходить на возвышения. Но в остальное время года возможные преимущества чрезвычайно жирной почвы земли и самое блестящее развитие растительности составляют настоящие особенности этой страны столько удобной для жизни.

Верхние гребни гор, покрытые строевыми соснами, кедрами и кипарисами, вместе с понижением изменяют характер лесов, и их

подножия везде обогнуты разнообразными рощами дуба, лавра, чинара, смоковницы, орехов, гранат и других деревьев. Посевы жителей заключаются в хлопчатой бумаге (по испытаниям европейцев, первые посевы древесной бумаги мокко, привезенной из Египта, совершенно удались), сезаме, бании, сарацинском пшене и различного рода хлебе; и ежегодно двойная жатва изумляет прибылью урожаев своих. Все существующие же сады, кроме множества всяких фруктов, в особенности богаты померанцевыми, апельсиновыми и лимонными деревьями, шековищами и своими обширными виноградниками. Но, к сожалению, все преимущества столь разнородных оснований полного изобилия края достались в удел малочисленного народонаселения, полудикого в своем быте и нищего по привычкам и праздности. Трудно иметь точные и определительные сведения о многолюдности равнины, но безошибочно можно сказать, что главное число жителей заключается в двух городах: Адане и Тарсусе; первый считает до 12 т., тогда как во втором, вместе с его портами Казанлы и Мерсин, нет и 8 тысяч. Сверх того, несколько бедных и ничтожных деревень раскинуты вдоль подножия гор и изредка на самой плоскости, но их немного, и хотя окрестности Паяса и так называемой Харнаова составляют самую населенную часть равнины, однако и здесь едва ли начнется семь или восемь деревень, жилища переселенцев (Ашерет-адам), похожие более на временные бараки. Самый же Паяс, Айяс и Мессис представляют только груды обломков когда-то существовавших развалин, на которых теперь остались несколько десятков хижин и разрушающиеся караван-сарай. Местность эта, столько славная по воспоминаниям, столько богатая дарами природы, служит теперь зимовым пристанищем кочевых племен окрестностей Мараша. Всякий год в октябре месяце большие толпы туркмен и курды Тержелли, Аушар, Боздаан, Джерит и Роганлы пригоняют свои стада и переносят шатры свои, дабы остаться на низменности равнины до конца апреля: переселения, с которыми исчезает не только изобилие края, но и самая его безопасность, ибо необузданное своеволие, обозначенное самыми резкими очерками и понятиями, и воли, есть основной характер этих шаек; грабежи же и уловки воровства их настоящее ремесло. При том, покорные одной силе, они вынудили част-

ных владельцев страны набирать толпы всегда готовой вооруженной стражи. Милиция, которая впоследствии упрочивая злоупотребления власти, увеличивала только число праздных утеснителей края, и имена Мустук-бека, прежнего владельца Паяса, и Кузен-оглу, ушедшего теперь в неприступную цитадель гребней Тавра за Сиссом, оставили еще в свежей памяти длинный ряд непрерывных междоусобий и совершенно оправдали былую знаменитость разбоев Киликийских.

Потоки вод; главные свойства их течения и местность болот

Реки Малой Азии более знамениты, чем значительны; весьма справедливо замечание автора статьи об Анатолии, помещенной в нашем Энциклопедическом Лексиконе; почти то же можно сказать и в отношении всего пространства, по крайней мере, верхней части, Турецкого Курдистана до самых пределов Персии. Ибо слияние рукавов Евфрата и начальные истоки Тигра образуют довольно большие русла рек только после общего их соединения; в начале это горные потоки, которые катятся с чрезвычайной быстротой по каменистым порогам. Верховья Евфрата, четыре главных его рукава и общие свойства реки на всем ее протяжении. Запутанность в объяснениях границ различных провинций Армении, вместе с множеством имен, теперь уже несуществующих, затемняя все сказания древних, служили к ошибочным и совершенно неверным определениям истоков Евфрата. Даже правдивый и знающий ориенталист С. Мартен*, давая ложный смысл преданиям Моисея Хорена, назначает самые северные верховья этой реки в горах Бин-гёль, то есть 120 верст южнее родников потока, еще до сих пор сохранившего название Фират-чая.

«Когда Анатолий – говорит Моисей Хорен – получил приказание императора, то прибыв в нашу землю, он объехал многие страны и, наконец, нашел выгодным положить основание города в провинции Гарин (Garin), чрезвычайно плодородной, изобильной, хорошо орошенной, и как бы находящейся в середине равнин в недалеком расстоянии от одних из истоков Евфрата, которые тихо

* Memoires historiques et geographiques sur l'Armenie par Saint-Martin. Tome 1, page 42 – *примечание автора.*

сливаясь сначала, увеличиваются вместе с течением и образуют разливы наподобие озер; разливы эти полные рыбою, привлекают множество диких птиц, и их яйца составляют пищу жителей края».

(a)* Вот сказания Моисея Хорена, вполне выражающие начальные истоки Фирата, но здесь нет ни слова о горах Бин-гёль, или лучше сказать, о высокой площади равнины этого наименования, находящейся слишком в 80 верстах от Арзерума, в древности Феодосиополиса или Гарина. А потому мнение г-на С. Мартина, основанное на ошибочном предубеждении, тем более кажется странным, что он сам объясняет слова Плиния, назначающего с чрезвычайной верно-стью верховья Евфрата в шести только милях от родников Аракса (b)** и согласуется также, что и все восточные писатели единогласно определяют начало этой реки вблизи Арзерума (с).

Слияние небольших родников ключевой воды в окрестностях деревень Цагки и Кара-гобак (в 30 верстах от Арзерума по дороге к Ольте), образуют сначала небольшой поток древнего Евфрата, теперь Фират-чая, который, приняв направление на запад, орошает северную часть равнины Арзерума и потом входит в образование постепенно суживающейся и уже несколько углубленной долины. Верстах в 30 от города, в довольно тесном ущелье на высоте д. Чавдарык, река принимает слева воды Кара-су, составляющие один из важных ее рукавов, который, имея верховья в подножиях Палан-Тукан-дагы, выходит на равнину, и пройдя д. Илыджа или Лыжа до самого устья, отделяется от Фират-чая только небольшим рядом плоских холмов. Далее по направлению к Аш-кала общее соединение двух рукавов, имея от 15 до 20 сажен ширины, катит воды свои быстрым и излучистым потоком в приметно углубляющейся долине и, как бы огибая один из отрогов высокого Кешмюр-дагы, Ардышли-бели, постепенно поворачивает сначала на юго-запад и потом на юг, идя от Шайтан-дересси под высокими утесами значительных гор. Отвесные крутизны с глубокими прорезами беспре-рывных оврагов, или представляют обвалы громад, едва промы-

* (a) Mos. Khor. Hist. lib. III, cap. 59, p. 309 – *примечание автора*.

** (b) Plin. lib. VI, cap. 9. (c) Ms. Pers de la bibl. du Roi, n. 62, fol. 313. Aboul-feda Geogr. fol. 24 vers. – *примечание автора*.

тых тесным руслом, или в пологих и округлых осыпях оставляют довольно широкие площадки, по которым река вьется как лента; множество же горных родников, со всеми подразделениями их частных ветвей, сливаясь с обеих сторон в общее корыто реки, служат умножающимися источниками силы, они увеличивают и ее объем, и самую скорость быстрого ее бега. Река кипит по каменистым ступеням обрушившихся обломков скал и, кажется, отдыхает на ровных плоскостях иловатой долины.

Таким образом, Фират льет воды свои на расстоянии слишком 125 верст от его верховьев, но обогнув горы Ардышли-бели, он течет между пологими скатами и близь моста д. Кетюн (Кетюн-кюпри), соединяется с равным ему потоком Мамахатун-су. С. Мартен называет этот значительный рукав Евфрата Сартшамой (Sartchamoi) – наименование может быть известное немногим из армян, но вообще все жители края единогласно дают ему имя бывшего города, и теперь небольшой деревни Мамахатун. Река эта составленная сливанием ключей высокой площади Бин-гёль, катясь почти с вершин Кешмюр-дагы, глубоко прорезывает всю массу его западных отрогов, и с быстротой водопада вьется в тесной расселине скал, но за несколько верст до соединения с Фиратом она оставляет каменистое ущелье и идет в довольно широкой долине между пологими высотами. Потом, более на юг, Фират-чай, увеличенный приливом Мамахатун-су, имея от 25 до 30 сажен ширины, минует д. Каргын и потом, идя узким руслом глубокой теснины, вдается на восток, обтекает горную отрасль Кибидже-бели и после крутого поворота на юго-запад, идет у самых подножий высокого Музур-дагы. Горы эти, составляя на значительном пространстве крутизны левого берега, отделяются рекой от скатов более пологих правой ее стороны, и Фират, соединив потоки Буланьк-су, течет в постепенно расширяющейся долине, которая, наконец, сливается в обширную плоскость окрестностей Ерзингама. Здесь река плавно вьется в округлых изгибах по равнине, имеющей от 30 до 35 верст в длину и до 12 верст в самом широком месте ее поперечника, и как бы в противоположность резких очерков дикого своенравия пустынных местностей тесных ущелий, страна является в полном изобилии, и богатого плодородия, и многочисленного народонаселения. Бесперывные деревни, раскинутые по всему объ-

ему широкой площади, окруженные тучными жатвами обработанных полей, обозначают деятельный труд хлебопашцев, множество же родников ключевой воды, удерживая на низменностях равнины постоянную влажность, способствуют к прибыльным посевам сарацинского пшена, орошают длинный ряд фруктовых и виноградных садов, расположенных на последних скатах гор, наконец, составляют верные начала богатой растительности, которая при том пользуется всеми преимуществами уже довольно жаркого климата.

Самая река, составляя до сих пор горный поток, который даже во время половодья во многих местах имеет броды и катится между камнями порогов, начиная от приливов с левой стороны ручья Мин-гёль, или верховья долины Эрзингамской, уже удерживает довольно значительную глубину и считается жителями судоходною, по крайней мере с их особыми средствами к плаванию. Несколько бараньих кож надутых воздухом (как наши грузинские бурдюки), будучи перевязаны вместе рядами, с настилкой из камыша или хвороста, образуют плоты, которые, подымая большие тягости, быстро несутся по течению. Размер их изменяется сообразно надобности, но общий принятый расчет состоит в том, на каждые сорок кож (тулуков) можно свободно полагать до тысячи ок, т. е. до 74-х пудов; так что плот (называемый келлек), связанный из 300 шкур, имея величину квадрата 5 сажень, легко подымает от 55 до 60 четвертей пшеницы и сверх того 3-х или 4-х человек, нужных для его управления. Главное преимущество этих келлеков, употребляемых здесь еще с давних времен походов Ксенофонта и Александра, состоит в том, что при крутых изгибах реки, ударяясь о каменистые утесы, они не могут быть разбиты, иногда лопнет несколько тулуков, и их легко заменяют новыми. Что же касается до настоящего плавания на барках или лодках, то даже плоскодонные суда самого малого размера, при всем навыке искусных и ловких пловцов, подвергались бы чрезвычайной опасности и едва ли могли бы спуститься от Ерзингама к Малатии; идти же против течения вовсе невозможно и, если верить рассказам жителей, то по их словам еще ни один деревянный плот не доходил к пристани Кабан-маден, и вся перевозка хлеба, угля, дров и мелких бревен для строения всегда производилась на келлеках.

В 8 верстах от Ерзингама Фират, оставляя широкую площадь равнины, входит в тесное ущелье и потом течет небольшой долиной, ограниченной слева крутизнами Музур-дагы и справа более округлыми и более пологими скатами, пересеченными частыми оврагами. Таким образом, он минует небольшой городок Кемах, и, принимая с западной стороны воды горных потоков Кемир-чая, Куру-чая и Карабудах-чая близ деревень Гюрюльме и Богасси-таш, льется в прорезе глубокой пропасти отвесных скал Каш-таш-богаза. Обнаженные утесы гигантской высоты, упираясь в самое корыто русла, оканчиваются на вершинах остроконечными гребнями как бы зубчатых стен и река, едва приметная в чрезвычайной глубине ущелья, вьется расселиной, которая кажется одной общей трещиной всей массы гор; во многих местах верхний прорез делается почти уже самого дна пропасти, и нависшие над поверхностью воды громады ежеминутно готовы рушиться; боковые же отроги оврагов, загроможденные обломками обвалов, едва оставляют быстрые струи родников, которые выливаясь с большою силой из пещер и расселин, бегут вниз кипящими водопадами. Так Фират катится мимо небольшого, но богатого городка Егин и, принимая справа воды значительного потока Гияур-Язысы-чая, (река неверных писем (а)*), идущего от Арабкира, (который остается верстах в 20 на запад), соединяется с течением довольно широкой реки Мурад-чая, составляющей главный и основной рукав Евфрата.

Эта последняя река, по мнению С-н Мартина, Арзаниас Плиния (b)**: (l'Arsanias de Plinie)*** образуется слиянием многих потоков, из которых два значительнейших идут до стороны севера и востока. И автор записок об Армении, пускаясь в подробности описания частных ее рукавов, говорит о потоке Милезгирда, как бы вытекающем из гор Бин-гэль, потом отыскивает речку Арадзан с многими именами ее притоков и, наконец, настойчиво объясняя назва-

* (а) Слово неверных должно принимать не в смысле ложных писем, но как принадлежащих иноверцам, не исповедующим исламизм и исключительно христианам – *примечание автора.*

** (b) Memoires sur l'Armenie. Tome 1, p. 50. – *примечание автора.*

*** Древние греки и римляне называли реку Арсания (греч. Αρσανίας) – *примечание составителей.*

ние Плиния, попеременно дает Мурад-чаю то его турецкое, то древнее наименование. Не будучи сам на истоках Мурад-чая, я не смею оспаривать г-на С. Мартина, но между тем полагаю более справедливым и даже более надежным руководствоваться в моих описаниях картой северо-восточной части Азиатской Турции, составленной из действительных съемок, произведенных топографическим отрядом во время наших кампаний в 1828 и 1829 годах, тем более, что на ней все очерки истоков Мурад-чая, при немногих ошибках, вполне согласуются с добросовестными и верными описаниями Кинейра.

Судя по карте и собранному мною расспросам, главное русло Мурад-чая образуется двумя значительными рукавами, из которых северо-западный, вытекая из так называемого ущелья или богаза Аль-дара в окрестностях деревень Джамбазиса и Албаза, катит воды свои на восход солнца, и в 4-х или 5-ти часах расстояния от Топрак-кале соединяется с потоком, имеющим верховья на полдень от Диадина. На карте вблизи деревень Али-кара (вероятно Кара-Али) и Джака-кыз. Первый из рукавов сохраняет название Альдара-чая, второй же более известен под наименованием Мурад-чая, хотя турки иногда употребляют как заимствованное от армян название Фрат-чая. Сверх того, довольно большие ручьи, вытекая из гор смежных Топрак-кале, идут к общему соединению обоих рукавов, и река, составленная слиянием многих потоков, катится прямо на юг к городу Милезгирду. Здесь она поворачивает на запад и принимает слева воды Бадыджан-чая, Зинджан-чая и ветви родников Муша; с правой стороны в нее течет поток Хнуса, который, начинаясь в полуденных скатах Кешмюр-дагы, противоположных площади Бин-гёль, принимает это последнее название. Устье Бин-гёль-чая находится вблизи деревни Кара-гёль и отсюда Мурад-чай в округлых изгибах вьется широкой плоскостью обширной долины.

«Местность представляет все условия тучного и плодородного грунта земли; климат несравненно теплее средней возвышенности Армении, но несмотря на таковые преимущества, едва встречаешь живое лицо или обработанное поле, и эти богатые пастбища оставлены в настоящее время на произвол кочующих пришлецов». Вот

слова Кинейра*, и судя по всем сведениям, они относятся ко всему объему широкой долины, простирающейся почти до самого Палу; далее река течет между крутыми откосами и, наконец, тесным ущельем сливается с потоком Фират-чая, сохраняя потом до самого соединения с Тигром и далее название Мурад-чая. Река увеличенная таким образом приливами всей массы рукавов древнего Евфрата, идет на юго-запад и, огибая отвесные скалы Кабан-маден-дагы, постепенно оставляет ущелье и за горами Арабкира орошает с правой стороны обширную местность пологих скатов окрестностей Малатии, составляющих плоское подножие ступени Акжи-дагы, с которой катятся в Мурад потоки Токмак-су и Куру-чая. Далее почти на восток от Малатии и в 10 верстах ниже деревень Изо-оглу и Изори, река снова прорезывает последний уступ понижающегося ската общей возвышенности, и сужая даже свое течение, быстро бежит в отвесной трещине Каджуклы-богаза. От полудня гребни гор, с одной стороны Малакан-дагы, и с другой Сарыкамыш-дагы, кажутся одним хребтом едва промытым тесниной русла, но ничтожность высоты северного их ската, сливающегося в волнистые пологости, уничтожая первое впечатление, прямо объясняет свойства прореза одной из ступеней, можно сказать той лестницы, которая так приметно возвышается к Арзеруму.

Река, минуя ущелья Каджуклы-богаза на высоте Сиверика, течет в небольшой долине между крутизнами плоских откосов, принимает справа воды значительной речки Гёк-су, которая, вытекающая из подножий утесов Тавра, вместе с приливом Пунар-баши-чая катится вблизи деревни Биюк Парвалы и впадает в Мурад недалеко от Семизата. Потом, взяв направление на юго-восток, Мурад-чай вьется мимо Рум-кале к Биреджику (Биру) и, наконец, еще не доходя Блисса или Белесса, орошает постепенно образующуюся плоскость обширных степей. Так течет он в беспрерывно увеличивающемся русле и широкой рекой, сливаясь с Тигром при Басре (Basrah ou Bassora), пересекает Ирак-Араб, и потом раздельными рукавами устьев впадает в Персидский залив.

* Voyage dans l'Asie Mineure, l'Arménie et le Kourdistan par John Makdonald Kinneir. Tome II, page 136 – *примечание автора*.

Предположения англичан насчет устройства
плавания паровых судов по Евфрату

Бир и Белес есть точки его изгибов, самые близкие к Александреттскому заливу, и недалность этого расстояния вместе с удобствами плавания по Средиземному морю; а при том, приблизительная возможность судоходства реки, служили поводом к намерению англичан открыть по Евфрату прямое сообщение с Индией. Впоследствии, обширные виды возможности сношений с Багдадом, Ирак-Арабом, Сирией, Анатолией и Персией, упрочивали эту мысль, и для ее исполнения капитан артиллерии Чесней (Chesney), будучи определен правительством, занимался с 1831 по 1833 год подробным обозрением реки. Сведения, им собранные, без сомнения чрезвычайно любопытны, и полагаю нелишним объяснить здесь, хотя общими очерками, итоги его наблюдений, взятых из краткого извлечения переписки с английским посланником в Константинополе сиром Робертом Гордоном*. Капитан Чесней разделяет течение Евфрата в отношении к плаванию паровых судов на три разряда. Первый из них, начиная от устья реки до соединения ее с Тигром вблизи Басры, он находит совершенно удобным для судов прямо пришедших из Бомбея. Потом от Басры до Ель-ос на расстоянии 800 морских миль, река не может служить для пароходов Бомбея, но между тем не представляет никаких затруднений для судов меньшего груза, ибо она везде имеет по меньшей мере 4½ фута воды.

Наконец, третье пространство от Ель-ос до Бира на протяжении немного менее 400 миль уже вмещает некоторые препятствия. И хотя в продолжении 8 месяцев в году все трудности уничтожаются избытком полноводья, но летом, в особенности выше Анна (правильнее Ганна), на расстоянии 70 миль Евфрат течет крутыми и резкими изгибами, в иных местах представляя отмели, частые стремнины, и иногда несоразмерно сужает свое русло. Далее капитан Чесней говорит, что и в случае неодолимости этих препятствий, прямое сообщение с Индией нельзя считать неисполнимым, ибо Ель-ос

* Résumé de la correspondance à l'Ambassadeur d'Angleterre à Constantino-pole par Capitaine Chesney, chargé d'explorer la navigation de l'Euphrate 1831 à 1833. — *примечание автора.*

находится только в 14 днях караванного хода от Дамаска; впрочем, непременно желая довести пароходы до Бира, он излагает возможность разработки русла, и объясняя, что самая меньшая глубина реки на последнем пространстве имеет до $2\frac{1}{2}$ футов, полагает, что с изменением устройства судов можно было бы ею довольствоваться. По его мнению 18 и даже 16 дюймов достаточно для подводной части парохода, в котором колеса расположены или в середине, или продольно, способ уже испытанный несколько раз. Трех судов, таким образом построенных, ценою каждый в 6 тысяч фунтов стерлингов было бы достаточно для постоянного сообщения. И с машинами в 20 лошадей силы, рассчитывая движение по $8\frac{1}{2}$ миль на час, суда могли бы пройти 5 миль против течения, так что идя 16 часов в сутки, они делали бы от 80 до 90 миль в каждые 24 часа и употребили бы $14\frac{1}{2}$ суток от Басры до Бира. Одолев настоящие препятствия самого течения реки, плавание представляло бы все возможные выгоды. Бир, Ганна, Ель-ос, Гит и Вавилон вмещают рынки богато снабженные всякого рода продовольствием. Берега Евфрата во многих местах имеют леса, каменный уголь недавно открыт в окрестностях Бейрута, и, наконец, капитан Чесней полагает возможным заменить его нефтью и горной смолой (bitume), которых источники находятся в чрезвычайном изобилии во всей Халдее. По его мнению, нефть и асфальт, будучи перемешаны с третьей частью дров, горят ровнее и жарче каменного угля.

Потом капитан Чесней объясняет расположение турецкого правительства и самых жителей городов, вполне оценивающих последствия устройства сообщения, говорит о неприязненности кочевых племен, думает необходимым предохранить суда от повреждения ружейными выстрелами и снабдить их средствами к обороне, считая притом, что нескольких карабинов, с небольшого калибра конгревыми ракетами, было бы совершенно достаточно для рассеивания собравшихся на берегах шаек. И наконец, в заключение, он видит уже возрождающиеся отчасти бывшие чудеса Вавилона, Пальмиры и Багдада, и по его понятиям, исполнение этих верных надежд требует только обдуманной и осторожной отчетливости в начале действий. Что касается до подробностей главных свойств самого течения реки, то по словам капитана Чесней, Евфрат вообще катится

со скоростью от 2 до 4 миль в час, на всем пространстве от Бира он уже не имеет порогов, но часто вьется тесным руслом узких ущелий. Длина его бега около 1 600 000 туазов, почти 3200 наших верст, и превышая таким образом протяжение Дуная, он уступает только течению Волги, Нила, рек Америки и Сибири. Обыкновенная глубина его не менее 8 и даже 10 футов, ширина русла непрерывно изменяется с переменною местности и времени года, и вообще река удерживает свойства разливов, если не столько же знаменитых как наводнения Нила, то почти одинаково значительных, ибо вода подымается от 12 до 19 футов и постоянно в конце мая.

Притоки Евфрата (*les affluents*) чрезвычайно многочисленны, но г-н Чесней позволит мне не согласиться с ним в удобствах сообщений с Персией и Курдистаном по рекам, впадающим в Тигр и Евфрат. Один только Тигр может считаться судоходным до Багдада, может быть во время полноводья до Мосула, но никак не далее. Г-ну Чесней непременно плыть до Диарбекира, забывая, что река в окрестностях этого города не всегда даже удобна и для легких плотов с дровами, притоки же Тигра, идущие от средоточия Курдистана и пределов Персии, катятся наподобие нашего Терека в ущелье Военно-грузинской дороги; в полноводье они кипучей волной сдвигают камни и водопадами льются по порогам. Судоходство этих ничтожных рек похоже на проект соединения Евфрата с Оронтом или возможность плавания на всем пространстве между Ерзингамом и Биром, которое капитан Чесней величает рекою первоклассной, сравнивая с Рейном ниже Шафхаузена.

От Ерзингама до Малатии самая большая ширина реки не превышает 35 сажен, и до соединения с Мурад-чаем она во многих местах льется между обломками скал по каменистым спускам небольших, но частых порогов, далее, изменяя широту русла до 55 и, наконец, вблизи Бира до 70 сажен, она идет между отвесными скалами теснины Каджуклы-богаза и вьется резкими и крутыми изгибами с беспрестанными прибоями стремнин. Глубина ее в иных местах чрезвычайно значительна, но между тем, на всем пространстве вверх до Ерзингама река удерживает летом несколько хороших бродов. Определить их трудно, ибо они изменяются ежегодно, однако даже 1½ версты ниже Бира при небольшом острове

конные во время малой воды свободно переезжают через Евфрат. А потому, несмотря на утонченную смышленность англичан, я полагаю, что плавание по Евфрату выше Бира возможно только на келлеках (плоты на бурдюках), и никогда недоступно против течения. Пройдя же Белес, предположение капитана Чесней без сомнения встретит много препятствий, но можно быть уверенным в возможности его исполнения, и вот что говорит он о пространстве между Биром и устьем реки. В 100 милях (считая по 2 тысячи туазов на милю) от Бира находится остров и город Деир, имеющий до 7 тысяч жителей и весьма удобный для промежуточного поста. Еще 100 миль далее Ганна, город грязный, имеющий до 8 т. жителей, расположенный на изрытой местности, и это пространство есть самая затруднительная часть плавания, по причине беспрерывных скал и частых стремнин. Гит в 90 милях от Ганна, несколько выше этого города видны развалины водопроводов на арках (aqueduc), работы принадлежащие временам прошедшим, чрезвычайной красоты и обширности, которые еще в настоящее время служат для орошения полей. Они объясняют некогда существовавшее цветущее положение края, и вместе выражают высокую степень гидравлических познаний народов их создавших.

Пройдя Гиоль, следы водопроводов исчезают, горы приметно понижаются и берега, в некоторых местах покрытые деревьями, делаются пустыми и безлесными. Вместо Рейна Евфрат напоминает Дунай между Видином и Силистрией*. В 70 милях от Гит и в 180 от устья Евфрата находятся чрезмерной обширности развалины Вавилона, в середине которых расположен теперь небольшой город, имеющий до 10 т. жителей. Довольно хорошо уцелевшие обломки широкой стены и нескольких башен служат его обороне, и жители, сохраняя признаки некоторого приволья, показали капитану Чесней свое расположение к европейцам. Мост, построенный на судах, служит в Вавилоне сообщением обоих берегов Евфрата, за ним Басра, потом Персидский залив и, наконец, Бомбей. Расстоя-

* Не знаю, был ли капитан Чесней на Дунае, но мне как-то кажется, что это сравнение сделано более по карте, чем самой местности, ибо трудно представить степные берега Евфрата похожими на живописные крутизны Рушук и Туртукая. — *примечание автора.*

ние от Бомбея до Басры имеет 1587 миль, от Басры до Бира 1147 миль и от Бира до берегов Средиземного моря 206 миль, что составляет 2956 миль, которые потребовали бы всего 29½ дней плавания, включая 3½ дня для перемены пароходов в Басре, возобновления продовольствия и других непредвидимых случаев. И если считать еще до 20 дней для путешествия парового судна из Англии к берегам Сирии, то вообще сообщение Бомбея с Лондоном было бы не продолжительнее 50 дней, время вполосину меньшее обыкновенно употребляемому для плавания вокруг мыса Доброй надежды. Путь этот капитан Чесней считает самым кратчайшим, ибо идущий через Египет, по его расчету 170-ю милями далее. Он полагает от Александрии до Кенне 410 миль; от Кенне до Коссира 96 миль; потом до Адена 1000 и, наконец, до Бомбея 1600 миль, всего 3106 миль. Впрочем, путешествие из Европы в Индию, несмотря на разность расстояния, потребовало бы одинакового времени, для возвратного же пути через Египет 9-ю днями менее и с меньшими затруднениями. Но здесь капитан Чесней предпочитает Евфрат, во-первых, по дороговизне и недостаткам в Египте сгораемых веществ; во-вторых, по причине постоянных ветров, в течение полугода затрудняющих плавание Черного (Красного) моря и, наконец, принимая в соображение обширные виды богатого поприща торговых оборотов через Багдад с Персией, Ирак-Арабом, Сирией и Малой Азией.

Трудно допустить перевозку значительного количества товаров на трех пароходах чрезвычайно малого размера, и притом уже нагруженных необходимыми запасами продовольствия и каменного угля или нефти, асфальта и дров; невероятно, чтобы предстояла возможность с машинами в 20 лошадей силы тянуть несколько судов против быстрого течения реки, и в особенности в крутых и резких изгибах ее частых стремнин; но, между тем, вполне разделяя основную мысль возможного плавания по Евфрату, можно полагать, что оно включает в себе самые высокие и самые обширные виды бесчисленных преимуществ для Англии. Прямое, постоянное и скорое сообщение с Индией есть без всякого сомнения весьма значительная выгода, но в этом смысле, идущее через Египет кажется более удобным и, наконец, односторонность такого рода намерения не могла бы вознаградить больших издержек необходимых при

самом начале устройства плавания*. Настоящие же надежды блестящих результатов этого смелого предприятия, не ограничиваясь простым соображением прибыльных оборотов торговли, прямо указывают на политическую цель образования постоянных сношений и впоследствии, может быть, прочного влияния на многолюдное народонаселение степей Сирии и Ирак-Араба, до сих пор совершенно удаленное от всякой связи с европейцами.

Племена кочующих бедуинов, которых число по понятиям Востока превышает многочисленность светил небесных, составляют в самом деле весьма значительное народонаселение, живущее до сих пор в диком быту родоначалия, и разделенные можно сказать на семейства, они не сливаются в одно целое, но между тем, везде удерживают одни привычки, один язык, одни нравы и одинаковый характер быта. Скотоводство и присмотр за обширными табунами лошадей и верблюдов есть настоящее богатство их занятия; нужда и недостатки, неперемнная спутница, воля – первое условие жизни и, наконец, крепость тела с воинственным удалством, следствие навыка частых междоусобных раздоров, непрерывных набегов и важности влияния личной храбрости и личной силы. Сохраняя исламизм по одному названию, они не следуют уставам Корана, который, впрочем, называет жителей степей неверными мятежниками; и в самом деле, их молитва и разум понятий религии просты, как простота взаимных отношений их жизни. Единство Бога и различие добра и зла есть начало и конец настоящей веры бедуинов; наружных обрядов у них немного, и даже разность сект, без вражды и ненависти, обозначают только общую склонность к суеверной мечтательности. История целого народа, как и жизнь одного человека, представляет постепенное различие возрастов; первая юность богата порывами пылких страстей, она обозначена яркими цветами весенней живости красок, и по многим соображениям вот настоящая эпоха быта бедуинов; возраст, который более всего способен к сильному постороннему влиянию. И если сумасбродства леди Станоп (племянницы Питта)¹⁰ были достаточны, чтобы обра-

* Англия, неуверенная даже в возможности судоходства, для одних опытов ассигновала 25 т. фунтов стерлингов, не считая ценности постройки самых судов. – *примечание автора.*

тить в ее пользу несколько кочующих племен, то мудрено ли, что смысленность и разум поведения англичан, прокладывая торговый путь, положат прочное основание некоторого рода власти над всеми жителями обширного объема степей. Впрочем, такие примеры превосходства одной моральной силы мы имеем в отношении к жителям степей Оренбурга*.

Сначала бедуины без сомнения встретят англичан со всей неприязненностью диких разбойничьих шаек, но потом постепенное образование торговых сношений, ласковое внимание к родоначальникам племен (шейхам), всемогущество звонкого металла и преувеличенное мнение жителей о несметности богатств европейских положит первое основание дружелюбных сношений; общая же врожденная ненависть к туркам, как врагам свободы, простота и терпимость понятий религии, могут служить верной опорой не открытой власти, но прямого и постоянного влияния. Выгоды таких последствий были бы ясны, ибо если до сих пор, при всей раздельности, жители степей принимают всегда важное участие в делах Сирии, то нет сомнения, что с содействием европейцев предстояла бы возможность соединить их почти в одно целое, и они составили бы значительную массу всегда готовой грозной армии. Тогда Багдад был бы целью желания англичан, и Евфрат, покрытый укреплениями, необходимыми в самом начале опытов судоходства для обеспечения различных складов, может быть обозначил бы оборонительную линию нового завоевания, упроченного одним превосходством разума. Впрочем, обширность цели плаванья по Евфрату, кажется, не ускользнула от смысленных понятий Али-Мегмед-паши, ибо, несмотря на всю ценность союза с Англией и совершенное согласие султана, он старался сначала отклонить это предприятие и, наконец, решительно объявил себя против. В бытность мою в Антиохии я встретил капитана Ленче, назначенного помощником капитана Чесней, начальника экспедиции опытов плаванья по Евфрату; разобранные на части пароходы должны были прибыть

* Быт жителей Кавказа не может служить примером, ибо различие племен горских и бедуинов чрезвычайно значительно и, можно сказать, составляет настоящую противоположность основных очерков характера жителей гор и жителей равнин. — *примечание автора.*

в Александретту или к устью Оронта, но между тем, местное правительство не разрешило ни исправления дорог, ни самых начальных вспомогательных средств, и остается знать, найдет ли Али-Мегмед-паша возможность удержать настойчивость своего желания.

Тигр с его главными притоками

После Евфрата значительнейшая река Турецкого Курдистана есть без сомнения Тигр; образовавшийся из соединения многих горных потоков, которых ветви орошают все пространство от Арганымаден до пределов Персии, составляет общий бассейн всей массы воды южных утесов гор Джебель-ель-Немруд, Меграпп-дагы и Гертушли-дагы, и главное его русло, увеличиваясь с постепенным слиянием различных притоков, начиная от Мосула, вьется широкой рекою, омывает стены Багдада и, прорезывая его степи, сливается с Евфратом выше Басры. В первом образовании четыре главных потока составляют основные ветви верховьев реки; самая восточная названа Курдаши-Кабуром, потом рукав Ерзень, далее Батман-су и, наконец, Шат или рукав Диарбекира. Эта последняя река, обозначая западную черту главного русла, образуется слиянием нескольких горных родников, принимающих свое начало на юго-восточных крутизнах среднего кряжа Меграпп-дагы, в расстоянии 4 или 5 верст от д. Кыджан и верстах в 13 от Арганымаден, почти на высоте Сардар-хана. Соединение первых источников Шата, извиваясь в глубокой пропасти значительной расселины гор, представляет чрезвычайно быстрый поток, который наподобие Терека катит под отвесными скатами, и горным водопадом льется через пороги каменистых обвалов. Страбон производит древнее название Тигра от медского слова Тигрис (Tigris) или стрелы, и в самом деле, ее полет как бы выражает чрезвычайную быстроту течения (Strabon, livr XI, p. 327 французского перевода). Таким образом, Шат минует рудокопни Арганымаден, и с крутым наклоном своего русла, вьется вблизи Карпутской дороги, пересекая ее в нескольких точках.

Но далее, на высоте Шербетли-хана, где последние уступы горных ветвей упираются на обширную плоскость степи, река появляется в приметно расширяющейся долине, и ее округлые изгибы представляют русло, везде имеющее от 15 до 20 сажен ширины, глу-

бина удерживает, по меньшей мере, до 2½ футов, и течение более однообразное во время полноводья, не затрудняет сплавов леса и перевозки тягостей на легких келлеках. Местность берегов совершенно изменяется; вместо отвесных скал громадного сооружения, глубокая долина реки прорезывает плоский объем степей, и Шат, принимая с правой стороны воды довольно значительного потока Деве-гечюгю-чай, течет у подножия высокой плоскости, на которой расположен Диарбекир (а)*, потом, минуя этот город, река, извиваясь в богатой долине, огибает оконечности горных откатов, и удерживая направление на восток, вблизи деревни Осман-киой соединяется с Батман-су. Этот средний рукав Тигра, выливаясь от самых подножий верхнего гребня Меграпп-дагы с чрезвычайной стремительною, прорезывает утесистые отроги гор и при соединении с Шатом уже имеет до 120 шагов широты, удерживая притом глубину несравненно значительнее первого. Далее, соединение двух первых ветвей, сохраняя название Шата, течет в глубоко прорезанной долине по направлению на юго-восток, и отсюда корыто русла, хотя и сохраняет ширину от 35 до 40 сажен, но уже не имея прежнего крутого наклона, представляет везде непрерывные отмели наносного ила и песку. Таким образом, Шат соединяется с небольшим потоком, идущим от д. Тильмуц, в котором Кинейр полагает рукав Тигра, названный в древности Нимфей (Nimphocus) и, наконец, ниже Гесен-Кайера сливается с рукавом Ерзень. Начальные истоки Ерзень-чая находятся вблизи озера Менускат и оттуда, идя почти прямо на юг, он минует деревню Ерзень и катит воды свои на соединение с Шатом. Кинейр переехал эту реку вблизи Редуан, где она имеет до 60 шагов ширины с совершенно ничтожной глубиною. Потом, более на юг, Тигр, по-турецки Шат и по-арабски Дидж-лех или Деггель **, льется между крутизнами небольшого ущелья, занятого жилищами курдов-иезедис (поклонников злого духа), про-

* (а) Сведения эти были собраны на самом месте, но желание дать хотя общие понятия об остальном пространстве реки, требовало необходимости руководствоваться частными рассказами жителей края, и притом следовать описаниям Кинейра – *примечание автора*.

** Турецкое наименование реки Тигр – Диджле, а Шатт-эль-Араб образуется после слияния Тигра и Евфрата. – *примечание составителей*.

ходит городок Джезирет-ель-Омар, расположенный на острове разделившегося русла, и от Джезирета с левой стороны реки омывает подножия Джюда-дагы, принимает на высоте Заку воды Кабура и, в постепенно расширяющейся долине между степями, идет мимо Мосула к Багдаду.

Кабур, без всякого сомнения, может считаться главным и самым значительным рукавом Тигра; составленный из слияния родников верхнего гребня Джебель-ель-Немруд, пройдя Битлис, он уже представляет довольно большой горный поток, который римляне знали под наименованием Нисефора (Nisephorius)*. Южнее же Серта, постепенно увеличиваясь приливом непрерывных ручьев, он образует глубокую и быструю реку, имеющую от 25 до 30 сажен ширины, которая течет между крутизнами довольно гористого, но богатого и местами хорошо населенного края; так минует Кабур городок Закку, и принимая с правой стороны воды потока Газель-су, впадает в Тигр. Единственный брод этой реки (проходимый, впрочем, только в малую воду) находится на дороге из Серта в Диарбекир, и здесь то Кинейр полагает древний Кинтрид (Cintrite), столько затруднивший переправу 10 т., который Ксенофонт назначает рубежом Кардукии и Армении. Впрочем, в отношении бродов и даже самого объема русла должно заметить, что вообще все реки этого края, сливаясь с чрезвычайно круто наклоненной плоскости общего ската, отличаются быстротою их течения, и находясь под непрерывным влиянием всей массы снегов верхнего гребня гор, сообразно различным временам года, значительно изменяют и высоту своих вод, и самые свойства дна. А потому весьма трудно было бы определить с точностью постоянные точки частых отmelей и бродов; в глубокую осень мелководье уничтожает всякую возможность судоходства; вместе же с тем, как начинают таять снега гор (в конце мая вся верхняя часть Тигра и его притоков представляет горные водопады, которые с необычайною быстротой и силой сливаются в одно общее корыто главного русла, стремнины рушат целые скалы и перенося гряды камней).

* La rivier Nisephorius, dit Tacite est assez large; elle baigne une partie considerable des murs de Tigranocerte – Серта или Серета. – *примечание автора.*

Так течет Тигр до Ески-Мосула, но начиная от последнего брода вблизи этого города, река, удерживая постоянную глубину, уже не затрудняет сплавов на келлеках, и вот выписки из рассказов Кинейра о его плавании между Мосулом и Багдадом. Плот или келлек, на котором отправился английский путешественник, имел от 18 до 20 шагов длины и 14 ширины, он был устроен из дощатого и камышового помоста, расположенного на бурдюках наполненных воздухом (надутые бараньи кожи) таким образом, что в их небольшие отверстия, обыкновенно завязываемые, можно было вставить камышовые трубки, чтобы надувать кожи каждые два или три часа. Течение реки, с помощью двух только весел, несло келлек до 4 миль в час, и излагая свойства всего пространства реки до Багдада, Кинейр, кроме рассказов о развалинах, говорит о значительной стремнине вблизи остатков плотины, называемой теперь Немруд; потом, после соединения Тигра с большим и малым Заабом, река, постепенно расширяясь, образует в своих разливах непрерывные песчаные острова и частые отмели. Местность берегов принимает вид безграничной песчаной пустыни, изредка покрытой небольшими холмами, и только самая долина реки сохраняет скудные признаки жизни.

От Багдада Кинейр спустился до Басры в небольшой лодке, совершив это плавание в течение семи дней, и этот участок реки он считает совершенно судоходным, по крайней мере во время половодья; далее же огромная река Шат-ель-араб, разделяясь на многие устья, несет соединенные воды Тигра (Диджлех или Деггель) и Евфрата (Мурад-чая) в залив Персидский. Но этими неполными очерками ограничиваются общие итоги сведений Кинейра, и должно согласиться, что они еще чрезвычайно мало удовлетворительны. Он нигде не определяет средней широты Тигра, умалчивает о настоящей скорости его течения, и даже приблизительная средняя глубина остается нерешенною загадкой; судя же по рассказам жителей Мосула (с которыми мне удавалось говорить несколько раз), от этого города до Багдада, сообщение свободно только на келликах, далее же большие острокильные каики (лодки) идут к Бассоре без всякого затруднения, даже и в среднюю воду.

К числу особенностей, принадлежащих Тигру и Евфрату, можно отнести непрерывные колеса для орошения огородов и

полей, расположенных по берегам, и притом особого рода паромы чрезвычайно удобные для перевоза караванов. Саккии или колеса для орошения поднимают воду сообразно их диаметру, иногда до 15 сажен высоты*. Колесо обращается на оси, утвержденной между двумя каменными столбами, и оно приводится в движение напором воды в поперечные небольшие доски, расположенные по всему объему окружности; самый обод колеса представляет один общий ящик, разделенный на небольшие отделения, из которых каждое имеет отверстие к стороне берега. Таким образом, часть колеса, погружаясь в воду, наполняет пустоты ящиков, и с новым подъемом наверх вода выливается в отверстия, перед которыми устроено корыто, и от него желоба или проводники орошения. Иногда вместо пустого обода, к окружности колеса привязывают на двух канатах несколько кувшинов в небольшом расстоянии один от другого и немного наклонно к берегу, и тогда кувшины заменяют ящики. Но этот способ более употребляется при саккиях, составляющих род колодцев, и тогда они приводятся в движение силою быков, которые поворачивают средний вал обыкновенной шестерни.

Что касается до паромов, то они могут быть чрезвычайно удобны для перевоза кавалерии, караваны перевозятся на них, даже не развьючивая самых верблюдов. Паромы эти представляют различного размера плоскодонные барки, их дно, не будучи горизонтальной плоскостью, напротив того состоит из выгнутой поверхности, которая сливается с острием носовой части судна и идет к корме плоским скатом так, что главный выгиб дна почти спереди барки. От кормы паром совершенно открыт и представляет как бы отрезанную лодку; с этой то стороны он пристает к берегу, и поднятая часть плоского дна, несмотря на различие глубины и небольших отмелей, подходит к самой черте берега; вместе же с тем как нагружается носовая часть парома, корма выше подымается над поверхностью воды и уничтожает неудобства открытой части судна. Бока барки, низкие сзади, постепенно возвышаются к стороне носа и дают судну вид, по крайней мере с бока, древних галер или трапе-

* В Гамме или Гаммахе мне удалось видеть колесо, имеющее в диаметре 48 аршин. Обод его утвержден непрерывными радиусами штучных деревьев, сплоченных притом поперечными обводами – *примечание автора*.

зондских канджир-баш. Течение несет паром вниз по реке, но дабы хотя несколько управлять его движением, спереди приделано длинное весло, или то, что называется на наших барках потесью, и сверх того на носовой части устраиваются гнезда для нескольких пар обыкновенных весел. Главные выгоды этих паромов состоят в том, что они без всякой пристани совершенно плотно подходят к берегу и не оставляют крутого порога, на котором не одна лошадь ломала себе ноги, потом, взойдя без всяких препятствий, лошадь не может свалиться в воду, и они стоят как бы в ящике с высокими боками; но нет сомнения, что такого рода переправы могут быть устроены только в довольно хорошую погоду и через реки средней величины, ибо управление судна вовсе не надежно.

После Евфрата и Тигра, обозначающих их притоками главные ветви общего разделения вод южного ската средней возвышенности Арзерума, Аракс и Кура составляют основные бассейны ее северо-восточной стороны. Но эти реки не были в черте обозрений, и они хорошо известны по описаниям Грузии и последним походам Турецкой и Персидской войн.

Чморох с его притоками

На север же от высокой площади окрестностей Арзерума, за хребтом Гияур-дагы, течет довольно значительный поток, известный между жителями под названием Чмороха. Река эта, составленная слиянием родников верхнего гребня Копт-дагы, Аглы-Оглу-дагы и Альма-дагы, прорезывает весь Лазистан и впадает в Черное море вблизи Батума. С. Мартен полагает в ней древний Акамписис греков (l'Acampsis des Grecs)* В начале, Чморох образуется соединением двух главных ветвей, из которых первая и самая значительная, сохраняя название Чурака, вьется от подножий каменистых утесов окрестностей д. Лори, орошает равнину Сюнюр-ова, и потом от д. Чипшиниз входит в теснины горных ущелий. Вторая ветвь от самых родников северного ската Копт-дагы течет глубоким оврагом и, огибая Байбуртскую крепость, сливается с первой в 9 или 10 верстах на север от этого города, далее соединенные ветви Чурака и Чмороха

* Mémoires sur l'Arménie. Tome premier, page 37— *примечание автора.*

представляют поток, имеющий от 10 до 15 сажен ширины, который с необычайной быстротой вьется на северо-восток, минует городок Испир, принимает справа воды Джануран-чая, Тортум-су и еще нескольких небольших ручьев, и потом довольно широким устьем впадает в море. Течение Чмороха отличается чрезвычайною быстротой, и от самого слияния двух первых ветвей, идя под отвесными скалами глубокой пропасти, он прорезывает весь Лазистан тесным и почти неприступным ущельем, и только вблизи Батума берега образуют несколько расширяющуюся долину. В малую воду поток струится по непрерывным порогам обрушившихся обвалов, оставляя везде неглубокие и частые броды, но весною и во время зимы полное корыто Чмороха, как горный водопад сносит обломки утесов и рушит целые скалы.

*Потоки, впадающие в Черное море на запад от Чмороха
и общее описание морского берега до устья Екил-Ирмака*

На запад от Чмороха и вдоль берегов моря, вообще вся местность обставленная непрерывными отрогами главных хребтов Оф-дагы, Сысс-дагы и Каябоюз-дагы, представляет постоянные гряды утесов, которые упираются на самую черту поморья и везде прорезаны непрерывными потоками гор. Потоки эти, ничтожные по своей величине, заслуживают особенного внимания по расположению их ущелий, ибо они составляют и черты жизни края, и линии его сообщений. Из числа самых главнейших можно считать небольшую речку Гюмюш-хана. Сливаясь с той части гор, где отделяется хребет Оф-дагы, она идет тесным и глубоко врезанным ущельем, во многих местах ограниченным отвесными скалами. Так минует она городок Гюмюш-хана, и потом под нависшими утесами льется к морю, впадая в оное вблизи Триполи, где и принимает название Триполи-дереси. Расположение рудокопень Гюмюш-хане, их разработки, и притом дороги, ведущие из Байбурта в Трапезонд и прямо в Триполи, служили, вероятно, первыми причинами значительного народонаселения, поместившегося как на самом дне теснины, так и по крутым скатам ее берегов, и можно сказать, что в настоящее время малейшая горсть удобной земли везде представляет засеянное поле или фруктовые и виноградные сады. Далее к северу, от вершин

Куллат-дагы и почти от самого Кара-Капана идет поток Джевизлыка или Дерменлы-дереси, впадающей в море вблизи Трапезонда. Его ущельем вьется большая Арзерумская дорога, и местность берегов, уже не имея резких очертков отвесных утесов теснины Гююш-хане, представляет глубокий овраг с богатым и населенным берегом; беспрерывные деревни раскиданы по пологостям скатов, и ряд почти непрерывных садов огибает все подошвы гор.

Потом на запад от Триполи, кроме многих горных родников, два довольно значительные потока Ялым-дере и Батмана-дере, вытекающая от верхних гребней хребта, впадают в море, первый между Триполи и Кересундом, и второй вблизи этого последнего города, оба потока выются горными водопадами вдоль диких и пустынных ущелий, которые служат всходами дурных тропинок для прямого сообщения с южной стороной хребта Сысс-дагы. За ними Деваны и Армулли-дереси, небольшой поток Фассы и, наконец, далее Термех или Термия. Потоки Деваны и Армулли-дереси, составленные соединением ключей высокой отрасли Кочь-бойнези-дагы, катятся к морю и вблизи устья, несколько на восток от Орду, идут широкой долиной, ограниченной плоскими скатами. Речка Фассы, приняв начало у подножий горы Кох-Гиовар, течет глубоким оврагом, во многих местах образуя довольно широкую долину, и прорезывая один из участков богато населенного Джаника, она идет к Фассе, где и орошает низменную плоскость поморья. За этими потоками, несколько западнее, течет баснословный Термодон, названный теперь Термех или Термия. Долина Фемискирская существует еще в полном наряде изобильного края; но вместо амазонок она занята трудолюбивыми жителями Джаника. Река ее, вытекая от подножий горы Чекран-тепе, огибает южные скаты Кох-Гиовара, и потом диким и лесным ущельем пересекает дорогу, идущую из Фессы в Никесар, далее, после крутого поворота на север, вьется в постепенно расширяющейся долине и впадает в море, пробежав более полутора верст; русло реки в самом широком месте не превышает 10 сажень, и она вообще сохраняет все свойства горного потока. Местность берегов при устье Термеха приметно изменяется; горы, уже не столько высокие, оканчиваются к морю округлыми скатами, которые понижаясь сливаются с низменной плоскостью Чшаршенбека, и вместо крутых скал, заросших лесом и кус-

тарником, весь край представляет беспрерывно разбросанные деревни и повсюду богатые жатвы значительных посевов.

Впрочем, должно заметить, что вообще горы прибрежной части края, начиная от Батума, тянутся грядами высоких утесов, прорезанных частыми потоками, и упираясь на самую черту берега, вдаются в море почти отвесными скалами мысов Фунджи, Геракли-я-Аджалаке, Иорос, Иореле-кале, Кара-бурун и Зефире, но далее, значительно теряя свою высоту, они образуют гребни Кочь-бой-нези-дагы с их оконечностями мысов Вона и Язуна и, наконец, в более округлых и более плоских видах тянутся к низменным берегам устья Екил-Ирмака и Самсунского залива. Страна, даже в близком расстоянии от моря, представляет неправильные громады почти неприступных скал, заросших до самых снежных вершин частым лесом сосен и елей (во многих местах годных для кораблестроения); но как бы в противоположность этой пустынной местности, вся низменная часть поморья и принадлежащие к ней скаты соединяют в себе все условия пышного убранства богатой растительности чрезвычайно изобильного и привольного края.

Екил-Ирмак с его главными притоками

На южной стороне Сысс-дагы, горы в общем разделении их хребтов оставляют довольно широкий промежуток, вдоль которого вьется главный рукав Екил-Ирмака, поток ничтожный по объему его русла, но орошающий одни из самых богатейших долин края. Верхние ветви его начальных истоков, сливаясь с откосов Гюмюш-хане-даглар, Альма-дагы и Гемин-белли, образуют небольшие ручьи, которые текут широкой плоскостью долин Кеклык-Чефлыка, окруженных пологими скатами. И эта местность принадлежит к тем участкам земли, где полное изобилие и все удобства жизни соединяют значительное народонаселение, столпившееся в один тесный округ.¹¹ Далее поток Кеклык-Чефлыка, составленный таким образом, соединением нескольких горных ключей, течет между крутизнами довольно значительного оврага на западе и на высоте Карагисара принимает справа воды ручья этого города, а с левой стороны слияние родников равнин Ендереса (также чрезвычайно богатого и многолюдного округа), которые катятся от подножия Янин-дагы

и Дерелли-дагы. Потом, верстах в 15 от Кара-Гисара, речка входит в тесное ущелье, и принимая название Сег-дереси, льется в прорези глубокой пропасти к Кулей-Гисару, но пройдя этот город, она течет с новым наименованием Кулей-Гисар-су, и отвесные утесы берегов ее ущелья, оставляя между собою постепенно расширяющееся дно долины, вблизи Никсара уже ограничивают обширную плоскость ровной низменности богатого и изобильного края. Быстрый поток, орошая сплошные посевы различного рода хлеба (в особенности сарацинского пшена), вьется богатую полосою широкой долины на северо-запад, и потом, соединившись с потоком Амасии, образует русло Екил-Ирмака или древнего Ириса*, который минуя Чшаршенбек, вливается в море несколькими рукавами болотистых устьев. Главная особенность этой речки, на всем протяжении различных ее названий, состоит в местных богатствах, сначала верхних ветвей ее истоков, и потом низменных равнин окрестностей Никсара и Чшаршенбека. Самый же поток, хотя и пробегает около 300 верст пространства, но его глубина в обыкновенное время ничтожна, и русло в широком месте на превышает 15 сажен. Однако должно заметить, что в полноводье река течет с чрезвычайной быстротой, она широко разливает свои воды, и ниже Кулей-Гисар-су все броды делаются вовсе непроходимыми, время, когда турки ее называют Дели-чай или большой рекою. От Кулей-Гисар-су на полдень течет поток Токмак-су или Токат-дереси, речка, составляющая также один из рукавов Екил-Ирмака, и достопримечательная по богатствам ее широкой долины. Вытекая от подножий северных скатов высокой вершины горы Юлдус-даг, она составляется слиянием горных ключей, и от деревни Омар-киой орошает низменную плоскость значительной равнины, которая, минуя Токат, течет к Туркалу, и потом идет глубоко прорезанным оврагом к Амасии.

Часть Кызыл-Ирмака

Самая значительная река средней Анатолии есть древний Гамм, теперь Кызыл-Ирмак или красная река. Она образуется сое-

* В нашем Энциклопедическом Лексиконе река названа Ешил-Ирмаком или Зеленою, но я смело могу уверить, что все жители края знают ее под одним только названием Екил-Ирмака – *примечание автора*.

динением нескольких рукавов; но в участке моих обозрений мне удалось видеть только небольшое пространство восточной ветви Кызыл-Ирмака от его верховьев до Кесарей¹². Начальные истоки этой речки, сливаясь от гребней Янин-дагы, представляют вблизи большой деревни Зары несколько тесных ущелий, покрытых горными потоками, которые с разных сторон выются к одному общему руслу главного корыта, и река, составленная слиянием этих первых родников, начиная от Зары имеет от 10 до 12 сажен ширины, и с постоянной глубиной вьется довольно широкой долиной, ограниченной крутыми берегами. С левой ее стороны в недалеком расстоянии тянутся утесистые гребни высокой отрасли Камлы-дагы, и с правой продолжение откосов Янин-дагы. Так Кызыл-Ирмак течет вдоль разнородных плоскостей, во многих местах широкой и потом снова тесной его долины, и в 45 верстах ниже Зары принимает слева воды довольно большого потока Аджи-су или горькой воды. Название это дано в настоящем смысле свойствами его вод, ибо сливаясь с высоких гребней Камлы-дагы, поток прорезывает на значительном пространстве солёные горы, и его воды темного цвета имеют вкус солёно-горький, более неприятный, чем самая морская вода¹³. Отсюда может быть первая этимология Галиса, ибо Страбон производит его название от прилежащих к нему солончаков*, впрочем, это свойство грунта есть общая принадлежность обоих берегов, по крайней мере, самой восточной ветви Кызыл-Ирмака. От соединения с Аджи-су река, имея от 15 до 20 сажен, течет быстрым потоком на запад, минует небольшое ущелье д. Козлуджикыврас и потом, глубоко прорезывая весь объем средней террасы, вьется обширною плоскостью широкой долины, ограниченной с обеих сторон высокими крутизнами. Таким образом Кызыл-Ирмак идет вблизи Сивасса, и приняв с правой стороны воды небольшого потока Юлдус-Ирмак, катится на юго-запад; русло его постоянно орошает ровную плоскость широкого dna глубокого оврага и, составляя общий бассейн небольших горных ключей, он течет по направлению к Кесарси, но не доходя этого города, круто пово-

* Strabon, tome quatrième, seconde partie, page 35, французского перевода – *примечание автора*.

рачивает вправо и потом вьется к берегам Черного моря. Красноватый цвет его мутных вод, несколько солоноватый вкус и постоянная глубина составляют главные особенности этой реки; броды существуют только в недалеком расстоянии от Зары, и то в самое сухое время года; главнейшие же переправы хороших каменных мостов находятся по дороге в Ак-Моден вблизи Сивасса, при ущелье Колуджикывраса и потом при деревне КеDERьян.

Потоки восточного уступа Средней террасы

Восточнее Кызыл-Ирмака, за горами Дерелли-дагы, текут потоки Карабудах-чая, Гияур-Язысы-чай, Куру-чай и Токмак-су. Первые из них, прорезывая груды каменистых утесов до самого Евфрата, выются горными водопадами; два же последних более замечательны по расположению их ущелий и самой длине их течения. Куру-чай образуется соединением двух небольших ручьев, вытекающих от Аладжа-хана и Кангала; потом, прорезывая крутой уступ террасы на высоте Гасан-Челеби, поток принимает воды Кызыл-Ирмака, идущего от Делекли-таш, и извиваясь глубоким ущельем к Яким-хану, пройдя оный течет к пологостям Малатии. В обыкновенное время года Куру-чай весьма часто оставляет сухое дно каменистого оврага, но в полную воду, идя чрезвычайно быстрым потоком, несет в Евфрат значительную массу воды и уничтожает на несколько дней всякую возможность переправы. Токмак-су, принимая свое начало на запад от Гюрюма, льется мимо этого города в прорезе чрезвычайно глубокого оврага и, приняв с левой стороны поток Хумарлы-дереси, соединяется с речкой Деренде, потом с Султан-дереси и, наконец, орошая плоскость Малатии, впадает в Евфрат довольно широким руслом имеющим до 10 сажен ширины с постоянной глубиной.

Реки южных утесов верхнего гребня Тавра или настоящего Ахур-дагы и Булдурус-Белли

На южной полосе от самой верхней плоскости террасы катятся быстрые потоки, которые с необыкновенной стремниною прорезывают весь объем крутого уступа Тавра. Из них главнейший Гек-су или синяя вода, древний Каликинд, потом древний Пирам, теперь

Джейхан-чай, Адана-чай или Шейгун древний Сарус и, наконец, Тартус-чай или Сиднус. Реки эти совершенно отличаются от потоков северной части края. Не имея постепенного увеличения русла, они от самых верхних родников представляют значительную массу воды, которая выливаясь с необыкновенной силой, катится по крутому наклону непрерывных ступеней высоких порогов, и обмывая обнаженные скалы, несет к устьям большое количество мелкого речного камня, песку и наносного ила.

Гёк-су или синие воды

Гек-су (синие воды) берет свое начало у подножия высокого Ахур-дагы вблизи д. Нурках; оттуда горным водопадом она льется в чрезвычайно глубокой пропасти отвесных скал, с одной стороны Кестир-даг, и с другой Бияз-Ахур-дагы; потом, приняв направление на северо-восток, река огибает утесы Кестир-даг, и на высоте горы Борух-даг, соединяется с речкой Пунар-баши-чай. Поток этот катится от северных скатов Ак-даг, орошает ровную плоскость окрестностей деревни Сюрюгу и, наконец, узким горлом глубоко врезанного ущелья вьется на соединение с Гек-су. Далее река течет почти прямо на восток, и идя между скалами каменистого оврага, впадает в Евфрат выше Семизахта. Теснина Гек-су на этом последнем пространстве означает общий прорез южных откосов главного уступа Тавра. Горы левого берега тянутся высокой зубчатой стеною, и их отвесные скалы остроконечными гранями упираются в самое корыто реки; на правой же стороне, за первыми обрывами оврага ряд усеченных высот представляет постепенные уступы понижающихся скатов, которые сливаются сначала с округлыми холмами Бесни и потом с обширной плоскостью равнин Антепа. Что касается до принадлежностей самого русла, то Гёк-су, почти от ее верховьев течет быстрым и глубоким потоком по чрезвычайно каменистому дну; ширина ее вблизи Алтын-кюпри имеет до 15 сажен, сила и скорость течения в полномовье необычайны, но и в самое сухое время она имеет броды только на верхних оконечностях ее ветвей; существующие переправы находятся по дороге из Альбистана в Бесню или Алтын-кюпри, золотой мост, потом по дороге из Бесни в Малатию, Паша-кюпри, и еще три часа ниже, мост Вижня (мосты приличной постройки из камня).

Джейхан-чай

Западнее Гёк-су течет быстрый и глубокий поток древнего Пирама, теперь Джейхан-чая. Выливаясь от северных скатов Ак-даг, река в первом соединении начальных родников орошает обширную плоскость равнины Альбистана и, сохраняя направление на запад, вьется у подножия гор до небольшого городка Арпыса, но здесь, после крутого поворота на полдень, Джейхан-чай входит в тесную расселину скал, и его ущелье, рассекая громады утесов, прорезывает весь объем гигантской груды южных обрывов Ахур-дагы. Жители края рассказывают, что все пространство этой почти неприступной теснины представляет постоянную борьбу необыкновенных усилий горного водопада; неся значительную массу воды, он льется с крутого наклона высоких порогов, сдвигает целые глыбы скал, потом скрывается под обрушившимися обломками и, наконец, снова быстрой стремниной подмывает утесы. Таким образом, Джейхан-чай, идя в двух часах расстояния от Мараша, принимает слева воды довольно большой речки Ак-су (Белая вода), поток, который вытекая от подножия горы Ортан-тепе, орошает часть равнины Сукер-ова и потом, вдаваясь плоскостью Мараша на север, перед самым впадением в Джейхан-чай, вьется в прорезе тесного ущелья. Настоящее русло его имеет до 15 сажен, но старожилы края рассказывают о сохранившемся предании, по которому весь объем Сукер-ова и Ерзенис-ова представляли одно обширное озеро, и судя по расположению гор, нет никакого сомнения, что небольшой перешеек тесного ущелья Ак-су образовался от значительного напора большой массы воды, скопившейся на котловине обеих равнин. Далее Джейхан-чай, увеличенный приливом Ак-су, льется в глубокой теснине отвесных скал на юго-запад; принимает воды нескольких небольших потоков, минует Анзар-бек, и извиваясь в округлых изгибах по низменной плоскости поморья, пройдя Месисс впадает в Александреттский залив. Ширина его при Месиссе имеет до 35 сажен, но к устью река принимает гораздо больший объем, представляя притом беспрерывные изменения берегов по причине большого количества наносного ила и песку.

Шейгун-чай или Адана-чай

После Пирама или настоящего Джейхан-чая, главнейший поток равнин древней Киликии есть Сарус, теперь Шейгун-чай или Адана-чай. Вблизи этого города и вдоль всей низменности поморья до самого устья, Шейгун вьется глубокой рекой, имеющей до 30 сажен ширины, но к стороне верхних его истоков, гористой части края, он представляет соединение трех главных ветвей, ничтожных по объему русла, и вместе чрезвычайно значительных по расположению их ущелий. Первая из этих ветвей, или Аджемиз-чай, выливаясь от подножия Демир-Казык-даг, образует тесное корыто начального спуска с вершин Буддурус-белли, и потом течет прямо на юг в постепенно углубляющейся долине, которая в некоторых местах прорезывает крутые почти отвесные утесы. Большая Кесарейская дорога вьется берегом этой речки, но от Камышли-хана поток круто поворачивает на восток и, скрываясь под обломками обрушившихся скал, рассекает горы глубокой расселиной Камышли-богаза. Потом речка снова появляется при соединении с Бозанты-чаем и вместе с ним льется к низменной равнине, образуя, таким образом, постепенно увеличивающееся русло Шейгун-чая. Бозанты-чай составляет самую среднюю ветвь, которая, извиваясь ущельем Константинопольской дороги, минуя Ак-кюпри, прорезывает утесы глубокой пропастью Беллемелик-богаза, и идя вдоль оной, принимает воды Аджемиз-чая, с которым и катится к морю. Третья и, наконец, последняя ветвь Шейгун-чая, есть ручей знаменитого Кулек-богаза, или ущелья древних ворот Киликийских, сливаясь почти с вершин высокой отрасли Хейва-дагы, потом вьется в глубокой расселине скал до Сарымыш-хана и потом, прорезывая крутым оврагом предгорье главных утесов, сливается с Шейгуном на ровной плоскости низменного поморья.

Тарсус-чай

За ним, почти в самом углу равнин Киликийских, течет древний Сиднус или настоящий Тарсус-чай. К стороне гор он представляет слияние нескольких горных родников, которые выются небольшими ущельями, но вблизи Тарсуса река, имея до 15 сажен ширины, обтекая город, катится по небольшим порогам и потом течет плоскостью равнины, образуя своими разливами довольно значительные болота прибрежной черты моря.

Потоки степей Алеппа и Антена

Далее, на восточной стороне Александреттского залива, за хребтом Гияур-дагы, весь объем плоских степей до Евфрата прорезан небольшими потоками, из которых главнейший Нахр-ель-Афреен, впадающий в озеро Антакии, потом Нахр-ель-Галепп, который течет к Алеппу и, наконец, Есьм-чай и Мизип-чай, впадающие в Евфрат. Речки эти едва составляют самые ничтожные ручьи, и они замечательны единственно как черты орошения, а потому и жизни, всего пространства степей, где недостаток воды уже делается приметным. Потом, более к югу, горы как бы прорезаны богатой долиной Антакии и Суведии, вдоль которой течет Оронт, по-арабски Ассыс или мятежная река, но изложение главных свойств ее течения принадлежит к очеркам Сирии. В настоящих же описаниях, после общего разделения потоков, необходимо обозначить постоянные водохранилища или озера, разбросанные на всем объеме края.

Главнейшие озера

По свойству самых вод они вообще разделяются на соленые и пресные; к числу первых принадлежат озера низменной части поморья вблизи мыса Кара-таш (на углу Александреттского залива); Султан-сазы на равнине Яваш-ова в трех часах от Девели-Карагисара; Туз-яр на высоте Султан-хана по дороге из Сивасса в Кесарею; Улаш при деревне этого названия в окрестностях Сивасса и еще несколько небольших солончаков раскиданных вблизи долины Кызыл-Ирмака и по самой плоскости средней террасы. Что касается до озер пресной воды, то главнейшее из них есть озеро Антакии или Бахр-ель-Абиаб (белое море) арабов и Айны-Семек-гёль туркменов. Потом Гияур-гель на равнине Сукер-ова; три небольшие озера Гель-баши и Геледжик вблизи Карпута. Озеро Антакии есть самое большое, оно имеет до 35 верст длины, и от 5 до 9 верст ширины. К стороне Бейлана крутые скаты, едва оставляя плоскость долины, тянутся вдоль самой прибрежной черты, окруженной со всех сторон болотистыми топями, заросшими камышом. На юго-восточной оконечности небольшой рукав соединяет озеро с Оронтом и глупина его, по рассказам жителей, почти везде ничтожна, так что каики самого малого размера затрудняются частыми отмелями. Вода

в озере совершенно пресная и оно славится изобилием всякого рода рыбы. Более на север, озеро Гияур-гёль составляет водохранилище равнины Сукер-ова, оно имеет в окружности до 12 верст, покрыто небольшими островами, из которых на одном расположена деревня Голеджик; берега его везде чрезвычайно болотисты, и топи тянутся плоскостью долины до самой Ак-су. Потом, в близком расстоянии от Алтын-кюпрю, несколько на полдень, небольшие горные потоки, сливаясь к широкой долине, образуют три озера, расположенные одно возле другого и известные между жителями под названием Гёль-баши. Долина этих малых озер тянется параллельно течению Гек-су между деревнями Тавра и Чатлы, и их особенности состоят в местных богатствах живописной низменности берегов. Наконец, озеро Геледжика или Карпута составляет глубокую котловину, окруженную со всех сторон утесистыми крутизнами гор; длина его до 10 верст, и ширина от 2 до 3 верст. Название Геледжика дано ему от деревни, расположенной на небольшом острове в середине озера; оно чрезвычайно глубоко и воды его имеют несколько солоноватый и горький вкус.

Изменчивость климата и средоточия главнейших богатств растительности

Общие очерки взаимного отношения высот, горы с подразделением их отраслей, некоторые свойства составных частей самого грунта земли и настоящее расположение стоков воды с ее главными бассейнами обозначают основные принадлежности разнообразных видов наружного облика края, но чтобы исследовать исключительные свойства страны, познакомиться с ее местными средствами, заметить частные особенности и получить правильное понятие о настоящем ее характере, необходимо изучить общие принадлежности климата, причины частых его изменений и, наконец, разнородную постепенность в распределении главных богатств растительности. Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана, составляющие предмет настоящих обозрений, будучи расположены между 36 и 41 градусами северной широты, казалось бы безусловно принадлежат к участкам весьма жаркой полосы Земли, но между тем, перемены времен года и средняя теплота воздуха, как бы следуя

наружным изменениям поверхности черепа, представляют чрезвычайно разнообразие и часто самые резкие переходы от суровых непогод севера к жарам полуденного края. Выдавшиеся оконечности верхних гребней хребтов, покрытые в продолжение большей части года глубокими снегами, составляют самую холодную часть края; за ними несколько ниже полоса умеренная и, наконец, вдоль берегов моря на низменности глубоких долин полоса чрезвычайно жаркая.

Разделение такого рода, конечно, было бы правильно, но оно представляет еще чрезвычайные затруднения в постепенности этих переходов, ибо зная даже средний градус температуры при соответствующем градусе высоты, оставался бы длинный ряд непрерывных исключений, по причинам постоянного влияния внешней черты берегов в отношении к морям, близости или удаленности этой массы воды, кряжей покрытых всегдашними снегами, расположения хребтов, самого состава их строения и, наконец, чрезвычайно важного влияния ветров, иногда отстраненных местными препятствиями или собранных в теснины ущелий. А потому точность в определении этих разнородных изменений, кроме многих вспомогательных средств, требовала бы неперменного основания постоянных барометрических наблюдений, особенно любопытных для верного означения взаимного отношения плоских ступеней непрерывно понижающегося ската. Что касается до главных переходов климата, то они обозначены столько резкими чертами, что для полного их выражения весьма достаточно исследовать простые понятия жителей края и притом руководствоваться общими выводами соображений основанных на наружных признаках перемен температуры и постепенного развития растительности. Одни из особенностей климата всего объема этой страны состоят в поздних изменениях или некоторой запоздалости времен года. Весна резко начинается раньше исхода апреля, хорошая сухая осень продолжается почти всегда до конца декабря и самые суровые месяцы зимы есть февраль и март. Изменения эти могут считаться общими для всего пространства страны, хотя они являются в различных подразделениях и совершенно разных видах. Зима на возвышенных точках края представляет глубокие снега; морозы иногда выше 15° Рео-

мюра*, полное оцепенение растительности и постоянные порывистые ветры с вьюгами, которые превосходят самые непогоды нашего Севера. На пространствах более низменных слой снегов делается менее значительным, холода более умеренные, и они часто перемежаются густыми туманами или продолжительными дождями с изморозью и снегом. Наконец, вдоль прибрежных частей поморя и на самом дне глубоко врезанных долин, зимние месяцы есть постоянное время продолжительных дождей, ртуть редко бывает ниже нуля, среднюю температуру можно считать от 12 до 13 градусов тепла, и богатая растительность, в особенности на берегах Средиземного моря, является в самом пышном убранстве**.

Таковы общие разнородные виды зимы, остальные времена года с переменою местности имеют также им принадлежащие оттенки, но они выражены менее резкими чертами и находятся под гораздо большим влиянием частных случаев. Особенно трудно было бы заметить верную эпоху первой весны, время это изменяется на самых близких расстояниях; мне часто случалось оставлять цветущие долины, чтобы в 20 верстах видеть те же деревья без малейшего признака зелени. Но это разнообразие почти уничтожается в отношении к началам зимы, и хотя на высоких точках края первые морозы показываются в сентябре, но погода обыкновенно стоит сухая и светлая; к исходу же декабря, после первых ноябрьских дождей, большая масса густых облаков постоянно несется от севера к югу и повсеместно начинаются зимние непогоды, с той только разностью, что в окрестностях Арзерума они сохраняют все условия сурового холода, тогда как на прибрежных низменностях выражаются туманами или слякотью и продолжительными дождями. Такая разность видов одной и той же эпохи служит, без сомнения, самым верным и самым естественным разделением страны по разнородности ее климатов. К участкам холодного края, кроме верхних греб-

* В Арзеруме во время зимних квартир нашей армии морозы доходили до 18 градусов, а потому нет никакого сомнения, что на высоте гор холода должны быть гораздо значительнее – *примечание автора*.

** Зимние месяцы на равнинах окрестностей Аданы и Тарсуса могут считаться лучшим временем года, все деревья в полном цвету и обширные рощи помаранчевых и лимонных садов покрыты спелыми фруктами – *примечание автора*.

ней гор, принадлежит вся возвышенная площадь выдавшихся откатов Арарата, на значительном объеме окрестностей Арзерума и верховьев Евфрата, Аракса, Куры и Чмороха. Потом вся волнистая плоскость средней террасы от гребней Акжа-дагы до утесистых обрывов Тавра (настоящего Булдурус-бели и Ахур-дагы) и от подножия Аргеуса до южных скатов Юлдус-дагы*.

За ними к свойствам климата более умеренного должно отнести долины средней части края, весь объем начального образования степей Антепа, окрестности Диарбекира и все пологости Караджа-даглара, но здесь частые переходы представляют чрезвычайно многие подразделения, и они изменяются сообразно степени углубления долин и значительного влияния ветров. К отделу жаркого края принадлежат прибрежные низменности поморья, глубоко врезанная долина Мурад-чая, плоскости равнин Карпута, раскаты степей на юг от Мордына, Урфы, Антепа и, наконец, знойные равнины Аданы и Тарсуса. Первый из этих участков или самый холодный можно сравнить с климатом средней полосы России; глубокие снега с постоянными морозами продолжаются от декабря до исхода апреля; осенние заморозки почти всегда начинаются в сентябре, и весьма умеренные жары лета есть принадлежность одного июля. Растительность здесь не имеет ни малейшего свойства полуденных стран; фруктовые деревья, даже и те, которые мы видим в наших садах, составляют большую редкость; виноградников нет и горы покрыты изредка сосновым лесом и хвойным кустарником, но между тем пологие скаты в летние месяцы славятся тучными пастбищами и все низменности равнин вмещают богатые жатвы пшеницы, ржи, ячменя, проса и вообще посевов, которыми изобилует средняя Россия. Отличительные принадлежности этой местности есть богатства различного рода хлеба и притом чрезвычайно сухой и здоровый воздух.

Пространство, принадлежащее к отделам умеренного климата можно сравнить с широкой полосой северного подножия Кавказа. К стороне Кизляра и Георгиевска. Растительность является здесь

* Терраса, хотя принадлежит к участкам холодного края, по сравнению с возвышенностью Арзерума свойства ее климата делаются более умеренными и не столько суровыми – *примечание автора.*

в полном разнообразии; виноградников чрезвычайно много, обширные сады изобилуют всякого рода фруктами, и более разнородные посевы отличаются особенно большим количеством сарацинского пшена и хлопчатой бумаги. Зимние холода не имеют постоянной суровости, но жары продолжаются от начала июня почти до октября, и весьма часто жители края вынуждены переходить на возвышения по причине слишком знойного лета, иногда повальных болезней и совершенного недостатка пастбищ, выгоревших от солнца. С переходом к самым жарким участкам края, местность принимает новый характер, и перемены времен года имеют свои односторонние принадлежности. Время знойного лета представляет край в самом бедном его виде, помертвевшая зелень едва удерживает признаки жизни, и удушливость воздуха, вместе с знойным солнцем, кажется, осуждает всю природу на совершенное бездействие, но с первыми дождями все оживает и, за исключением двух или трех недель постоянных туманов и слякоти, зимние непогоды есть самая цветущая эпоха полного развития растительности; дожди продолжаются от декабря до марта; январь и февраль лучшее время посевов; май и июнь месяцы жатвы. Степи этих пространств в продолжение зимы представляют самые изобильные пастбища, прибрежные же части поморья, в особенности на ровных низменностях Аданы и Тарсуса* отличаются пышным убранством разнородных растений. Обширные сады состоят из шелковичных, гранатовых, оливковых, лимонных, померанцевых и апельсиновых деревьев, вблизи же Александреттского залива изредка показываются пальмы. Жатвы изобилуют сарацинским пшеном, сезамом, хлопчатой бумагой, различного рода хлебом и овощами; и предгорья в окрестностях Тарсуса во многих местах покрыты лесами различного дуба (преимущественно мелколистным зеленым), кипарисов, кедров, чинар, смоковниц, платанов, лавров и тому подобных деревьев. Но вообще, весь объем отделов жаркого климата составляет вместе с тем самые нездоровые участки края. Постоянные лихорадки, повальные гнилые горячки

* Равнины эти, будучи совершенно закрыты от северных ветров, принадлежат к самым знойным участкам; жары иногда доходят до 32 градусов в тени; изобилие же воды, удерживая постоянную влажность, служит верным основанием чрезвычайно сильной растительности – *примечание автора*.

и другие болезни есть принадлежность низменной части берегов моря и преимущественно равнин Аданы и Тарсуса. Различного же рода нарывы, глазные болезни и известный Алеппский веред составляют особенности степей Алеппа, Урфы, Багдада, окрестностей Диарбекира и Мардыни.

Богатства растительности можно вообще разделить на два разряда: к первому принадлежат значительные массы лесов, которые, составляя настоящее выражение деятельного развития растительных сил, уже сами собою обозначают многие условия приволья и изобилия края. К второму должно причислить участки земли, которые, соединяя в себе все принадлежности удобства жизни, служили как бы сборными пунктами большего или меньшего народонаселения. Нет сомнения, что они представляют чрезвычайное разнообразие непрерывных изменений и самые односторонние виды, но вообще, те из них, которые вмещают на своем объеме избыток и разнородность произведений, составляют настоящие средоточия главных богатств края. К этим отделам принадлежат: плоскость Арзерума, окрестности Кеклык-Чефлыка и Ендереса, долина Ерзингама, площадь Альбистана, несколько низменных котловин вблизи Кесареи, окрестности Бесни и Гель-баши, долины Никсара, Токата и вообще весь объем прибрежных низменностей Екил-Ирмака и его притоков. Самыми богатейшими участками края по всей справедливости могут считаться округ Джаника и равнины Уль-ова и Куз-ова вблизи Карпута. Вмещающая многолюдное народонаселение, они представляют все условия полного изобилия, значительный избыток произведений, и живописная их растительность является в самом пышном и самом разнообразном убранстве.

Что же касается до расположения общей массы лесов, то должно заметить, что ими изобилует в особенности северная часть края. Все скаты гор, обращенные к берегам Черного моря и прорезанные непрерывными потоками, начиная от Батума, покрыты прекрасными лесами, которые постепенно увеличиваясь к западу, образуют к стороне Синопа, по выражению жителей, море деревьев (Агач денизи). Идя до самой нижней черты поморья, леса одевают утесы до верхних гребней снежных вершин и потом, вдаваясь в полуденную часть края, тянутся почти до самой долины Кулей-Гисар-су

и за оною огибают откосы хребтов Юлдус-дагы, Янин-дагы и значительного объема Дерелли-дагы. В окрестностях Кересунда, Орду, Фассы и Синопа они составляют богатые материалы кораблестроения и отличаются множеством мачтовых деревьев самого большого размера. На низменных скатах и вблизи Черного моря леса содержат различного рода дуб, ясень, клен, бук, платан, берест, дикие груши, яблони, черешни, кизил и лавр; густой же кустарник колючего терновника, разнородного рододендрона, жасмина, мирт, зеленицы и еще многих растений, одевая все пологости, представляет край в самом живописном виде. Но к верхним хребтам гор они состоят исключительно из сосновых и еловых деревьев, которые оканчиваются на средних откатах террасы можжевельным и кипарисным кустарником.

Потом, далее на юг, до самых вершин Тавра, местность представляет голые степи, и только вблизи истоков Гёк-су показывается редкий лес кипарисов и группы хвойного кустарника, раскинутые вдоль ущелий и оврагов. С переходом же на полуденную сторону гигантских обрывов Ахур-дагы и Буддурус-белли, за обнаженными их гребнями, частый строевой и корабельный лес одевает весь объем нижних откосов до самой плоскости равнин, и идя вдоль перерезанной местности всей гористой части края, сливается с лесами юго-западных скатов хребта Гияур-дагы. Потом, от Мараша и Бесни утесы Тавра и раскаты его подножий покрыты группами платанов, фруктовых деревьев и почти сплошными виноградниками. Колючий же кустарник теряется в начальном образовании степей Антепа.

Таково общее распределение лесов всего пространства правого берега Евфрата; на левой его стороне край состоит большей частью из обнаженных высот, и первые группы преимущественно дубовых деревьев показываются в окрестностях Битлиса, потом на откатах Сары-мышь-дагы и вдоль уступа Караджи-даглара, но здесь они вообще раскинуты разнородными массаами, и на постепенных сходах к степям оканчиваются мелким дубовым и хвойным кустарником.

Оглавление второй части

Общее разделение края.

Жители его населяющие. Исчисление общего числа жителей. Турки. Греки и армяне. Кочевые народы. Очерки управления и народного быта оседлых жителей.

Описание городов.

Расположение городов и их наружность. Улицы. Площади. Мостовые. Строения. Базары. Караван-сарай или ханы. Мечети. Общественные бани. Кофейные и цирюльни. Булочные и общественные печи. Частные дома и сараи главных правителей и богатейших сановников.

Трапезонд. Платана. Триполи или Тереболи. Кересунд. Орду. Фасса. Кара-гисар. Кулей-гисар. Никсар. Токат. Сивасс. Гюрюм и Деренде. Альбистан. Кесарея. Инже-су. Девели-Карагисар. Мараиш. Бесня. Малатия. Ески и Ени-Арабкир. Егин. Кемах. Ерзингам. Гюмюш-хане. Бир. Урфа. Сиверик. Диарбекир. Аргана. Аргана-маден. Карпут.

Произведения края.

Общее обозрение. Рудники. Соль. Селитра, сера, медянка и киноварь. Мрамор, гипс, алебастр, слюда, известковые ломки и глина. Леса. Сады. Поля. Баштаны. Пастбища, трава, сено и камыш. Домашние животные. Лошади. Лошаки, мулы и ослы. Верблюды. Буйволы, волы, быки и коровы. Овцы и козы. Свиньи. Дикие звери и птицы. Домашние птицы. Пчелы. Ящерицы, змеи и насекомые.

Торговля края, сообщения и общие взгляды на промышленность. Общая статья о торговле Трапезонда и ее влияние на купеческие дела России в Персии.

Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана

Часть 2-я

Общее разделение края, жители его населяющие, очерки управления и народного быта, описания городов, произведения края, устройство сообщений, промышленность и торговля.

Общее разделение края

Разделение Азиатских земель вообще руководствуется различием народов, их населяющих, округами отдельных управлений и, наконец, участками, которые по каким-либо особым свойствам получили частные прозвания. Таким образом, весь объем Азиатских владений Турции носит общее наименование Анатолии или Анадолла Тарак, Курдистана и Лазистана, и Арабистана. Собственно Анатолия заключает в себе весь полуостров Малой Азии и земли, которые от полудня ограничиваются владениями Паши Египетского,¹⁴ на север примыкают к рубежу России и, наконец, со стороны востока отделяются течением Мамахатун-су, Фирата и Мурад-чая, или средним рукавом Евфрата.

Курдистан занимает все пространство от Евфрата до пределов Персии, и от степей Багдада до южных ветвей Аракса.

Название Арабистана принадлежит огромному пространству земель, которые, начиная от Антепа и северного рубежа степей Багдада, далеко вдаются на полдень и заключают в себе весь промежуток между Средиземным морем, Сюзским перешейком, Черным морем, Индейским океаном, Персидским заливом и Курдистаном. Разделения счастливой, пустынной и каменистой Аравии незнакомы ни туркам, ни самим туземным жителям; но весь объем Арабистана делится на несколько больших отделов и потом на малые участки, которые носят наименования согласные бесконечным именам разноплеменных жителей. Сирию также считают частью Арабистана, и она обыкновенно называется землей Дамаска или Шама.

Лазистан находится на северо-восточном углу Анатолии и составляет прибрежный участок Черного моря. С полудня его ограничивают горы Гияур-дагы, Копт-дагы и Аглы-оглу-дагы; с западной стороны гребни Алма-дагы и потом отрасли Гюмюш-хане-даглар или Оф-дагы; и, наконец, с восточной стороны Лазистан примыкает к границам России и горному рубежу Ахалцихского и Карского округов.

Кроме этих главных разделений, собственно Восточная Анатолия представляет несколько частных наименований, которые как бы выражают остатки первобытных ее жителей, таким образом, окрестности Арзерума и страна смежная с Араратом вообще называется Ерменли-мемлекет или земля армян, средняя же часть Анатолии на северной стороне Тавра носит название Рум-мемлекет, т. е. страны греков. Но вообще названия такого рода не означают отдельных областей и, как кажется, они даны в воспоминание прежней Армении и земель, принадлежащих римлянам, которых турки мешали с греками, называя их словом Рум.¹⁵

Частные свойства земли также служат иногда основанием особых прозваний, почти каждая равнина имеет свое имя; участок же заслуживающий особенного внимания, составляет так называемый Джаник. Название это происходит от слова Джан или душа, и оно дано по причине чрезвычайного изобилия местных произведений, которое вынудило считать земли Джаника как бы источником средств и настоящей силы края. Округ Джаника занимает часть побережья Черного моря от впадения Кызил-ирмака до мыса Воны, и потом к нему принадлежит котловина ветвей Екиль-ирмака и Термии, которые представляют соединение нескольких значительных долин расположенных обширным амфитеатром. С восточной стороны Джаник примыкает к гребням Коч-бойнези-дагы, Кох-гиовару, отрогам Чекран-тепе и, наконец, ущелью Сег-дереси, полуденный его рубеж составляет хребет Янин-дагы и Юлдус-дагы; с западной же стороны он отделяется продолжением Юлдус-дагы и горами Марсована. Отделы такого рода вообще выражают одни главные наименования земель, в смысле же политического разделения край делится на довольно обширные области и частные округа. Область или значительный участок страны всегда отдавался

в управление паше, почему их и называют пашалыками; небольшие же города, составляя частные подразделения пашалыков, называют санджаками, вероятно по особому знамени, которым они отличались во время общих военных сборов; сельские волости именуются по различию их частных начальников: воеводлыками под управлением воеводы, агалыками или округ аги, и муселемлыками или волость муселима. Кроме этого разделения, селения назначенные для обрабатывания рудников, вообще представляют отдельные округа маден-топрак или рудокопной земли. Некоторые из частных лиц имеют также особые земли и, наконец, во многих местах сильнейшие владельцы из именитого рода пользуются правами неограниченной власти и носят название дере-беев.¹⁶

До последней войны с египтянами Восточная Анатолия заключала в своем объеме пашалыки: Карский, Арзерумский, Трапезондский, Карагисарский, Сивасский, Кесарийский, Аданский и Марашский. Курдистан был разделен на пашалыки: Баязидский, Мушский, Ванский, Диарбекирский и Урфский; но с окончанием войны это общее разделение совершенно изменилось, земли Адана перешли к паше египетскому, и управление края составило три приметных отдела. Сераскир Арзерума (Асет-паша) имел у себя Арзерумский, Карский и Баязидский пашалыки; трапезондский (Осман-паша) заведовал Лазистаном, береговой частью Джаника и вообще прежним Трапезондским пашалыком. В лице же сардар-азама* сосредоточивалась главная власть, и прежние Сивасский, Карагисарский, Марашский, Ванский, Диарбекирский и Урфский пашалыки находились уже под его личным начальством и, вместе с покорением курдов, должны были составить две отдельные части, таким образом, чтобы управление всего Курдистана сосредоточивалось бы в Диарбекире, управление же Восточной Анатолии в Сивасе. Подразделение санджаков осталось по-прежнему, и в настоящее время пашалык Трапезондский заключает в себе весь объем Лазистана, и сверх того делится на три санджака, из которых каждый имеет несколько небольших округов. К санджаку Трапезонда принадлежит Платана,

* Один из титулов великого визиря в Османской империи – *примечание составителей.*

Еллеус и Биюк-Лиман. К санджаку Гюмаш-хане – Триполи, Кересунд и Орду. К санджаку Самсуна – Фасса, Уния и Чшаршенбек.

Сивасский пашалык по последнему разделению занимает обширное пространство всего объема земель от гребней Тавра до горного рубежа Трапезондского пашалыка или гор Сыс-дагы и потом от Евфрата до Ак-сарая, Юсгата и Османджика. К санджаку Сиваса принадлежат: Гюрюм, Деренде, Малатия, Яким-хан, Зара и Каргын. К санджаку Кесареи: Ак-сарай, Инже-су, Девели, Карагисар, Нигде и Евфек. К санджаку Токата: Туркал, Амасия, Никсар, Османджик и Марюван. К санджаку Карагисара: Кулей-гисар, Кеклык-Чефлык и Ендерес. К санджаку Арабкира: Еки и Ески-Арабкир. К санджаку Егин: Диверик и Кемах. К санджаку Мараша: Альбистан, Бесня, Гель-баши и Харна. Земли левого берега Евфрата или собственно Курдистан представляют еще бесконечные разделения частных и во многих местах независимых владельцев или дербеев. В настоящее время начальники, зависящие от турецкого правительства, находятся только в Диарбекире, Урфе, Мердыне, Сиверике, Карпуте, Палу, Муше, Диадине и Баязиде. Разделение Карского, Арзерумского и Баязидского пашалыков хорошо известно по последней войне 1829 года.¹⁷

В смысле отдельных округов независимых от общего разделения края, есть обширное пространство, так называемый Мадентопрак или земли рудников. Главный из них составляет санджак Гюмюш-хане, на объеме которого добывают серебряную и медную руду. Округ этот занимает русло глубокого оврага р. Триполи-дереси и сверх того к нему принадлежат гористые отделы Гюмюш-хане-даглар, часть Сыс-дагы и полуденные скаты Хорос-дагы, Кулаат-дагы и Заада-дагы. Потом следует округ Кабан-маден, его составляет отдельная группа утесов Джегер-дагы, и в нем достают серебро и часть золота. Аргана-маден или богатейший рудник меди вблизи Арганы. Демир-маден или железный рудник вблизи Мараша, и, наконец, Куршун-маден или свинцовый по дороге из Кесареи в Адану. Кроме этих отдельных участков, земли занятые оседлыми и кочевыми курдами носят особые названия, и не только весь объем Курдистана, но и самая середина Анатолии представляет бесконечное подразделение разнородных племен, которые изменяются вместе с их переселением.

Жители края

Значительное народонаселение, рассыпанное по всему объему Восточной Анатолии и Курдистана, состоит вообще из остатков первобытных жителей, турок поселившихся в краю после его завоевания и, наконец, кочевых народов, из которых некоторые принадлежат к турецкому племени, и другие к поколениям курдов или давнишних владельцев земель левого берега Евфрата. Остатки первых жителей, без всякого сомнения, еще сохраняют чрезвычайно многие подразделения, но в числе старожилов, особенно отличающихся их самобытностью, можно считать армян, лазов, курдов и небольшую часть греков, уцелевших после общего раздробления их империи и колоний, которые были разбросаны по берегам Черного и Средиземного моря.

В Северной Анатолии и на обширном пространстве Курдистана армяне составляют большую половину всего народонаселения, и кроме городов, исключительно армянские деревни во многих местах занимают значительные отделы многолюдных округов. Их особенно много в участках смежных Арарату, в окрестностях Арзерума, в санджаке Ерзингамском, вблизи Карпута между Диарбекиром, Мердыном и берегами Ванского озера, в окрестностях Мараша, Сивасса и Малатии, и на пространстве между Сивассом и Кесарией. Лазы занимают так называемый Лазистан.

Курды делятся на оседлых и кочевых; настоящее их отечество составляет общий объем Курдистана или земель смежных владений Турции и Персии, и потом всего пространства до Аракса, Евфрата и степей Багдада; но, не ограничиваясь этим обширным отделом края, часть курдов перешла к стороне Анатолии, и постоянные жилища нескольких оседлых племен находятся вблизи Мараша, Бесни, Антепа, Малатии, Гюрюма, Альбистана, Сивасса, Арабкира, Егин, Ерзингама и еще на некоторых участках Арзерумского, Баязидского и Карского пашалыков; временные же переселения кочевьев ежегодно распространяются до самых удаленных степей Ак-сарая, берегов Александреттского залива и горного рубежа Джаника и Трапезондского пашалыка.

Греки Восточной Анатолии вообще составляют самую меньшую часть общего народонаселения края, многие из городов едва имеют по несколько семей, в Курдистане их совершенно нет (за

исключением Диарбекира и Урфы), и главные сборища находятся только в ближайших окрестностях Трапезонда на берегах Черного моря, в объеме Джаника, вблизи Кесареи, вдоль поречья Евфрата до Малатии и потом во всех округах рудокопной земли.

Турки, или настоящие владельцы края, в Восточной Анатолии едва составляют половину общего числа жителей, на объеме же Курдистана их весьма немного и, по обыкновенному расчету туземцев, они не превышают десятой доли всего народонаселения. Турки вообще предпочитают городскую жизнь, и даже в Анатолии, где они свободно располагали завоеванными землями, главные массы сосредоточиваются в городах, меньшая же часть живет деревнями и занимает долины и участки самых богатых отделов края.

Кочевья туркменского племени находятся на южной полосе Анатолии, и настоящий объем их временных жилищ составляет окрестности Кесареи, потом ближайшие равнины Мараша, берегов Александреттского залива и, наконец, степей Антепа и Антакии в Сирии.

Кроме этих главных разделений, есть еще небольшие общества, так называемых ашеред-адам или переселенцев. Здесь турок, курд, туркмен и армянин удерживают одинаковые права, и они вообще представляют довольно значительные сборища всякого рода бродяг. Не будучи кочевыми жителями, ашеред-адам часто переходят от одного владельца к другому, живут во временных бараках, и их постоянное пребывание обыкновенно соображается с обстоятельствами и расчетом личных выгод. Они находятся на полуденных скатах Тавра в окрестностях Мараша, вблизи Антепа, Бесни, на вершинах Акжа-дагы и по берегам Евфрата.

Таким образом, общая сложность народонаселения Восточной Анатолии и Курдистана представляет разнородные переходы от первой кочевой жизни к общественному устройству, и это различие объясняется не только в основных очерках характера, но и во всех принадлежностях частного быта. Кочевые племена повсюду сохраняют условия самых начальных занятий человека, и их полуденная жизнь выражает семейный быт пастырей. Между оседлыми курдами уже заметны некоторые условия гражданских отношений феодализма; они делятся на небольшие общества, и каждый из них составляет частный удел именитого родоначальника.

Армяне и греки, которым турки дают одно название Райя, представляют приметное разделение духовенства, людей промышленных и торговых и, наконец, хлебопашцев; два первые класса могут считаться самыми образованными во всей Турции, и их богатства дают им некоторое участие даже в делах управления края, последний же класс состоит из грубых и полудиких поселян, посвятивших себя исключительно земледелию.

Турки еще до сих пор удерживают характер воинов, поселившихся в завоеванной стране, каждый из них считает себя естественным владельцем покоренного края, и самостоятельная гордость служит одинаково принадлежностью высшей власти и самого последнего хлебопашца. Деятельность труда избирается только в случае безусловной необходимости, привольные земли легко доставляют первые потребности, и даже скудные средства праздной жизни предпочитаются богатству, основанному на трудолюбии. Степени просвещения, за исключением весьма немногих лиц, совершенно одинаковы во всех классах, и разность нравственных понятий отличается единственно знаниями догматов исламизма и потом различием состояний, которые изменяют образ жизни и привычки роскоши.

Определить точную сложность числа жителей было бы чрезвычайно трудно и даже невозможно, потому что и самое правительство не имеет никаких верных сведений; одни только греки и армяне, или Райя, некоторым образом вычисляются по числу выдаваемых паспортов (харач), но в этом случае, кроме многих злоупотреблений, деревенские жители берут паспорта только на хозяев домов, работники же их и даже дети остаются без всякого исчисления; женщины не входят ни в какой расчет.¹⁸ Народонаселение вообще разбросано отдельными общинами; жилые округа состоят почти из сплошных деревень и заключают в себе большие массы жителей, но эти участки разделяются значительными пространствами пустынных и совершенно безлюдных утесов. Не имея поголовных описей, самые частные владельцы едва знают число домов, и при том откупная система заставляет скрывать настоящее народонаселение, дабы этим способом уменьшить ценность выручаемого дохода, который служит основанием платы за право управления. Оседлые курды и ашерעד-адам считаются по домам, кочевые же — по числу шатров, они беспре-

рывно переходят от одного владельца к другому и в общей сложности представляют самые запутанные и самые неопределенные понятия о их настоящем числе. А потому, чтобы иметь хотя приблизительный расчет общей сложности народонаселения края, необходимо отделить жителей, по крайней мере тех городов, которые находятся на главнейших проезжих дорогах (глазомерной съемки), потом взять в соображение число шатров известнейших курдских племен, и по этим данным судить об остальных частях.

Главный отдел собственно Восточной Анатолии, заключающийся между Арзерумом, Лазистаном, берегами Черного моря, Евфратом (начиная от Фирата и потом по Мурад-чаю), владениями Сирии и линией проведенной от Кулек-богаза через Кесарею к Токату и Фассе, представляет 27 разной величины городов, и сверх того, на этом пространстве кочуют около 20 различно названных племен курдов в следующем порядке.

Главнейшие города	Число жителей		
	Турки	Армяне	Греки
Трапезонд	9800	200	3500
Платана	1840	—	560
Триполи	2000	—	780
Кересунд	2200	—	1300
Орду	1200	—	300
Фасса	1200	—	200
Никсар	9200	—	3500
Токат	11000	4250	1500
Сивасс	10000	3200	300
Гюрюм	2200	2160	—
Деренде	2050	2000	—
Альбистан	2000	1800	—
Карагисар	6200	467	2160
Гюмюш-хане	2370	—	4500
Байбурт	2500	800	200
Арзерум	4500	12500	2300
Мараш	10320	4820	450
Бесня	10300	3500	200
Малатия	6000	5670	—
Ески-Арабкир и Ени-Арабкир	12200	650	200
Егин	9500	8750	5670

Главнейшие города	Число жителей		
	Турки	Армяне	Греки
Кемах	3000	400	—
Ерзингам	5300	1800	350
Кесарея	8000	2650	3800
Инже-су	1750	2300	2500
Девели-Карагисар	2300	2350	250
ВСЕГО*	178430	52267	34520

Названия кочевых племен	Число шатров	Ашеред-адам и оседлые курды	Число домов
Решван	15000	Изо-оглу	2000
Хаматлы	3000	Мелекенли	1500
Атмалы	2500	Шивниуч	800
Хортлы	1400	Гелерли	2500
Каралар	2000	Кяау	1200
Делекенлы	1000	Кеверес-оглу	1000
Мюлекенлы	1000	Зеравкун	800
Кылычолы	2000	Акжи-дагы	3500
Тержерлы	500	Таушанлы	3000
Таушар	1200	Уаджуклы	800
Кроме этих главных названий, есть еще чрезвычайно многие подразделения и вообще число кочующих племен простирается, по крайней мере, до 40 или 50 тысяч шатров.		Изоли	750
		Бешьянлы	450
		Токарыс	1000
		Госсан-Мансы	1200
		Мюджелы	1000
		Исчисления эти взяты по расчету главных начальников, но кроме поименованных оседлых курдов и ашеред-адам, есть еще значительные селения, и один Мараш считает в своем округе до 15 т. домов.	
ВСЕГО**	50000	ВСЕГО	25000

* Итоговые данные не соответствуют сумме приведенных чисел – *примечание составителей.*

** Итоговые данные не соответствуют сумме приведенных чисел – *примечание составителей.*

Таким образом, в городах находится турок до 180 т., почему для живущих деревнями можно положить еще до 150 т., т. е. всего 330 т. Армян в деревнях, по крайней мере, втрое более, и прибавляя к 50 т. еще полтораста, получится до 200 т. Греков, кроме 35 т. живущих в городах, есть еще, по крайней мере, до 40 т. или всего около 75 т*. В 50 т. шатрах кочующих племен без сомнения можно считать до 150 т. жителей, и потом в 25 т. домах оседлых курдов и ашеред-адам непременно найдется до 75 т. человек, и общая сложность такого разделения составляет: турок от 330 т. до 350 т.; армян до 200 т.; греков до 75 т.; кочующих до 150 т.; оседлых курдов и ашеред-адам до 75 т.; или всего до 850 тыс.** Если же включить Карский пашалык, северную часть Арзерумского и, наконец, Баязидский, то общая сложность народонаселения собственно Восточной Анатолии (по черту Малой Азии) непременно будет иметь около одного миллиона жителей.

В Курдистане, судя по рассказам туземцев, народонаселение несравненно сильнее; турки там не составляют и десятой доли общей сложности, но армяне считаются в половине, и, таким образом, на полтора миллиона, которые легко можно полагать, судя по сравнительности объема Восточной Анатолии, должно быть до 150 т. турок, до 650 т. армян и столько же разноплеменных курдов. Исчисление такого рода вынуждает обратить особенное внимание на малочисленность настоящих владельцев или завоевателей края, и потом на многосложные силы остатков прежней Армении. Несоразмерность, которая со временем могла бы иметь значительное и самое невыгодное влияние.

Турки

Гений преобразователя водворил знамя исламизма, и его самобытная мысль разлилась между многочисленными поколениями, воскресила их нравственные силы, показала единство предупредж-

* Расчет относительной сложности народонаселения сделан по обыкновенным соображениям главных турецких властей и понятиям армянского и греческого духовенства – *примечание автора*.

** Расчет этот может считаться непременно уменьшенным – *примечание автора*.

дения воли и повлекла целый народ к завоеванию света. Таковы были начала первого могущества турок, вся Турция представляла тогда многочисленное ополчение одной огромной армии, в ней заключался народ и государство, она служила отечеством каждого, и убежденный в превосходстве праворечия, каждый считал себя избранным исполнителем воли Божией и нареченным поборником его славы. Вдохновенное слово пророка (Коран, называемый также Кемам-шериф или слово Божье) служило источником всех узаконений, и самый гражданский быт, семейные отношения и даже условия частной жизни выражали первенство религиозных понятий и были направлены к одной господствующей цели распространения исламизма. Завоеванные земли служили как бы временным отдыхом общих ополчений, всегда готовых к новому походу; они имели совершенно военное управление и отдавались в распоряжение начальников различных частей армии. Предводитель народа, или лучше сказать предводитель правоверных, Ислам-падишах соединял в себе неограниченную власть главного вождя, сановники его заведовали отдельными частями, и сверх того, к ним присоединялись различного рода союзные владельцы.

Таким образом, каждый считал себя более или менее естественным хозяином новых земель, внутреннее устройство принимало виды дележа захваченного у неприятеля сокровища; служба вознаграждалась раздачей различных имуществ, и турки за трудности военного дела получали полные права безусловной власти во всех отданных им землях. Отсюда общая народная гордость, привычки, выражающие господство над всем окружающим, и сверх того, предубеждение в каком-то высшем предназначении, которые передали целому народу всеобщую беспечность, обыкновенную принадлежность воина и отличительную черту турецкого характера. Руководствуясь одной господствующей целью, Магомед передал своим поклонникам, во-первых, уверенность в их превосходстве, и во-вторых, отчувствовал от них все принадлежности нравственных направлений человека. Турок знает дружбу как товарищество, верит любви как желанию наслаждений, семейство его составляет близких прислужников, он иногда гордится достоинствами сына, но детей у него слишком много, и в привязанности к ним никогда не выражается оттен-

ков прямого счастья любимой жены, которое между образованными народами служит основанием достоинства и богатства чувств отца семейства. На окружающие предметы он смотрит хладнокровно, и если и имеет жажду познаний, то она обращается на изучение догматов веры, остальное же есть дело Аллаха. Привязанности к родине турок совершенно не имеет, и даже слово отечество не существует в их языке. Богатство он любит как средство различных утех; будущее предоставляет на волю Аллаха, никогда не заботится о достоянии детей, и, пользуясь настоящим, ненавидит труд и в совершенном бездействии находит одно из лучших наслаждений.

Молитва составляет, можно сказать, единственное духовное направление его воли, но и в этом случае, более видна заносчивость какой-то мечтательности и безумное предубеждение. Положенные уставами Корана умовение и молитва занимают у турок почти половину времени, и где бы он ни был, обряды эти соблюдаются строго. При восхождении солнца, ровно в полдень, в четыре часа (по нашим часам) и при закате солнца вся Турция представляет различные группы молящихся. Купец и ремесленник, оставляя свои занятия, в тех же прилавках становятся на молитву, деревенский житель покидает плуг и сельские работы, чтобы исполнить полуденную молитву, проезжий слезает с коня, расстилает небольшой ковер или плащ для молитвы, и все мусульманское народонаселение, обращаясь к стороне Мекки, оставляет житейские заботы, чтобы славить имя Бога и его великого пророка¹⁹. С народом первобытных достоинств, и при том с единством цели завоеваний, уставы такого рода могли быть сбыточными, и самые последствия оправдали гениальную мысль преобразователя; но с тех пор как обширный объем государства и общие раздробления сил остановили грозную воинственность турок, недостаток условий гражданства и постепенная испорченность нравов имели самые невыгодные и самые резкие последствия скорого упадка.

Турки нашли в завоеванных землях племена развращенных и закоснелых в роскоши и пороках жителей, и необходимость беспрерывных с ними сношений была без сомнения одной из основных причин настоящей слабости Империи. Заграничные войны сделались реже, и мир был первым началом междоусобных раздоров;

умножение духовенства или класса улемов породило богословские споры и основание различных сект, ослабило силу прежнего предрассудка и имело самые дурные последствия даже на единство власти султанов. Сановники старались упрочить за собой порученные им владения, личные выгоды сделались побудительной причиной всех действий, и прокравшаяся откупная система всего управления края положила конец всякому благосостоянию. Частные владельцы нашлись в необходимости собирать сколько можно более вооруженных служителей, и эти ополчения праздных и обременительных для края людей служили исполнителями всех частных грабительств, которые впоследствии совершенно разорили страну. При том, ничтожность нескольких султанов еще более способствовала к распространению всякого рода злоупотреблений и, наконец, ложное и бессмысленное направление последних преобразований теперь царствующего султана Махмуда, водворяя всеобщую ненависть к правительству, совершенно уничтожило силы государства. В настоящей Турции народ не только ненавидит, но даже знает слабость и ничтожество правительства. Армия почти не существует, всеобщий разврат, начиная от первых сановников до последних сельских жителей, быстро распространяется, пьянство и неуважение к древним уставам и обычаям считается подражанием европейской образованности, места высшей власти покупаются за деньги, и права начальства упрочиваются подарками в Константинополе; и, хотя последним приказанием султана уничтожены многие пашалыки, но общая откупная система остается в полной силе при каждом правителе города, главнейших сераскирах и частных пашах. Сверх того, распущенные толпы прислужников прежних владельцев, остатки янычар и различных милиций составляют людей совершенно праздных и лишенных даже необходимых средств существования и их чрезвычайно много²⁰.

Торговля составляет почти исключительную принадлежность греков и армян, и возрастающие обороты европейцев представляют новые причины уничтожения всякой промышленности и всеобщего разорения. Духовное убеждение превосходства правоверия приметно теряет свою действительность, и, покоряясь необходимости, народное мнение ищет новой перемены и даже желает принадле-

жать другому государству. И не один раз в откровенных беседах мне удавалось слышать всеобщее желание обратиться в Москов-райя или русских подданных, прибавляя при том, что Россия не должна была бы медлить, дабы не дать настоящему правительству отнять последнее имущество.

Армяне и греки

Армяне и греки, известные в Турции вообще под общим названием райя, составляют остатки прежних жителей края. Некоторые из них, и особенно армяне, занимают многолюдные округа особых деревень, оба народа имеют свое духовенство и небольшие христианские церкви, часть жителей занимается хлебопашеством, другая же принимает деятельное участие в торговле и пользуется исключительными правами банкирства или серафов. Народонаселение армян особенно велико в северо-восточной Анатолии и на всем объеме Курдистана. Класс хлебопашцев живет в полудиком быту самых грубых, но между тем, деятельных поселян. Городские же армяне и греки представляют сборища людей закоснелых в обмане и мелочном пронырстве. Искательные, низкие, они обыкли ко всякому роду унижениям, и во всем государстве они служат настоящим оружием всех корыстолюбивых видов, как местного начальства, так и самых частных лиц. Самостоятельный голос имеют армяне по их многочисленности, и даже в многолюдных округах окрестностей Мараша, равнин Уль-ова и Куз-ова, и к стороне Мердыне они гласно ропщут на правительство (завидуют участи новой Греции), замышляют что-то похожее на всеобщее восстание. Духовенство их, серафы и богатейшие купцы могут считаться образованнейшими жителями Турции, хотя вся их деятельность преимущественно обращена на приобретение богатств и корыстолюбие, и в общих основных очерках характера армяне и греки представляют народ несравненно меньших достоинств и большей, противу турок, испорченности.²¹

Кочующие народы

Из числа кочевых народов курды составляют первенствующий жителей, они вообще делятся на различные племена, управляемые их родоначальниками, и большей частью удерживают полную

независимость. Скотоводство, уловки воровства и открытый разбой служат общими занятиями. Дикая воля, молодецкая забава с конем и саблей, вся надежда на верную пику, на твердую руку – вот быт курда; его воля дороже головы, борзый конь милее нежной подруги, и он составляет первое условие обширного поприща удалства и богатой добычи; черный шатер гроза караванов, любимый приют, и только необходимость вынуждает курда браться за плуг и ожидать жатвы, не покидая зерна, которое должно наградить его за труд и заботы. Но и в том случае разбой служит лучшей потехой, ибо дикая воля приучила его не знать ни приказа, ни отказа. Удалство внушает цену к себе, он горд и свободен, пылок до зверства и всегда готов на явную опасность, если она не влечет за собой потери коня. Труд без усталости, здоровая пища и жилье под открытым небом утвердили его сильные мышцы, любо смотреть, молодец к молодцу, высокие ростом, статные от природы, большей частью смуглые с черной окладистой бородой и продолговатым лицом, правильным и резким, как начальный очерк Рубенса, но свирепым как лицо закоснелого разбойника. Их сверкающие очи не привыкли скрывать ни бури сердца, ни раздумья разума; уста никогда не закрывались по приличию, боязни или уважения к власти; для них все равны, и он отдаст первенство и подивится только тому, кто превзойдет его в молодечестве.

Некоторая часть курдов исповедуют ислаизм, большая же половина признает единого бога и не наблюдает никаких обрядов, и турки обыкновенно называют их кызил-баш, в выражение бессмысленности верования.²² Во внутренних же частях Курдистана есть несколько племен удерживающих принадлежности идолопоклонства и различных переходов господствующей в Сирии секты друзов и поклонников нечистой силы, огня, растений, деревьев и тому подобных выдуманных предметов обожания.

Жилища курдов состоят из больших черных шерстяных наметов, накинутых на тройной ряд высоких кольев; средний ставится вертикально, другие же более низкие колья располагаются наклонно к внешней стороне шатра, откуда намет укрепляется натянутыми веревками, привязанными к небольшим кольям, глубоко вбитым в землю. Боковые полы служат входами; на одном конце живут

женщины, и на другом мужчины, разгораживая шатер камышовой решеткой или особым, нарочно сделанным, решетчатым ковром из узких суконных бахромок или полос шерстяной ткани, сшитым в клетку. Мужская половина служит вместе приемным диваном; по сторонам она обкладывается войлоками, камышовыми рогожками или коврами; в середине раскладывают огонь и таким образом удалые жители степей беседуют о их военных подвигах, о делах племени, о расположении ближних соседей или частных расприх за отбитые стада и табуны, или замышляют новые набеги и рассчитывают приближение различных караванов. Диваны этих сборных шатров находятся преимущественно у старшин и начальников племени, у других же курдов эта половина помещает жилища мужчин, и здесь же ставят любимого коня, который привязывается к железному кольцу с гвоздем возле войлока или постели хозяина.

Шатры начальников сильных племен иногда составляют целые дворцы; это огромный намет, раскинутый на 36 и 48 кольях, для женщин и домашнего хозяйства есть особые; собственно же княжеские ставки отличаются убранством богатых ковров, они обтянуты алым сукном и мягкие матрасы с шелковыми или суконными покрывками образуют одну круглую софу. Шатер подбивают также полушелковыми тканями, возле средних кольев ставят пики, богато обделанные ружья и кальяны, по сторонам же развешивают сабли, кольчуги, богатые чубуки с янтарными мундштуками, и нарядную, залитую серебряными и золотыми украшениями конскую сбрую. Общая ставка делится на несколько частей особыми суконными или из ковров занавесами, главная же половина занимает диваном, и в середине его раскладывают большой костер или приносят особые медные тазы с горячим углем; большая свита прислужников всегда толпится около такой ставки, но они всегда из купленных рабов хозяина, настоящие же курды имеют свободный доступ к князю и составляют как бы его сотрудников и сослуживцев. Власть начальника почти всегда значительна, но все распри и домашние дела решаются с совета главных старейшин, без них не затевают ни одного набега; и частный разбой или воровство причисляются к удалству, если они остаются без улики, в противном же случае диван старейшин вынуждает отдать захваченную

вещь и даже наказывает особенными штрафными деньгами. Решение дивана есть верховный приговор беспрекословно исполняемый, и непослушный изгоняется из племени.

Каждое поколение обыкновенно делится на несколько кочевьев или боев; бой состоит из нескольких шатров, которые находятся под начальством старшины, и каждый курдский бей или князь считает у себя известное число боев, кочующих поблизости его места пребывания. В случае тревоги, верблюжьи караваны поднимают жилища стариков, жен и детей, и идут к княжеской ставке, куда соединяется все поколение; если же предположено сделать только временное переселение, то повешенные о том старшины частных боев снимают стан и идут в окрестности назначенного жилья; шатры располагают в небольших лощинах поблизости воды, и при том в недалеком расстоянии от больших проезжих дорог и на местах выгодных для пастбищ. На зиму курды уходят к низменным долинам, и большая оных часть перебирается на левый берег Евфрата к стороне степей Багдада или к северной Сирии и равнинам Аданы и Тартуса; в начале же апреля и мая они снова приходят на старые жилища. Сверх того, некоторые, будучи вынуждены к занятиям хлебопашества, сначала оставались только до времени жатвы, но потом стали разводить сады и, построивши деревни, получили оседлость; приобретенная же таким образом постоянная собственность вынудила их ограничиться только скрытыми разбоями и потворством в набегах кочевых ближайших соседей.

Женщины курдинские вообще чрезвычайно статны, большого роста, и по всей справедливости могут славиться своей красотой. В шатрах они имеют свои отделения, но, между тем, не закрываются покрывалами, не считают предосудительным быть в мужских беседах, и принимают деятельное участие во всех заботах домашнего хозяйства. Женщины готовят пищу, готовят белье, ткут ковры и шерстяные наметы для шатров, доят коров и овец, ходят за водой и весьма часто пасут стада. Одежда их проста, головной убор состоит из красной турецкой фески (красная ермолка) с шелковой синей кистью, обвязанной небольшим цветным платком в виде легкой чалмы; платье тесно обтягивает всю грудь и нижнюю часть стана, и потом оканчивается довольно широкой, но короткой

юбкой, под которой видны широкие шелковые шаровары, собранные и застегнутые на нижней части ног; разрезные рукава или затягиваются до локтей, или висят сзади и открывают белые и обыкновенно кисейные рукава рубашки, сделанной наподобие наших новгородских крестьянок. Пояс составляет широкий ремень с большой серебряной застежкой, и сверх того, на шее носят нанизанные золотые и серебряные монеты и широкие серебряные же браслеты на ногах и обеих руках.

Платье курдов состоит из широких шаровар с верхним камзолом и иногда выправленной сверху рубашкой; широкий кушак обтягивает стан; рукава камзола или плотно застегиваются, или висят сзади и открывают широкие рукава рубашки, которые заворачиваются выше локтя и оставляют [с]наружи твердые мышцы сухих и сильных рук; головной убор состоит из особой красной фески, у которой синяя шелковая кисть и верхняя часть, как у французских конфедераток, висят на сторону; феска обвязывается небольшим платком и, также как у женщин, составляет легкую чалму. Длинная бамбуковая пика, пара пистолет за поясом и кривая турецкая сабля составляют обыкновенное вооружение; некоторые же из князей в военном наряде носят кольчуги с нарукавниками и небольшие шлемы, вроде черкесских, но с павлиньими и иногда страусовыми перьями.

Лошади курдов славятся быстротой бега, они вообще доброезжи, красивы и сносны (подробное описание помещено в общей статье лошадей при исчислении произведений края). Люди отличаются чрезвычайной расторопностью, и от природы они смелы, но [в] нападениях слишком осторожны и слишком сберегают коней. Но вообще, кавалерия этих удалых наездников степей могла бы принести чрезвычайную пользу для турок; лаской и деньгами их легко привлечь на свою сторону, и в виде наемников они охотно предлагают свои услуги, верно исполняют сделанное условие, и регулярным строем охотно идут на военное дело. Образование такого рода конницы зависело бы только от смысленных распоряжений султана, и из числа покоренных племен легко можно было бы набрать от 20 до 25 тысяч легкой и самой удалой конницы, которая может быть превзошла египетских бедуинов и даже самих мамелюков.

В числе сильнейших племен, кочующих на пространстве Восточной Анатолии и на прибрежных частях Евфрата в Курдистане, можно считать курдов Решван, и особенно Милли, последние считают до сорока тысяч шатров, они занимают степи смежные с Караджа-дагларом и зимой переходят на полдень от Уржи и к степям Багдада. Начальник их Июп-бей считается одним из богатейших курдинских князей, и он имеет во всегдашней готовности до 15 тысяч хорошо вооруженной и доброконной конницы. Решван обыкновенно кочуют по долине Султан-су, в горах Малакан-дагы и во всей средней части Анатолии, от степей Сивасса до Ангоры и Конии.²³ Число их в прежнее время простиралось до 30 тысяч шатров, но частью они перешли к туркам, и частью соединились с курдами Акжи-дагы, которые после Милли и Решван могут считаться сильнейшими; сверх того, кочевья других поколений находятся в следующем порядке:

Атмалы, Хартлы, Каралар – от Бесни к Антепу, частью оседлые.

Замитлы, Хамытлы – между кочевьями Решван.

Мюлекенлы – по дороге от Бесни в Малатию.

Изоллы – вблизи Изо, оседлые.

Бальян – к стороне Малатии.

Токарыс, Гасан-Мансы – к стороне Бесни.

Мюжелы – около Урфы.

Яким-хан – около деревни этого названия.

Акжа-дагы – в горах этого названия.

Изо-оглу, Мелекенлы, Шивнин, Гелерлы, Кяау, Кеверас-оглу, Заравкун, Азы и курды Кабан-маден – вообще все оседлые и живут между Карпутом, Изо-оглу и на правом берегу долины Султан-су, перемешанные с курдами Решван. Колычлы, Роганлы, Боздаан, Тержерлы, Селеменлы – кочевые, живущие в окрестностях Мараша и на равнинах Сукерова и Харне-ова.

Большая часть этих курдов живут чрезвычайно бедно и должно удивляться ничтожным потребностям, которые составляют условия довольства. Между тем, князья и главные начальники ино-

гда, кроме общих богатств различных стад и табунов верблюдов и лошадей, имеют большие капиталы, они почти всегда зарываются в землю тайно от всех, и хозяин ведет особый реестр приметам тех мест, где зарыты его сокровища. Начальник курдов Милли Июп-бей похоронил таким образом более миллиона пиастров, ибо затерянная роспись лишила его самого средств к отысканию этих денег разбросанных в различных точках его прежних временных жилищ.

Туркмены, кочующие на степях Восточной Анатолии, живут также как курды в черных шерстяных шатрах, и только изредка имеют калмыцкие войлочные кибитки. Наряд туркмен отличается тяжелой и высокой чалмой и, будучи чрезвычайно бедны, они почти повсеместно ходят в лохмотьях, более строги к женщинам, и разбои их, не составляя удалых курдинских наездов, ограничиваются тайным воровством, и вообще привычками наших цыган. Жены их и дети забавляют пением и пляской за несколько пар*; кузнечное ремесло составляет почти исключительно занятие мужчин, которые сверх того имеют большие табуны верблюдов и чрезвычайно многочисленны стада овец. Вооружение туркмен состоит из длинного ружья, пары пистолетов за поясом и широкого ятагана, весьма немногие же имеют пики. Внутренность туркменского шатра, также как и у курдов, но несравненно беднее; иногда необходимость вынуждает к занятиям временных хлебных посевов, но оседлых туркмен почти совершенно нет, и народ этот пронырливый, хитрый и, при случае, зверский, остается в полудиком быту пастушеских поколений. Женщины живут в особых отделениях шатров, никогда не закрываются покрывалами и исполняют все работы домашнего хозяйства; каждый туркмен имеет одну только жену, но в случае несогласия может переменить ее, и она возвращается к своим родственникам.

Ашеред-адам, или сборища всякого рода и всех возможных исповеданий бродяг, живут обыкновенно в плетневых или камышовых шалашах; четвероугольные сараи эти помещают все семейство хозяина, в середине раскладывается огонь, и по сторонам делаются

* Пара – название разменной денежной единицы равной 1/40 куруша – *примечание составителей.*

низкие скамьи из земли, досок или плетня; несколько грубых ковров и камышовые рогожки, большой котел для булгура (разварная пшеница), глиняные круглые сковороды, два три горшка, ступа для кофею и два или три кофейника с небольшими чашками составляют всю домашнюю утварь. Женщины, старики и дети ходят почти полунагие или имеют обветшалые и оборванные платья обыкновенного турецкого костюма. Молодежь носит длинные рубахи без шаровар, широкий кушак обтягивает стан и верхний камзол с рукавами, которые обыкновенно висят сзади; головной убор состоит из красной фески, как и у курдов, составляющей колпак, нависший на сторону и имеющий синюю шелковую кисть. Чалма повязывается произвольно, но большей частью она ограничивается легким и небольшим платком, обвязывающим голову. Каждый имеет непременно кинжал за поясом или два пистолета, и непременно длинное ружье. Деревни этих людей управляются ими же выбранными старшинами, суд и расправа делаются по большинству голосов, частная вражда почти всегда оканчивается смертоубийством, и право кровомщения соблюдается в самой сильной действительности. Занятия ашерада-адам состоят в хлебопашестве и скотоводстве, сады и виноградники они заводят редко, земли берут у настоящих владельцев края, платя им наличными продуктами, и в случае притеснения переселяются на другие участки. Разбой составляет также одно из постоянных занятий этих людей, и они находятся в дружелюбных сношениях со всеми кочевыми народами ближних окрестностей.

Очерки управления и народного быта главных оседлых жителей

Главное управление всей Восточной Анатолии и части покоренного Курдистана по последним распоряжениям поручено было сардар-азаму*, командующему Анатолийской армией, сераскиру Арзерумскому и также сераскиру Трапезонда; паши подведомственных участков различных округов находятся в Мараше, Баязиде, Муше, Диядине, Ване и Урфе; города управляются муселимами, небольшие деревенские общины имеют своих ага, воевод и особых

* Садр-азем – титул великого визиря, которым в 1833–1839 гг. был Мехмед Эмин Рауф-паша – *примечание составителей.*

старшин или кихайя. Райя находится в зависимости всех турецких властей, и сверх того, управляется своим духовенством. У греков главный деспот находится в Кесарее, армяне же имеют двух различных патриархов: армяно-греческой церкви в Ичмиадзине, и армяно-католической в Сиссе (в южных утесах Тавра). Каждый город имеет своего судью или кади, местный суд и духовенство, составленное из особого класса улемов.

Сардар-азам пользуется правами почти неограниченной власти, и только в случае новых законодательных мер относится в Константинополь, постоянно доносит о всех своих распоряжениях и имеет право на жизнь и собственность каждого; при нем ближайшим его помощником находится кихайя-бей, он заведует всеми письменными делами и совершенно отвечает нашему начальнику Главного штаба армии. Свиту сардар-азама и вместе кихайи составляют несколько канцелярских чиновников и секретарей или язаджи и киатчибы, несколько военных штаб-офицеров или мираллаев и бим-башей; главный хазнадар, хранитель сокровищ, один или несколько серафов банкиров, и потом домашняя свита чауш-баши, старший из прислуги, чубукчи-баши трубочники, кафеджи-баши кофейники, мум-баши, шандал-баши и, наконец, столько башей, сколько в доме находится различных потребностей и утвари. Татар-ага или начальник курьеров и их главный ага, находясь постоянно при сардар-азаме, имеет несколько татар или курьеров, которые развозят приказания и посылаются с донесениями в Константинополь²⁴. Сверх того, вооруженные кавасы или ближайшие телохранители имеют своего кавас-баши, то есть старшего, и составляют иногда многолюдные толпы прислужников. Сераф большей частью выбирается из армян, служит переводчиком, но иногда их заменяет или доктор из европейцев (яким-баши), или молодые люди, знающие общий франкский: итальянский и французский языки.

Одежда главного начальника, по последним преобразованиям, состоит из казацкого полукафтання с генеральскими эполетами и золотым шитьем, с особым бриллиантовым знаком султанского вензеля, украшенного полулунием, звездами и дубовыми листьями; головной убор состоит из вышитой золотом и бриллиантами небольшой фески (ярмолки) с шелковой синей кистью; сверх того, главно-

командующий имеет широкий на сборках плащ с вышитым золотом воротником и носит сапоги со шпорами. Кихайя-бей и все чиновники, занимающиеся письменными делами, носят широкие камзолы из шелковых тканей, шалевый кушак и лисью или вообще меховую шубу с разрезными рукавами, широкие турецкие шаровары и цветные шерстяные носки с папушами или туфлями; головной же их убор вместе с просвещением потерял красивую чалму и ограничивается вообще принятой во всей Турции образованной, и вместе чрезвычайно неуклюжей, красной феской с синей шелковой кистью. Татары удерживают особый костюм, они имеют длинные полукафтанья обшитые на груди шелковой тесьмой, широкий кушак, большие красные сапоги с острыми и загнутыми кверху носками, широкие шаровары и меховую шубу с разрезанными рукавами, также обшитую узорами различной тесьмы, головной убор вместо прежних высоких шапок ограничивается обыкновенной феской. Одежда остальной прислуги и кавасов, прежде отличавшаяся своей пышностью, теперь же руководствуется общим нарядом регулярных войск, и состоит из полу-турецких шаровар, нижнего камзола, куртки с разрезными рукавами, шалевого кушака, красной на голове фески и босых ног в папушах. Вооружение еще удерживает остатки прежней пышности. Татары, кавасы, чауш-баши и другие, принадлежащие к домашней вооруженной страже начальники, еще носят богато отделанные в серебре и золоте, с белыми костяными рукоятками ятаганы, кинжалы, сабли и пистолеты.

Хазнадар есть настоящий хранитель сокровищ начальника, у него обыкновенно находятся все собранные капиталы, которые доставляют серафы, податные сборы частных владельцев, и вообще весь управляемый сардар-азамом край. Хазнадар ведет общую расходную книгу и особые реестры издержек самого начальника.

Сераф или банкир, почти без исключения, избирается из богатых армянских купцов, он доставляет обыкновенно капитал, который нужен для взноса в Константинополе за полученное место, и таким образом, начальник, будучи его должником, доставляет ему средства выручить забранные деньги в самом месте его управления; мера эта есть общая для всех сановников и потом для мелочных владельцев или назначаемых. Сардар-азам имеет своего главного серафа, иногда

и несколько, паши своих частных, также как и муселимы, воеводы и аги – военные штаб-офицеры назначаются собственно для передачи приказаний и распоряжений по армии.²⁵

Чауш-баши и кавасы составляют постоянную свиту начальника и рассылаются для сбора податей, образования различных продовольственных запасов, распоряжения для принятия и размещения войск и вообще частных мелочных надобностей. Люди эти, вместе с домашней прислугой различных башей, составляют непременную принадлежность каждого сераскира-паши или генерала-муселима, или правителя города и, наконец, каждого аги и воеводы с той только разницей, что число их увеличивается по важности занимаемого поста. Они никогда не получают особого содержания и довольствуются единственно праздничной дачею самого сановника, и потом различными выгодами по их поручениям и подарками всех просителей подведомственных частных начальников и даже гостей, если они ниже того лица, у которого служат кавасы и прочая челядь.

Паша или генерал обыкновенно командует или частью войск, или областью, называемой пашалыком; он имеет при себе своего кихайю, хазнадара, серафа, несколько татар, чауш-баши, кавасов и вообще людей, которые обыкновенно находятся при правительствующих лицах, но только несравненно в меньшем числе. Все хозяйственные распоряжения, распределение подушных окладов, различные поборы, суд и расправа совершенно зависят от неограниченной власти главного правителя пашалыка, и обязанности его в отношении к вышнему начальству состоят в том, чтобы доставлять известную сумму, назначенную с его области, набирать положенное число рекрут, и в каждый Байрам (Байрамом называются два главных мусульманских праздника, которые продолжаются по несколько недель) доставить подарки султану и его важнейшим сановникам.

Муселимы или правители городов находятся в прямой зависимости [от] областных пашей, они обыкновенно назначаются ими и удерживают почти те же отношения к лицам своих начальников, как эти последние к высшей власти. Круг действий муселима ограничивается или собственно одним городом, или небольшими сельскими общинами, зависящими от города и управляемыми агами и воеводами.

Слово ага выражает собственно господина, оно чрезвычайно употребительно, и почти к каждому званию его прибавляют из учтивости или уважения; таким образом, всегда говорится татар-ага, кавас-ага, Ибрагим-ага, Осман-ага и проч[ие], но в смысле правительствующих мест, ага выражает главного начальника нескольких небольших общин, и он всегда зависит или от ближайшего муселима, или прямо от паши и высшего начальства.

В каждом городе и в каждом селении есть особый судья или кади, ему предоставляется разбирательство всех споров частных тяжб, и как бы дела не были запутаны, они должны быть решены без всякого отлагательства. Между мусульманами два свидетеля дают полный перевес той стороне, в пользу которой клонятся их показания. Постоянных и непрекословных законов нет, но основой всех принятых правил служит Коран, и условные его статьи, легко принимающие желаемый смысл, доставляют кади возможность действовать совершенно по своему произволу. Недовольные могут искать защиты муселима или паши и высшей власти, но для этого надо, чтобы дело было довольно важное, ибо самый доступ к этим лицам уже стоит значительных расходов, и никогда не обойдется без особенных подарков всей дворовой челяди начальника.

В тяжбах райи один мусульманский свидетель имеет полный перевес, хотя бы дело было уголовное, но просьбы такого рода принимают обыкновенно особый род искательств через всемогущих серафов, и ценный подарок открывает и свободный доступ, и самую милость начальника. Деревни всегда имеют главного кихайю или старосту, несколько старейшин и особого деревенского кади или судью, выбираемого большей частью из священников или мулл. Райя, кроме зависимости от общих турецких властей, имеют свое особое управление предоставленное духовенству. Патриарх сосредоточивает главную власть и находится в прямых сношениях с Константинополем и главнейшими турецкими сановниками; как предводитель своей паствы он входит во все частные ее дела, пользуется значительными доходами, составленными из личных приношений, особых сумм получаемых от архиереев или епископов, которых назначение зависит от него, и которые служат начальниками особых паств. И наконец, эти последние распределяют священников

и вообще весь церковный причт всех христианских церквей, которые находятся в каждом городе и во многих селениях. Сверх того, духовенство имеет в некоторых местах довольно большие монастыри и особые земли, сады и различного рода уголья.

В городах, кроме духовного владыки, армяне и греки выбирают своих старшин чурабаджи или райяси-кихайя, которые обыкновенно заведуют всеми делами и служат представителями своих единоверцев в отношении к туркам; они собирают деньги следующие за харач или выкуп, или выкупной поголовный паспорт, распределяют частные налоги, стараются быть в милости начальника по связям с серафом, подарками отклоняют всякого рода опалу и вообще пекутся о благосостоянии выбравших их людей. В деревнях также есть свои кихайи, но судные дела, мелочные споры и тяжбы всегда решаются священником или ближайшим деспотом (епископом) и, наконец, патриархом, и только в самых важных обстоятельствах, по участию мусульман, дело идет к кади и турецким властям, у которых почти без исключения все зависит от ценности подарка. Собственность и даже жизнь каждого до сих пор находится в совершенном произволе местных начальников, и самая ответственность за несправедливое убийство почти всегда выкупается деньгами или вынуждает к особому денежному штрафу, и, таким образом, состояние дает средства ко всему, но, вместе с тем, служит причиной частных гонений и иногда совершенному упадку, отчего всякий скрывает свое имущество, все хотят прослыть бедняками, в самом же деле богатства края столько велики, и роскошная природа столько щедра своими дарами, что во всей Анатолии не найдется почти ни одного нищего, и самые благодетельные уставы Корана, вынуждающие к подаению бедным, можно сказать, распространяются на одних калек, умалишенных и увечных.

Классы различных сословий между турками представляют разделение людей военных, хлебопашцев, ремесленников, торговых, духовенства, рабов и пользующихся правами настоящей власти. Каждый турок из простого поселянина может быть главнокомандующим армией и правителем самых обширных областей; поступая в ряды войск, его личная храбрость, часто удача и личные достоин-

ства ведут к самым высшим степеням. Прежде это преимущество составляло почти всеобщую принадлежность, ибо каждый при первых воззваниях шел к знамени Магомета и стремени султана или падишаха; но с тех пор как класс улемов сделался многочисленнее и войска почти ограничились регулярными полками, преимущество это досталось или людям, которые избирают духовное состояние, или поселянам, которые берутся силой в солдаты. Начальник города или области, получая приказание доставить известное число рекрут, рассылает свою вооруженную свиту, чтобы ловить на улицах годную молодежь без всякого разбора, и в этом случае спасаются или побегом, или укрывательством и подарками; из числа же собранных людей выбирают самых беднейших, которые не могут представить за себя никакого выкупа, и они-то посылаются на султанскую службу, где остаются до первого удобного случая к побегу. Проигранное сражение или переход даже в мирное время доставит возможность бежать к своим домашним, и для отыскания беглых правительство почти не имеет никаких средств, ибо до сих пор поголовные описи еще не существуют. Настоящий военный быт описан в общем положении армии (военная записка) и, судя по существующим распоряжениям, и самая надежда приобретать достойных служивых теряется в бессмысленности главного направления воли и чрезвычайно дурного нравственного положения войск.

Хлебопашцы Турции, хотя и составляют самых грубых поселян, но между ними строго соблюдаются правила нравственности, и они без всякого состояния могут считаться лучшим и честнейшим сословием. Жизнь их при легком труде удерживает совершенную простоту, они довольствуются чрезвычайно малым, еще сильно привержены к старинным обычаям, делят занятия свои с молитвой и весьма редко заботятся о приобретении богатства, ибо почти каждый ограничивает свои работы единственно необходимыми жизненными потребностями. Роскоши они совершенно не знают, но и суровой бедности нет нигде, прихотливые их привычки состоят в нескольких чашках черного кофе и нескольких трубках табаку в день, и то с большой бережливостью. Гостеприимство их обращает на себя особенное внимание, каждая деревня непременно

имеет так называемую мисафир-одаси* или госпитальные комнаты, в них всякий проезжий находит готовый кров, ковер и рогожку для постели, готовый огонь и готовую пищу без всякой платы, и если гость принадлежит к почетному сословию, то деревня ему приносит на поклон жареного ягненка, разваренный рис или пилав и вообще все, что найдется лучшего в селении, денег не платят ни за что, и щедрости проезжего предоставлено вознаградить частными подарками услугу и вместе забранные съестные припасы. Бакчиши этого рода, конечно, всегда превосходят покупную плату, но это единственно потому, что во время проезда почетного гостя собирается почти вся деревня, и каждый наперерыв старается принять участие в общих услугах. Некоторые приносят кушанье, другие разводят огонь, несут готовую постель, варят кофе, набивают трубки, укладывают подушки для покоя гостя, хлопочут о его конях и, наконец, когда он выезжает, держат лошадь, подставляют стремя и с нескольких сторон помогают сесть в седло. И должно заметить, что степень уважения увеличивается с щедростью гостя, и это больше делается по принятым обычаям, чем из корыстолюбия; особенно чужеземным путешественникам необходимо строго соблюдать такого рода привычки, они открывают искренность жителей и самую их готовность показать все достопримечательности, и в длинных бесконечных рассказах выболтать все принадлежности их быта, несправедливость правителей и даже частные их распри.²⁶

Сословие ремесленников составляет также добрый и честный народ, предметы их занятий чрезвычайно разнообразны, и они означены в частных описаниях городов. Каждый избирает знакомое ему ремесло, но смотря по занятию, платит особые оклады, строго соблюдает верность весов и добросовестность во всех изделиях, и в этом случае, малейшее плутовство наказывается или ударами по разрезанным ступеням, или гвоздем, который пронизывает ухо и вбивается в стену того же прилавка.

Рекруты собираются со всех сословий, не исключая и ремесленников. Весьма часто приобретение некоторого богатства вынуждает оставить прежние занятия, и вместо тяжелых работ ремесленники

* misafir odas (тур.) – гостевая комната – *примечание составителей.*

делаются купцами. Право торговать предоставлено каждому, особых купеческих налогов не существует, но они принимают вид косвенных поборов или пошлин, которые платятся по разнородности различных товаров. Общие подати распространяются на все сословия, исключая военное и составляющее местную власть и духовенство. Они разделены на суммы, так называемые, хазна и мири; первые есть поголовная раскладка сообразно откупной ценности области, округа или города, вторые же составляют произвольные поборы владельцев с разнородными системами монополии. Ими облагаются или статьи торговых оборотов, или продукты самых первых потребностей, и сверх того, деньги эти иногда берутся с домов, лавок, караван-сараяв, с одного греческого или армянского народонаселения или с ремесленников. Количество их соображается с различными потребностями области, города или округа, и, будучи в полной зависимости от произвола начальника, подати такого рода совершенно разоряют страну, часто вынуждают к бунтам и служат одним из главных оснований самых непозволительных злоупотреблений. Начальник поручает сбор податей своим вассалам или посылает в округи кавасов, чауш-баши и другого рода людей военной стражи. Непослушание наказывается смертью, и исполнители воли начальника, не довольствуясь почти положенными для них продуктами, требуют тройную или четверную сумму, в самом деле назначенной подати, прекословить им не может никто, потому что никто не знает верного количества определенных поборов. Жалобы на нищету не принимаются в уважение, и при самой снисходительности, селение выплачивает, по крайней мере, вдвое тех денег, которые дойдут до высшей власти.

Духовенство пользуется частными приношениями, из них оно имеет свои оклады, и при том на его содержании находятся всенародные школы, в которых учат письменному языку и чтению Корана; часть духовенства посвящает себя на священнослужителей (муллы), крикунов, которые сзывают на молитву (мезины), ходжа или ученые и грамотные люди, дервиши или монашествующие и, наконец, гражданские и духовные правоведа, которые готовят себя для судейских занятий кади. Составляя вообще класс так называемых улемов, они считаются самыми просвещен-

ными людьми, но, в самом деле, знание их едва ограничивается изучением догматов веры, и большая часть едва умеет по складам разбирать Коран. Один из главнейших доходов духовенства заключается в бесчисленных списках вдохновенных слов Пророка; в каждом доме есть на примете несколько надписей, и при том каждый правоверный имеет рукописный Коран, которые распродаются в множестве, иногда за большую цену, особенно с красивыми разрисованными словами или написанные золотом и красками. Дервиши делятся на многие секты, некоторые живут в постоянных монастырях и привлекают народ особыми странностями принятых поверий и обрядов. Между ними есть некоторые, которые собираясь всем хором вертятся до упаду, другие кричат до судорог и, наконец, третьи находятся в постоянных путешествиях, отпускают себе длинные волосы, ходят полунагими, обвешивают себя различными амулетами, предсказывают будущность, заговаривают болезни, дают залого счастья (талисманы), отгадывают происшествия, показывают ничтожность ядовитых змей и скорпионов, и проводят жизнь свою в постоянном бродяжничестве, которое доставляет им повсеместное подаяние, готовую пищу и готовое жилье.

Сословие рабов составляется из людей, покупаемых различными хозяевами, частью из арабов, южных жителей Египта, различных приемышей и пленных закавказских горцев. Большею частью невольники состоят из женщин, взятых в гаремы для домашних работ, воспитания детей и, наконец, для того, чтобы быть наложницами. Каждый мусульманин имеет право по уставам Корана на четыре законных жены, и сверх того, на неограниченное число наложниц, но между тем, этого рода многоженство существует только между богачей, поселяне без исключения имеют по одной жене, частью по недостаткам для содержания многочисленных гаремов, и частью, дабы избежать постоянных домашних ссор. У богатейших гаремы устроены таким образом, что каждая жена живет в особой комнате и почти всегда имеет свое особое хозяйство. Комнаты старых женщин составляют особые отделения гаремов, в них живут мать хозяина, сестра его и другие родственницы, и им поручается воспитание детей обоего пола, но мальчики остаются в гаремах только до тринадцати лет. Разводы всегда позволены,

они зависят преимущественно от мужа, но отпуская жену, он обязан выплатить, во-первых, весь капитал взятого приданого, и во-вторых, особую сумму денег для будущего содержания жены. Всякого рода сообщения с посторонними мужчинами для женщин воспрещаются, считается даже предосудительным встречаться с мужчиной без особых покровов. На улицах, в базарах и вообще в общих прогулках они должны составлять совершенно особые толпы, и муж, встретивши свою жену, оставляет ее без всякого внимания, как и каждую незнакомку. Позор двусмысленного поведения и даже неверное основание злоречия, считаются самым большим унижением для мужчины, и потому гаремные женщины содержатся в чрезвычайной строгости. Каждый незнакомец, появившийся в гареме, наказывается кинжалом, и часто одних подозрений ревности достаточно для смерти жены. Купленные рабы обыкновенно составляют как бы ближнюю семью хозяина, положение их редко соображено с значительными угнетениями, и притом, после семилетней службы они получают право требовать своей перепродажи, но большей частью отпускаются на волю, и по общим принятым понятиям, считается стыдом удерживать невольника даже до семи лет. Весьма часто невольники делаются любимцами хозяина, женщины переходят в звание законной жены, и некоторые из рабов награждаются значительной частью имущества; при смерти хозяина рабы почти всегда получают свободу, и между богатыми людьми это делается при всяком радостном случае. Рождение сына, приобретение большой прибыли и во время больших праздников в знак особенного великодушия.

Из числа же варварских принадлежностей рабства расслабленных во всем образованном свете, справедливы только унижительная для человечества торговля людьми, ранки невольников обоого пола, и потом произвольное право на жизнь и смерть каждого в продолжение первых семи лет рабства. Базары, на которых продаются невольники, находятся в главнейших городах государства, и здесь нагие женщины, дети и люди всех возрастов составляют пригнанные толпы, которых раскупают как животных по физическим признакам здоровья, силы и красоты; за женщин платят от 300 пиастров до 40 и 50 тысяч, мальчик от 10 до 15 лет стоит от 800 до 1000 и до 2000 пиастров. Взрослый работник стоит до 2000.

Класс самых испорченных и самых безнравственных людей составляют, без всякого сомнения, дворовую челядь главных сановников; люди, которым поручается управление частных округов, городские муселимы, аги и воеводы, избираемые обыкновенно из кавасов, чауш-башей и других приближенных главнейших сановников. Они проводят большую часть своей службы в искательных услугах и домашних мелочных происках, и, получая власть без всякого права на достоинство, набирают себе особую свиту из различных бродяг, заботятся о распространении своих грабительств и упрочивают власть свою частыми подарками высшей власти и бесчестным угнетением людей вверенных их управлению.

Курды и кочующие народы, признавая власть турецких правителей, обязываются отказаться от разбоев, и сверх того, вносят положенную сумму на позволение кочевать на известных пространствах. Податей они не платят, рекрут никогда не дают и изредка только обязываются ставить известное число конной милиции для частных ополчений местного начальника. Домашние дела их, суд и расправа, обыкновенно решаются собственными своими старшинами; если вблизи их жилищ оказывается значительный разбой или воровство, то весь ответ падает на их племя. Паша присылает своих поверенных для общих розысков, и весьма часто дела эти оканчиваются или особыми подарками, или бунтом всего поколения. В это время разбои делаются чаще, иногда предпринимаются набеги на ближайшие селения, чтобы отбивать стада, наконец, являются турецкие полчища, идет вздорное наездничество, иногда небольшая перестрелка, и кочевое племя или переходит на другие места, или за новый денежный выкуп приобретает снисхождение и миролюбивые права всеобщего согласия, до первого случая нового разбоя.

Кочевые жители вообще не любят посторонних посетителей, в шатрах своих они довольно гостеприимны, но за порогом боя тот же хозяин готов обобрать своего гостя, и, в случае защиты, переселить его в другой мир. Угощение курда состоит в почетном месте возле князя, потом подают кофе, чубук или наргиле, хозяин осведомляется о роде и состоянии гостя и приветствует его согласно важности сана и его отношении на ближайшее местное начальство; гостя не отпускают без обеда: приносят небольшой

круглый стол на четверть вышины от пола, здесь поставлены медные луженые блюда с различными кушаньями, преимущественно сделанными из молока, творогу и сметаны, фиги вареные с молоком и виноградной патокой, завернутые в виноградные листья с разварным рисом или рубленой говядиной с фисташками и изюмом. Вареные курицы, жареный кебаб (куски баранины), иногда целого ягненка и, наконец, огромное блюдо пилаву с бараниной или с молодой козлятиной; по сторонам круглой скамьи-стола раскладывают свертки тонколистного хлеба, гости, хозяин и почетные старшины садятся в общий кружок, каждому подают прежде и после обеда большой медный умывальник с чистым ручником, и одна длинная полоса холста, расположенная для всех, вместе с хлебом служит для обтирания рук во время самой еды. Приветливый хозяин из уважения к гостю рвет мясо на куски и подает руками любимый кусок, ложки существуют только для похлебки, вилок и ножей вовсе нет, и вообще едят руками. После обеда снова подают кофе, трубки и так до самого ужина. Прислуга такого рода повторяется во всей Турции с весьма малыми и почти ничтожными отступлениями. Приезд почетного гостя, особенно из иноземных, делает почти всеобщую тревогу. Татарин или кавас возвещает приближение милорда или бей-заде, готовят для него ночлег или отдых и, показывая фирман или бугорудду* путешественника, предуведомляют главного начальника о желании сделать ему посещение. В народных понятиях все европейские путешественники, за исключением однако, русских, называются милордами, и это прозвание выражает человека, который, не зная лучшей цели, посвящает себя для беспрестанных разъездов и отыскания различных развалин и обломков древних храмов, старых монет, резных камней и небольших идолов под общим названием антиков, и слово это хорошо известно всем жителям тамошнего края. Русских путешественников обыкновенно называют москов-бей-заде или русский князь.

В город въезжает небольшой караван, суруджи** ведут вьюки, и путешественник в каком-то фантастическом костюме и полном

* Вероятно, belge (тур.) – документ, свидетельство – *примечание составителей*.

** Sürücü (тур.) – погонщик, водитель – *примечание составителей*.

вооружении встречается в городе особым кавасом или посланцем главного правителя, который провожает гостя на отведенную для него квартиру или прямо к начальнику города; толпы любопытных сбегаются со всех сторон, на приезжего смотрят как на особое чудо, иногда слышны приветствия, но большей частью они смешаны с восклицаниями кара-гияур или кара-кюпек (т. е. черная собака) вместе с другими тому подобными выражениями. Бей-заде или делается в этом случае глухим, или старается скорей миновать толпы. Подъезжая к дому начальника, его встречает толпа общей челяди прислужников, он идет прямо в приемный покой или диван, приветствует хозяина, который в знак уважения встречает его на ногах, в противном же случае бей-заде старается показать свое неудовольствие, садится возле самого хозяина и приказывает переводчику своему объяснить сословие, к которому он принадлежит, какую-нибудь цель путешествия и важность покровительства, которым он пользуется от высшего турецкого начальства. Умно переданные слова такого рода делают скорую перемену, хозяин особенно заботится о ласковом и почетном приеме, предлагает все возможные услуги, представляет свои извинения, отзывается незнанием, и притом множеством ничтожных милордов и яким-баши, которые разъезжают по городам, и за которого был принят бей-заде. Начинаются общие приветствия и непрерывные вопросы о здоровье, спокойствии и кейфе; хозяин бьет три раза в ладони, и заботливая прислуга несет почетный чубук, кофе, сласти и шербет; гостя спрашивают о здоровье царя русского (Москов-падишах), речь переходит к непрерывным вопросам о многочисленности войск, обширности государства, занятиях всех и каждого, и словом вопросов, на которые путешественник отвечает сколько можно пышными, и вместе, ничтожными речами. Хозяин дома посылает своих кавасов, чтобы приготовить особую комнату или назначенную для бей-заде квартиру, иногда удерживает для обеда, и, наконец, усталый путешественник желает хозяину здоровья, благоденствия, благодарит за ласковый прием, и в сопровождении нескольких кавасов идет в назначенный для него покой, поручая притом переводчику раздать принятый по обычаям бакшиш или подарок почти каждому из дворовой челяди начальника. В особой комнате его временного отдыха или ночлега его ожи-

дает другая сцена; сюда собираются главнейшие старшины из греков и армян, семейство хозяина и почти все его знакомые и ближние родственники. Любопытные оглядывают приезжего с ног до головы, рассматривают каждую часть его одежды, дивятся всему, и, наблюдая за каждым движением, как бы ожидают чего-то совершенно нового. Здесь начинается новый кофе, новые чубуки и новые сласти, и когда чиновники и прислуга муселима или начальника оставят приезжего, то греки и армяне надоедают ему своими вздорными и бесконечными жалобами, навязывают перекупленные и часто поддельные антики, и оставляют усталого гостя только по настоящему требованию. Вечером хозяин, большей частью из греков или армян, желая выказать свою преданность к русским, предлагает путешественнику посвятить вечер их обыкновенным забавам; он ведет гостя в особую приемную залу, сажает его на самое почетное место, обкладывает подушками и с особенной заботливостью старается успокоить столь важного посетителя. Убранство комнаты обыкновенно со всеми приемными диванами, и более или менее значительная пышность деревянных резных украшений, ковров и шелковых тканей соображается с богатством хозяина.

Вечернее освещение состоит из четырех или пяти высоких свечей желтого воска в высоких медных подсвечниках. Приезжему подают самый богатый наргиле (кальян) или, по его желанию, чубук с богатым янтарным мундштуком. Ближайшие родственники хозяина и главные старшины составляют беседу этого вечера; сюда приглашаются сераф муселима и иногда его хознадар. После первых чашек кофе, приносят низкую круглую скамью или стол с огромным выложенным подносом, наполненным тарелками с миндалем, различными орехами, изюмом, сладостями и множеством небольших хрустальных графинчиков с различной водкой по числу собравшихся гостей. Приветствия, рассказы и вопросы сменяются непрерывно круговой чарой, и когда головы гостей зашумят от частых повторений новых графинчиков, приводят трех или четырех песельников с бандурой или небольшой балалайкой и небольшого плясуна-мальчика, одетого в женское платье, с длинными распущенными косами, нарядным камзолом, шелковыми шароварами и кисейной тонкой рубашкой, вышитой золотом или другими украше-

ниями. Песельники затягивают турецкие, армянские и греческие песни самым неприятным, и вместе крикливым напевом, который, кажется, мог бы служить противоположностью настоящих условий гармонии; пляска кучука, так называют этих плясунов-полуженщин, состоит в чрезвычайно сладострастных и вместе весьма нецеломудренных движениях, выражающих наглость разврата и безобразное бесстыдство. Иногда он ласкается к почетнейшим из гостей, позволяет себя целовать, льстит самолюбию, бросается на шею, и за нежность своих ласк получает золотую монету, которую ему прилепляют на лоб. Песни и пляска сменяются общим хохотом, двусмысленными выражениями и непрерывной чарой, которая, наконец, вынуждает некоторых остаться до другого дня или едва добраться до своего дома. Усталый же бей-заде, как почетный свидетель, не ожидая окончания вечера, идет успокоить усталые от дороги члены и головную боль от безобразных возгласов песней и крикливой беседы.

Господствующие вероисповедания жителей Восточной Анатолии и Курдистана состоят из исламизма с его двумя основными делениями и еще нескольких сект поверий друзов, особенно распространенных между курдами. Христианская церковь делится на православную греческую, армяно-греческую, армяно-католическую, и сирийскую или якобинскую*. Сверх того, во внутренних частях Курдистана есть несколько идолопоклонников признающих власть нечистой силы и поклоняющихся весьма многим предметам физического мира. Турки, туркмены, и часть курдов составляют по их понятиям правоверных или исповедующих исламизм, и из них Алиевой секты** чрезвычайно много, в особенности на прибрежных частях Евфрата и на всем объеме левого берега этой реки.

Греки почти все принадлежат к православной греческой церкви, и только несколько семей в Диарбекире и Урфе следуют уставам католиков. Церкви их вообще бедны и настоящий язык утрачен даже для богослужения, обедню служат на греческом языке только

* Церковь Сирийского православного патриархата Антиохии, по-русски также известна как Сиро-яковитская (православная) церковь, а её приверженцев обычно кратко именуют яковитами. – *примечание составителей.*

** Имеются в виду шииты – *примечание составителей.*

в Трапезонде и на прибрежных частях Черного моря, в остальных же местах Евангелие и вся литургия переведены на турецкий язык, потому что он составляет господствующий, и весьма немногие знают собственно греческий*. Из армян большая часть греко-армянской церкви, и, судя по соображениям туземцев, католических едва считают в третьей части всего населения. Сириане находятся в Диарбекире, Урфе, Карпуте и полуденных участках Курдистана, их вообще немного, и главный их епископ живет в Диарбекире.

Описание городов

Расположение городов, их общая наружность, красивые окрестности, кладбища, и перемена впечатления при въезде в город

Красоты местности, изобилие воды и богатая растительность выгодная для садоводства, — составляют во всей Анатолии первые условия в выборе расположения жилищ; не только деревни, но и самые города большей частью занимают прорезы глубоких ущелий, находятся у подножий высоких утесов и весьма часто представляют амфитеатры строений разбросанных по крутизнам почти отвесных скалов. Повсеместно заметно необыкновенное умение пользоваться самыми живописными участками, и вблизи жилищ даже природа как бы получает новое убранство. Большая часть городов отличается чрезвычайно красотой внешних видов; строения различных форм и различной величины, с их красными черепичными крышами**, представляют или отдельные группы, перемешанные с садами, или как бы сливаются в одну общую массу огромного здания, составленного из зубчатых стен, полуразвалившихся башен и бесконечных ступеней небольших террас (плоских крыш), над которыми возвышаются высокие минареты.

* Библия (в том числе Новый завет) была впервые переведена на османский турецкий язык в 1664 г. Войцехом Бобовским, поляком, принявшим ислам, также известным как Али-бей или Али Уфки Бей. — *примечание составителей.*

** Черепичные красные крыши в Восточной Анатолии чрезвычайно редки, они есть в Трапезонде, по берегам Черного моря: в Джанике, в Арзеруме, в Егине и Арабкире; в остальных же городах дома имеют совершенно плоские крыши, которые состоят из убитой глины с известью, покрытой слоем земли перемешанной с нефтью — *примечание автора.*

Ближайшие окрестности городов почти везде заняты на обширных объемах виноградниками и садами, и между ними видны непрерывные проводники воды, чрезвычайно красивые фонтаны и небольшие загородные дома, с отдельными группами огромных деревьев.

Строения обыкновенно делаются из известкового камня, необожженного кирпича, и иногда из плетня или дерева, обмазанного глиной, а потому серовато-белый цвет строений остается господствующим, и, не составляя резких противоположностей, он напротив того, удерживает относительное согласие главного характера теней. К числу предметов, особенно украшающих местность, должно также отнести турецкие кладбища, они находятся у самых предместий города и почти всегда представляют унылые, и вместе чрезвычайно живописные рощи кипарисов, между которыми разбросаны надгробные памятники. Обыкновенная могила состоит из продолговатого камня или небольшого продолговатого же возвышения, обложенного камнем, у которого с двух сторон ставятся две довольно высокие доски, с резными украшениями и часто вызолоченными надписями, и, если умерший был мужчина, то его надгробный памятник имеет голову с чалмой, могилы же женщин ограничиваются досками, с украшениями в виде шара. Памятники эти большей частью делаются из белого мрамора, они чрезвычайно красивы, и некоторые из городов до такой степени сохраняют уважение к мертвым, что могилы ежедневно украшаются свежими цветами, и кладбища составляют любимые [места] гулянья, особенно женщин. Бедные люди ставят известковые доски и иногда даже простые обломки дикого камня, но обвитые всякого рода плющами и повиликой, они чрезвычайно украшают местность. Смотри издали, каждый город кажется местом очарования, но стоит только перейти через черту городских ворот, и красоты роскошной природы заменяются самой отвратительной картиной жилища человека.

Улицы: Тесные коридоры ограниченные высокими каменными стенами, обросшими повиликой и колючими растениями, как бы прорезывают неправильные массы строений и составляют узкие улицы, которые служат проезжими дорогами и вместе общим стоком всей нечистоты города. В боковых домах изредка видны окошки

или выдавшиеся балконы (шахиншин) с решетчатыми затворами заклеенными пузырем или бумагой. В середине города улицы делаются многолюднее, в нижних этажах видны сплошные прилавки, обвешанные всякого рода товаром и занятые съестными припасами и различными ремесленниками; продавец, мастеровой и покупатель соединяются к этому средоточию промышленности, и они представляют общий рынок и как бы одну открытую фабрику всех возможных потребностей и всех возможных изделий. Здесь ежедневно собирается большая часть жителей города, толпы народа расходятся только после заката солнца, и многочисленные сборища людей, совершенно праздных, представляют резкую противоположность с открытой деятельностью мастеровых. Улицы эти составляют так называемые базары; иногда, для избежания знойного солнца и непогод, их накрывают легкой деревянной крышей или делают над ними род общего намета, составленного из камыша, камышовых рогож и иногда бумажных и шерстяных тканей негодных к употреблению. Некоторые же из городов имеют на этот предмет особые здания.

Площади: Небольшие площадки, обыкновенно занятые различными рынками, находятся вблизи мечетей, около домов главного правителя города или около особых фонтанов.

Мостовые: Дурные мостовые делаются из огромных камней; вода проводится часто в каждый дом, и общая нечистота вместе с удушливым воздухом составляют отличительный характер всех проезжих улиц.

Строения: Строения города вообще могут быть разделены на общественные и частные; к первым принадлежат базары, караван-сарай или ханы, мечети, бани, кофейные, цирюльни, булочные и общественные харчевни или печи, в которых готовится пилав и жаркое для мелочной распродажи. К числу частных строений можно отнести дома хозяев и особые здания муселимов или главных правителей и богатейших сановников.

Базары: Базары занимающие особые здания, представляют довольно обширные одноэтажные строения, составленные из нескольких крытых коридоров со сплошными лавками по обеим сторонам; свет проходит из отверстий и частых окошек, сделанных в крыше, и сверх того, они имеют по несколько ворот расположен-

ных в соответствии с проходными улицами; внутренность таких базаров представляет чрезвычайно разнообразное и чрезвычайно красивое убранство разнородных товаров.

Караван-сараи или ханы: Караван-сараи или ханы (кеарбан-сарай) составляют особые строения, назначенные для общих складов привозных товаров и для помещения всякого рода караванов и путешественников. Строения эти делаются обыкновенно в один, и иногда в два этажа и обширный четырехугольник, разделенный на несколько небольших отделений, которые примыкают к одной общей галерее; комнаты занимаются кладовыми или хозяевами товаров и проезжими гостями, середина же хана почти всегда состоит из обширного двора, на котором устроены бассейн с фонтаном; верблюды остаются на дворе, лошадей же и катеров помещают в особые конюшни, устроенные под самым жилищем. Каждый город имеет непременно несколько таких ханов, и сверх того, они заменяют постоянные дворы по всем торговым дорогам, с той только разницей, что придорожные караван-сараи назначаются только для временных отдыхов, и потому они состоят обыкновенно из обширных крытых сараев, которых боковые стены имеют с внутренней стороны по несколько каминов; верблюдов, лошадей и катеров ставят в середине, путешественники же и проводники караванов с их выюками располагаются вблизи огня, где устроены или небольшие земляные возвышения или род небольших впадин, вдающихся в стены строения.

Мечети: Мечети (джаме) или храмы, назначенные для молитвы, составляют вообще лучшие здания городов; некоторые из них стоили больших капиталов, и в общей массе строения они выражают более или менее значительные красоты зодчества, и более или менее близкое подражание церкви св. Софии в Константинополе и вообще последней греческой архитектуре. Главные особенности мечетей состоят в чрезвычайно красивых и с необыкновенной легкостью построенных минаретах; это башня в виде высокой колонны, которая оканчивается остроконечным шпилем и имеет от одного до четырех круглых балконов, с которых муеззин сзывает правоверных на молитву; внутренность минаретов ограничивается винтообразной лестницей, и самые балконы представляют как бы несколько

ярусов верхних капителей колонны. Обыкновенные мечети состоят из довольно большого четверугольного строения с одним минаретом на юго-западном угле. Храмы же сооруженные султанами или общим приношением города и главнейшими сановниками, состоят из более или менее огромного здания с двумя или четырьмя высокими минаретами. По сторонам главного здания пристраиваются почти всегда обширные колоннады или род преддверия храма, которые накрываются множеством небольших полукруглых куполов, и соединение их как бы поддерживает среднюю массу главного купола самой изящной формы. Строения эти обыкновенно делаются из тесаного известкового камня со свинцовыми спаями; гранитные и мраморные колонны взяты из древних развалин, остальные же украшения состоят из чрезвычайно красивых углообразных арабесков, которые убирают карнизы, нижнюю часть балконов минарета и фронтоны окошек и дверей. Купола и верхние шпили минаретов всегда обиваются свинцом и сверх того они оканчиваются вызолоченными шарами с полуполунием. В открытых колоннадах или общих преддвериях храма обыкновенно устраивается обширный мраморный бассейн с фонтаном; здесь правоверный исполняет назначенные Пророком омовения и после предварительной молитвы или намаза с известным числом поклонов или ракатов он идет босыми ногами в самый храм. Внутренность мечетей совершенно проста, небольшая впадина означает сторону Мекки, и она служит алтарем священнослужителя или муллы; пол устлан коврами или камышовыми рогожками, возвышение вроде кафедры устраивается для публичного чтения Корана и для частных проповедников, и все внутренние украшения храма ограничиваются крупными по стенам надписями вдохновенных слов Пророка. Для женщин при входе в мечеть назначаются особые коридоры, которые отделяются сплошными или решетчатыми стенами. Мечети большей частью имеют около себя широкий двор с несколькими развесистыми сикоморами (платан) или ореховыми и каштановыми деревьями и, если мечеть составляет один только храм без колоннад и общих наружных пристроек, но бассейн с фонтаном представляет род особого киоска или находится на открытом воздухе; сверх того многие мечети имеют при себе особые дома для умалишенных, лазареты и частные духовные училища.

Общественные бани: Общественные бани (гаммам) по принятым обычаям и даже по самым узаконениям, есть непременно принадлежность каждого города, и устройство их во всей Турции выражает чрезвычайно прихотливую роскошь. Снаружи бани представляют довольно обширные каменные строения, которые отличаются небольшими куполами с частыми и иногда разноцветными стеклянными колпаками. Внутри они делятся на два главных отделения, первое или джаме-хан есть обширная зала, устроенная перед банею, в середине ее делается обыкновенно мраморный бассейн с фонтаном, боковые же стены представляют один круглый и чрезвычайно широкий диван с мягкими матрасами и подушками, накрытыми коврами или сукном. Комната эта назначается для раздевания и отдыха после бани, в ней остается платье, и начальник бань или гаммаджи-баши наблюдает за общим порядком, отвечает за неприкосновенность оставленных вещей и за спокойствие каждого. Отсюда двойная дверь ведет в теплые бани; большая круглая или многоугольная зала, освещенная верхними отверстиями сводов, которые накрываются стеклянными колпаками, представляет по сторонам небольшие отделения. Стены и пол почти всегда мраморные, и бани нагреваются особыми печами, устроенными под полом и проводными трубами, которые проходят в самых стенах; среднюю теплоту можно считать до 35° Реомюра, но жар этот вообще сух и чрезвычайно скоро производит испарину. В средней зале устраивается красивый бассейн с фонтаном холодной воды, по стенам же в нескольких местах находятся краны с холодной и горячей водой. Небольшие отделения, расположенные по сторонам составляют более низкие и более жаркие бани особняками, в каждой из них устроена мраморная ванна, несколько небольших прилавков и непременно краны с различной водой. Горячий, почти раскаленный пол имеет одинаковую теплоту на всем объеме, и потому при входе надеваются деревянные башмаки или род небольших деревянных скамеечек с ремнями – налын. Принятый обычай и строгий наказ Корана требует полной благопристойности, и потому все посетители бань надевают род больших фартуков из шелковой, шерстяной или бумажной материи (пештемаль). Ванны обыкновенно назначаются только для больных, здоровые же моются на прилавках, и особые банщики с необыкновенным

искусством расправляют все члены, трут все тело суконными рукавицами, с ловкостью обдают водой и по окончании всех принятых проделок – накидывают чалму на голову и широкое покрывало на весь корпус, и таким образом переносят на мягкие диваны предбанника или джаме-хан, где меккский кофей, прохладительные сласти и ароматный табак услаждают усталые члены. Устройство бань считается благотворительным делом, ибо кроме простого назначения, они необходимы для омовений положенных уставами Корана, и богатые люди часто откупают целые бани для нищих. Принятая плата почти никогда не превышает 40 пар или около 25 наших копеек; они топят ежедневно и по временам определяются для женщин или для мужчин; иногда их нанимают для особых гаремов, и в этом случае бани составляют одно из любимых увеселений турецких и вообще восточных женщин, которые проводят в них целый день. Окончив омовения, они переходят в залу джаме-хан, и здесь их ожидают прихотливые сласти, вкусный кофей, наргиле (кальян), иногда целый обед и особые танцовщицы. Здесь они расчесывают роскошные косы, облакаются в пышное убранство и проводят время в занятиях туалета и различных играх. Бани одинаково открыты для всех исповеданий, и только богатые люди для собственной прихоти откупают их на положенное время.

Кофейные и цирюльни: Кофей, открытый по сказаниям Ахмет-эфенди в 656 году Египта (1258), скоро был принят почти во всеобщее употребление и, несмотря на неоднократные запрещения Мурада III и еще некоторых султанов, этот напиток остался во всей Турции неотъемлемой потребностью для каждого. Турок встречает день кофеем, принимает гостя кофеем, начинает или оканчивает работу кофеем, перед выездом, по приезде, по утру, вечером и, наконец, во всякое время дня кофей для него необходимость. И потому, нет города и нет жилья где бы не существовали особые общественные кофейные. Небольшие дома эти построены в смысле настоящего их назначения для сборищ людей, которые за чашкой кофея посвящают себя ленивой неге. Кофейные обыкновенно составляют род небольших киосков с открытыми галереями, осененными развесистыми деревьями или трельяжем оплетенным виноградником; они находятся вблизи каждого рынка, вблизи каждой мечети и вообще зани-

мают самые красивые и самые живописные положения. Внутренность их представляет более или менее обширную комнату, в которой прямо против двери устроена большая печь, обставленная различной величины кофейниками, небольшими чашками и множеством кальянов и чубуков. По сторонам на возвышениях устраиваются разнородные отделения помостов покрытых, смотря по богатствам кофейной, камышовыми рогожками или коврами и сукном с мягкими подушками, обложенными по стенам. На открытых галереях устраиваются такие же диваны. Сюда обыкновенно собирается множество людей всех сословий, которые разделившись на несколько групп, беседуют о временах прошедших, слушают новости, и большей частью составляют молчаливые толпы, занятые рассказами одного или двух остряков и рассказчиков, составляющих неприменную принадлежность почти каждой кофейной. В летнее время эти собрания располагаются на галереях, зимою же и осенью они теснятся небольшими кружками в кофейных к так называемым мангалам или медным вазам наполненным горячими углями, и едва ли найдется одна голова в Европе, чтобы устоять против этого общего чада и непроницаемых облаков табачного дыма, по крайней мере, 20-ти или 30-ти трубок с прибавкой нескольких кальянов.

Кроме кофейных, почти каждый город имеет несколько цирюлен, которые делаются необходимыми по общим обычаям брить голову и иногда бороду и усы; ни один почти турок не имеет у себя бритвы, и между тем каждый из них непременно должен срезывать волосы по несколько раз в неделю. Таким образом, общественные заведения этого рода беспрерывно наполнены посетителями, и чрезвычайно проворные берберы или цирюльники исполняют свою должность с большим навыком и ловкостью; кусок сломанной сабли или кинжала почти всегда заменяет бритву, они стачивают их до неимоверной остроты, ловко намыливают крепким куском мыла, и положивши голову к себе на колени, с неимоверной скоростью делают ее совершенно голой. Цирюльни эти состоят из небольших комнат с окошками со всех сторон, и как стекло составляет почти повсеместную редкость, то оно заменяется пузырем и бумагой.

Булочные и общественные печи: Огромные печи, назначенные для приготовления хлеба, пилава и кебаба или жаренного, состав-

ляют общественные булочные и род мирских харчевен: здесь мастеровой, продавец и бездомный хозяин находят готовую пищу за самую умеренную цену, и в каждом городе почти половина жителей, не имея домашнего хозяйства, довольствуются этим базарным обедом. Свойство и самая форма хлеба изменяется почти с каждым городом; хорошего хлеба нет во всей Анатолии, и он печется или плоскими и длинными лепешками, или огромного размера и чрезвычайно тонкими (в толщину бумаги) листами, которые скатываются в трубку или складываются как салфетка. Любимые же кушанья турок в общественных харчевнях представляют горы разварного рису или пилав и приготовленные запасы целых баранов или мелких кусков бараньего мяса, нанизанных на длинные прутья, которые будучи обжарены составляют вкусный кебаб (жареное). Здесь готовят и другие принадлежности обыкновенного турецкого стола, но они должны быть заблаговременно заказаны; в числе готовых можно найти только разнородные сласти и пирожные, которые вообще состоят из виноградной патоки, меду, муки, грецких орехов и огромного количества бараньего жира. Кроме этих общественных строений, лавки вообще отличаются прихотливым убранством, всякого рода товары красиво развешиваются на прилавках, особенно же щеголяют так называемые бинкалеи или лавки с табаком, разнородными конфетами, шербетом, прованским маслом, сахаром, вяленой и сухой рыбой и пр., и пр.

Частные дома и дворцы или сараи главных правителей и богатейших сановников: Частные дома обыкновенно строятся в два этажа, нижний назначается для служб и конюшен, верхний же для хозяина и его семейства или гарема. Дома эти со стороны улиц обнесены высоким каменным забором, они вообще представляют надворные строения, разделенные на мужскую и женскую половину, и иногда гарем располагается на втором или третьем дворе. Высокая лестница ведет в приемный покой хозяина дома; убранство этой комнаты зависит от состояния, у богатых она представляет обширную залу с резными деревянными украшениями на стенах и потолке и с деревянными же колоннами, которые отделяют небольшое возвышение, примыкающее к светлым и высоким окошкам, около которых устраивается один круглый диван, составленный из мягких матрасов с поду-

шками. Пол покрывается коврами и диван делается или из тонкого сукна, или шерстяных и шелковых тканей в виде тисненого бархата, иногда с серебряными и золотыми узорами; небольшие подушки и четверугольные особые тьюфяки, положенные в углах, означают почетные места, которые уступаются только старшему. Иногда комната имеет широкий камин наравне с полом, и над ним устраивается деревянный с различными украшениями балдахин, который закрывает часть трубы. У людей меньшего состояния приемные ограничиваются небольшой комнатой с общим круглым диваном, накрытым самыми грубыми коврами и камышовой рогожкой*, и часто в середине остается деревянный или даже земляной пол. Приемные совершенно отделяются от остальной части дома, внутренние же комнаты состоят из небольших отделений, примыкающих или к одной средней зале, или к галереям, которые служат общими сообщениями. Убранство их совершенно то же, но с той только разницей, что там решетчатые окошки почти всегда находятся под потолком, и стены имеют створчатые шкафы, в которые убираются постели и все принадлежности домашнего хозяйства.

В Восточной Анатолии большая часть городов состоит из каменных строений с плоскими крышами, и в христианских кварталах иногда несколько домов имеют свободное сообщение по этим террасам. Турецкие же хозяева ограждают их небольшими каменными стенами. Окошки и выдавшиеся балконы или шахиншин, обращенные к стороне улиц, делаются только в мужских отделениях или в домах армян и греков, в женских же половинах это случается только при безусловной необходимости, и притом окошки имеют решетчатые затворы и стекла заменяются пузырем и бумагой. Особые дома сановников или главных правителей города почти всегда составляют как бы отдельные замки. Высокая каменная стена окружает значительное пространство, заключающее в себе обширный двор главного дворца или сарая и еще двух или трех небольших надворных отделений, обнесенных особыми оградами. В первом находится приемная

* Мисирская или египетская камышовая рогожка считается особым щегольством, она стоит иногда дороже ковров, и потому употребляется даже высшими сановниками, но обыкновенная цареградская есть принадлежность всех бедняков – *примечание автора*.

зала, вся дворовая челядь оруженосцев и конюших, и особые комнаты хозяина; второе посвящается гарему и, наконец, третье для кухонь и домашней прислуги. Главное отделение сарая состоит почти всегда из двухэтажного высокого дома, обнесенного широкими галереями и сплошными или открытыми балконами. Лестница ведет к большой приемной зале, или дивану, которой убранство совершенно зависит от более или менее значительных богатств хозяина. Высокая и хорошо освещенная комната, обставленная почти сплошными окошками, иногда имеет два света, и верхние рамы состоят изредка из цветных стекол; карнизы резные, и штучные украшения всегда деревянные, но их затейливость часто стоит больших денег, представляя самые замысловатые соединения разноцветного дерева в виде обрамленных паркетов. Камин есть почти непременно принадлежность залы дивана; к стороне входа остается небольшое пространство ровного пола, но остальная часть комнаты образует особое возвышение, ограниченное несколькими деревянными колоннами; на возвышении устраивается общая круглая софа со сплошными подушками вдоль стен, примыкающих к окошкам. В зале этой принимаются гости и просители, здесь идут общие совещания, и хозяин проводит в ней деловую часть своего дня. Около залы дивана есть непременно несколько меньших комнат для спальни или для домашнего быта, потом небольшие галереи с двойными или тройными затворами ведут к гарему, который состоит из средней большой залы и небольших отделений по сторонам.

Каждая из жен имеет непременно особую комнату, старшие пожилые женщины, как например, мать хозяина или его сестра, получают также особые покои, и у них воспитываются малолетние дети, средняя же большая зала посвящается для общих сборищ и общих забав, в ней обыкновенно устраивается мраморный бассейн с фонтаном, и самое убранство делается с большей прихотью, хотя оно удерживает повсюду однообразные принадлежности, те же деревянные украшения и штучные потолки, тот же диван и тот же камин, но вместо светлых и открытых окошек они переносятся к потолку и составляют мелкие решетчатые клетки с разноцветными стеклами или с разноцветной же бумагой, напитанной маслом. Стены заключают створчатые шкафы для постелей, и изредка

делаются небольшие впадины с полками, на которых ставят кофейные приборы, богатые кальяны и вблизи их множество разнородных чубуков. Кроме этих комнат гарем почти всегда имеет особые бани, убранные по общему обыкновению белым мрамором и вообще сходные с общественными. Нижний этаж сарая или дворца занимается конюшнями и военной прислугой хозяина; внизу гарема живет женская прислуга и, наконец, в третьем отделении надворных строений находятся кухни и разнородные принадлежности домашнего хозяйства. Каждый двор непременно имеет особый фонтан, а в домах, хотя несколько богатых, вода проводится почти в каждую комнату. Нет сомнения, что строения такого рода имеют частные изменения, но в общих чертах они повсеместно удерживают чрезвычайно близкое сходство, и оно распространяется на все частные и общественные дома, описанные в предыдущих статьях.

Города Восточной Анатолии находятся на главных проезжих сообщениях, и они расположены по берегам Черного моря, вдоль долин Кулей-Гисар-су и Токмак-су, по берегам Евфрата, вдоль поречья Кызыл-ирмака и на реках Ак-су и Токмак-чая. Из числа же городов Курдистана положительные сведения собраны только о Диарбекире, Аргане, Карпуте, Сиверике, Чермюлике, Урфе и Бире.

Трапезонд. Из прибрежных городов Черного моря главнейший есть Трапезонд, в нем сосредоточивается управление всего пашалыка, и в настоящее время оно отдано Осман-паше, который считается вместе и правителем Лазистана. Город расположен на пологих скалах высокой горы Босс-тепе; с восточной стороны сплошные строения, следуя изгибам морского берега, вдаются остроконечным мысом и потом тянутся впадиной залива. В летнее время в этой стороне обыкновенно бросаю якорь все приходящие в Трапезонд суда, и укрепленный замок, построенный на крайнем углу мыса с двумя небольшими батареями, расположенными в смысле перекрестных выстрелов, служит защитой гавани. К западу город прорезан двумя каменистыми оврагами, которых тесный промежуток представляет утесистый и высокий бугор, крепостная стена находится у его подножия, самые же вершины заняты цитаделью. Широкая и некогда прочная каменная стена, с частыми башнями, на южной оконечности стремнин холма образует отдельный замок, потом следуя греб-

ням оврагов, она замыкает продолговатый четвероугольник двойной обороны, и наконец, спускаясь к морю по линии среднего оврага, вдается на север небольшим мысом, и снова примыкает к противоположному подножию цитадели. Кроме этих укреплений еще две батареи назначены для обстреливания берегов, одна на краю предместья вблизи церкви св. Софии и другая на выходящем углу крепости. Город имеет до семи тысяч домов и до 13500 человек жителей, из которых 3500 греков, до 200 человек армян и 9800 человек турок. Гавань Трапезондская доставляет слабую защиту, и она удобна для купеческих судов только в летнее время, настоящая же пристань находится в 17 верстах на запад вблизи небольшого городка Платаны. Христианское предместье находится на восточной оконечности города; базары и несколько примечательных караван-сараев расположены в недалеком расстоянии от моря и вблизи самой крепости, сверх того небольшая греческая церковь, три прекрасные мечети и дом Осман-паши составляют лучшие строения города. Расположение Трапезонда и его ближайшие окрестности состоят из самых живописных видов, растительность самая богатая, все скалы покрыты кустами рододендрона, жасмина и различных пород лавра, и множество богатых садов отличаются изобилием масличных деревьев и всякого рода фруктами и виноградом, примечательный же избыток орехов (фундука) обращает на себя особое внимание, ибо Трапезонд ежегодно отправляет из своего порта огромное количество, простирающееся до трех миллионов пиастров. В настоящее время торговля этого города чрезвычайно значительна, и он служит общим складом всех европейских товаров, назначенных для потребления Северной Анатолии и почти все Персии, так что общая сумма привозных и отпускных статей простиралась в 1834 году до 12 миллионов, и в 1835 – до 13 миллионов рублей. Ближайшие окрестности покрыты загородными домами, несколько богатых греческих деревень представляют деятельное народонаселение занятое садоводством и промыслами берегового судоходства, различными мастерствами в городе и постоянными заработками в Константинополе; земли пахут ручными заступами, и потому посевы различного хлеба почти ничтожны, скотоводство бедно по недостатку пастбищ, и собственно городская промышленность отличается хорошей

выделкой сафьянов и особым бумажным полотном, которое в большом количестве расходуется в самые отдаленные части Анатолии и Курдистана, турки употребляют его для белья, предпочитая всякому другому полотну.

В настоящее время Трапезонд имеет французского, английского, русского и сардинского консулов, и торговая его деятельность ежегодно распространяет круг своих действий. В числе особенностей Трапезонда можно считать его береговые лодки, которые употребляются для частных сношений и запрещенной торговли с кавказскими горцами. Лодки большого размера составляют род прежних венецианских галер, их называют конджар-баш; огромные треугольные паруса и от 24 до 48 весел дают им чрезвычайно быстрый ход, они острокольны* и оконечности носовой и кормовой части представляют высокие и крутые загибы. Лодки меньшего размера, также острокольные, употребляют чрезвычайно большие паруса на трех, двух и одной мачте, прибавляя иногда даже боковые лисели**. В хорошую погоду они служат быстрым сообщениям и идут в виду от берегов, лодочники большей частью греки, народ ловкий и проворный, и в случае непогоды каики эти пристают к первой пристани, вытаскивая лодки на берег***. Большая канджар-баш помещает от 100 до 150 человек и сверх того, она вооружается небольшим фальконе-том. Каики же обыкновенно имеют от 8 и 10 человек до 25 или 30, и, хотя весь Анатолийский берег имеет подобные лодки, но трапезондские особенно славятся и своим устройством, и быстротой бега, и ловкостью гребцов, и для различия они удерживают полосатые (белые с синим) паруса, красивые флаги и флюгера. В числе остатков древностей в Трапезонде показывают бывшую церковь св. Софии (теперь мечеть), которая принадлежит к самой поздней греческой архитектуре, и дом, составлявший некогда дворец Алексея Комнина, но строения эти почти не заслуживают никакого внимания – св. София отличается обломками довольно красивых бар-

* Так в тексте. Имеется в виду, очевидно, «остроконечны» – *примечание составителей.*

** Летучие паруса, которые ставят в помощь прямым парусам для увеличения их площади при попутных ветрах. – *примечание составителей.*

*** Так в тексте – *примечание составителей.*

льефов; справедливость же мнения о дворце Комнина требовала бы доказательств.

Платана. 17 верст западнее море образует небольшой залив изрядной гавани, и здесь находится постоянная купеческая пристань Трапезонда и город Платана. Строения разбросаны по крутым и каменистым отрогам нагорного берега, и они перемешаны с обширными рощами масличных деревьев, садов и виноградников, и в 600 домах насчитывают до 2400 человек жителей, из которых 1840 турок и 560 греков. В летнее время Платана приметно пустеет, но зимой сюда приходят все купеческие суда, и они остаются от сентября до апреля, выжидая удобного ветра и погоды, которая доставила бы им возможность сложить или принять груз Трапезонда.

Триполи, по-турецки Тареболи. Триполи, по-турецки Тареболи находится около 20 верст западнее Трапезонда; он имеет до 770 домов и около 2780 человек жителей, из которых 780 человек греков. Город расположен у подножий высокой горы, вдающейся в море 2-мя каменистыми холмами, которые образуют небольшие гавани для береговых лодок. Западный курган обнизан сплошными строениями; на стремнинах восточного устроена сомкнутая батарея для защиты со стороны моря. Положение Триполи самое живописное, нависшие утесы скал оканчиваются высокими гребнями, стремнины перемешаны с садами и виноградниками, и дома кажутся построенными на каменных глыбах, которые обрушились к морским отмелям. Занятие, богатство и замечательность города заключается в ископаемых сокровищах, здесь устроены общие сплавы добываемой красной меди, и притом тайно разрабатывают серебро и золото. Главный медный рудник находится в 3-х часах расстояния от города по берегам Триполи-дереси, остальные же в объемах ближних стремнин и, несмотря на чрезвычайные злоупотребления местного аги, правительство ежегодно получает от 30 т. до 35 т. пудов чистой меди, назначая по 20 пар заработной платы на батман*, или на 7½ фунтов очищенного металла. Рабочие употребляются почти исключительно из греков, их собирают по соседним городам, и постоянно работают до 2 т. человек; кроме меди горы во многих местах имеют

* Азиатская старинная мера веса – *примечание составителей.*

серебро и золото, но ага, пользуясь ими, старается скрывать рудники и позволяет разрабатывать их под страшным секретом за половинную плату ценности ископаемого. Базары города почти ничтожные, караван-сараев вовсе нет, но дом аги составляет как бы отдельный замок на восточной оконечности города и отличается как внутренним убранством, так и обширностью здания.

Кересунд. Хребет гор, идущий почти параллельно берегам моря, представляет на высоте Кересунда зубчатые вершины высокой горы Кандыл-даг, которая своими отраслями образует с одной стороны мыс Ай-Василь (св. Василия), и с другой несколько небольших холмов с частыми заливами; город расположен у подножий одного из главнейших холмов; с западной его оконечности находится главная гавань, в середине же и на восточной стороне скалы огибают небольшие пристани береговых лодок. Развалины древней стены показывают обширность прежнего города, в настоящее же время он имеет до 900 домов и 3300 человек жителей, из которых 1300 греков и до 2000 турок; две слабые батареи составляют его защиту; расположение строений чрезвычайно красиво, и местность вообще удерживает самое живописное разнообразие обнаженных утесов, перемешанных с садами и виноградниками. Постройка мелких судов, заготовка леса и все принадлежности кораблестроения составляют исключительные занятия жителей, в прежнее время здесь строились даже военные фрегаты, но впоследствии мелководье вынудило перенести эти временные верфи в Фассу, и Кересунд, пользуясь богатыми средствами прекрасных лесов ближайших гор, занимается только потребностями купеческого и берегового судоходства.

Орду. Небольшой городок Орду, расположенный в 12 часах расстояния на запад от Кересунда, находится при впадении залива, ограниченного как бы отдельной горой Босс-тепе. Город имеет до 450 домов и до 1500 человек жителей, в числе которых считают до 200 греков; гавань его совершенно открыта для северо-восточных ветров, и потому в ней остаются суда только в летнее время. Ближайшие окрестности покрыты разбросанными селениями, которые обращают свой труд на хлебопашество, и бедный рынок Орду отличается своими лесами и изобилием пеньки, из которой приготавливаются канаты.

Фасса. Фасса находится 12 часов западнее Орду, он заключает 450 домов и до 1400 человек жителей, из которых 200 греков. Городок этот представляет массу ничтожных строений, расположенных на ровной площадке, примыкающей к небольшому заливу, который служит довольно удобной гаванью, по крайней мере для мелких судов. Небольшая сомкнутая батарея о 8 орудиях назначена для защиты со стороны моря, и вблизи ее обыкновенно строятся военные фрегаты и другие мелкие суда султанского флота; верфи не существуют, и они заменяются простыми лесами, которые поддерживают корпус фрегатов вблизи самого берега. Окрестности Фассы чрезвычайно богаты корабельным лесом, хлебом и пенькой; деревни представляют разбросанные строения почти сплошных жилищ, и кроме материалов необходимых для купеческих и военных судов, город ежегодно отправляет в Синоп и Константинополь до 1500 кантарей пеньки или около четырех тысяч пудов нашего веса. От Фассы на полдень за гребнями высокого хребта Сысс-дагы тянется обширная долина реки Кулей-Гиссар-су, которая во многих местах принимает различные названия, и на берегах ее находятся Карагисар, Кулей-Гиссар и Никсар.

Карагисар. Карагисар, расположенный на высоких холмах котловины верхних истоков небольшого потока, принимающего название Сег-дереси, составляет довольно обширный город, заключающий в себе до 8800 человек жителей, из которых считают до 467 армян и до 2160 греков. Вершины холма заняты крепостной стеной довольно обширной цитадели, самые же строения представляют сплошной амфитеатр, окруженный со всех сторон садами и виноградниками с самыми живописными загородными домами. Здесь проходят большие дороги из Арзерума в Константинополь и Сивас, и сверх того еще несколько сообщений из Трапезонда, Ерзингама и Байбурта, и пользуясь этими перепутьями, Карагисар занимается довольно значительной торговлей, которая состоит в сбыте большого количества хлеба, сарацинского пшена, ручных медных изделий, овечьей шерсти и полотна наподобие трапезондского.

Кулей-Гиссар. Небольшой городок, имеющий до 1500 жителей и расположенный на крутых стремнинах общего продолжения уще-

ля Сег-дересси, вдоль которого проходит большая Константинопольская дорога из Карагисара и Арзерума.

Никсар. Никсар находится у подножия высоких обрывов хребта, который отделяет воды Термии и Кулей-Гиссар-су и занимает устье небольшого оврага, соединяющегося с плоскостью одной из богатейших долин Анатолии. Красивые строения, перемешанные с обширными садами, составляют живописные амфитеатры, разбросанные по каменистым скатам, которые сходятся в общую массу главного города, расположенного при самом начале равнины реки Кулей-Гиссар-су и прорезанного двумя быстрыми потоками. С полу-денной стороны город примыкает к безграничной плоскости сплошных посевов, с других же сторон он занимает крутизны известковых утесов; здесь проходит большая Константинопольская дорога из Арзерума, идущая на Токат, и боковые сообщения из Фассы, Самсуна и Чшаршенбека. Положение Никсара принадлежит к самым живописным местам Анатолии; город имеет до 3000 домов и в нем считают до 9200 человек турок и до 3500 греков; каменная полуразвалившаяся стена составляла некогда крепость и особый замок в виде цитадели, богатые базары занимают всю среднюю часть города, три больших караван-сарая назначены для помещения проезжих караванов и общей складки товаров, сверх того Никсар славится своими банями и множеством больших и хорошо устроенных водяных мельниц, которые находятся по протяжению горных потоков, бегущих к стороне Кулей-Гиссар-су. Строения вообще имеют красные черепичные крыши, они показывают общее богатство жителей, и кроме дома мусселима и еще нескольких богатых хозяев, есть две значительные мечети. Окрестности города изобилуют в особенности хлебом, сарацинским пшеном и значительными стадами рогатого и мелкого скота, и при том, множеством всякого рода фруктов и винограда.

Токат. В 6 часах расстояния на юго-запад от Никсара одна из частных ветвей Екил-Ирмака или Токмак-су образует широкий прорез богатой долины и вблизи ее находится Токат, город, который может считаться одним из богатейших и многолюднейших во всей Анатолии. Странная прихоть турок перенесла его от ровной плоскости берегов Токмак-су в тесный котел, окруженный с трех сторон

известковыми утесами каменных скал; строения занимают самое дно нескольких соединенных оврагов и тянутся вдоль крутизны последних уступов небольших и отдельных холмов, на одном из них еще существуют старые развалины замка. В самой середине город прорезан двумя небольшими потоками, и сверх того его пересекают непрерывные проводники воды, которые снабжают почти каждый дом. Долина реки Токмак-су отстоит от города в полуверсте, и она верст на 8 кругом занята сплошными садами и огромными виноградниками, между которыми разбросаны красивые загородные дачи. Общее число жителей Токата простирается до 16 750 человек, из которых 11 000 турок, до 4250 армян и около 1500 греков. Токат занимает главное соединение дорог, которые от него расходятся в Арзерум, в Амасию и Константинополь, в Сивас, в Кесарею, в Юсгат, прямо в Карагисар и прямо к стороне Ак-сарая. Строения города отличаются вообще хорошей и даже прихотливой постройкой, базары чрезвычайно богаты, и четыре обширных караван-сарая устроены для многочисленных караванов, которые непрерывно идут через Токат; торговля города ограничивается его собственным потреблением и сбытом значительного количества хлеба, который собирается в богатых окрестностях, особая же промышленность состоит в изделиях разнородной медной посуды и особого рода клетчатых синих покрывал бумажной ткани, принятой в общее употребление турецкими женщинами. Изобилие воды составляет также одну из особенностей Токата, и в домах, хотя несколько богатых, повсюду устроены мраморные бассейны с фонтанами; в числе же примечательнейших зданий можно считать дом главного правителя, двух или трех армянских купцов (и особенно армянского старшины, у которого я останавливался во время проезда) и главную мечеть; вообще вся сложность строений представляет особенно чистый и особенно хорошо построенный город, каких в Турции весьма немного²⁷.

Сивас. К полудню от Токата за хребтом Юлдус-дагы, течение Кизил-Ирмака образует широкую долину и на северных ее берегах расположен Сивас, город бедный наружностью, но чрезвычайно важный по соединению главнейших дорог, и потому, что он назначается для средоточия власти большей части Восточной Анатолии. Расположенный у подножия крутых обрывов, Сивас примы-

кает к обширной площади, ограниченный течением Кизил-Ирмака, который находится верстах в двух южнее города; народонаселение его состоит из 10000 турок, 3200 армян и до 300 греков. Строения вообще каменные, и они имеют плоские крыши, которые в общей массе чрезвычайно некрасивы. Тесные и грязные улицы в некоторых местах даже не имеют мостовых, и не только по одной наружности, но и по самым строениям Сивас принадлежит к беднейшим городам Анатолии. На западной его оконечности каменная стена с башнями образует два продолговатых многоугольника, которые служат крепостью и цитаделью, или лучше сказать, образуют два отдельных укрепленных замка; меньший из них построен на высотах небольшого холма, другой же обнесен каменной стеной и рвом, они оба находятся под выстрелами ближайших возвышений, которые значительно командуют ими. Постройка сивасских замков, без всякого сомнения, принадлежит древнейшим временам, стены состоят из огромных известковых камней, они имеют значительную толщину, и повсюду видны персидские изображения Льва и Солнца вместе с различными украшениями арабесков, которыми отличаются здания персиян. Местность, на которой расположен город, чрезвычайно возвышена, и, несмотря на углубление долины, виноградников здесь совершенно нет, сады едва имеют дурные яблони, суровая зима начинается с октября месяца, и в половине апреля (время моего проезда) деревья едва показывают первые признаки зелени, и едва только к маю проходят утренние морозы. Окрестности города, или лучше сказать долина Кизил-Ирмака, отличается хлебобордностью и особенно урожаями пшеницы и ячменя, и продукты эти свозятся на общий рынок Сиваса для распродажи курдам, которые собираются на ближайшие степи для летних кочевьев. Множество красивых растений, и преимущественно персидские желтые зерна, составляют особые богатства Сиваса, и кроме значительного расхода в самом городе, ежегодно отправляют в Смирну и Константинополь до двух тысяч выюков, сверх того собираются кожи котиков или речных бобров, небольшое количество мускуса и до 50 выюков мягкого козьего пуха; разные же изделия Сиваса славятся своими красильщиками, узорчатыми шерстяными чулками и чубуками, оплетенными соломой и шелком; из числа заме-

чательнейших зданий в крепости находится обширная и богатая своими украшениями мечеть, в городе же так называемый Аджемис-хан, обширное строение с прекрасными мраморными воротами покрытыми резными арабесками, внутри хана показывают изразцовую комнату: синие с разводами изразцы убирают стены и потолок, и при соединении этих четверугольников устроены вызолоченные звезды в шахматном порядке. Кроме этих строений, вблизи самого города по прямой Токатской дороге армяне имеют довольно обширный монастырь и при начале долины Кизил-Ирмака показывают особый колодезь, в котором по их преданиям были затоплены 40 убиенных младенцев; здесь также находится небольшой известковый камень, на котором предполагают стопы Спасителя, явившегося для утешения мучеников.

Деренде. На полдень от Сиваса в чрезвычайно глубоких оврагах, прорезывающих общую возвышенность средней террасы находятся два небольшие городка – Гюрюм и Деренде; первый имеет 2200 турок и до 2160 армян, второй же до 2050 мусульман и 2000 армян. Расположение этих городов представляет резкую противоположность с пустынной местностью каменистых степей общей возвышенности ближайших их окрестностей. Гюрюм расположен в глубоком овраге по берегам небольшого, но чрезвычайно быстрого потока Токмак-су; строения города перемешаны с обширными садами; крутые стремнины нависших берегов едва оставляют тесное дно ущелья, занятое разнообразными амфитеатрами строений. Промышленность города состоит в сбыте хлебных запасов и постоянных сношениях с кочевыми народами, которые доставляют верблюжьую и овечью шерсть, кожи речных бобров, выхухоль и козий пух. Собираемые продукты большей частью отправляются в Трапезонд, откуда берут европейские товары и тамошнее бумажное полотно. Деренде находится в 6 часах расстояния от Гюрюма, городок этот, окруженный со всех сторон садами, занимает дно глубокого оврага, обставленное со всех сторон едва приступными горами.

Альбистан. Альбистан находится у северных подножий высокого Тавра, он составляет бедный и небольшой городок, имеющий до 2000 турок и до 1800 армян, строения его вообще дурны, и они расположены на косогорах, примыкающих к обширной равнине верх-

них истоков Джайхан-чая, которая представляет довольно обширную площадь сплошных посевов разнородного хлеба и весьма богатый округ 24-х многолюдных армянских деревень. Альбистан служит для них общим рынком и составляет склады главных запасов, которые разбираются соседними кочевыми народами.

Кесарея, по-турецки Кайсери. Кесарея находится у юго-западных подножий высокой снежной горы Аргея или Ерзияс-даг и занимает часть обширной равнины, которая далеко вдается на запад; дурные строения с плоскими крышами вообще составляют грязный и дурной наружности город; народонаселение его заключает до 8000 турок, 2650 человек армян и 3800 греков. Каменная полуразвалившаяся стена с башнями окружала некогда весь город, внутри его еще видны остатки прежней цитадели, которая обращена теперь в крепость. Ближайшие окрестности заняты чрезвычайно многолюдными деревнями, иногда исключительно греков или армян, и овраги холмистого подножия Ерзияс-даг повсюду представляют сплошные сады и виноградники. Город чрезвычайно нуждается водой, ибо для употребления жителей едва существует один ничтожный проводник, который доставляет теплую и часто испорченную воду²⁸. Из числа замечательнейших строений новая армянская церковь, греческий монастырь и дом главного правителя могут считаться лучшими, притом есть несколько караван-сараев, крытые базары и две или три изрядные мечети. Открытые сообщения с Сивасом, Ангорой, Юзгатом, Ак-сараем, Конией, Марашем, Тарсузом и Аданой доставляют Кесарею особые выгоды для торговых оборотов, и сверх того местные продукты состоят из значительных богатств разнородных красивых растений (преимущественно желтых персидских зерен, корня марены и колючего бурьяна, из которого делают зеленую краску), множества рогатого и мелкого скота, верблюжьей и овечьей шерсти, сала и различных кож. Ежегодно убивают до 10 000 штук различного скота для вяленой солонины (пустарма), которая расходуется по всей Анатолии и значительным количеством отправляется в Смирну, Тартус и Константинополь; главнейший же торг производится хлопчатой бумагой, растительными красками, сарацинским пшеном, козьим пухом и верблюжьей чесаной шерстью. Большая часть равнины вблизи города покрыта болотами, и их испарения

в жаркое время заражая воздух, производят постоянно гнилые и другого рода горячки, почему жители, оставляя город на лето, переходят в сады, расположенные на возвышениях.

Инже-су. Инже-су находится в 6 часах расстояния на полдень от Кесареи и занимает как бы случайный провал противоположных скатов подножия Ерзиас-дагы. Строения города разбросаны по отвесным почти крутизнам, и они представляют дома с красными черепичными крышами, наподобие константинопольских; со стороны Кесарейского въезда расположен довольно большой караван-сарай, который вместе может считаться и настоящей защитой, ибо он обнесен каменной широкой стеной, которая заслоняет ущелье и имеет одни только сквозные ворота. Народонаселение состоит из 1750 турок, 2300 армян и 2500 греков, и в обыкновенное время в христианских предместьях едва остаются женщины и старики, люди же способные работать, живут постоянно в Константинополе и составляют продавцов в бакалеях и мелочных табачных лавочках.

Девели-Карагисар. Девели-Карагисар находится в 6 часах расстояния южнее Инже-су и занимает подножие небольшой гряды возвышений, примыкающих к обширной равнине Яваш-оваси. Строения вообще бедны и расположены по косогорам небольших холмов, от которых тянутся обширные сады. Народонаселение Девели Карагисара включает в себе 2300 турок, 2350 армян и до 250 греков; базары бедны; главное занятие жителей ограничивается садоводством, добытанием соли из небольшого озера, расположенного на противоположном конце равнины, и закупками хлеба, который распродается соседним кочевым племенам. Равнина почти не имеет селений, она с одной стороны ограничивается высоким подножием Ерзиас-дагы, а с другой примыкает к верхним подъемам главного кряжа Тавра (Булдурус-болли) и гряде возвышений Девели Карагисара и Инже-су. Таким образом, она имеет от 35 до 40 верст длины и от 5 до 12 ширины, и соленое озеро Султан-сазы находится на самой восточной его оконечности. Сюда приходят кочевые туркмены и курды с их многочисленными стадами, и по сказаниям туземцев, пастбища Яваш-оваси имеют какое-то особое и выгодное влияние на верблюдов.

Мараш. Мараш построенный у полуденных подножий высокого Тавра, занимает небольшое ущелье, которое с западной стороны ограничивается хребтом Гияур-дагы и к востоку примыкает к открытым равнинам начального образования степей Сирии. Таким образом, он находится при самом первом разделении верхнего кряжа Ахур-дагы и одной из главных его отраслей, промытой в недалеком расстоянии от города рекой Ак-су, которая впадает в Джейхан-чай. От Мараша на юго-восток открывается широкая равнина и постепенные уступы плоских возвышений Антепа; к берегам же Александреттского залива тянутся гребни древнего Амануса или настоящего Гияур-дагы. Город живописно разбросан по крутизнам каменистых утесов, строения перемешаны с садами, и небольшие горные потоки, сливаясь к Ак-су, прорезывают улицы по нескольким направлениям; на гребнях же как бы отдельной глыбы скал устроена небольшая цитадель с зубчатой каменной стеной. Народонаселение Мараша включает в себе до 4500 турок, до 12500 армян и до 2300 греков. Паша, постоянно живущий в городе, принадлежит к одним из сильнейших дере-беев (Осман-паша), от него зависят равнины Сукерова и Харна-ова, которые обыкновенно заняты сплошными кочевьями туркменов, курдов и ашерет-адам, и сверх того, он удерживает постоянное влияние на все соседственные племена. Дворец паши, мечеть и несколько армянских домов составляют лучшие здания города. Главная промышленность Мараша заключается в разработке железного рудника при вершинах Ахур-дагы, составляющего особую собственность паши; сверх того, базары богаты всякого рода оружием, большими запасами хлеба и сарацинским пшеном. Из числа главнейших дорог, соединяющихся к Марашу, можно считать пути Антепа, Бесни, Александретты, Аданы и Альбистана, но караваны почти никогда не избирают этих направлений по причине сильных и постоянных разбоев.

Бесня. Небольшой городок Бесня находится к востоку от Мараша и занимает глубокий прорез каменистого ущелья, обставленного со всех сторон отвесными утесами. Строения как бы врезаны в скалы, и улицы составляют едва доступные всходы; на дне же самого оврага находится высокий бугор с остатками полуразвалившейся стены и тремя довольно высокими пирамидами. Народона-

селение Бесни состоит из 10300 турок, 3500 армян и 200 греков. Промышленность города ничтожна, окрестности большей частью заняты оседлыми курдами и ашерет-адам, и главные богатства ограничиваются необъятными виноградниками, простирающимися иногда на 15 и 20 верст; в числе же ручных изделий замечательны плоские и четверугольные большие кремни, выбитые из цельных камней с помощью небольшого молотка.

Малатия. Малатия находится верстах в пяти от Евфрата и занимает пологие скаты подножия высокой горы Малакан-даг; город окружен полуразвалившейся каменной стеной с башнями, и дурные строения с их плоскими крышами составляют однообразную и весьма некрасивую наружность; базары Малатии бедны, из числа же замечательнейших зданий лучшие: караван-сарай, построенный султаном Мурадом, бани с ключом горячей воды и небольшая мечеть. Число жителей простирается до 6000 турок и до 5670 армян; промышленность их ничтожна, и она состоит в сборах чернильных орехов валон, персидских зерен и других красильных растений, которые отправляются караванами в Алеппо; сверх того, в обмен различного хлеба они собирают у кочевых народов верблюжью и овечью шерсть, различные кожи и меха котика или речного бобра. Окрестности города к стороне Евфрата и на северо-запад составляют обширные равнины плоских степей, покрытых грядами небольших холмов; с юго-восточной же стороны, почти над самым городом, возвышаются зубчатые гребни высоких гор Малакан-дагы, которые тянутся параллельно долине Султан-су, и их подножие на расстоянии семнадцати верст составляет сплошную линию садов и загородных дач Малатии.

Ески и Ени Арабкир. Ески и Ени Арабкир считаются в Анатолии городами, но в самом деле они представляют многолюдные жилища, разбросанные по берегам небольших горных потоков, образующих соединение нескольких оврагов, которые занимают пространства более десяти верст. Жилища эти находятся на север от Малатии и верстах в двадцати на запад от Евфрата. Высокие и почти неприступные гребни гор огибают обширную котловину верхних ветвей Гияур-Язысы-чай и еще нескольких потоков, по берегам которых разбросаны строения, перемешанные со сплошными

садами. Трудно было бы найти местоположение более живописное и более удобное для привольной сельской жизни; дома составляют совершенно отдельные хозяйства, улицы ограничиваются мощеными дорогами, которые проходят по боковым косогорам небольших оврагов, к ним примыкают строения; среднее же русло истоков повсюду закрыто ветвистыми деревьями, садами и виноградниками, везде устроены киоски, открытые балконы и кофейные, и самые лавки и базары перемешаны с группами деревьев и с самой роскошной зеленью трельяжей, оплетенных плющом и виноградником. Изобилие воды чрезвычайно велико, почти каждый дом имеет свежую и хорошую воду, и у богатых хозяев во многих местах устроены мраморные бассейны с фонтанами. Зданий особой примечательности вообще нет, но дома хорошо построены, повсюду имеют черепичные красные крыши, и частые выдававшиеся балконы шахиншинов выражают общую зажиточность жителей, их считают до 12 200 турок, 650 армян и до 200 греков. Ближайшие окрестности на пологих скалах заняты посевами хлеба, сарацинского пшена и хлопчатой бумаги (*coton plante*), но урожаи вообще назначены собственно для употребления туземных жителей, которые посвящают себя исключительно покойной жизни, с легкими занятиями садоводства и хлебопашества необходимого для первых потребностей. Они приходят в Араб-кир с готовым капиталом, и оставаясь в нем отказываются от всякого рода торговых оборотов и даже трудных промыслов.

Егин. Город Егин без всякого сомнения занимает неприступную местность, которая когда-нибудь составляла жилища человека; сдвинутые громады гигантских утесов образуют глубокую пропасть, на дне которой течет быстрый Евфрат, а на правом его берегу, между обломками обрушившихся скал и в горах каменье, помещаются жилища 9500 турок, 8750 армян и 5670 греков. И если судить по ремеслу большей части жителей, то город этот должен соединять значительные сокровища, как бы скрытые в его неприступных скалах; армяне Егин почти исключительно принадлежат семействам серафов или банкиров, некоторые имеют большие торговые дела в Константинополе, и все без изъятия составляют богатых и зажиточных купцов. Греки также принимают значительное участие в денежных оборотах Смирны и Константинополя, и нако-

нец, турки состоят из остатков прежних янычар и другого рода политических беглецов²⁹. Строения города вообще хороши, но они устроены на голых камнях и перемешаны с садами, расположенными или в трещинах расселин, или в особых участках насыпной земли. Улицы представляют тесные входы как бы крутых лестниц, и они прорезаны непрерывными горными водопадами, которые с ревом катятся в Евфрат. Город вообще делится на несколько предместий, сообразно различию вероисповеданий и сверх того, он имеет несколько многолюдных деревень, исключительно составленных из греков или армян, которые расположены в самом близком от него расстоянии. Несколько христианских церквей, три мечети и мост на Евфрате, обеспечивающий свободное сообщение с левым его берегом, составляют примечательнейшие строения. В числе же особенностей – есть глыба скал, от которой зависит целостность большей половины города, глыба эта находится в половине верхних утесов, и готовая рушиться, она висит над самым городом; страх же жителей тем более увеличивается, что на особых подпорах и каменных контрфорсах они явно видели силу давления этой огромной массы, которая уже не раз разрушала усилия их труда. Базары Егина довольно богаты, но первые потребности вообще дороги, хлеб доставляется сплавами на келеках по Евфрату, скот и живность приводятся также из ближних окрестностей, лес для постройки стоит больших денег, и дрова заменяются угольями привозными по Евфрату с гор Гассан-ова и Куру-чая.

Кеммак. Небольшой город Кеммак находится на левом берегу Евфрата в расстоянии 60 или 70 верст севернее Егин, там, где Евфрат принимает воды Кемир-чая. Главный город и крепость находятся на верхних гребнях высокого каменистого холма, предместья же его расположены вдоль пологих скатов подножия верхних утесов. Строения вообще бедны, и число жителей простирается до 3000 турок и 400 армян, лучшими зданиями могут считаться мечеть Султан-Мегмед-Ертеси, каменный мост на Евфрате и дом главного правителя; ближайшие окрестности долины реки богаты садами, общий же промысел жителей обращен на приготовление угольев и сплавку дров и лесу по Кемир-чаю и Куру-чаю во время весенних разливов.

Ерзингам. На северо-восток от Кеммака в расстоянии 18 или 20 верст долина Евфрата образует обширную и широкую плоскость, на которой расположен Ерзингам. Город этот находится почти у самых подножий высоких утесов, он имеет до 5300 турок, 1800 армян и до 3500 греков. Строения его дурны, и в общей сложности представляют самую некрасивую наружность, базары бедны, и во всем городе нет ни одного здания заслуживающего внимания; между тем, ровная площадь самой долины принадлежит к одним из самых населеннейших и богатейших участков Анатолии. Равнина имеет от 30 до 35 верст в длину, от 3 до 7 верст в ширину, и орошаемая Евфратом с его боковыми притоками, она представляет сплошные посевы различного хлеба и сарацинского пшена; боковые же подножия гор везде заняты обширными садами и виноградниками с частными селениями. Таким образом, здесь соединяются чрезвычайно важные запасы продовольствия, которые снабжают горных жителей, рудники Кабан-маден и все течение Евфрата до Малатии. Защиту Ерзингама составляет ничтожный сомкнутый замок с каменной стеной и башнями, расположенный на северо-восточном углу города. Отсюда проходят сообщения в Арзерум, в Карагисар и прямо в Байбурт и Трапезонд.

Гюмюш-хане. На север от Ерзингама в гигантских утесах верхних гребней гор Лазистана находится небольшой городок Гюмюш-хане, которого самое название означает склад серебра, по рудникам этого металла. Город расположен в глубоком ущелье небольшого горного потока, который течет в реку, впадающую в море вблизи Триполи; строения разбросаны крутыми амфитеатрами, и они помещают до 5000 жителей, из которых большая часть греков, употребленных на разработку рудников. При настоящих злоупотреблениях едва добывают ежегодно до 300 фунтов серебра и около 15 фунтов золота, но нет никакого сомнения, что с большим смыслом, и в особенности большей добросовестностью, можно было бы утроить количество добываемого металла; работники избавляются от всех податей, не платят харача (паспорт) и сверх того, за каждые 20 драхм чистого серебра получают по 20 пар или около 12 копеек, за золото платится по пиастру; но вообще большая часть добываемого металла составляет главное достояние начальника заводов

и частных лиц. Город не имеет примечательных строений, базары его бедны, и исключительная деятельность обращена на заготовку дров и угля, и работы при сплавах, и добывание руды.

К стороне Арзерума находится крепость Байбурта, но описание ее, как и самого Арзерума было бы излишним после подробных сведений собранных во время войны 1829 года, и должно только заметить, что Арзерум удержал с тех пор много опустелых строений, народонаселение его убавилось по крайней мере на одну треть, и город этот выражает все признаки постоянного упадка.

Из числа городов Курдистана подробные сведения собраны только о Бире, Урфе, Сиверике, Диарбекире, Арганы, Арганы-маден и Карпуте.

Бир. Бир (по-турецки Биреджик) находится на прибрежных утесах левого берега Евфрата в 32 часах (верблюжьих, которые едва имеют до трех верст) расстояния от Алеппа, и в 24 часах от Антепа. Город расположен на перерезанных скалах, примыкающих к самой долине реки; полуразвалившаяся каменная стена могла бы составить твердую крепость, которая с выгодами защищала бы переправу через Евфрат. Река здесь имеет до 80 сажен ширины, и глубина ее весьма достаточна для самых тяжелых плоскодонных судов. Правый берег состоит из пологих скатов, которые были бы под выстрелами [с] утесов левого берега. Несколько ниже Бира на высоте небольшого острова во время мелководья есть глубокий брод для верблюдов, в обыкновенное же время переправа устраивается на особого рода паромах, которые помещают до 10 навьюченных лошадей и 4 верблюдов. Строения, базары, караван-сарай, мечети и частные дома вообще бедны. Город считает до 6000 человек турок, арабов, греков, армян и курдов, которые живут в 1000 домах и 800 пещерах, сделанных в меловых скалах гористого берега. Промышленность и торговля ничтожны, и они ограничиваются сбытом разнородного хлеба для кочевых соседних племен.

Урфа. Урфа находится почти на рубеже Курдистана и степей Багдада, и потому город этот заключает разнородных жителей различных исповеданий и разных сект; в нем считают до 15 000 домов, из которых 1000 армянских, до 200 принадлежащих сирианам, и до 3000 арабам и курдам. Вообще население Урфы состоит

из политических изгнанников и беглецов всей Турции, и в настоящее время здесь находится более 5000 одних янычар. Город расположен при начале обширной равнины, которая примыкает к высокой гряде зубчатых утесов. Строения вообще имеют плоские крыши, но, несмотря на то, некоторые из них заслуживают особенного внимания по обширности и хорошей постройке. Крепостная каменная стена с башнями ограждает весь объем города, и сверх того, на противоположной его стороне видны развалины древней цитадели и остатки прекрасной колоннады, принадлежащей вероятно какому-нибудь храму. Три значительные мечети с красивыми мраморными барельефами, три больших караван-сарая, крытые базары и дворец главного правителя составляют лучшие здания. Торговля Урфы весьма значительна, город находится в прямых сношениях с Алеппом, Багдадом, Диарбекиром и самыми отдаленными частями Курдистана. Рынки его наполнены богатыми произведениями шелковых и шерстяных персидских тканей, сюда привозят большое количество сирийского кумачу (произведения Алеппских фабрик); кочевые курды и арабы приводят лошадей лучших пород, Гемс и Багдад доставляют дорогие абы или плащи с шелковыми и золотыми ткаными узорами, которые продаются от 500 до 5000 пиастров каждый. Настоящие же местные богатства Урфы заключаются в хлебородных ее окрестностях, богатых виноградниках и обширных садах, которые при общем изобилии всякого рода фруктов, в особенности славятся своими гранатами.

Сиверик. Сиверик или Сурек находится к северу от Урфы на большой Диарбекирской дороге. Жители этого небольшого городка состоят из немногих турок, арабов, армян и курдов из поколения Милли, их в общей сложности считают до двух тысяч. Город расположен на равнине при первых подъемах на откаты Караджия-даг-лара, строения его дурны и бедны, ничтожные караван-сарай состоят почти из землянок, базары ограничиваются продавцами съестных припасов, но здесь обыкновенно платят выкуп за неприкосновенность караванов, назначенный и утвержденный самим султаном. Выкуп этот собирается курдами Милли, они получают по 50 пиастров с каждого выюка верблюда, и от 25 до 40 с выюка лошади и катера, и, несмотря на то, караваны всегда подвергаются разбоям.

Диарбекир. Диарбекир составляет один из главнейших городов Курдистана. Он имеет до 6500 домов, из которых 1300 армянских, до 300 принадлежащих сирианам, до 50 жидовских и до 20 греческих. Постройка вообще дурная, улицы узкие, и многие из домов сделаны из сырого кирпича готового развалиться, и только некоторые из них построены из твердого черноватого дикого камня. Четыре христианские церкви города вообще бедны, и лучшая из них есть армянская. Город обнесен крепкой каменной стеной с башнями, и сверх того, устроена небольшая цитадель, в которой помещаются дом главного правителя и еще несколько турецких строений. Река Тигр, по-турецки Шат, течет в глубокой долине у подошвы высокого нагорного берега, на котором расположен город, и с этой стороны крепость может считаться неприступной; со стороны же северо-запада несколько батарей было бы достаточно, чтобы разгромить и город, и стены. На правом берегу Тигра, против самого Диарбекира, находится небольшая деревня, и каменный мост на 8 арках служит переправой даже во время разлива реки. Торговля Диарбекира весьма значительна, продукты составляющие основные ее богатства состоят в огромном количестве собираемых в окрестностях чернильных орехов валонев, персидских зерен, марены, шерсти выхухоли и кож речных бобров и выдр; сверх того, расположенный на большой Багдадской дороге, Диарбекир служит пристанищем многочисленных караванов, везущих произведения северной Анатолии, и преимущественно трапезондский холст. В городе есть несколько станков для полушелкового кумачу. Алепп доставляет все европейские товары и взамен берет весь сбор чернильных орехов и красильных растений. С Персией постоянных сношений нет, но большая часть богомольцев, едущих в Мекку, проходят через Диарбекир и иногда завозят персидские ткани, ширазский тюмбек и другие произведения Персии. Две большие мечети, крытые базары, дом главного правителя и еще [дома] нескольких богатейших армянских купцов составляют лучшие здания города.

Аргана. Аргана находится 14 часов расстояния севернее Диарбекира. Пространство это составляют плоские степи, покрытые разнообразными группами различных холмов. Аргана находится при самом начале гигантских утесов высокого Меграпп-дагы. Город рас-

положен по крутизнам высокой конической горы, и сплошные строения, начиная от самой вершины идут до подножия, так что издали они сливаются в один многосложный конус с бесчисленными ступенями, образовавшимися из плоских крыш строения. Улицы вьются крутыми лестницами и, таким образом, этот высокий холм, обнизанный домами, включает до 10 000 жителей. Базары, мечеть и караван-сарай вообще бедны, и главная промышленность обращена на заготовление угля и дров, вместе с их перевозкой к медному руднику, который находится в горах на расстоянии 3 часов езды. Над холмом, занимаемым городом возвышается еще остроконечная вершина горы Мейра-Мара, на которой устроен армянский монастырь, и армяне в подражание Арарату уверяют, что если ковчег Ноя не совсем остановился на шпилье горы, то, по крайней мере, задел за нее и оставил хоть небольшую щепку, в честь которой сооружен монастырь.

Аргана-маден. В трех часах расстояния на север от Арганы находится богатейший рудник меди и небольшой городок Аргана-маден, расположенный в едва приступных расселинах гигантских утесов верхних потоков Тигра. Жители его состоят исключительно из работников, назначенных для добывания и расплавки металла; их считают до 5000 греков, до 3500 армян и до 2000 турок. Ежегодно добывают до 120 000 батманов или около 45 000 пудов чистой красной меди. Все предварительные работы представлены жителям города, и правительство покупает у них металл по семи с половиной пиастров за батман. Расходы, плата рабочим, есть дело начальника завода уста-баши, и он представляет настоящего откупщика руды и хозяина всех ископаемых богатств горы. Дрова доставляются на завод жителями Арганы и уста-баши обязан непременно платить за каждый выюк по пяти пиастров.

Карпут. Карпут занимает плоские высоты отвесных утесов, которые возвышаются над объемом самой богатейшей равнины всей Анатолии или Ул-ова. С высоты городской стены открывается как бы море самых привольных жатв, и 366 огромных деревень с их обширными садами толпятся у подножия утесистых скал, на вершине которых находится Карпут. Город этот имеет до 2700 домов, строения его ничтожны, и нет ни одного примечательного здания.

Он окружен каменной стеной с башнями, и крепость эта могла бы считаться неприступной, если бы богатство окружающих ее окрестностей не вынуждало соображаться с их собственной безопасностью. Подробное описание равнин помещено в первой части общих географических сведений.

Произведения края

Богатство и разнообразность произведений доставляют Восточной Анатолии чрезвычайное изобилие, и может быть трудно было бы найти страну, которая соединяла на своих объемах все принадлежности сурового климата Севера, и вместе пышную растительность и произведения земель полуденных и самых жарких климатов. Утесистые горы, которыми обставлена Анатолия по разным направлениям, содержат в недрах своих ценные сокровища ископаемых: золото, серебро, медь, свинец и железо добываются в большом количестве, огромные каменоломни разных пород мрамора, лучшего гипса и алебаstra, различные кристаллы и даже дорогие камни находятся во многих местах, горная и озерная соль удовлетворяет в избытке потребности жителей, и сверх того, кроме скрытых сокровищ, селитра, сера, киноварь и медянка добываются без всяких усилий. Царство растительное является в самом пышном убранстве, есть участки, которые приносят ежегодно тройную и даже четверную жатву, открытые степи содержат самые тучные пастбища, леса заключают в себе все постепенности переходов от северной сосны и ели до зеленого дуба, платана различных пород, лавра, фруктовых деревьев, каштанов, дикой маслины, помаранцевых и лимонных деревьев и самых богатейших кустарников различного рододендрона и ацалии*. Животные этого края также удерживают разнообразность пород; кровные лошади отличаются красотой и быстрым своим бегом; в числе домашних животных примечательны особые козы, овцы, лошаки и ослы. Леса и скалы наполнены всякого рода дичью: олень-тур, степная и лесная дикая коза, кабаны, зайцы, дикобразы, белки, суслики, ласточки, лебеди, гуси,

* Так в тексте, очевидно «рододендрона и ацалии» – *примечание составителей.*

драхвы, куропатки, бекасы, кулики и проч[ее] находятся в большом количестве. Из числа хищных зверей есть много леопардов, медведей, барсов, гиен, волков, шакалов, лисиц, и иногда на горах Курдистана показываются больших пород тигры, а на полдень от Урфы коровы изредка встречали львов*, из числа хищных птиц замечательны огромные орлы, соколы и различных пород ястребы, совы и филины. Побережья Черного моря, Евфрат, Тигр, Кызыл-Ермак, Гек-су, Ак-су, и некоторые из озер сладкой воды содержат множество различной рыбы, раков, улиток, морских пауков и тому подобных морских и речных произведений. Змеи, самые красивые ящерицы, хамелеоны, черепахи находятся повсюду в чрезвычайно разнородных видах. Тарантулы и скорпионы есть только случайная принадлежность некоторых участков, саранча также показывается изредка, и насекомые, которые делают значительное опустошение, особенно в садах, есть только гусеница и майский желтый жук; но вообще низменные части долины, берега почти всех потоков и особые равнины как бы обсохших озер, представляют самые привольные и самые обетованные участки богатейшего края, в которых природа является в полном убранстве совершенного изобилия, и можно сказать изящной красоты.

Рудники. Горы, в которых разрабатываются рудники и которые славятся особыми богатствами ископаемых, составляют: во-первых, гребни так называемого Сысс-дагы с их северными отраслями; здесь добывают большое количество красной меди, немного золота и серебра, и главные плавильные заводы находятся вблизи Триполи или Тереболи, около Гюмюш-хане и на север от Байбурта (частное описание городов). В углу соединения Мурад-чая с Фиратом, как бы в отдельной группе утесов Джагер-дагы находится богатейший рудник серебра и золота Кабан-маден. При верхних истоках одной из главных ветвей Тигра расположены рудники красной меди Арганы-маден. На север от Мараша верхние гребни Ахур-дагы богаты железом, и наконец, в недалеком расстоянии от высокой снежной вершины Демир-Казык на полдень от Кесареи есть рудник серебра и свинца в так называемом Куршун-маден. Подробное описание

* Так в тексте. Очевидно имеются в виду случаи нападения львов на крупный рогатый скот. – *примечание составителей.*

этих рудокопень помещены при общих разделениях особых округов и частных сведениях о городах.

Соль. Главные колодцы и даже самородки окристаллизированной каменной соли находятся в горах Камлы-дагы, северных скатах Дерелли-дагы, полуденных – Янсон-дагы, и по берегам Кызыл-Ирмака и Аджи-су на пространстве между Сивасом и Зара. Также вблизи долины Евфрата около Кемаха, и наконец, в горах смежных Аладжи-хан и Яким-хан. Главнейшие соляные озера расположены вблизи Сиваса по долине Кызыл-Ирмака, при деревне Улаш около Султан-хана (на большой Сивасской дороге в Кесарею), и главное озеро Султан-сазы у юго-западных подножий Ерзиасс-даг, около Девели-Карагисара. Соль вообще находится на откуп у правительства, добывание ее предоставлено каждому, и местное начальство, платя за арбу по два с половиной пиастра и за вьюк верблюда по полтора пиастра, пользуется значительной прибылью при мелочной распродаже³⁰.

Селитра, сера, медянка и киноварь. Селитра без всякого сомнения находится во многих местах, но добывание ее составляет особый промысел жителей только в горах Лазистана, вблизи Изо-оглу-Изора на Евфрате и около Кыджана (по большой Карпутской дороге в Диарбекир) и берегов Карпутского озера. Особые серные ключи есть по берегам Юлдус-Ирмака к стороне Юсгита, вблизи Малатии, около Гюрюма, в окрестностях Зары на Кызыл-Ирмаке, и у подножия Меграпп-дагы. Но жители вообще ограничиваются добыванием серы единственно для серных спичек и домашнего употребления различных лекарств во время болезни животных. Вблизи же самых ключей устраиваются часто особые купальни, в бани также стараются провести эту воду, и в них купаются больные и здоровые без различия сложений и настоящих причин болезненных припадков. Медянка и киноварь находятся в чрезвычайно большом количестве вблизи всех медных рудников, также как и окристаллизированный синий купорос, и эти статьи могли бы составить значительные богатства, но они оставлены без всякого внимания.

Мрамор, гипс, алебастр, слюда, известковая ломка и глина. Обнаженные утесы гигантских громад, разбросанных по всему объему Анатолии и Курдистана, во многих местах состоят из чистого

белого, сероватого и красноватого мрамора; нет почти ни одного городского кладбища, ни одних общественных бань, ни одного фонтана и ни одного богатого дома, где бы мрамор не принимал бы положительного участия во всех украшениях. Господствующие гипсовые и известковые породы во всех горах служат еще большим доказательством значительного изобилия этого камня. Мрамор особенно хороших свойств находится в горах Арабкира, на высотах Юлдус-дагы, на Янин-дагы, на откосах правого берега Евфрата, вблизи Гассан-ова и Еркенек (между Егин и Кемаха), на гребнях Дерели-дагы, вблизи Карпута, по протяжению Джегер-дагы, Сарымыш-дагы, и на всех полуденных отраслях крутых обрывов Тавра или Ахур-дагы и Булдурус-белли. Здесь же часто попадаются обломки самого лучшего порфира, куски зеленоватой яшмы, ляпис-лазури и малахитные наплавы, которых особенно много вблизи Арганы-маден.³¹ Гипс и слои сквозного и желтоватого алебастра находятся во множестве вдоль полуденных скатов Юлдус-дагы, Камлы-дагы, по обеим сторонам Дерели-дагы, вблизи Гассан-челеби (по дороге из Сиваса в Малатию), на горах Анжа-дагы, по левому берегу Кызыл-Ирмака, по берегам Демир-чая, и вообще на горах, примыкающих к правому берегу Евфрата вблизи Кемаха. Горы Камлы-дагы, некоторые из ближайших окрестностей Сиваса к стороне Юсгита и часть Дерелли-дагы, вместе с нагорным берегом правой стороны Евфрата между Ерзингамом и ущельем Каш-Тиш-богаза, чрезвычайно богаты слюдой. Господствующее же изобилие известковых пород доказывается общими постройками деревень и городов, большая часть строений сделана из этого камня, его редко обтесывают в привольные виды, но спаи всегда заливаются известью, перемешанной с глиной и часто с гипсом; почти каждый город собирает необходимые материалы в его ближних окрестностях, и весьма немногие из жилищ вынуждены привозить издалека камень и известь, которые находятся повсеместно. Грунт земли во многих местах исключительно глинистый, и эта почва, при общей разнородности ее пород, часто состоит из красной, почти кирпичного цвета, глины, которая обыкновенно употребляется для труб, составляющих проводники воды; ее мешают с сероватой вязкой глиной, и таким образом, трубы эти служат два и три года сряду, не размокая от воды.

Растительность

Леса. Свойство и качество лесов изменяется сообразно расположению гор; на вершинах они почти исключительно состоят из сосен, елей, кипарисов и иглистого кустарника, к стороне же оврагов и низменностей леса составлены из разнородного дуба, платанов, бука, клена, береста, чинара, различных пород лавра, диких яблонь, черешен, груш, кизила, терновника и разных кустарников. Главные массы лесов расположены на северных скатах Сыс-дагы, где они составляют отдел моря лесов Синопских, или Агач-денеси, и в этом участке есть много деревьев годных для кораблестроения; большие сосновые и кипарисные леса расположены по хребтам Юлдус-дагы, Янин-дагы, некоторой части Дерелли-дагы, и потом на северных подъемах главного кряжа Тавра на полдень от Альбистана. Сверх того, утесы смежные Камышли-богазу и хребет Хайва-дагы, вместе с обширным объемом южных обрывов Тавра к стороне Александреттского залива и гор Гияур-дагы, покрыты сплошными лесами огромных деревьев. Подножие Ахур-дагы к стороне Бесни и к горам Камлы-дагы имеют почти повсюду редкий дубовый лес, вершины Сары-мыш-дагы, Караджа-даглар и ущелья к стороне Евфрата, вместе с берегами Куру-чая покрыты также лиственным и на вершине сосновым лесом. Северные скаты гор Гюмюш-хане, Оф-дагы, Кулат-дагы и вообще горы Лазистана на всех отрогах, обращенных к берегам Черного моря имеют самые живописные и самые богатые лиственные леса; примечательнейший из деревьев есть зеленый дуб, кустарник с которого снимают чернильные орехи – валонельный дуб*, платаны, тополи и деревья грецкого ореха. Дуб, с которого собираются валоны или валонелы или чернильные орехи находится во множестве в окрестностях Диарбекира, в горах Лазистана, вблизи Яким-хана, на утесах Сары-мыш-дагы, и к стороне Танлы-дагы. Он обыкновенно составляет небольшие и некрасивой наружности деревья и кустарник. Зеленый дуб на полуденных подножиях Тавра иногда растет огромными развесистыми деревьями. Платаны составляют самое красивое и одно из любимых украше-

* Желуди валлонского дуба (*Quercus macrolepis*) использовались в качестве красителя – *примечание составителей.*

ний мечетей, кофейных и фонтанов. Деревья эти бывают огромной величины и развесистые их ветви иногда закрывают чрезвычайно значительное пространство. Тополи состоят из двух отличительных пород, пирамидальные итальянские тополи находятся в большом количестве в деревнях равнин Куз-ова и Уль-ова, вблизи Сиваса и в Арабкире. Серебряный тополь находится во всех лесах. Огромные деревья грецкого ореха всегда перемешаны с платанами, иногда штаб* их бывает в объеме пяти или шести человек, и развесистые ветви закрывают обширное пространство. Кроме этих орехов в окрестностях Трапезонда примечательно множество обыкновенного орешника, который ежегодно отправляет в Россию на 3 миллиона пиастров орехов или фундуков. Леса вообще употребляются для кораблестроения, постройки домов, дрова для отопления и угля. Сверх того, с них собирается значительное количество смолы. Крупные строевые деревья, растущие обыкновенно на значительных возвышениях, спускаются вниз по крутизнам иногда отвесных скатов, и если дерево не расщепится, то его везут к месту назначения; на обыкновенные строения употребляется мелкий и ничтожной толщины лес, обделанный в брусья или распиленный досками. Дрова берутся только в случае близкой доставки и удобного сообщения, иначе же срубленные деревья складывают в ямы и пережигают в уголья, которые развозят по городам.

Сады. Сады вообще состоят из виноградников, отдельных рощ маслин и соединения различных фруктовых деревьев. Виноградники почти всегда располагаются по крутизнам скатов, обращенных преимущественно на полдень. Во всей северной части Анатолии виноград на зиму закрывают землей, и с открытием весны лозы расправляются на особые подставки. На полуденных же скалах Тавра, всякую осень обрезают молодые побеги, и кусты остаются не зарытыми. Сорта винограда чрезвычайно много различны: христиане употребляют его на вино для домашнего обихода, и оно вообще дурно, обширные же поля, занятые виноградниками турок предназначаются для сухого изюма и особой виноградной патоки.

* Часть ствола дерева от корневой шейки до первой скелетной ветви нижнего яруса кроны. — *примечание составителей*.

Сады иногда располагаются в самых городах, будучи перемешаны со строениями, но большей частью они переносятся в ближайшие окрестности и занимают дно оврагов или низменные подножия гор, орошаемые небольшими потоками. Здесь разнородные многоугольники, обнесенные каменной стеной насажены множеством фиговых деревьев, шелковицами, черешнями, сливами, яблонями, айвой, гранатами, грушами, абрикосами, персиками, миндалем, грецким орехом и каштанами. Деревья вообще чрезвычайной красоты, и в плодородный год они обнизаны фруктами самых лучших сортов; на берегах же Черного моря вблизи Трапезонда и вдоль поморья Лазистана некоторые из садов имеют померанцевые, лимонные и апельсиновые деревья, которые на открытом воздухе приносят довольно изрядные плоды. В Трапезонде есть также особая лавровая вишня, а около мыса Иороса огромные пространства обсажены фиговыми деревьями, которые доставляют сочные и вкусные фиги. Замечательно, что в одной из расселин крепостной стены Трапезонда растет довольно большая финиковая пальма, она единственная во всем краю до самых берегов Александреттского залива, но между тем, ее можно принять как доказательство возможности произрастания этого рода деревьев даже на северных берегах Анатолии. Маслины обыкновенно составляют обширные рощи, каждый хозяин знает свое дерево, и все заботы о нем ограничиваются необходимостью ежегодно окапывать землю кругом корня, дабы она не имела посторонних растений.

Сбираемые фрукты вообще доставляют довольно значительный доход, и есть много семейств, которые существуют единственно садами или несколькими деревьями оливов, грецкого ореха и виноградиками. Большая часть назначается для сушения; фиги, каштан, изюм, орехи и так называемая шептала служат даже отвозными статьями торговли, остальные же фрукты расходятся между жителями и распродают на базарах. Роскошная природа и благословенный климат составляют лучших хожатых, но между тем, турки любят занятия садоводства, с большим искусством делают проводники воды и весьма часто проводят лето в особых загородных домах, расположенных в середине садов. Гранаты, сладкий боб и каштан вообще довольно редки в Восточной Анатолии, но их много

в южном Курдистане, и первые пальмы (финиковые) показываются на берегах Александреттского залива и в Урфе. Из числа ягод есть только клубника, земляника, ежевика, терновник и полевая вишня, которая растет на небольшом вишневом кустарнике. Турки любят цветы, они часто украшают свои комнаты большими букетами, женщины же убирают ими могилы родственников, и в этом случае богатая природа доставляет самые пышные убранства. Весной обширные поля покрыты цветущими кустарниками желтой и белой акации, лиловатым и розовым рододендромом, дикими жасминами, всякого рода ериками, аниус-коссиус, шиповником и еще бесчисленных пород кустарниками, сверх того, гиацинты, тацеты, крокусы, жонкилы, тюльпаны, ренокулы и анемоны разбросаны по всем скалам, и иногда на значительных пространствах цветы эти составляют пестрые луга или даже одноцветные пятна.

Поля. Полевые посевы состоят из ячменя, пшеницы, проса, ржи, льна, конопли, мака для опиума, хлопчатой бумаги, сарацинского пшена, сезама, бамии, желтых персидских зерен, табака, кукурузы, фасоли или турецких бобов, гороха и салепы. Ячмень родится почти повсеместно, и обыкновенно составляет большую часть посевов; его в Анатолии и Курдистане есть два рода: черный и простой, но чрезвычайно крупнозернистый, в самой скудной земле он приносит от 10 до 15 зерен, на объемах же Джаника вблизи Арзерума и на равнинах Уль-ова и Куз-ова ячмень родится сам 20 или сам 25. Пшеница употребляется большей частью зимовая, посевы ее чрезвычайно значительны, места же которые славятся ее урожаями находятся в окрестностях Сиваса, вблизи Арзерума, по долинам Токмак-су и Кулей-Гиссар-су, вблизи Альбистана, около Ерзингама, на равнинах Уль-ова и Куз-ова, и потом в богатом округе Гельбаши и окрестностях Урфы и Диарбекира, где она доставляет 25 и даже 30 зерен. Просо сеется во многих местах, но особенно значительное его количество находится на объемах Джаника. Рожь составляет довольно большую редкость в общем объеме края, и она только есть в окрестностях Арзерума, вблизи Байбурты и около Сиваса. Льна почти нет нигде, но судя по рассказам жителей, его сеют вблизи Арзерума, около Карагисара, Трапезонда и в некоторых местах Джаника. Конопля находится на всем объеме Джаника,

и здесь она составляет один из самых важных продуктов, которые доставляют пеньку и канаты для всех купеческих и частью военных судов. Посевы особого мака для опиума весьма значительны в окрестностях Карагисара, на равнинах Куз-ова и Уль-ова, и почти на всем объеме Джаника. И продукт этот составляет весьма важную статью общей торговли. Хлопчатая бумага, растущая в Анатолии и Курдистане, вообще состоит из небольшого растения, которое сеется ежегодно, значительные количества его находятся в западных частях полуострова, в стороне же Восточной Анатолии хлопчатой бумаги немного, и она есть только на глубоких прорезах долин Кулей-Гиссар-су, Токмак-су, Евфрата, вблизи Кесареи, на равнинах Уль-ова и Куз-ова, в окрестностях Урфы, и потом у подножия полуденных обрывов Тавра. Значительные же запасы, составляющие важные торговые обороты, обыкновенно привозятся с равнин Аданы и Тарсуса, и из Сирии и южного Курдистана. Рис или сарацинское пшено сеется в значительных массах и приносит выгодные урожаи на равнине Ерзингама, вблизи Байбурта, на всем протяжении долины Кулей-Гиссар-су, особенно вблизи Никсара, около Токата, на равнинах Уль-ова и Куз-ова, в богатом округе Гель-баши и вблизи Бесни и Мараша; растение это требует постоянных орошений, его сеют на полосах, распаханых в виде небольших квадратов, и залитые водой они остаются, таким образом, до самого того времени, когда рис начинает колоситься.

Сезам, употребляемый обыкновенно для масла, сеется только на объемах равнин Уль-ова и Куз-ова, и потом у подножия полуденных скатов Тавра и в южном Курдистане. Бамия есть особенная овощ, которая доставляет стручки, обнизанные мелкими зернами в виде чечевицы; овощ эта родится в большом количестве в Египте и Сирии, и она находится также на равнинах Уль-ова и Куз-ова, в окрестностях Урфы и во многих местах Курдистана. Желтые персидские зерна рождаются во многих местах дикими, в окрестностях же Кесареи их иногда сеют в особых огородах, дабы сколько возможно более разводить это красильное растение, составляющее важную статью торговли. Диких персидских зерен особенно много вблизи Сиваса, около Кесареи, на ближайших высотах Малатии, около Диарбекира и на всем пространстве северо-западных подножий

Ерзиас-дагы. Здесь также сажают корни ализари (кажется марена), растение, которое во многих местах находится в диком положении. Табак составляет почти повсюду непрременную принадлежность посевов, но климат собственно Восточной Анатолии, как кажется, не благоприятствует этому растению, ибо и самый лучший, собираемый в окрестности Самсуна и на объеме Джаника, редко успевает, имеет дурные свойства и весьма посредственный запах, хотя количество его чрезвычайно значительно, хороший же табак привозится из Константинополя и Сирии, которая славится табаком Латакии. Кукуруза обыкновенно занимает обширные участки и принадлежит к весенним яровым посевам; ее чрезвычайно много в окрестностях Арзерума, вблизи Байбурта, около Сиваса, на объемах Джаника и равнин Куз-ова и Уль-ова, но в этих последних местах ее сеют в числе четвертого хлеба, и она поспевает в продолжение десяти недель. Часто большие пространства занимаются турецкими бобами, салепом, горохом и чечевицей, и этого рода овощи, вообще назначенные собственно для потребления хозяев, иногда приносят значительные урожаи, ими наполнены все базары, и для бедняков они составляют самую дешевую пищу.

Баштаны. Кроме посевов разнородного хлеба, поля иногда имеют большие отделы так называемых баштанов, здесь сажаются арбузы, дыни, огурцы, кочанный салат, капусту, патладжаны, земляные яблоки (*potme d'amour*) и различных родов тыквы. Арбузы и дыни почти повсюду чрезвычайно хороши, огурцы особой величины и продолговатых видов, кочанный салат находится везде, капуста же есть только в немногих местах и именно около Арзерума, Сиваса, Малатии и Карпута; патладжаны составляют растение, которое приносит плод в виде огурца, середка его перемешивается с фаршем и это составляет одно из любимых кушаний турок; тыкв чрезвычайно много родов, некоторые из них употребляются в пищу, другие же вычищаются в середине и служат посудой, в которую наливается различная жидкость. Иногда эти тыквы самых странных и самых красивых видов.

Пастбища, травы, сено и камыш. Лучшие пастбища почти всегда находятся в долинах, на низменных площадках и на плоских вершинах гор, которые представляют род возвышенных террас.

Первые богаты травой во время зимы, последние же в самые знойные жары; вообще подножного корма много, и травы иногда чрезвычайно богаты, но всякого рода заготовка травяного продовольствия, за исключением некоторых участков, была бы чрезвычайно затруднительна, гладких лугов почти нигде нет, и подножный изобильный корм находится между глыбами камней, вблизи кустарников и в горных расселинах; изобилие его выражается огромными стадами туземных жителей и особенно кочевых народов, но должно заметить обширные пространства земли, занятые ими, и потом принять в соображение непрерывное кочеванье их стад. Сено заготавливается только в окрестностях Арзерума и частью около Байбурта, в других же местах скот или ходит круглый год в поле, или зимой довольствуется рубленой соломой (саман) и особым растением кевен, которого корень считается лучшей пищей рогатого скота*. Камыш, растущий в топких болотах, служит иногда весьма важным пособием ближайших жилищ; молодой и сочный он заменяет траву для корма, созрелый употребляется на крыши, служит вместо дров, но на объеме Восточной Анатолии его вообще немного, и он едва находится вблизи Чшаршенбека, Самсуна и по берегам верхних истоков Фират-чая. В местах же безлесных жители топят бурьяном или употребляют особые кирпичи, сделанные из сухого навоза (кизьяк), кирпичи эти горят жарко, но производят сильный и неприятный запах.

Домашние животные. В числе домашних животных Анатолия имеет лошадей, мулов, лошаков, ослов, верблюдов, буйволов, волов, быков и коров, овец, коз, собак и кошек.

Лошади. Лошади этого края вообще могут быть разделены на рабочих, обыкновенных анатолийских турецких лошадей и отличительных пород туркменов, курдов, и приводных арабских из степей Багдада и Ирак-араба. Рабочие лошади употребляются для обработки земли, перевозки тягостей на вьюках и в разгонных постах. Они вообще малорослы, грубы статями и, судя по летам службы малосильны, но между тем, втянувшись в работу, клячи эти делают

* Корень и самое растение привезено мной начальнику Императорского ботанического сада г. Фишеру – *примечание автора.*

иногда от 60 до 70 верст, не кормясь и почти рысью везя на себе тягость до 5 пудов; и должно заметить, что как бы лошадь не была дурна, но она непременно ежедневно вычищена скребницами и пользуется самым строгим и самым тщательным присмотром. Обыкновенные анатолийские лошади, употребляемые под верх, невелики, грубы в сложениях, короткошей, широки задом и с толстыми грубыми ногами. Туркменские лошади принадлежат к первостатейным породам, они на высоких тонких ногах, чрезвычайно рослы (до 3, 4 и 5-ти вершков) с длинной вытянутой шеей, довольно большой, но складной головой и с пропорциональным корпусом. Отличительное же их свойство состоит в легкости бега и неутомимой силе. Лучшие лошади такого рода составляют принадлежность туркмен, кочующих к стороне Ак-сарая, в окрестностях Кесареи и из племени Таушар; они вообще ценятся чрезвычайно высоко, и хозяева их приводят иногда на продажу в Юсгат, где берут за них от 500 до 1000 и 10 тысяч пиастров. Курдские лошади составляют смесь пород туркменских и арабских, и иногда персидских с арабскими, они менее рослы (не более 2½ и 3 вершков), но несравненно красивее туркменских, это что-то среднее между шелохом <...>мом* и чистыми персидскими лошадьми. Высокий рослый стан, тонкие сухие ноги, широкий корпус, длинная шея и небольшая голова, часто с арабским переломом, огненными глазами и пенистым оскалом. На значительном расстоянии они уступают туркменским лошадям, но в первых порывах несравненно быстрее, вообще доброезжее и менее туркменских своенравны, хотя с огненными свойствами и чрезвычайной живостью. Курды ценят их высоко, иногда платят необъятные цены и продают только за какие-нибудь недостатки, но и самая посредственная [лошадь] стоит от тысячи до пяти тысяч пиастров. Между турками, туркменами и курдами всегда предпочитают жеребцы, почти не холостят лошадей, и кобылы удерживаются единственно для породы; больших табунов, принадлежащих одному хозяину нет нигде, но каждый имеет двух или трех лошадей, из которых одна с ним неразлучна, другие же пасутся вместе. Князья и начальники племен имеют по несколько лошадей в особых шатрах и также несколько маток.

* Неразборчиво в тексте – *примечание составителей.*

Некоторые же из поколений и особенно курды Милли, кочующие к стороне Урфы и рубежам степей Багдада, имеют много лошадей чистых арабских пород, которые они приобретают или дорогой ценой, или отбивая силой у так называемых енизе-араб, живущих в окрестностях Пальмиры и на степных пространствах смежных с Джебзирет-ель-Омаром и самим Багдадом. Животное это по всей справедливости соединяет в себе совершенство красоты, оно невелико (самая большая арабская лошадь едва имеет до 2-х вершков), но все части корпуса удерживают чрезвычайную соразмерность, широкая и небольшая голова с огненными глазами и оскалом выражают необыкновенную силу и какую-то благородную живость, крутая правильная шея и широкий корпус опираются на самые красивые и тонкие ноги; с первых приемов видна неутомимость и способности быстрого бега, и нет никакого сомнения, что настоящие арабские породы составляют верный предел возможной красоты лошади. Сверх того, они отличаются чрезвычайной силой и были примеры, что арабские бегуны выносили три и четыре дня самой скорой степной езды с несколькими <...>оками* верблюжьего молока или несколькими пригоршнями смолотой ячменной муки. Ценность их чрезвычайная, и курд скорее расстанется с жизнью, чем отдаст любимую лошадь, особенно если она принадлежит к чистым арабским породам, и в этом случае кобылы, по примеру бедуинов, ценятся несравненно выше жеребцов, они лучше переносят знойный жар, ржанием своим не мешают нечаянным нападениям и, наконец, принося жеребят, удерживают породу.

Лошаки мулы и ослы. В Анатолии и Курдистане жители держат чрезвычайно много мулов лошаков и ослов, стараются об их умножении, в особенности ценят рослых, которые могут поднимать значительные тягости. Каждый хозяин непременно имеет несколько ослов, на них он отвозит съестные припасы на базары, осел везет мелочные принадлежности сельских орудий, он перевозит собранные фрукты, виноград, овощи, дрова и вообще исполняет все частные потребности хозяйского быта и мелочных домашних работ. В больших караванах осел с легкой ношей открывает

* Неразборчиво в тексте – *примечание составителей.*

шествие и везет главного караванджи-баши; если несколько человек собираются в дальний путь, то ослы везут дневное их продовольствие и ношу запасной одежды, они пробираются по самым утесистым скалам, переносят самые знойные жары, и даже при усиленных переходах довольствуются ничтожной пищей или подножным кормом, или несколькими пригоршнями ячменя, бобов, кукурузы и гороха, и таким образом, составляют чрезвычайно полезных и в гористом краю необходимых животных. Лошаков вообще немного, они слишком малорослы, а потому употребляются также как ослы. Животное же, которое приносит чрезвычайную пользу для перевозки тягостей есть мул, по-турецки катер, они рождаются от кобылы и осла, иногда бывают весьма рослыми (до двух вершков) и главное их достоинство состоит в чрезвычайной силе и ловкости, с которыми они проходят по самым утесистым и самым каменистым дорогам. Катеры эти вообще употребляются для тяжелых торговых караванов, они легко поднимают от семи до восьми пудов и с такой тяжестью проходят ежедневно до 40 и 50 верст; большие ценятся иногда до 2-х, 3-х и 4-х тысяч пиастров, настоящая же плата на обыкновенного среднего катера, от 500 до 700 пиастров.

Верблюды. Верблюд составляет неотъемлемую принадлежность всех кочевых жителей, это животное кажется созданным для пустынь, оно переносит значительные тягости, довольствуется совершенно ничтожным подножным кормом, может быть в течение 10 и 12 дней без воды, и наконец, в самом себе несет готовую пищу, которая состоит из сытного его молока, и, в случае нужды, его мяса. У кочевых народов верблюды перевозят шатры жен и детей, и караваны эти заключают весь дом целого племени. По различию пород Анатолия имеет двугорбых, приведенных из Грузии и совершенно одинаковых с нашими калмыцкими, одnogорбых большого роста на высоких ногах, и наконец, малых двугорбых и косматых туркменских верблюдов³². Настоящей породы дромадеров, отличающихся быстротой своего бега здесь вовсе нет. Двугорбые калмыцкие верблюды ценятся весьма дорого по их особенной силе, но вообще предпочитают туркменских, потому что кроме пользы при перевозке тягостей, они доставляют значительные выгоды своей шерстью. Обыкновенная тяжесть верблюжьего вьюка простирается

от 10 до 15 пудов, и по ровному месту караваны этого рода проходят от 35 до 45 верст, довольствуются небольшими отдыхами и легко переносят трудности в течение нескольких недель сряду. В гористых же участках и особенно при слишком каменистом грунте, верблюды удобны менее катеров и даже во время зимы и дождей они часто вынуждены оставаться на одном месте, дабы переждать скользкой грязи. Стада их составляют главные богатства, особенно кочевых жителей, и сверх того, каждый народ имеет значительное число верблюдов, катеров и лошадей назначенных для перевозки товаров, и содержание этих животных может считаться значительной промышленностью особых хозяев, которые постоянно занимаются такого рода извозом. Средняя ценность платы с выюка или с известной тяжести зависит от условия, но вообще платят за каждый час расстояния с лошади по одному пиастру, с катера от 2 до 2-х с половиной, а с верблюда до 3-х и даже до пяти пиастров.

Буйволы, волы, быки и коровы. Значительные стада рогатого скота составляют также принадлежность большей части жителей Анатолии, преимущественно оседлых и занимающихся хлебопашеством. Буйволов вообще много, и они вместе с волами составляют рабочий скот, на них пашут землю и, запрягая в двухколесные арбы, перевозят всякого рода тяжести, по крайней мере, на ровных и проходимых для арбы участках. Волы, быки и коровы почти повсеместно довольно мелки, но буйволы принадлежат к рослым и сильным породам, молоко и мясо их употребляются одинаково с коровами, и из числа участков, особенно отличающихся многочисленностью скотоводства, считается весь объем Джаника, окрестности Арзерума, южные подножия Тавра и селения, принадлежащие к Кесарею.

Овцы и козы. Большая часть кочевых жителей и вообще все народонаселение Анатолии и Курдистана имеют чрезвычайно многочисленные стада овец и коз, первые из этих животных чрезвычайно крупны, с длинной и мягкой шерстью и похожи на наших малороссийских овец с большими курдюками, мясо их чрезвычайно вкусно, и оно составляет любимое кушанье всех туземцев. Коз держат для молока и их пуха, мясо же козы употребляется одинаково с овечьим. Они довольно рослы и различны с нашими только по висячим длинным ушам.

Кроме этих животных, города и деревни имеют кошек и собак, из которых некоторые составляют совершенно особую породу чрезвычайно рослых и косматых, вроде швейцарских пастушеских собак (*chiens de bergers*). Большие стаи, не имея хозяев, живут на улицах и кормятся остатками выбрасываемой пищи. Стада свиней держатся только в христианских деревнях, и вообще питаются желудями, оставляя круглый год в лесах или поле.

Дикие звери и птицы. Из числа примечательных хищных зверей можно считать леопардов, медведей, гиен, барсов, шакалов и лисиц, которых особенно много в горах Джаника, на всем объеме Тавра и в утесах Курдистана, сверх того, во всей Анатолии много кабанов, диких коз и джейранов. В ущельях главнейших рек есть бобры, выдры, выхухоль, дикобразы и другие мелочные животные. Из птиц примечательны больших пород орлы, соколы, ястреба, совы и филины, и при том разнородная дичь, как то: лебеди, гуси, кулики, бекасы, рыболовы, драхвы, стрепеты, серые и красные куропатки, дрозды, скворцы, перепелки, голуби, горлицы, жаворонки и еще многие мелкие птицы. Вблизи жилищ видны стада аистов, по-турецки *яйла-хаджи* или степной богомолец, птица, которую турки чрезвычайно уважают, и которая приносит значительную пользу, уничтожая всякого рода гадов; гнезда их находятся на крышах и вблизи самых строений. Горлиц чрезвычайно много и турки, стараясь приучать их к строениям, часто выкидывают им различные зерна.

Домашние птицы. В числе домашних птиц водятся куры, гуси, утки и изредка индейки.

Пчелы. Пчеловодство составляет во многих местах значительную промышленность, и пчел особенно много в низменных и лесистых участках. Улья обыкновенно ставят на деревьях, они представляют плетенные продолговатые корзины; мед берут в известное время, но улей не убирают на зиму и делают только небольшие крыши, дабы предохранить от заливных дождей. Мед анатолийский вообще имеет зеленоватый вид, он чрезвычайно вкусен и душист. Кроме этих пчел есть много диких роев, которых соты находятся в горных расселинах между камнями, и мед их отличается особым запахом, более зеленоват и более сладок.

Ящерицы, змеи и насекомые. Вблизи всех жилищ, на всех скалах и почти под каждым камнем находятся различных видов и различных величин ящерицы, из них зеленые самые красивые, и они бывают иногда вершков до 6 длиной, но ядовитых совершенно нет. Змей также много, большие из них принадлежат к породам желтобрюшных, и они бывают аршина в три и даже в четыре длиной. В числе же особенно ядовитых можно считать больших медянок и еще особую породу чрезвычайно похожую на аспида; ужи в некоторых деревнях постоянно живут в домах и пользуются каким-то уважением или лучше сказать предрассудком, который нарекает несчастье хозяину, убившему ужа. Скорпион и тарантул могут считаться единственными ядовитыми насекомыми, которые существуют на всем объеме Восточной Анатолии и Курдистана. Скорпионов особенно много поблизости Трапезонда, по берегам Черного моря, в Диарбекире, в некоторых участках долины Евфрата, в Кесаре и на южных подножиях Тавра. Саранча редко залетает в Анатолию. Насекомые, которые делают большие опустошения в садах и даже в лесах, есть гусеницы и майский желтый жук, но к счастью они существуют только в самую раннюю весну, и деревья с новыми побегами одеваются новой зеленью. В числе других насекомых есть чрезвычайно много различных пород самых красивых бабочек, больших жуков с оленьими рогами и мелочных разноцветных букашек.

Торговля края

Судя по чрезвычайным богатствам местных произведений и многочисленности жителей, торговля Восточной Анатолии и части Турецкого Курдистана должна бы иметь значительные условия деятельности самых обширных оборотов. При том, географическое положение страны доставляет выгоды свободных сообщений Черного и Средиземного морей, из которых первое примыкает к обширным берегам России, и второе представляет открытый путь к берегам африканским и всей южной Европы. С восточной же стороны близость богатой Персии и земель Закавказских служит верным источником сырых и ценных продуктов, и вместе заключают несколько миллионов жителей, готовых для потребления ручных и мануфактурных произведений образованной Европы. Казалось бы, что Вос-

точная Анатолия составляет естественный путь гужевой торговли между Черным и Средиземным морями и с другой стороны открывает возможность сношения с Персией, и нет никакого сомнения, что будет время, когда торговля эта вместе с руслом Волги и Каспийского моря составит исключительную принадлежность России и откроют для нее новые источники значительных сокровищ. В настоящее время торговля Восточной Анатолии находится в руках европейцев и нескольких богатейших армян и греков; она удерживает характер монополии, не обогащая края, но напротив того, действующей в ущерб и настоящих его средств, и самых местных продуктов³³. Главные обороты сосредоточиваются к юго-восточному углу Черного моря, и открытым входом европейских товаров служит Трапезонд, сюда привозят огромные запасы бракованных мануфактурных изделий, различных бумажных тканей, стекло, стальные вещи, фарфор, пряденую бумагу, кофе, сахар, индиго, кошениль, сукна, драдедамы, железо и еще некоторые галантерейные вещи. И товары эти, кроме потребления всей северной Анатолии, назначаются для отвоза через Арзерум в Таврис и к внутренним частям Персии. Большая часть привозных статей принадлежит англичанам, некоторые же покупаются трапезондскими и арзерумскими армянами и греками на Лейпцигской ярмарке. Ценность произведений уже сама собой обозначается дальним привозом и затруднениями, которые встречаются торговыми людьми при платеже таможенных пошлин и получении пропускных билетов в Константинополе. Товары не только не принадлежат к посредственным изделиям, но решительно составляют бракованные и негодные для европейского употребления произведения, и они расходятся, во-первых, по неимению лучших, и во-вторых, по чрезвычайно смышленому подражанию восточным обычаям и привычкам тамошних жителей.

Взамен такого рода рухляди европейцы получают значительное количество персидского шелка, персидской хлопчатой бумаги весьма немного и из кашмирских, тегеранских и мазендеранских шелковых и шерстяных тканей, козий пух, и иногда индиго, который ими распродается в самом Трапезонде с прибылью цены, или идет в Константинополь. Сверх того, отвозный груз судов состоит из многочисленных произведений самой Анатолии, которая достав-

ляет большие запасы красильных растений, и преимущественно желтые персидские зерна, алезари (кажется марена), чернильные орехи и валонели, опиум, медь, зеленицу (*bois de buis*)*, овечью и верблюжью шерсть и различные кожи: бычьи, заячьи, речных бобров, выдр, и небольшое количество мускуса. Все сделки идут в виде обмена, но в этом случае европейцы пользуются общим упадком турецкой монеты, и, придавая еще большую чем должно ценность своим деньгам, они вывозят значительное количество металлических групп (группой называется сверток золота или серебра). Чистая прибыль, таким образом, состоит в несоразмерной дороговизне привозных товаров, которая образует дешевизну взятых на промен сырых продуктов, и потому-то ящик индиго, отправленный в Персию из индийских английских владений и привезенный персиянами, переходит снова в руки англичан и достается несравненно дешевле самой первой его ценности.

Турки вообще избегают торговых дел, не любят хлопотливых оборотов, и если и принимают звание купца (базериан), то всегда довольствуются частной распродажей товаров вблизи их жилищ, и при том скупают произведения во вторых или третьих руках. А потому, вся внутренняя торговля составляет принадлежность армян и греков, которые вообще основывают свои выгоды на обмане и жидовских плутнях. Они часто начинают торговать с ничтожным капиталом, взятым у богачей за огромные проценты, ездят по селениям и, пользуясь нуждой и бедностью жителей, скупают по мелочам различного рода продукты, часто закупают хлеб еще на корню, и выдавая немного денег вперед, делают условия своевременной доставки известного количества красильных растений, шерсти, кож и других произведений, назначая почти произвольную плату, на которую нуждающиеся охотно соглашаются. Такого рода злоупотребления почти уничтожают самый корень всякой промышленности. Отсюда необыкновенная дороговизна иногда самых первых потребностей, ничтожные заработки мастеровых; основание скорых успехов и быстрое умножение частных капиталов немногих лиц, которые имеют чрезвычайно дурное и вредное влияние на благосостоя-

* Самшитовая древесина – *примечание составителей.*

ние страны. Мелочные торговцы, кочуя непрерывно из одного селения в другое, назначают общие склады в известных точках, и большей частью составляют только поверенных или приказчиков, собранные же ими товары, руководствуясь различными требованиями передаются в руки европейцев или назначаются для частной распродажи в главнейших городах и округах. Важнейшие потребители и общие оптовые закупщики всех сырых произведений Анатолии находятся в Константинополе, Смирне, Трапезонде и Алеппо. Каждый город более или менее содержит частные склады произведений его окрестностей, но главные точки, к которым свозится большое количество всякого рода туземных товаров, есть Сивас, Токат, Кесарея, Арзерум, Диарбекир и Урфа. Отсюда большие верблюжьи, лошадиные и на катерах караваны постоянно идут к четырем важнейшим городам общего заграничного сбыта. Сирия также участвует в этих оборотах и кроме купеческого судоходства Средиземного моря, она часто отправляет большие караваны, идущие через Анатолию. Багдад удерживает постоянные сношения с Константинополем и Смирной, и наконец, многочисленные толпы богомольцев, едущих и возвращающихся из Мекки, почти всегда составляют огромный караван, навьюченный многими тамошними произведениями.

Фабрик и соединенных производительных сил для мануфактурных предметов в Анатолии вовсе нет, но некоторые из городов в числе мелочных ручных изделий занимаются производством особых полушелковых, бумажных и шерстяных тканей. Работы эти есть частная принадлежность нескольких ремесленников, каждый в открытом прилавке имеет свой стан, он покупает материал только нужный для начатого куска, отдает некоторую часть в красильни, и потом разбирает нитки и делает основу на улице. Если готовый кусок нашел выгодного покупателя, то полученная прибыль откладывается на жительство, а на остальные деньги покупается новый материал. В случае же, если кусок не продан, то ремесленник остается без работы или всего чаще отдает его за бесценок армянам и грекам. Честнейшие из купцов есть без всякого сомнения турки, закупая товары и делая иногда значительные заказы ремесленникам, они довольствуются самым ничтожным барышом, но зато редко богатеют, и в общей сложности принимают самое ничтожное участие

во всех торговых оборотах. Им обыкновенно принадлежат мелочные лавки со съестными припасами, различными принадлежностями турецкой одежды, старым оружием, домашней утварью, и иногда с покупными у европейцев и в соседних городах бумажных, шерстяных и полушелковых товаров. Они содержат кофейные, лавки со сладостями, общественные бани, базарные кухни, и, будучи хозяевами обширных караван-сараяв, отдают их внаем или на откуп большей частью армянам и грекам, и склады самых ценных произведений почти в каждом городе принадлежат христианам. Портной, седельник, токарь, столяр, кузнец, медник, ткач и до последнего пирожника и продавца шербета имеют на базарах небольшие открытые прилавки, в них они проводят целый день, и обороты их ремесла всегда основаны на взятых задатках и ничтожной прибыли проданных вещей, при первой же невзгоде они непременно переходят в зависимость армян и греков, которые составляют единственных капиталистов и вместе самых смысленных обманщиков. Особые промыслы и статьи торговли каждого города находятся в частных их описаниях, в общих же массах северо-восточная Анатолия сбывает свои продукты в Трапезонд и Арзерум и служит поприщем всех частных сделок и принадлежностей транзитной европейской торговли с северо-западной Персией.

Самсун составляет отпускной порт всего объема Джаника и смежных ему земель. Сивас соединяет произведения всей средней части Восточной Анатолии и находится в прямых сношениях с Константинополем морем через Самсун и караванами по сухому пути, он также участвует в оборотах Алеппо и через него проходят караваны Багдада. Кесарея служит соединением караванов Константинополя, Смирны и Алеппо, и при том, пользуясь прямыми сношениями с Аданой и Тартусом, она закупает их продукты и вместе со своими отправляет в столицу империи и в Смирну. Диарбекир служит средоточием всех складов большей части Курдистана и участков Анатолии смежных с берегами Евфрата. Здесь обыкновенно проходят багдадские караваны, часть продуктов отправляется в Трапезонд, в Константинополь и в Смирну, но главные сношения принадлежат преимущественно Алеппо. Таким образом, общие торговые пути проходят из Константинополя через Токат и Карагисар в Арзерум;

через Сивас, Малатию и Диарбекир в Багдад; прямо через Адану в Алеппо. Из Смирны они идут через Сивас и Карагисар в Арзерум; через Кесарею, Сивас и Диарбекир в Багдад, и наконец, через Конию и Адану в Алеппо. Торговые дороги, идущие из Трапезонда составляют главный персидский путь на Арзерум* и дорогу, идущую на Карагисар, Сивас, Гюрюм в Алеппо. Из Карагисара есть прямое сообщение с Гюрюмом, но оно чрезвычайно гористо и дурно. Кроме этих основных путей, прямая и весьма удобная дорога служит сообщением берегов Черного моря с Александреттским заливом, Средиземным морем и Алеппо, она проходит из Самсуна на Амасию, Токат, Сивас, Кесарею, ущелье Кулек-Богаза, Адану, Паяс и Антакию или Антиохию. Дорога эта почти повсеместно хороша, она требовала бы от 25 до 30 дней караванного хода, и если когда-нибудь Россия находилась бы в прямых торговых сношениях с северной Сирией и богатыми берегами равнин Аданы и Тартуса, то путь этот составил бы самое верное и самое выгодное сообщение, и притом, с небольшими разработками, он может быть удобным даже для повозок. Пароход [от] южных берегов Одессы и Крыма легко может быть в Самсуне в трое суток, простые русские обозы прошли бы от Самсуна до Сиваса в 6 или 7 дней (260 или 270 верст), от Сиваса в Кесарею также никак не более пяти дней (от 160 до 180 верст), и наконец, из Кесреи в Тартус около недели (до 200 верст), и таким образом, в 24 сутки можно было бы иметь сообщение с берегами Средиземного моря, и оттуда со всей Сирией и даже индийскими владениями, если пароходство Евфрата удастся англичанам. На всех торговых дорогах для пристанищ караванов устроены ханы или большие караван-сарай, везде есть кофейные, на опасных же местах поставлены небольшие караульни или дервенты, и купеческие дороги служат также почтовыми сообщениями для проезжих

* Из Трапезонда в Арзерум есть три главных дороги, лучшая идет от Трапезонда на Джевшлык, Заада-даг, Гюмюш-хане, Байбурт, и потом через Аш-ка-ла в Арзерум. Другая проходит от Джевшлыка на Кулиат-дагы или Каракабан, потом на Гюмюш-хане в Байбурт, и от него через Конт-дагы прямо в Арзерум. Третья дорога, взойдя на высоты Кулаапы-дагы, минует Гюмюш-хане и идет или через Байбурт, или оставая эту крепость несколько западнее, проходит прямо в Арзерум. Эта последняя дорога есть самая кратчайшая, но она избирается только в сухое летнее время – *примечание автора*.

татар или курьеров и скорых путешественников, почтовые лошади находятся обыкновенно в городах или в больших селениях. Проезжие берут верховых по числу седоков, считая притом одного или двух провожатых (суруджи), и еще нескольких вьючных для тягостей. Один из суруджи обыкновенно едет впереди и ведет в поводу вьючную лошадь, а если их несколько, то остальные привязываются к хвостам передних. Почты эти вообще ходят скоро, с поспешными же татарами они проезжают до 200 и 250 верст в сутки, т. е. от 40 до 50 часов. Станции и перемены лошадей находятся на расстоянии от 5 до 10 и 15 часов, покормок не делают, но часто останавливаются, дабы освежить лошадей, обтереть [лошади] глаза и, вытягивая уши и морду заставить лошадь чихнуть несколько раз. Последняя торговая дорога от Самсуна через Сивас и Кесарею в Адану, Тартус и Алеппо может считаться почти совершенно безопасной от разбоев; конвои особенно для больших караванов были бы бесполезны, и некоторые предосторожности нужны только на пространствах между Инже-су и вершинами Тавра или Булдурус-бели, и потом вблизи Паяса и Александретты.

Таможенные сборы Анатолии руководствуются некоторым образом уставами Константинополя и в отношении к европейцам они согласуются с правилами последних трактатов. В приморских городах берется пошлина только с тех судов, которые не имеют особых такере или расписок, выдаваемых в Константинополе. Преимущество же русских чрезвычайно значительно, если бы предстояла возможность настоять на строгом исполнении Адрианопольского трактата*. Положенные пошлины весьма невелики, и они берутся по ценности товаров и самой их разнородности, но иногда злоупотребления обременяют большими налогами людей слабых и незащищенных, притом в каждой сделке с правительством необходимо давать подарки или бакшиши всем частным таможенным приставам, кававам и другого рода мелочным прислужникам паши или муселима города. И потому европейцы почти всегда очищают груз своих судов

* Мирным договором 1829 г. подтверждалось право российских подданных вести свободную торговлю по всей территории Турции, российские подданные на турецкой территории были неподсудны турецким властям. — *примечание составителей.*

взносами таможенных пошлин в Константинополе, и их товары избавляются от всяких внутренних поборов за исключением положенных трактатами и особыми мирными договорами. Кроме частных пошлин на пограничных частях государства, еще существуют внутренние таможи, и почти в каждом большом городе собирают по нескольку пар с выюка или по установленной цене для каждого товара и его веса. Исчислить точные статьи этого рода тарифов было бы чрезвычайно затруднительно, ибо они беспрерывно изменяются и зависят от произвола главного местного начальника. На объеме Курдистана существуют сверх того частные выкупы караванов, курды берут известную плату иногда за неприкосновенность проезжих, и иногда за особые конвои для обеспечения от разбоев. Племя Милли имеет особый султанский фирман, по которому за каждый верблюжий выюк платят по 50 пиастров, и за выюк лошади и катера от 25 до 40 пиастров, но, к несчастью, и самый выкуп редко спасает от явной опасности, и самых страшных разбойников составляют люди, взявшие эти деньги. Весьма часто удалые шайки останавливают проезжих, сначала требуют так называемый ач-пара (выкупные деньги), и разглядевши караван, обирают дочиста, в случае же сопротивления завязывается драка, которая решается по праву сильного.

Таково настоящее положение торговли Восточной Анатолии и части Турецкого Курдистана; в дополнение же этих общих соображений прилагается особая записка о выводах настоящей Трапезондской торговли и ее отношений на купеческие дела России в Персии и возможность возобновить снова и деятельность нашей азиатской торговли, и может быть благосостояния Астрахани.

Общие очерки торговых сношений с Персией и Трапезондом. Географическое положение Персии, богатства ее произведений и преимущества прямых сообщений по Волге и Каспийскому морю, представляя значительные выгоды для постоянных и прочных торговых сношений, обратили на себя внимание сначала великого преобразователя России*, а впоследствии императрицы Екатерины II, и первые начала торговых оборотов быстрым развитием

* Имеется в виду Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. – *примечание составителей.*

оживили цветущее состояние Астрахани. Прибыльный сбыт, основанный на взаимных потребностях, служил верной опорой быстрых успехов деятельной торговли, и Нижегородская ярмарка как рынок обширных оборотов, находясь в прямых сношениях с Астраханью, уже в первые годы внесших богатые склады ценных произведений Персии. Перевозки товаров в Баку, Ленкорань и Зензели, сбыт сибирских произведений, продажа соли, нефти, шафрана, квасцов и возрастающая торговля нашими фабричными изделиями как-то: ситцами, нанками, коленкорами, стеклом и мелочными стальными и галантерейными вещами открывала для нас богатую будущность, и мануфактуры России при самом их возрождении уже имели в виду обширное поприще сбыта на Востоке, тем более выгодного, что за хорошую плату ручных изделий выручались сырые материалы фабрик. Торговля эта не была преимуществом отдельного участка земли, одного города, одной губернии, она имела влияние на целую Россию, и, открывая путь даже к северным ее областям, сулила верные начала самых выгодных промыслов.

Впоследствии политическое первенство России, самостоятельное влияние на самый быт смежных государств и завоевания берегов Каспийского моря, казалось, должны были еще более утвердить прочность торговых сношений, но обстоятельства и может быть излишняя заботливость о благосостоянии вновь присоединенных земель, служили поводом к дарованию льготных преимуществ для свободного провоза европейских товаров через всю Грузию и их продажу в областях Закавказских. Указ о транзите состоялся в 1821 году, и вместе с ним торговля Астрахани постоянно теряла и свою деятельность, и обширность оборотов. Перевес был на стороне иностранцев, ибо если в настоящее время, несмотря на улучшения и большее развитие промышленности, мануфактуры и фабрики России с трудом могли бы выдержать соперничество произведений Европы, то мудрено ли, что в 1821 году свободный прилив товаров Лейпцигской ярмарки был причиной совершенного упадка нашего сбыта.

Европейцы скоро и с большим искусством изучили привычки и вкусы персиян, потребление их товаров беспрерывно увеличивалось, и в непродолжительном времени вся северная Персия уже доволь-

ствовалась чрезвычайно большим ввозом произведений Германии и Англии. Можно сказать, что все направление торговли изменилось: Астрахань опустела, русские капиталисты ее оставили, и персидские купцы, имевшие прежде постоянную оседлость, возвратились в свое отечество, ибо вообще Персия, отдавая европейцам за их ручные изделия свой шелк, хлопчатую бумагу и другие продукты земли, уже почти не имела предметов внешнего торгова с Россией, или ограничивалась одной необходимостью в обмене немногих сибирских товаров. В отношении Закавказского края транзит без сомнения доставлял некоторые выгоды, но они большей частью были частной принадлежностью мелочных торгашей и почти не имели прямых удовлетворительных итогов настоящей пользы. Главная масса оборотов принадлежала европейским купцам, товары их, назначенные для Персии, оставались в Грузии мимоходом, и только самая ничтожная часть нужная для потребления края покупалась армянами и грузинами для перепродажи в Тифлисе и других городах; главное же основание этих оборотов сохраняло настоящий характер жидовских сделок, обман и пронырливая хитрость заменяли капиталы, настоящие же выгоды и прибыль были основаны на тайном провозе беспошлинных товаров внутрь России.

Впрочем, чтобы убедиться в ничтожности влияния 10-летней льготы свободного провоза европейских товаров достаточно ознакомиться с положением Редут-кале, бывшим во все время главным складом транзитной торговли. Настоящий же перевес чрезвычайно вредных последствий сохранился в полной силе и по истечении этого срока. Вместе с запрещением ввоза, персияне, обвыкшие к потреблению произведений Европы, обратились к Константинополю, и все что они прежде получали через Одессу и Редут-кале, теперь идет через Трапезонд и Арзерум. Торговля Трапезонда, принимая быстрое развитие, ежегодно увеличивает обширный круг своих деятельных действий, и настоящий путь от Арзерума к Тебризу, по моему мнению, уже столько упрочен, что самые большие пожертвования со стороны России не изменили бы этого направления.

Сухопутная перевозка товаров, как в Грузии, так и в Анатолии, производится на вьюках, и в этом случае большее или мень-

шее затруднение местности имеет самое ничтожное влияние, чрезвычайный же навык и укоренелые привычки для хода караванов еще надолго сохраняют во всей Азии этот способ перевозки тягостей. Сверх того, путь от Трапезонда к Тебризу гораздо короче идущего от Редут-кале, и если по оному еще есть некоторая опасность от нападения курдов (опасность почти уже ничтожная), то с другой стороны нет карантинной линии, столько затрудняющей все действия торговли и столько страшной для понятий каждого азиатца. А потому, принимая в соображение все эти обстоятельства, трудно было бы думать, чтобы нам еще предстояла возможность снова обратить торговый путь в черту владений земель Закавказских; не знаю, выгодно ли было бы променять цветущее положение волжской торговли на некоторые улучшения частного быта грузин. Одна только полная льгота и право совершенно вольного торгога могли бы привлечь капиталы иностранцев в Грузию, но каждая льгота отдельного участка земли тогда только справедлива, когда она имеет прочное действие на всю массу оборотов целого государства. И нет сомнения, что в отношении к местным продуктам, улучшению хлебопашества, виноделия, шелководства, оливковых садов и других отраслей Грузия представляет еще сырые материалы неразвитых богатств.

Но собственно в смысле восточной торговли Астрахань кажется должна сосредоточить все внимание России, и путь нашей Волги и Каспийского моря есть природная черта всех сношений с Персией, черта жизни, которая со временем доставит обширные деятельные промыслы. Способы к увеличению астраханской торговли вероятно многосложны и различны, но одно из необходимых начал есть участие в торговле Трапезонда. Ибо разделяя общую массу сношений северной Персии, Россия воспользуется выгодами той или другой стороны и, таким образом, уравновесит прибыль торгога по столь разнородным путям. В противном же случае значительное количество привозимых европейцами товаров в Трапезонд всегда будет иметь постоянное и чрезвычайно неблагоприятное действие на наши прямые сношения, и даже цветущее состояние торговли при столь сильном соперничестве почти невозможно, и всегда успех одной стороны будет неразделенным с прямым вредом для

другой. И наконец, изменить одним разом общее направление торговли, положивши конец европейскому сбыту, было бы делом трудным и невозможным в короткое время, но постоянно приучая персиян к нашему участию в делах Трапезонда, мы могли бы сбывать русские произведения, и упрочивая наше первенство, может быть завладели бы всей торговлей Персии, предоставляя иностранцам рынки Константинополя и Смирны, где соперничество России кажется несбыточным.

Притом самое потребление северо-восточной Анатолии и части Курдистана уже открывает со стороны Трапезонда довольно обширное поприще значительного сбыта мануфактурных и ручных изделий. И эти постоянные сношения, распространяя круг действий нашей черноморской торговли, по самой необходимости имели бы сильное влияние на деятельность внутренних губерний, купеческое судоходство и промышленность тех провинций, которые будут служить средоточием оборотов. Сверх того, следуя за направлением торговли европейцев во всех ее частностях, мы будем непрерывно иметь подробные сведения, необходимые для отчетливого и смышленного хода торговых соображений. Опытность англичан в делах с Персией послужит для нас полезным примером, и соревнование может быть лучшим источником к усовершенствованию наших фабрик. Что же касается до возможности выгодного сбыта русских мануфактурных произведений в Трапезонде, то в этом случае не предстоит ни малейшего сомнения. Вообще товары, назначенные для восточной торговли и привозные европейцами, принадлежат к самому низкому разряду, достоинства их обыкновенно оцениваются по наружному виду, не принимая в соображение настоящей доброты, и Германия, и Англия сбывают в этих странах все то, что не может служить к потреблению Европы. А потому трудно было бы думать, чтобы изделия наших фабрик не могли бы стать наряду с самыми посредственными их произведениями, что же касается до дешевизны, от которой зависит обширность сбыта, то если европейцы имеют на своей стороне избыток производительных средств, хорошее устройство машин и навык в мастерской отделке произведений, [то] Россия пользуется прямыми преимуществами малочценности в первых потребностях жизни, и наконец, прямой главной

выгоды чрезвычайно дешевой доставки товаров или водой по Волге и потом от Царицына по Дону, или в Таганрог, пользуясь удобствами зимнего пути.

Впрочем, выгоды сбыта и ценность наших изделий на Востоке может быть доказана оборотами тифлиского купца Посыльного, который в продолжении пяти лет приобрел огромные капиталы, доставляя в Персию ситцы, нанки и другие произведения наших фабрик. В настоящее же время небольшое общество жидов из Ахалциха находит прямые выгоды в доставке сухим путем тех же изделий для мелочной перепродажи в Токате. Если же в первые годы начальных опытов мы могли бы принять на себя хотя третью часть привозных статей трапезондской торговли, то судя по оборотам 1834 года, сношения наши уже простирались бы до 4-х миллионов рублей, и притом доставили бы выгодную выручку в покупке сырых произведений Персии, как то шелка, хлопчатой бумаги, красок и прочего, ибо весьма часто персияне, не зная настоящей цены, которая устанавливается в Константинополе, удерживают свои продукты и, направляя слишком большое количество к Трапезонду, уменьшают ценность оных, так что по уверениям некоторых negociантов, иногда шелк в Арзеруме бывает дешевле чем в Гиляне и Мазендеране. Торговля Трапезонда в общей сложности цены привозных и отвозных товаров простирается ежегодно средним счетом до 20-ти миллионов рублей ассигнациями. Часть оных идет караванами в Арзерум, где и продается персидским купцам, которые принимают на себя дальнейшее отправление в Персию.

Англия и Германия доставляют большое количество мануфактурных произведений, а именно: низкого разбора сукна, казимиры и драдедамы, большей частью ярких цветов, бумажное полотно, ситцы, коленкоры, платки, шали и вообще всякого рода ткани из бумаги, притом в большом количестве сученую бумажную пряжу белую и цветную. Стальные изделия, сахар, писчую бумагу (особенно приготовленную для восточного употребления), американский кофе, фаянсовую посуду, стекло, хрусталь, немного фарфора и некоторые металлы, как то, железо в полосах всякого размера, даже до проволоки, гвоздями и турецкими круглыми пластинками для подков, свинец и олово. Франция также принимала пре-

жде участие в трапезондской торговле, и лангедокские сукна были в общем употреблении, но в последнее время сношения ее ограничиваются Смирной и Константинополем; товары же Лейпцигской ярмарки в особенности удержали свое первенство. Из Таганрога и Крыма отпускается железо, хлеб, простая грубая шерсть и кожи, и до сих пор железо России предпочитается привозному* англичанами, хотя цена оногo от 8 до 10 турецких пиастров на пуд дороже, но его требуется меньше английского, ибо однообразные полосы не столько удобны для приспособления к обыкновенным надобностям. Взамен привозных статей европейцы берут в Трапезонде значительное количество персидского шелка, весьма редко некоторые из их шерстяных и шелковых тканей, табак, козий пух (тивтик), тонкую шерсть, воск, опиум, зеленицу (bois de buis), самородный арсеник (orpiment), чернильные орехи, медь и сухие фрукты.

Ценность привозных товаров далеко превышает статьи сбыта и в течение 1833 года в Трапезонд привезено товаров по самому умеренному расчету на 12 648 025 рублей ассигнациями, а взято на 7 099 300, так что перевес первых имеет 5. 548 725 рублей. В 1834 году избыток привоза превышает 7 миллионов. Все обороты торговли с Персией производятся через Арзерум, большей частью на чистые деньги и преимущество этих сношений явно принадлежит англичанам. Товары же назначенные для потребления края покупаются в Константинополе и на Лейпцигской ярмарке и армяне, которые исключительно занимаются этими оборотами, посылают своих поверенных для покупки изделий, забирая часть оных на кредит с платежом по срокам. Даже некоторые из наших тифлиских купцов отдают свои капиталы дабы участвовать в выгодной распродаже лейпцигских товаров. В Арзеруме постоянно находятся несколько персидских купцов, и один из них носит название консула, из числа же трапезондских негоциантов более всех принимает участие дом английского консула г-на Бранта, дела которого вместе с окончанием транзита через Редут-кале приняли самый лучший оборот. Россия также имеет свой флаг в Трапезонде, но нельзя не заметить всю ничтожность нашей торговли. Самые сырые про-

* Так в тексте – *примечание составителей.*

дукты земли, столько выгодные для сбыта по чрезвычайно легкой и удобной доставке, не составляют нашей исключительной принадлежности, ибо склады Феодосии, Таганрога и Козлова* ожидают требований, а между тем с берегов Дуная привозят более хлеба, шерсти и кож, чем из целого Крыма. Железо, несмотря на его основное достоинство, приметно теряет обширность своего сбыта и заменяется привозным англичанами, которое продается под русским клеймом. Долины Мингрелии и Имеретии остаются без всякой деятельности, и богатые чинары, орехи и bois de buis, находясь в 125 милях от Трапезонда, гниют на корню, заражая воздух и служа одной из первых причин чрезвычайной смертности между жителями и войсками. Купеческое судоходство Черного моря ограничивается судами, большей частью не принадлежащими России, и склады наших гаваней ожидают прибытия иностранцев, предоставляя им все выгоды перевозки их груза. Сверх того, кроме неперменной возможности и выгоды сбыта своих произведений, трапезондская торговля могла бы нам доставить весьма важные предметы привозных статей, которые теперь по большей части берутся в Константинополе, иногда из третьих и четвертых рук. Кроме продуктов, вывозимых европейцами, Россия могла бы получать из Трапезонда индиго, кошениль, деревянное масло, ароматы, многие из аптекарских растений, и в особенности опиум (который может быть представляет важную статью для сибирской торговли), валонелы чернильные и других сортов орехи, и наконец, краски, которыми изобилуют окрестности Сиваса, Диарбекира и Кесареи, и именно желтой, известной в торговле под именем персидских зерен, ализарин, зеленая и пурпурная краски, доставляемые с известных цветов.

Впрочем, с открытием постоянных сношений, без сомнения взаимные потребности объяснились бы сами собой и обозначили бы еще многие статьи, составляющие принадлежность столько богатого края. Главные же затруднения прочного основания верного участия в торговле Трапезонда состоят в недостатке предприимчивости нашего купечества и еще более ощутительном недостатке самосто-

* Кизлов (от татарского Гизлѣв), старое название Евпатории – *примечание составителей.*

ятельных капиталов и боязни резких последствий первого соперничества с иностранцами. Раздробленные капиталы частных лиц требуют скорых и быстрых оборотов, которые бы доставляли прямую прибыль несколько раз в течение года. А потому, всего бы основательнее было образование торгового общества по акциям, которое приняло бы на себя все дела торговли и имело бы постоянного поверенного в Арзеруме и контору в Трапезонде. Если же правительство с своей стороны пожелало бы прежде убедиться в точной возможности сбыта наших произведений, то для первого опыта, который по всем вероятностям не будет значительным, достаточно отправить к настоящему нашему консулу в Трапезонде г-ну Герси образцы всех бумажных наших тканей (как главной статьи предполагаемого сбыта) с обозначением точной цены по расчету провоза и самой прибыли. Эта предварительная мера необходима, во-первых, для лучшей сортировки нужных товаров, и во-вторых, для неопровержимой тайны в отношении к иностранцам. Желательно даже чтобы и в Одессе никто из них не знал бы об отправлении образцов наших изделий. Г-н Герси которого преданность оправдывается многими услугами во время последней войны, прямым желанием вступить в действительную службу России и постоянным влиянием на местное начальство турок в пограничных делах, может быть полезен России более чем кто-нибудь. Постоянное долговременное пребывание его в Трапезонде доставило ему совершенное знание края, и прежнее участие в торговле ознакомили с настоящим бытом оборотов и можно смело надеяться, что некоторого внимания правительства к услугам этого человека было бы достаточно, чтобы возбудить в нем полное рвение самых деятельных действий и самой откровенной искренней преданности. Запродажа товаров по образцам и теперь служит основанием всех сделок с персиянами и весьма вероятно, что г-ну Герси удалось бы заключить условия, не называя этих произведений русскими, ибо в противном случае, прибытие в Трапезонд полного груза наших произведений без сомнения возбудило бы всю недоброжелательность иностранцев, и им легко [было] бы уничтожить ничтожный опыт нескольких десятков тысяч.

РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 535. Ч. 2.

Оглавление третьей части

Общие понятия о крае и различие разнохарактерных театров действий. Очерки плоской возвышенности окрестностей Арзерума. Гористые и чрезвычайно перерезанные участки края. Выгодное расположение Джаника и свойства средней террасы с крутыми обрывами Тавра.

Выводы военных соображений.

Обозрение края в смысле действий от границ России и соображение экспедиции по берегам Черного моря. Действие со стороны Арзерума. Обозрение края в смысле действий от пределов Сирии. Выводы соображений и принадлежности края в случае действий направленных от берегов Черного моря и общие военные заключения.

Пособия хозяйственных распоряжений армии.

Часть продовольственная. Часть госпитальная. Часть Генерального штаба и общие замечания о настоящем положении турецких и египетских войск.

Топографическое описание глазомерно снятых дорог.

№ 1 Дорога от г. Фасса через Сивас до Алеппо; № 2 Дорога от Диарбекира через Карпут и Малатию до д. Караса вблизи Сиваса; № 3 от д. Караса через Кесарею и Девели-Карагисар до Тарсуса; № 4 от берегов Александреттского залива через Мараиш и Бесню до Малатии; № 5 от Алеппо через Бир, Урфу и Сиверик до Диарбекира; № 6 от Малатии через Арабкир, Егин и Ерзингам до Арзерума; № 7 от Арзерума через Каракулак и Байбурт до Трапезонда; № 8 Прибрежная дорога от Трапезонда до Фассы.

Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана

Часть 3-я

Военное обозрение края

Общие понятия о крае и различие разнохарактерных театров действий; очерки плоской возвышенности окрестностей Арзерума; гористые и чрезвычайно перерезанные участки; выгодное расположение Джаника и свойства средней террасы с крутыми обрывами Тавра; выводы военных соображений по различию направления действий со стороны России, от границ Сирии и, наконец, от берегов Черного моря.

Общие понятия о крае. Пространство, заключающееся между берегами Черного моря, истоками Евфрата и Аракса, части Курдистана, Сирией и чертой проведенной от Тарсуса через Кесарею к устью Екил-ирмака, составляет страну обставленную плоскими уступами высоких террас, пересеченную глубокими прорезами потоков и покрытую различными рядами гор, которые, идя по наклонной плоскости, служат как бы подножием чрезвычайно значительной возвышенности, составляющей главное разделение вод между морями Черным, Средиземным, Каспийским и Персидским заливом. Верхняя плоскость этой высокой выпуклости, занимая весь объем окрестностей Арзерума верст на 60 кругом города, при постоянной неправильности наружного абриса почти неприметно сливается с гребнями уступов, и опираясь на утесистые грани окрестных обрывов, она представляет как бы усеченную вершину конуса, которого откосы делятся на разнообразные гряды всей горной системы Анатолии, Курдистана и северо-западной Персии. С северной стороны уступы гор Саганлугских тянутся к пределам Грузии, и опираясь на равнины Карского пашалыка, оканчиваются постепенно понижающимися ступенями. Южнее же Арзерума хребет Кешмюр-дагы, составляя окраины самой возвышенности, как бы пересекает Евфрат

и постоянной чертой обрывов идет к громадам Софиер-дагы и, наконец, утесам Лазистана. Воды потоком сливаясь почти в самой верхней плоскости, выются глубокими прорезами, которые обозначают первое разделение хребтов и сообразно этому постепенному углублению оврагов, горы сначала тянутся зубчатыми гребнями остроконечных вершин, потом принимая более округлые формы, они огибают промежутки широких долин, и идя разнообразными группами, тянутся вдоль прибрежных частей Черного и Средиземного моря, оставляя в середине обширную поверхность высокой террасы, составляющую плоскую ступень, висящую над исполинскими обрывами Тавра. Таким образом, все пространство края в самом естественном его разделении представляет разнородные свойства сначала главной возвышенности окрестностей Арзерума, потом перерезанных скатов, образования хребтов и вообще горных участков, и наконец, средней террасы с ее утесами, и за ними с постепенным переходом к степям Сирии.

Очерки плоской возвышенности окрестностей Арзерума. Волнистая поверхность верхней выпуклости окрестностей Арзерума на всем протяжении от гребней Саганлуга и Гияур-дагы до зубчатых вершин Кешмюр-дагы, Софкер-дагы, Альма-дагы и гор Лазистана представляет разнообразно раскинутые высоты, которые огибая котловины как бы обсохших озер, или тянутся рядами довольно высоких холмов, или составляют группы пригорков. Гряды этих возвышений везде разграничивают беспрерывно перемежающиеся впадины довольно обширных равнин, которые вмещая все народонаселение, тянутся значительными отделами почти сплошных деревень и составляют участки многолюдной и хлебородной страны. В особенности равнины Арзерума, Гасан-кале, Топрак-кале и плоскости Сюнюр-ова с окрестностями Байбурта составляют чрезвычайно богатые округа. Реки этого пространства едва означают начальные ветви верхних истоков, они текут в различные стороны, и прорезы их берегов с постепенным углублением русла составляют утесистые овраги. Главнейшие из них есть Аракс, Фират, Кара-су и Мамахатун-су. В сухое время они почти везде проходимы вброд, и переправы затруднительны только в полноводье весенних разливов; существующие же теперь постоянные мосты находятся при д. Лыжа

или Илыджа через Кара-су, вблизи Аш-кала на Фирате и, наконец, Кетюн-кюпри при соединении Фирата с Мамахатун-су.

Суровый, но вместе замечательный своей здоровостью, климат есть одно из отличительных свойств этой страны; теплая погода не продолжается более пяти месяцев; постоянные холода (от 15 до 20 Реомюра) и в особенности резкие ветры с вьюгами со всей точностью выражают зимние непогоды средней России. В это время глубокие снега уничтожают всякую возможность сообщений, надолго затрудняют переходы через гребни высот и только к исходу мая сливаются горными потоками повсеместных наводнений. Лето начинается в исходе мая, развитие богатой растительности идет чрезвычайно быстро и вообще, когда скаты оденутся тучными пастбищами, то верхняя плоскость возвышенности может считаться местностью вполне удобной для обширного театра действий значительных сил. Сообщения этого участка совершенно свободны, земляные осыпи гор, глинистого и известкового свойства, почти везде имеют округлые и довольно плоские формы, они пересечены по многим направлениям дорогами и те из них, которые служат главнейшими путями, с ничтожными исправлениями, могли бы быть удобными для всякого рода тягостей*. Деятельность жителей обращена почти исключительно на хлебопашество, самый же Арзерум по своей населенности и как средоточие торговых оборотов, увеличивая подвижность сношений края, служит постоянным рынком богатых складов и сосредоточивает чрезвычайно значительные запасы всякого рода произведений.

Гористые и чрезвычайно перерезанные участки края. Таковы принадлежности высокой площади окрестностей Арзерума, но за порогом ее волнистых скатов, в особенности на северо-запад, прямо к полудню и на юго-восток начинается местность повсюду изрытая глубокими пропастями и загроможденная глыбами каменных обломков. Груды утесов Кешмюр-дагы и Музур-дагы, идя параллельно долине Мурад-чая, как бы пересекают Фират, к ним примыкают громады верхних истоков Кызыл-ирмака, за ними хре-

* Все подвозы производятся на арбах или двухколесных повозках, отчего дороги местами разработаны и вообще довольно проходимы – *примечание автора.*

бет Альма-дагы и, наконец, отвесные скалы Лазистана, которые тянутся вдоль прибрежной черты Черного моря. Остроконечные гребни этих высоких хребтов за горами Гемин-бели и Ташмиз-бели делятся на два значительных кряжа, ограничивающие долину реки Кулей-Гисар-су и обширную плоскость ее верхних притоков. Северная отрасль составляет горы Гюмюш-хане-Даглар и Сысс-дагы, она понижаясь идет к устью Екиль-ирмака, и дробясь на многие отроги, образует перерезанные и каменистые скаты гористого поморья. Вдоль левого берега Кулей-Гисар-су за громадами Дерелли-дагы горы образуют с одной стороны отвесные утесы глубокой пропасти Каш-Таш-богаза (вблизи Егина) и с другой составляют горы Янин-дагы, Юлдус-дагы и Делекли-таш, которые идя понижающимися уступами, сливаются с плоской поверхностью степей Сиваша, Альбистана и Кесареи. Таким образом, все пространство от устья Екиль-ирмака вдоль Черного моря до Чмороха и от долины Мурад-чая до подножия Юлдус-дагы и Делекли-таш составляет местность изрытую оврагами глубоких пропастей и обставленную по всем направлениям хребтами высоких гор. Здесь, как и в исполинских громадах Кавказа, горные обломки нагроможденные неправильными горами образуют значительные массы совершенно диких и пустых утесов; жилища человека едва приметны в глубоких корытах отвесных расселин, и вообще все народонаселение теснится вдоль берегов главнейших потоков, которые составляют и настоящую связь сообщений края и черты промышленной его деятельности. Долины и низменности есть исключительные отделы удобные для жизни, а потому многолюдность жителей и самое богатство производительных сил соображается с расположением и обширностью этих горных промежутков. На пространстве описываемого края они везде составляют местность чрезвычайно изобильных участков; в верхних кряжах их немного, но вместе с тем как скаты, постепенно понижаясь принимают округлые формы, долины орошенные потоками составляют широкие полосы и в особенности на прибрежной черте поморья, к устью Екиль-ирмака, на некоторых из отделов Евфрата, вдоль берегов Кулей-Гисар-су в окрестностях Кеклык-Чефлыка, Карагисара, Токата, Амассии, Туркала, Никсара и Чаршамбека, их ровные низменности везде отличаются чрезвычайными богатствами

самой привольной страны. Чморох и вообще потоки береговой части Черного моря составляют бассейны северной стороны края отделенные хребтом Сысс-дагы и горами Лазистана. В середине течет Кулей-Гисар-су и Кызыл-ирмак; вдаваясь на запад, он образует долины двух широких промежутков открывающих сообщения с внутренними частями полуострова. Наконец, русло Евфрата, соединяя воды обширного пространства, прорезывает уступы Тавра, разделяет Анатолию от Курдистана и значительной рекой сливается к степям Сирии и Ирак-Араба. Начиная от Ерзингама, река течет широким корытом, и сообщения между ее берегами уже делаются затруднительными по причине чрезвычайной быстроты и частых каменистых порогов; постоянные мосты построены при Кемахе и Егине, в остальных же точках переправ переезжают на лодках и особого устройства паромов.

Дороги края составляющие связь населенных пространств, могут быть разделены на два рода, одни пролегают низменностью долин и большей частью представляют пути довольно удобных сообщений, другие, идя через перевалы горных хребтов, ограничиваются почти везде узкими тропами едва проходимыми для вьюков, они вьются между горами каменистых осыпей, часто врезаются в самые утесы и следуют изгибам тесных ущелий, которых дно образует повсеместные всходы общих подъемов и спусков. Местами самые исправления дорог были бы затруднительны, работы древних искаженные временем едва сохраняют ничтожные следы, жители же края оставляют их в настоящем виде, и небольшие разработки делаются только в случае невозможности провести навьюченную лошадь*. В военное время такого рода препятствия представили бы, без всякого сомнения, чрезвычайно важные затруднения, и уничтожая все основные размеры стратегических линий, вынудили бы следовать одним удобствам и проходи-

* Починки дорог, устройство караван-сараев, фонтаны и мосты считаются почти обязанностью и богоугодным делом; богачи часто издерживают на эти предметы значительные капиталы, но между тем дороги непроходимы, караван-сарай большей частью дурны, хотя иногда и составляют огромные здания, мосты же почти всегда представляют узкую и чрезвычайно высокую каменную арку – *примечание автора*.

мости путей. И если когда-нибудь страна эта была бы театром действий значительных сил, то избегая по возможности слишком перерезанных участков, войска необходимо должны избирать направления удобные для совокупных действий массами и притом выгодные для самой подвижности из тягостей и подвозов. Столь обширное пространство, конечно, имеет чрезвычайное разнообразие в основных свойствах его характера; каждый хребет, можно сказать каждый утес, сохраняет свои принадлежности, но судя по общим итогам военных соображений, действия и движения значительных сил здесь возможны или по направлению широких промежутков главнейших долин, или на пространстве, где горы делаются более доступными и их скаты принимают округлые волнистые формы. А потому гористое поморье Лазистана от гребней Оф-дагы почти на всем протяжении Трапезондского пашалыка до Фассы и потом громады Кешмюр-дагы, Музур-дагы, Софнер-дагы, Дерелли-дагы, Егины и Арабкира могут считаться постоянными преградами и вместе самой прочной обороной плоских вершин общей возвышенности. Дикая и пустынная местность этих объемов с трудом была бы доступна для горной войны малых партий, и для действий значительных сил от Арзерума внутрь Анатолии едва оставалось бы одно направление главного Константинопольского пути, идущего от Байбурга к Кеклык-Чефлыку и Карагисару и потом или на Никсар, или к Сивасу, но и здесь несмотря на некоторые частные удобства долины речки Кеклык-Чефлыка принимающей потом название Кулей-Гисар-су; переходы через горы Альма-дагы, хребет Янин-дагы и ущелье Сег-дереси к стороне Кулей-Гисара, представили бы значительные затруднения, и притом слишком растянутая и сжатая линия действий могла бы иметь самое невыгодное влияние. Впрочем, в военное время весьма редко можно следовать одним расчетам односторонних преимуществ, все распоряжения обыкновенно руководствуются необходимым разумом обстоятельств, но если когда-нибудь театр действий в этом краю зависел бы от произвольного выбора, то ограничиваясь вспомогательными средствами и преимуществами оборонительной линии со стороны Арзерума, должно было бы перенести главнейшие силы к берегам моря между Самсуном и Фассой и потом перейти к средней плоскости окрестностей

Сиваса, Альбистана и Кесареи как местности самой удобной для подвижности масс и притом самой выгодной для постоянного влияния на общий ход дел и оборону всего полуострова.

Выгодное расположение Джаника и свойства средней террасы с крутыми обрывами Тавра. Заливы Самсуна и Фассы после гавани Воны могут считаться лучшими пристанями азиатских берегов Черного моря и весьма значительные удобства десанта, особенно в Самсуне, доставляют возможности перенести массы войск к отделам изобильного и многолюдного Джаника. Округ, который, занимая все пространство между хребтом Юлдус-дагы, горами Марсована, устьем Кызыл-ирмака, берегом моря и ущельем Сег-дереси, представляет постепенно понижающиеся скаты гор повсюду разграниченные обширными площадями заселенных долин и перерезанные по многим направлениям весьма удобными сообщениями. Примыкая к самой прибрежной черте поморья, Джаник составляет один из богатейших округов Анатолии и на своем объеме соединяет все условия чрезвычайно выгодного положения военных складов. Представляя соединение разнородных впадин одной общей котловины (самого русла частных притоков Екиль-ирмака) он занимает обширное пространство обставленных со всех сторон высокими хребтами, которые доступны только на точках главных горных переходов и оборона этого отдела страны зависела бы от нескольких небольших отрядов кстати разбросанных на прорезах известных ущелий. Сверх того, свободные сообщения с морем обеспечивают возможность постоянных подвозов; самая местность не затрудняет их подвижности и, наконец, избыток урожаев разнородного хлеба, увеличивая некоторым образом военные средства, может иметь выгодное влияние на самую совокупность силы дальнейших нападений. Отсюда пути действий могут быть избраны согласно обстоятельствам; есть несколько дорог, которые от Джаника ведут прямо к плоской котловине обширных степей Ак-сарая и Конии, другие проходят прямо к Кесарее и Альбистану и, наконец, третьи, идя к спускам обширной равнины окрестностей Малатии, достигают Евфрата и за ним входят в ущелья открывающие свободные сообщения со степями Диарбекира и Урфы. Местность от самого перевала через хребет Юлдус-дагы стелется широкой площадью волни-

стой поверхности, которая составляя как бы ступени общего ската идущего от Арзерума, образует обширную террасу покрытую разнообразными группами округлых пригорков и небольших холмов; гора Аргеуса (Ерзиас-даг) высоким конусом поднимается над этим обширным подножием и до самых гребней Тавра только глубокие прорезы Кызыл-ирмака, Деренде и Куру-чая могли бы считаться настоящими преградами свободных движений армии. Характер, свойства и даже самый вид наружных форм этого участка совершенно отделяется от главной возвышенности Арзерума; там избыток воды служит основанием богатства края, котловины соединяют наносы тучной и плодородной почвы, гряды высот следуют разделению потоков и горные промежутки покрыты сплошными жилищами. Здесь небольшие ручьи, идя в прорезах глубоких оврагов, как бы осушили верхнюю плоскость, на ней изредка остаются впадины наполненные дождевой водой, которая по свойству грунта и ближайших гор дает осадку соли, растительность вообще бедна, жилища ограничиваются кочевьями и разнообразие отдельных скал и непрерывных пригорков вполне выражает случайные россыпи намывных холмов, часто самые равнины усеяны сплошными обломками известкового камня.

К стороне Малатии русла Куру-чая, Токмак-су и Султан-су представляют спуски к широкой долине Евфрата, самая же черта обрывов Тавра прорезанная потоками, которые сливаются с верхней плоскости террасы, обозначает постоянную стену гигантских утесов, они исполинскими громадами идут от округов Аданы, Тарсуса и прибрежной черты Александреттского залива прямо к востоку, опираются на степи Сирии, как бы пересекают Евфрат ущельем Каджулы-богаз и сливаясь с снежными вершинами Джебель-ель-Нимруда составляют последний уступ огромной возвышенности подножия Арарата и плоских высот Арзерума. К берегам Средиземного моря самые подошвы гор оканчиваются глыбами каменных обломков, но от черты Гияур-дагы или гор Бесланских до пределов Персии верхние обрывы опираются на разнообразные уступы понижающегося предгорья и потом сливаются с постепенным образованием степей Сирии. Степень населенности, бедность и богатства этого значительного пространства изменяются сооб-

разно частным свойствам отдельных участков, но вообще вместе с понижением крутых обрывов растительность принимает большее развитие и пологости всей полосы подножия Тавра до Антепа, Рум-кале, Чермюлика, Арганы, Диарбекира и Мардыни отличаются изобилием чрезвычайно привольной страны. В особенности замечательны плоскость окрестностей Аданы и пространство между Марашем и Евфратом. Первая орошена четырьмя быстрыми потоками Тарсус-чая, Шейгун-чая, Адана-чая и Джейхан-чая; второе же от берегов Гек-су или синяя вода тянется к трем небольшим озерам Гель-баши, весь округ принимает это последнее название и принадлежит к одним из богатейших участков Анатолии. Дороги, ведущие через Тавр к низменному поморью Александреттского залива и к стороне степей, вообще дурны, их немного и самые удобнейшие вьются корытами тесных пропастей или прорезывают почти отвесные утесы.

В смысле военном средняя терраса и крутизны обрывов чрезвычайно замечательны, но выводы этих соображений могут быть различны согласно направлениям действий или от Арзерума и берегов Черного моря, или со стороны границ Сирии. Распоряжения армии и успех похода упрочивается относительными размерами правильного расчета движений приноровленных к характеру местности; постепенность целей обозначат отделы завоеваний или черты обороны, и при разборе стратегических линий каждая страна делится на смежные полосы, которых внешний объем заключается между точками предметов действий. Нет сомнения, что расположение этих линий изменяется сообразно той части границ откуда делается вторжение, а потому, чтобы получить полное понятие о военных средствах края необходимо исследовать его особенности при направлениях с различных сторон. Восточная Анатолия может быть театром троякого рода действий. Неприятель может проникнуть внутрь полуострова от границ России и Карса. Со стороны Сирии, избывая направление к Константинополю, как было в последнюю войну с Египтом, или противодействуя армии расположенной в Арзеруме или Сивасе. И наконец, если бы массы войск вышли на Черноморский берег и направили бы свои движения к Сирии и к западным частям полуострова.

Обозрение края в смысле действий от границ России. Два основных направления обозначают участки, по которым войска России могли бы проникнуть в Анатолию (со стороны сухой границы). Одно из них от Поти и крепости св. Николая ведет к Батуму и потом вдоль берегов Черного моря; другое же проходит через Карс и Арзерум и составляет линии действий похода 1828 и 1829 годов.

Соображение экспедиции по берегам Черного моря. Прибрежная дорога пролегает страной скудной продовольствием, изрытой, местность везде представляет чрезвычайно трудные переходы и груды утесов, упираясь на самый берег, тянутся широкой полосой горных громад, которые совершенно отделяют поморье от внутренних частей края. Значительные силы здесь были бы связаны в своих движениях, они не имели бы прочной опоры, и самая помощь флота не всегда обеспечила бы потребности войск, ибо недостаток надежной гавани представил бы чрезвычайные затруднения в постоянных сношениях с берегами. А потому путь этот может быть избран только в смысле второстепенной цели частных нападений или с тем, чтобы тревожить гарнизоны края и рассеивать сборища лазов, или чтобы завладеть Батумом и Трапезондом. В первом случае успех зависел бы от быстроты нечаянных нападений имышленного умения пользоваться оплошностью неприятеля. Небольшая эскадра мелких судов и несколько береговых лодок, наподобие трапезондских канджар-баш, пользуясь удобным ветром, могли бы переносить легкие отряды назначенные для этих временных набегов, и настоящая польза таких наездов состояла бы в непрерывных тревогах, которые по самой необходимости отвлекали бы часть неприятельских сил от общего содействия на линии главной обороны края. Если же при начале кампании распределение войск позволило бы сосредоточить на берегах Гурии довольно сильный корпус, тогда покорение Батума было бы чрезвычайно выгодным. Крепость эта в смысле военной гавани лучше Поти и Редут-кале, она составила бы твердый пункт самой оконечности границ, служила бы надежной защитой Мингрелии и Имеретии, и, сохраняя постоянное влияние на весь объем Лазистана, сосредоточила бы средства к дальнейшим наступательным движениям. Владея Батумом, поход к Трапезонду не представил бы неодолимых препятствий, дорога может быть разрабо-

тана, тягости следовали бы морем и два укрепленных замка Видзе и Ризе с полуразвалившимися их стенами, по всем вероятностям, представляли бы слабую и почти ничтожную оборону.

Самое занятие Трапезонда зависело бы от действий открытой силой, ибо крепость в настоящем ее положении почти беззащитна. Город расположен на пологих скатах составляющих подножие высокого нагорного берега; с восточной стороны сплошные строения, следуя изгибам моря, вдаются остроконечным мысом и потом тянутся впадиной залива. В летнее время в этой стороне обыкновенно бросают якорь все приходящие в Трапезонд суда и укрепленный замок построенный на крайнем угле мыса вместе с двумя небольшими батареями (из них одна брошена, другая же обнесена валом с каменной одеждой и имеет четыре осадных орудия огромного калибра) поставленными в смысле перекрестных выстрелов служат защитой гавани. К западу город прорезан двумя каменистыми оврагами, которых тесный промежуток представляет утесистый и высокий бугор, крепость находится у его подножия, самые же вершины заняты цитаделью. Широкая и некогда прочная каменная стена с частыми башнями на южной оконечности образует как бы отдельный замок, потом, следуя гребням оврагов, она замыкает продолговатый четвероугольник составляющий двойную оборону и, наконец, спускаясь к морю по линии среднего оврага, вдаётся на север небольшим мысом и снова примыкает к противоположному подножию цитадели. Кроме этих укреплений еще две батареи (каждая на 4 орудия) назначены для обстреливания берегов, одна на краю предместий вблизи церкви св. Софии, а другая на выходящем угле крепости. Цитадель есть, без всякого сомнения, самая твердая часть крепости, но внутренность ее занята сплошными домами и она едва ли поместила бы до тысячи человек, хоть общий объем обеих линий обороны, составляя до 600 сажень, требовал бы более усиленного гарнизона. Крепостная стена, не считая приморских батарей и замка расположенного на мысе гавани, занимает окружность 900 сажень; она построена из крепкого известкового камня и остатки прежних работ еще сохранили вид прочности, но их немного и большая часть стен полуразрушена. Во всем Трапезонде есть только четыре бронзовых орудия огромного калибра, поставленные на береговой

батареи гавани; остальные чугунные и почти негодны к употреблению, они лежат без лафетов или на станках совершенно разрушенных и таких считается до тысячи. В смысле военной гавани Трапезонд может быть удобным только в летнее время, и чтобы доставить довольно выгодную стоянку значительной эскадры, необходимо было бы занять Платану, небольшой городок 17 верст западнее Трапезонда, который служит купеческим портом. Завоевание береговой черты может иметь важные последствия, оно лишило бы горных жителей и главных способов их продовольствия, и общих складов военных снарядов и оружия, и сверх того, бухта Платаны, обеспечивая суда от сильных непогод, позволила бы флоту удерживать постоянные сношения с войсками. Атака Трапезонда с настоящими средствами его защиты всего удобнее с юго-восточной стороны; нападающие войска, перейдя реку Дерменд-дере, обогнули бы гору Босстепа и, ставши поперек Арзерумской дороги, заняли бы высоты, которые значительно командуют самыми гребнями цитадели. Батареи отстояли бы на выстрел легкого орудия, и их огонь мог бы разгромить весь объем города. Если же упорная защита многочисленного гарнизона вынудила бы к мерам более решительного нападения, тогда сомкнутые массы могли бы ворваться в крепость или с восточного ее угла, или там где вторая стена цитадели примыкает к оврагу разделяющему крепость от города.

Завоевание Трапезонда, без сомнения, доставило бы значительные преимущества, но с занятием этой крепости ограничились бы общие выводы береговой экспедиции, идти далее по черте поморья невозможно, сообщение же с внутренними частями края трудны и почти непреодолимы. Дорога, идущая от Платаны к Буюк-лиману, вьется под отвесными скалами, переходит через беспрерывные прорезы глубоких оврагов и по ней едва могут пройти самые мелкие выюки; другие дороги, поднявшись на первые уступы предгорья, пролегают оврагом Дерменд-дере и от Джевизлыка делятся на несколько сообщений: одни, приняв направление через хребет Зоада-дагы, вьются вдоль ущелья Гюмюш-хане и взбираясь на высокий гребень гор того же названия, идут к Кеклык-Чефлыку и Чипшинизу; другие от Джевизлыка, минуя караван-сарай, Кара-Капан, пересекают Кулаат-дагы, Хорас-дагы и Оф-дагы и тесными тро-

пами спускаются к равнинам Сюнюр-ова и Байбурту. Каменистые завалы стесненного корыта сдвинутых громад, есть принадлежность первых; трудные почти отвесные подъемы тройного перевала через высокие гребни хребтов служат отличительными свойствами последних. В военное время оборона этих тропинок чрезвычайно удобна, даже ничтожные партии туземных жителей представили бы неодолимые препятствия для наступающих войск, перевозка же тягостей возможна только на вьюках, но и в этом случае с привычными лошадьми или мулами. И, несмотря на короткое расстояние между Байбуртом и Трапезондом, постоянная связь этих двух пунктов, даже в смысле военной почты, потребовала бы сильных промежуточных постов и значительной настойчивости для обеспечения дорог от частых набегов. Таким образом, принимая в соображение все принадлежности края и судя по общим свойствам местности, береговая дорога может быть чертой действий только вспомогательного отряда, идущего для завоевания Трапезонда или для того, чтобы открыть сношения с флотом. Настоящее и самое естественное направление наступательных действий России к стороне Анатолии составляют пути обозначенные походом 1828 и 1829 годов. Война эта, несмотря на ничтожность средств и малочисленность войск, доставила выводы чрезвычайно блестящих и, можно сказать, неизменных успехов. До Арзерума путь проложен, передовые отряды доходили гораздо дальше, и вопрос состоит в возможности или трудностях действий за чертой завоеваний 1829 года.

Действия со стороны Арзерума и выгоды оборонительной линии по черте природных препятствий. Армия сосредоточенная вблизи Арзерума была бы расположена на высотах обширной и плоской возвышенности, которая поднимаясь над всей Анатолией, составляет среднюю связь всей горной ее системы и общую вершину разделения вод. Верхний объем этой высокой местности на запад, к полудню и северо-запад ограничивается постепенным образованием горных хребтов, и постоянная черта крутых утесов, огибая наружный абрис возвышенности, служит ее природной обороной. Линия эта от гребней Гияур-дагы и Копт-дагы идет к глубокому корыту ущелья реки Чмороха, потом пересекая один из ее рукавов вблизи Чишпишница, сливается с горами Аль-

ма-дагы, далее с Софкер-дагы и от д. Каргын-киой тянется вдоль южных скатов Галин-таш к хребтам Кешмюр-дагы и Палан-Тукан-дагы. Горы, представляя более или менее значительные препятствия, как бы обрисовывают огромный полигон, которого внешнюю защиту составляет широкая полоса каменистых стремнин едва доступных на прорезах известковых ущелий. Арзерум находится на восточном краю этого продолговатого многоугольника, ближайшие окрестности города чрезвычайно выгодны для действия и расположения значительных сил. К стороне Карса идут сообщения, по которым проходила наша армия, остальные же дороги как радиусы расходятся от Арзерума в разные стороны и составляют общее соединение главных путей ведущих из Анатолии, Грузии и Персии. Таким образом, в отношении к России окрестные высоты Арзерума могут считаться как бы выдвинутым природой укреплением, которое соединяя общие связи сообщений, возвышается над всем объемом Анатолии и заграждает пределы Грузии. Несколько небольших отрядов, опираясь на сосредоточенные силы армии, могли бы занять перепутья главнейших входов, и несмотря на чрезвычайную обширность внешней черты природных препятствий, они обеспечили бы все протяжение обороны. Сверх того, удобства к защите упрочиваются самыми принадлежностями края и теми невыгодами, которые по необходимости затруднили бы действия неприятеля. Со стороны Лазистана покушения могут иметь вид частных набегов, ибо перерезанная местность широкой полосы примыкающей к берегам моря составляет страну скудную средствами продовольствия и непроходимую для значительных сил. От полудня настойчивое нападение также невозможно, хребет Кешмюр-дагы может считаться доступным только в середину лета и не более трех или четырех месяцев, в остальное же время грязи и глубокие снега уничтожают всякую возможность сообщений, притом, соединяя силы свои на левом берегу Фирата, неприятель открывал бы богатейшие округа Анатолии и перенес бы действия на участок чрезвычайно гористого края, заселенного враждующими и неподвластными правительству племенами кочующих курдов.

Что же касается до общего вооружения всей массы этих воинственных жителей и совокупности их действий, то это надолго

будет делом несбыточным; враждующие между собой, они составляют рассеянные толпы разноплеменных поколений, сила их есть удальство наездов, и грозные при движениях армии, и в особенности при следовании военных подвозов, они совершенно ничтожны для нападения на регулярные войска занимающие постоянные пункты. А потому большая часть линии обороны требовала бы единственно наблюдательных постов и распоряжений в виде сторожевой службы; пространство же, на котором неприятель мог бы соединить значительные усилия, было бы на западной стороне Арзерума и по необходимости ограничилось бы промежутком между громадами Лазистана и утесами левой стороны Фирата, которые тянутся от ущелья Ерзингамского (Ерзингамлы-богаз, идущий от д. Ком к селению Пун) к хребтам Галин-таш и Кешмюр-дагы. На этом участке проходят главнейшие пути и расположение обширных долин идущих от Кеклык-Чефлыка к Карагисару и вдоль Евфрата, открывает сообщения с внутренними частями Анатолии. Действия неприятеля по самой необходимости должны ограничиться этими двумя направлениями, из них главная долина с принадлежащими к ней окрестностями Ендереса, Карагисара и Кеклык-Чефлыка удобна для движения значительных масс; прибрежная же часть Евфрата представляет прорез глубокого корыта, которого дно разделено на небольшие равнины, разграниченные непрерывными теснинами отвесных скал. Дороги поречья проходимы только на самых низменностях, и на значительных отделах неудобные для войск, они затруднили бы и самые легкие выюки. Кроме этих основных путей, на северо-запад ведется еще одна из важнейших дорог, она следует изгибам глубокой пропасти, на дне которой течет речка сохраняющая название сначала Гюмюш-хане, и потом Триполи-дереси, эта узкая тропа засыпанная каменными обвалами ведет к Трапезонду и берегам моря; караваны ходят по ней постоянно, но самые мелкие орудия должно было бы переносить на руках и войска могли бы следовать только рядами и с чрезвычайными затруднениями.

Гюмюш-хане, Кеклык-Чефлык и Ерзингам есть точки, к которым сходятся все назначенные пути трех основных направлений и, сверх того, они соединяют еще многие боковые сообщения. Дороги эти разделены между собой хребтами гор Гюмюш-

хане-даглар и Тишемаз-бели; к стороне же общей возвышенности их пересекают Альма-дагы и Софкер-дагы, которые, упираясь на самое русло ущелья Ерзингамского, занимают весь промежуток от утесов Лазистана до левого берега Евфрата. Здесь по всем вероятностям сосредоточились бы усилия неприятеля, и защита этого пространства зависела бы от нескольких главных пунктов, расположенных на перепутье общей связи горных дорог. Природная черта обороны от Байбурта и соединения двух главных рукавов реки Чмороха идет к Чипишнизу, потом следует утесам ограничивающим равнину Сюнюр-ова и, наконец, по гребням Софкер-дагы тянется к д. Каргын-кой, где и примыкает к Евфрату. Общее протяжение этой линии имеет с лишком сто верст, загражденная горами и прикрытая на значительном пространстве западным рукавом Чмороха, она может быть разделена на два небольших участка, из которых первый заключается между Чипишнизом и Лори, второй же от хребта Аглы-оглу-дагы идет к д. Каргын и вблизи ее примыкает к руслу Фират-чая. Пути горных переходов, пересекающие все протяжение природных препятствий от Гюмюш-хане, Кеклык-Чефлыка и Ерзингама пролегают к Чипишнизу, Каракулаку и Каргын-кой и отсюда делятся на три главных дороги ведущие к Арзеруму. Самая северная пройдя Байбурт, вьется вдоль глубокого оврага одного из рукавов Чмороха, входит на высоты Копт-дагы и опускается к Аш-кала откуда перейдя Фират, она идет вдоль берегов Кара-су*. Средняя дорога есть почтовый Константинопольский тракт; от Каракулака он обходит крутизны Шейтан-дереси (небольшого, но чрезвычайно утесистого оврага) и потом до Аш-кала идет по берегу Фирата. Наконец, третья дорога от равнины Ерзингама пересекает отроги Софкер-дагы и спускается к д. Каргын-кой, отсюда она переходит Фират (через Кетюн-кюпри) следует несколько верст вдоль Мамахатун-су, подымается на высоты Ени-кой и в близком расстоянии от Аш-кала соединяется с дорогой, идущей по берегам Кара-су. Таким образом, всходы западной стороны общей возвышенности ограничиваются этими тремя главными путями; по свойству местности они представляют довольно удоб-

* Кроме этой дороги есть еще другая, которая, перейдя хребет Копт-дагы минуя Аш-кала, ведет прямо к Арзеруму, но она не столь удобна и караваны избирают это направление только в сухое время – *примечание автора.*

ные сообщения и во время последней войны войска наши проходили по всем трем направлениям.

В случае если бы неприятель решился действовать со стороны Кешмюр-дагы, тогда особенной важности заслуживала бы дорога, которая от Арзерума, минуя равнины Бин-гель-яйла, переходит Мамахатун-су и при верховьях ручья Мин-гель делится на несколько сообщений, ведущих к долине Мурад-чая и прямо к Ерзингаму. Путь этот имеет тяжелые и трудные переходы в особенности при крутых подъемах на высоты Кешмюр-дагы, но в летнее и сухое время он может быть доступным для войск. В 1829 году войска наши действовали в смысле прямо наступательном; неприятельские силы рассеянные на высотах Саганлуга без всякого расчета упорной защиты края спешили укрыться в неприступных утесах Лазистана, армия свободно подавалась вперед и быстрые ее движения были остановлены единственно окончанием войны. Но в случае если бы обстоятельства вынудили ограничиться мерами обороны, тогда расположение основных линий главных путей, сосредоточиваясь к Арзеруму, представляют чрезвычайные выгоды и преимущества самой упорной защиты всего объема возвышенности. Два сильных авангарда выдвинутые к Байбурту и Каракулаку, занимая первыми постами главные ущелья горных переходов по хребтам Альма-дагы и Софкер-дагы, обеспечивали бы первую защиту пространства, на котором неприятель мог бы соединить настойчивость атаки. Действия этих отрядов были бы упрочены близостью главных сил расположенных на участке от гребня Копт-дагы, караван-сарая на Фирате (Хан) и Мамахатуна до Аш-кале и Ени-киой. Байбуртский авангард удаленный от главной армии слишком на 45 верст по необходимости должен быть довольно многочисленным дабы занять Чипишниз и дорогу ведущую из Кеклык-Чефлыка и сверх того обеспечить прочную оборону Байбуртской крепости.

Вообще этот обширный объем действий требовал бы многочисленной армии, следовать успехам последней войны всегда будет трудно и точное число войск потребное для действия со стороны Арзерума зависит от соображения средств Закавказского края, соответственных расчетов способов неприятеля и, наконец, предполагаемой цели. Но вообще, если корпус тысяч пятнадцати войск мог бы

проникнуть до Арзерума, тогда нет никакого сомнения, что он был бы весьма достаточным для обороны всего объема возвышенности и, пользуясь удобствами местности, мог бы устоять против несравненно значительных сил. Сближаясь с Арзерумом, обширность обороны становилась бы менее, силы были бы более сосредоточены и между тем неприятель встретил бы еще значительные препятствия, которые удержали бы настойчивость его нападения. Тяжелые подъемы на высоты Копт-дагы со стороны Байбурта чрезвычайно затруднительны. Дорога, идущая вдоль берегов Фирата, пролегает глубоким прорезом долины загражденной ниже Аш-кала тесными ущельями и, наконец, последний путь из Каргын-киой пересечен грядой гор, которые заграждают все пространство между Фиратом и истоками Мамахатун-су. Таким образом, отступающие войска опрокинутые на черте главной природной обороны вблизи Аш-кала и Еникей пользовались бы еще преимуществами выгодного отпора и только в случае неудачи должны были бы запереться в стенах Арзерума. Предположить усиленное нападение неприятеля со стороны Кешмюр-дагы возможно только в том случае если бы быт курдов и их отношения к правительству совершенно изменились бы. Тогда две главные дороги были бы линиями действий; одна из них ведет от Арзерума к равнинам Бин-Гель-яйла и от истоков ручья Мин-Гель проходит к Ерзингаму и прямо к Палу и Карпуту. Другая есть путь, ведущий к Мушу. Участки, на которых неприятель мог бы основать склады продовольствия и военных средств, были бы в окрестностях Ерзингама, Карпуты и на пространстве между Мушем и Хнусом. Отсюда на расстояние слишком 150 верст войска должны проходить страной перерезанной пустынными утесами отрогов Кешмюр-дагы, которые при чрезвычайно трудных переходах доступны только в середину лета (от июня до октября). Располагая значительными силами, предприятие такого рода было бы возможно, но и тогда перевес выгодной обороны оставался бы на стороне Арзерумского корпуса. Пользуясь сначала удобствами защиты по черте Мамахатун-су и верхних истоков Аракса, войска перешли бы за гряду высот равнины Арзерума, могли бы держаться в стенах этого города и во всяком случае имели бы возможность обеспечить свое отступление по глав-

ному Грузинскому пути прикрытому отрогами Палан-Тукан-дагы и течением Аракса.

Невыгоды наступательных действий со стороны Арзерума. Если судить собственно по географическому положению и близости Закавказья, то, казалось бы, что и в виде наступательных движений войска расположенные на Арзерумской возвышенности были бы на прямом пути завоеваний и сообразно обстоятельствам могли бы направить действия к самым удаленным частям Курдистана и Анатолии. Мнение это безусловно принято многими, но оно уничтожается частными принадлежностями края. Армия, действующая в стране удаленной от основных точек опоры по необходимости довольствуется местными средствами, а потому и силы ее должны быть соответственны способам края. Продовольствие и снабжение войск в самой черте Закавказских владений соображено с значительными неудобствами и важными издержками, с переходом же за границу, несмотря на богатство Карского пашалыка и ближайших к Арзеруму округов, затруднение этого рода были бы еще значительнее. Необъятные потребности многочисленной армии далеко превышали бы всю сложность произведений края, устройство же постоянных подвозов с принятым способом перевозки тягостей на вьюках, было бы медленно и совершенно неудобно. И наконец, если бы, несмотря на все затруднения, войска сосредоточенные к Арзеруму имели бы условия средств нападения и были бы обеспечены в их надобностях, то и тогда наступательные действия представили бы неодолимые препятствия, и выводы самых блестящих успехов никогда не вознаградили бы необходимых пожертвований.

Завоевание всего объема Анатолии и Курдистана требовало бы огромной армии, и только располагая многочисленными силами можно было бы в одно время обхватить оба берега Фирата и завладеть страной по черту южных утесов Средиземного поморья и горного рубежа степей Сирии и Ирак-Араба. Такое вторжение при настоящем положении дел несбыточно, и действия со стороны России, по всем вероятностям, должны ограничиться небольшим корпусом, идущим с второстепенной целью последней войны 1828 и 1829 годов или в виде союзников на помощь Турции. В обоих случаях единственные направления доступные для подвижности масс были бы

на запад по протяжению долины Кеклык-Чефлыка и Кулей-Гисар-су, к полудню по береговой дороге Евфрата и, наконец, по сообщениям, пересекающим хребет Кешмюр-дагы. Путь Карагисарский есть самый удобный, он ведет, с одной стороны, через Никсар к богатым долинам Джаника, и с другой, проходит к Сивасу, который сосредоточивая главнейшие дороги средней Анатолии, по всей справедливости может считаться ключом всего обширного пространства правой стороны Фирата. Река эта разграничивает два различных театра завоеваний; они разделены между собой трудными сообщениями, совершенно разнохарактерны и противоположны даже в быте жителей. Пространство левого берега, или собственно так называемый Курдистан, составляет страну, перерезанную пустынными утесами неприступных и диких скал, между которыми разбросаны чрезвычайно изобильные и богатые участки, сосредоточивающие жилища разноплемённых поколений. Здесь, как и в горах Кавказа, несколько семей под предводительством их родоначальников дербеев составляют особый народ с особыми поверьями и совершенно разных отношений к правительству и ближним соседям. Непокорные с давних времен, они удержали воинственность своевольных разбойничьих шаек, изредка были наемниками власти, но между тем до сих пор оставались независимыми. Таким образом, самая постепенность завоевания представляла бы на этом пространстве неодолимые препятствия, и покорение требовало бы, во-первых, прочной защиты главнейших округов окрестностей Муша и Карпута, и потом, непрерывных экспедиций, устройства постоянных постов и вообще распоряжений в виде бесконечной войны Кавказа. Турецкой армии было бы невыгодно избрать эту местность театром действий, для войск России она почти недоступна, и поприще упорной войны здесь может быть только при общем восстании Курдистана, возбужденным народным фанатизмом и возможным в случае разрыва с египтянами.

Таковы принадлежности пространства левого берега Фирата; на правой стороне вблизи глубокого прореза долины этой реки также тянутся громады отвесных утесов, но потом горы принимают более округлые формы, постепенно сливаются с возвышенной плоскостью степей средней террасы и на север идут понижа-

ющимися отраслями, которые ограничивают обширную долину р. Кулей-гисар-су ведущую к низменному поморью залива Самсунского и равнинам Джаника. Богатые отделы изобильной и привольной страны занимают все побережье Черного моря, тянутся вдоль горных промежутков до самого хребта Юлдус-дагы, занимают окрестности Сиваса, Кесареи, Альбистана, Малатии и потом идут поречьем Евфрата вблизи Арабкира, Егины и Ерзингама. На всех этих участках войска нашли бы значительные запасы всякого рода хлеба, многочисленное народонаселение мирных жителей и притом более или менее доступные сообщения. Самое расположение природных препятствий доставляет выгодную защиту края, и турецкая армия на обширном пространстве от Тавра до берегов Черного моря пользовалась бы преимуществами чрезвычайно удобного театра действий. От пределов Сирии постоянная черта крутых обрывов (Ахур-дагы и Булдурус-белли) составляет линии прочной обороны; к Евфрату идут сначала спуски Акжа-дагы и потом отвесные скалы громад Арабкира и Егины, и наконец, всходы на Арзерумскую возвышенность заграждены широким промежутком гористой местности едва доступных сообщений. Долина Евфрата разграниченная непроходимыми ущельями затруднила бы самые малые отряды, и потому для войск, которые владея Арзерумом предприняли бы дальнейшие наступательные движения, оставалась бы одна Константинопольская дорога, идущая к Карагисару и потом или на Никсар, или прямо к Сивасу. Во всяком случае, поход такого рода был бы чрезвычайно затруднителен, армия, отдаляясь от основных точек опоры, была бы вынуждена тащить за собой бесконечные обозы и путь действий составил бы растянутую линию горного промежутка занятого с обеих сторон неприятелем. Сверх того, на пространствах тяжелых перевалов через хребты Альма-дагы и Янин-дагы дороги требовали бы значительных разработок, орудия должно было бы переносить на руках, и перевозка продовольствия и вообще военных тягостей была бы соображена со значительными усилиями. Участки особенно трудных сообщений находятся между равнинами Сюнюр-ова и Кеклык-Чефлыкком на расстоянии 50 верст, от Ендереса при переходе через Янин-даг до Зары более 60 верст, и наконец, по берегам ущелья Сег-дери от разде-

ления Сивасской дороги до Кулей-Гисара и несколько далее около 50 верст.

В смысле неприязненных действий направленных с целью завоевания края, сообщения эти, при самом удачном ходе дел, доставили бы только частные выгоды одновременных преимуществ. С каждым переходом устройство подвозов и связь с Арзерумом требовали бы значительного раздробления сил, и наступающие войска по необходимости теряли бы и настойчивость, и совокупность нападения. Напротив того, неприятельская армия, удаляясь от Арзерума, сближалась бы с средоточием своих средств, и владея пространством от берегов Черного моря до Сиваса, она пользовалась бы выгодами упорной защиты края и при удобном случае могла бы перейти к общей атаке упроченной набегами воинственных ополчений лазов и Курдистана. Притом, если предположить, что корпус назначенный для действий от Арзерума имел бы тысяч до тридцати, то и тогда, за исключением отрядов необходимых для обеспечения защиты Арзерума, Байбурта и еще двух или трех чрезвычайно важных пунктов, едва ли оставалось бы до 15 тысяч, которые ни в каком случае не могут быть достаточны для завоевания столь обширного пространства. А потому, казалось бы, что настоящий предел наступательных движений России в Анатолии обозначен войной 1829 года. Главная цель отвлечь ополчение Азии и, перенеся войну на неприятельскую землю, охранить пределы Грузии, с занятием плоской возвышенности Арзерума была бы совершенно исполнена; потом самая польза требовала бы ограничить действия в черте смежных участков, дабы способствовать постепенному покорению Лазистана и курдов.

Таким образом, частные экспедиции отдельных отрядов без значительных пожертвований удержали бы вид грозных замыслов и были бы как предварительные меры дальнейших нападений. Между тем войска находились бы в стране чрезвычайно здоровой, исполнили бы предназначенную им цель и, не требуя тяжелых подвозов через все Закавказье, могли бы довольствоваться средствами края. Что же касается до общего завоевания всей Анатолии, то оно требовало бы огромной армии и может быть противоречило бы пользам России, ибо перевес главных выводов войны

навсегда будет зависеть от удачного хода дел в Европейской Турции, и наконец, предположение проникнуть от Арзерума к Константинополю есть принадлежность угрозы никогда не исполнимой. Даже и в том случае, если бы обстоятельства требовали содействий России в виде вспомогательного корпуса идущего на помощь турецкой армии, то и тогда путь Арзерумский представил бы чрезвычайные затруднения и был бы доступным только при безусловной необходимости. Не говоря уже о неудобствах похода через Грузию, самые пограничные войска должны были бы пройти до Арзерума более 300 верст, и потом действия по необходимости ограничились бы только двумя направлениями. Из них путь идущий прямо к полудню через Кешмюр-дагы проходим только в летнее время, он прорезывает пустынные и дикие скалы Курдистана и идет участком местности, которая была бы самым невыгодным театром войны, притом трудно предположить, чтобы и неприятель избрал бы пространство столько удаленное от остальной части края и столько скудное средствами продовольствия. Карагисарская дорога идущая к Сивасу более удобна, но соединяя силы в средней части Анатолии, связь с Грузией была бы потеряна, снабжение войск оставалось в зависимости турок, и тяжелые переходы на протяжении 400 верст (от Арзерума до Сиваса) изнуряя войска, требовали бы продолжительного времени. А потому, занятие Арзерума и в смысле действий вспомогательного корпуса может быть или с целью угрозы, или с тем чтобы основать в этом городе общий склад военных снарядов и продовольствия, которые впоследствии могут быть направлены согласно обстоятельствам или сплавом от Ерзингама по Евфрату, или посредством подвижных магазейнов к внутренним частям края. В таком случае Карагисарская дорога составила бы среднюю линию продовольствия и притом служила бы сообщением, ведущим к пределам Грузии. Сверх того, если Россия пользуясь выгодами десанта со стороны Самсунского залива, перенесла бы главнейшие силы вспомогательных войск к берегам Черного моря, тогда ремонты артиллерийских лошадей, вся кавалерия и несколько конно-артиллерийских рот, с двумя или тремя полками пехоты могли бы избрать направление через Арзерум по дороге к Карагисару, дабы присоединиться к главному отряду в Никсаре или

Сивасе*. Общее соображение такого похода должно быть основано на верном расчете переходов, притом, дабы согласить совокупность действий вместе с сильным нравственным влиянием, необходимо было бы, чтобы войска России в одно время заняли бы Арзерум и вышли бы на берега Черного моря. От Арзерума до Сиваса 80 часов расстояния или около 400 верст; пространство, которое войска могли бы перейти в 20 небольших переходов, 10-дневное продовольствие они имели бы с собой, точки же, в которых всего удобнее устроить временные магазейны есть Кеклык-Чефлык, Карагисар, Ендерес и Зара; самые трудные марши были бы при перевале через Янин-даг и именно между Ендересом и Зарой. По дороге к Никсару расстояние почти то же, дорога чрезвычайно дурна на протяжении ущелья Сег-дереси и устройство всякого рода запасов может быть сделано в Никсаре. Впрочем, подробное описание дорог, помещенное в конце военной статьи, ознакомит со свойствами каждого перехода и в нем означены удобнейшие точки ночлегов и даже временных отдыхов или привалов.

Обозрение края в смысле действий от пределов Сирии. Границы Сирии, как и вообще во всех азиатских владениях, не имея положительной черты, обозначаются землями смежных деревень, которые часто по произволу принадлежат к той или другой стороне и составляют промежутки спорных участков. На северо-западной стороне Тарсуса и Аданы турки владеют верхними гребнями обрывов Тавра, им принадлежат ущелья Базанты-богаз и Аджемисчай до Ени-хане, потом все пространство выше Сисса, откуда идут утесы занятые неподвластными ни туркам, ни египтянам деревнями (местные владельцы). Мараш и переходы через Гияур-дагы вместе с д. Харна остаются в руках турок, за ними тянутся кочевья разноплеменных курдов и туркменов, некоторым образом зависящие от Мараша, и наконец, владения султана, примыкая к Килиссе и Антепу, переходят Евфрат вблизи Рум-кале и идут к степям Урфы и Багдада. Расположение такого рода пограничной линии представляет случайный рубеж чрезвычайно невыгодный для Сирии,

* Из кавалерии всего бы полезнее иметь сколько можно больше черноморских казачьих и линейных полков, конные же роты преимущественно донской артиллерии – *примечание автора.*

ибо, хотя природные препятствия заграждают северо-западную часть округов Аданы и Тартуса, но остальное протяжение пределов совершенно беззащитно, и не только самые прорезы главнейших горных переходов, но даже и открытая местность, примыкающая к первому образованию ущелий, остается в руках турок. Владея равниной д. Харна, турки имеют свободный путь к низменному поморью Александреттского залива на промежутке между Гияур-дагы и Евфратом, несколько удобных дорог ведут к северной Сирии, и наконец, от Урфы Евфрат составляет черту непрочной обороны. Напротив того, середина Анатолии отделена сначала исполинскими громадами южных отрогов Булдурус-белли и Ахур-дагы, потом идут перерезанные скаты высокого подножия Тавра (продолжение Ахур-дагы и Малакан-дагы), они примыкают к ущелью Каджуклы-богаз и за ними над обширным объемом открытых степей возвышаются зубчатые гребни Сарымыш-дагы, Меграп-дагы и Джебель-ель-Немруд. На левом берегу Евфрата гряды плоских возвышений и неправильно разбросанные холмы, идя от севера к югу, постепенно сливаются с обширными равнинами и выражают переход гористого края к беспредельным пустыням. Все пространство до самой долины Тигра или Шата состоит почти исключительно из чрезвычайно каменистых и безводных степей; участки довольно изобильных округов ограничиваются тесным объемом окрестностей Урфы, Мердыни и Чермюшлыка, остальная же часть страны занята временными кочевьями курдов и повсеместно покрыта обломками отдельных скал и россыпями известкового камня, которые едва оставляют небольшие котловины богатых пастбищ и вообще плодородной почвы. По рассказам жителей, свойства каменистого грунта теряются в недалеком расстоянии к полудню от Урфы, но степи идут к берегам Персидского залива, переходят к стороне Пальмиры (по-арабски Тадмор) и потом, примыкая к Алеппо, ограничиваются постепенно возвышающимся предгорьем Тавра. Здесь на пространстве между Евфратом и хребтом Гияур-дагы отвесные обрывы, идя от ущелья Каджук-богаз, составляют две отдельные группы. Ближайшая к Евфрату образует стремнины левого берега Гёк-су до соединения этой реки с Пунар-баши-чай и вдается на запад остроконечным мысом, принимающим название Борух-даг, Еркен-даг

и Ак-даг*. Вторая группа от Акжа-дагы идет к верховьям Гёк-су (вблизи деревни Нурхах) и от нее отделяются с одной стороны высокие отроги, к которым принадлежат вершины Кестырь-даг и Деве-боюн-даг, и с другой Безз-Ахур-дагы, образующий своими отрогами Ортан-тепе, Курт-дагы, и наконец, Танлы-дагы. Основное расположение скатов, уже начиная от Антепа, представляет постепенные ступени крутого подъема и со стороны Сирии, несмотря на частые прорезы глубоких оврагов, сдвинутые ряды предгорья как бы сливаются в одну наклонную плоскость, над которой тянется сплошной ряд зубчатых обрывов верхних гребней.

Гёк-су протекая у подножия высоких стремнин, отрезывает настоящую черту совершенно диких и пустынных скал Тавра; потом долина трех небольших озер Гель-баши и речки Хайвады составляют более низменную ступень, которая по всей справедливости принадлежит к одним из богатейших округов Анатолии, и наконец, за хребтом Танлы-дагы начинаются пологие спуски ограниченные округлыми высотами, которые почти неприметно сливаются с обширными равнинами берегов Нахр-ель-Галеп, подножием Гияур-дагы и степями примыкающими к Евфрату. Условия полного избытка в особенности приметны в окрестностях Мараша, Бесни, Джерит и Гель-баши; сближаясь же с границами Сирии, страна представляет обширную степь богатых пастбищ, на которых раскинуты небольшие деревни и шатры кочевых курдов и туркмен. Таким образом, местность смежная пределам Сирии, в природном ее разделении, представляет участки трех разнохарактерных отделов. К низменному поморью Александреттского залива идут громады исполинских утесов, потом за хребтом Гияур-дагы пограничное пространство состоит из перерезанных скатов возвышающегося (и чрезвычайно богатого) предгорья, и наконец, на левом берегу Евфрата тянутся обширные равнины безводных и каменистых степей. За этими участками Анатолия отделена высокими гребнями Тавра и ряд более или менее значительных природных препятствий, занимая все пространство южной полосы края, едва остав-

* Речка Пунар-баши-чай, обтекая горы, впадает в Гёк-су и, между тем, до самых ее верховьев уже начинается равнина начального образования берегов Сулчин-су – *примечание автора.*

ляет несколько постоянных входов, к которым сосредоточивается общая связь сообщений. На объеме пограничной черты округов Аданы и Тарсуса, кроме трудной и чрезвычайно каменистой дороги берегов Средиземного моря и еще нескольких незначительных тропинок, есть только два главных выхода: первый из них составляет ущелье Кулек-богаза, к которому сходятся большая Константинопольская дорога, путь ведущий из Кесарии и вообще все сообщения Карамании*. Второй состоит из переходов через Гияур-дагы или так называемая Аслан-иол (львиная дорога) и Туркмен-иол (туркменская дорога), ведущих от д. Харна к Марашу и Антепу. На участке между Гияур-дагы и Евфратом все сообщения сходятся к трем главным прорезам. От Мараша идет чрезвычайно каменистая дорога в Альбистан, далее пути Антепа, Мараша, Рум-кале и Бесни переходят Гёк-су мостами Алтын-кюпри и Паша-кюпри и от них идут мимо деревни Нурхах к Альбистану, и через д. Еркенен к Малатии. Наконец, на левом берегу Евфрата по обширным степям проходят главные караванные пути, ведущие от Бира и Урфы к Диарбекиру, Мердыни, и прямо через Сиверин к Чермилику и Карпуту. Ровная плоскость степей проходима почти по всем направлениям, но ущелья, открывающие сообщения с внутренними частями Курдистана составляют единственные доступные переходы гор и находятся на прямой дороге от Чермилика к Карпуту вблизи Арганымаден и потом на продолжении от Серта к Битлису.

В последнюю войну с египтянами действия были перенесены к самой оконечности настоящих границ округа Аданы и Тарсуса и армия Ибрагим-паши шла по следам бегущих турок, которые будучи разбиты под Гемсом и Бейланом оставили край без всякого расчета обороны; в таком положении дел самые удобства местности и даже трудности переходов вдоль ущелий Кулек-богаза и Бозанты-богаза были ничтожными, и сражение под Конией решило участь войны**.

* Все боковые тропы, ведущие через гряду утесов Тавра могут считаться проходимыми только для пешеходов; по словам жителей, есть небольшая дорога от верхних степей Карамании прямо к Тарсусу, по которой прошел небольшой отряд Ибрагим-паши, посланный в обход Кулек-богаза – *примечание автора*.

** Финальное сражение первой турецко-египетской войны, состоявшееся 21 декабря 1832 года у османского города Конья. – *примечание составителей*.

Выводы столь блестящих успехов можно приписать к случайной удаче и совершенно ошибочным и бессмысленным распоряжениям турок, ибо соображая обоюдные средства армий и рассматривая страну театра действий, нельзя не заметить очевидные преимущества, которыми пользуется Анатолия, как в смысле прямой защиты края, так и для нападения на северную Сирию. Огражденная непрерывной чертой Тавра, Анатолия может быть атакована с южной стороны только на точках известных горных переходов, и в этих каменистых ущельях даже малочисленные отряды свободно удержали бы несравненно превосходящие силы. Сверх того, расположение открытых и высоких степей Кесареи, Альбистана и Сиваса доставляют турецким войскам чрезвычайно значительные выгоды и дают им возможность перенести действия на пространство, соединяющее все условия самой удобной обороны. Армия сосредоточенная на верхних степях средней террасы по необходимости отвлекала бы неприятеля от основного направления главного Константинопольского пути, и, отклоняя настоящую цель его действий, она пользовалась бы открытыми сообщениями по берегам Черного моря, располагала бы средствами богатых округов, принадлежащих к Арзерумскому, Трапезондскому и Сивасскому пашалыкам, и при первом удобном случае могла бы перейти к решительным мерам настоящего нападения. В последнюю войну одно движение от Кулек-богаза к Кесареи вынудило бы войска Ибрагим-паши оставить Константинопольскую дорогу и идти по следам отступающей армии, ибо иначе египтяне имели бы на своих сообщениях всю массу значительных турецких сил. Дальнейшие распоряжения зависели бы от обстоятельств, но переходя к Северной Анатолии, армия турок сближалась бы со средствами богатого края, соединила бы отдельные части разбросанных гарнизонов и частных ополчений, и, во всяком случае, могла бы отклонить невыгодный перевес войны. Положение же египтян с каждым переходом становилось бы затруднительнее, ибо устройство постоянных подвозов через все протяжение Тавра в тогдашнее время года было бы невозможно, скудные же средства самой страны не удовлетворили бы и ничтожной части необходимых потребностей. Столько выгодное расположение армии сосредоточенной на высотах средней террасы сохранило бы всю свою важность,

и вообще при общих нападениях направленных от остальной части пределов Сирии. И можно сказать, что эта плоская возвышенность составляет настоящий ключ всей юго-восточной Анатолии.

Удобнейшая центральная позиция этого пространства находится вблизи Сиваса на так называемой Мерикун-оваси и у подножия горы Делекли-таш, где соединяются три главных дороги из Альбистана, Кесареи и Малатии. Высоты первой позиции обнесены природными препятствиями, и они представляют чрезвычайно выгодную и обширную площадь, которая может вместить значительные силы. Собранные здесь массы войск, без всякого сомнения, имели бы прямое влияние на весь объем Анатолии, ибо самый предприимчивый неприятель никогда не решился бы направить действия к внутренним частям края, не опрокинувши сил, расположенных в тылу его сообщений. От Сиваса идут дороги к Кесареи, до которой около 160 верст или 8 малых переходов; к Альбистану также около 160 верст, и судя по этим расстояниям, турецкие войска всегда имели бы возможность или встретить неприятеля при выходе из горных ущелий Тавра, или вынудить его к трудной атаке Сивасской позиции. Мерикун-оваси составляет обширную равнину почти правильного полукружия, имеющего в диаметре до 18 верст и от 8 до 9 верст в поперечнике, и образует высокую террасу, у подножия которой расположен Сивас. С полуденной стороны она ограничена почти отвесными обрывами долины реки Кызыл-ирмака, через которую идут только два тяжелых взезда; на севере же равнина примыкает к горам Юлдус-дагы и опирается на сообщения трех главных дорог, ведущих к Токату и Иосгату. По самым частным свойствам эта открытая площадь соединяет все удобства выгодного расположения войск*. Три удобные дороги обеспечивают верное отступление, и прикрытая с фронта и на флангах чертой крутых обрывов, позиция соединяет возможные условия всех тактических принадлежностей. Защита двух тяжелых взездов со стороны Сиваса была бы совершенно обеспечена перекрестным огнем нескольких батарей, и атака

* Она имеет хорошую воду и небольшие ручьи, вытекая из гор, прорезавши весь объем равнины и, судя по рассказам жителей, небольшой кустарник находится, они никогда не пересыхают; одно же из неудобств позиции составляет отсыпь каменистых россыпей – *примечание автора*.

высот, требуя непременных пожертвований, была бы возможна или с настойчивостью штурмовых колонн, или по протяжению оврага реки Юлдус-ирмака, но и здесь отряд, расположенный вблизи моста на дороге к Хан-киой, мог бы удержать несравненно превосходнейшие силы. Обойти позицию можно только со стороны Ак-маден и д. Хан-киой, но такого рода фланговое движение, направленное с целью занятия Токатской дороги, потребовало бы чрезвычайно значительных сил, и часть отделенных войск, ослабляя, во всяком случае, нападение с фронта, открывало бы тыл своих сообщений. И наконец, если бы, несмотря на все затруднения, неприятель и овладел бы высотами Сиваса, то и тогда преимущества такого рода доставили бы одно временное превосходство, и решительный перевес всей войны требовал бы еще значительных усилий. Если же наступательные движения были бы перенесены на пространство между Гияур-дагы и Евфратом, то и в этом случае армия расположенная на высотах Сиваса имела бы всю возможность предупредить неприятеля на прорезах верхних гребней Тавра и от нее зависело бы или ограничиться упорной обороной черты природных препятствий, или одним смелым движением перейти на сообщения наступающих войск. Впрочем, вообще трудно предположить, чтобы неприятель, идущий от Сирии, обратился бы к северной части Анатолии и Курдистана; такого рода движение, отклоняя прямое влияние на Константинополь, противоречило бы его пользам и никогда не вознаградило бы необходимых жертвований. И, судя по принадлежностям обоюдных средств края, Анатолия пользуется решительным перевесом выгодной обороны и удобствами для произвольного нападения на беззащитные пределы Сирии.

Одна только теснина Кулек-богаза некоторым образом заслоняет большую Константинопольскую дорогу, но владея высотами Тавра и переходами через Гияур-дагы, турецкая армия имеет несколько путей, ведущих в обход ущелья*. Притом сдвинутые громады Кулек-богаза составляют глубокий прорез самой низменной

* Обойти ущелье Кулек-богаз можно с западной стороны по спускам ведущим к Тартусу и потом по дорогам, которые отделяясь от Камышли-богаза и Белемельк-богаза, ведут через Ески-Шеир-дагы к Адане. Для легкого отряда они проходимы – *примечание автора*.

ступени гор или так называемого Хейва-дагы, настоящие же крутизны верхнего гребня остаются гораздо севернее, и, будучи в руках турок, они образуют ущелья Бозанты-богаза и Аджемис-чая. Первое из них служит подъемом большой Константинопольской дороги, вдоль второго же идет путь Кесарейский. Таким образом, оборона главной черты Тавра была бы независима от Кулек-богаза турецкая армия во всяком случае пользовалась бы удобствами выгодного отпора на промежутке между Ени-ханом и Ак-кюпри, где сходятся две основные дороги и потом на высотах главного кряжа. Самая же атака Кулек-богаза со средствами значительных сил не представляла бы неодолимых препятствий. В настоящее время при первом образовании тесных ворот ущелья египтяне построили несколько батарей (открытыми эполементами)* о 12 орудиях огромного калибра, но ошибочное расположение и чрезвычайно дурной выбор местности этих укреплений, делают их почти ничтожными и небольшая пехотная колонна, направленная с западной их стороны, свободно овладела бы утесами расположенными в тылу батарей. Далее на протяжении 14 верст высеченная в камне дорога идет извилистым корытом, и громады отвесных скал были бы невыгодны для обоюдных действий. Успех предприятия зависел бы от отряда, посланного в обход, или требовал бы быстрого и смелого нападения. Здесь только отступающие войска имели бы перевес обороны, ибо при выходе из ущелья вблизи Сарыш-хане они пользовались бы преимуществами развернутого фронта и совокупного действия сосредоточенного огня артиллерии, направленного к одному тесному горлу. С других сторон Сирии границы ее совершенно открыты, удача нападения зависела бы от выводов открытой силы, и одно только народное участие и общий фанатизм могли бы изменить превосходство, которым пользуется турецкая армия, действующая на южной полосе Анатолии.

Выводы соображений и принадлежности края в случае действий направленных от берегов Черного моря и общие военные заключения. Обширное пространство Восточной Анатолии и Кур-

* Особый род бруствера для прикрытия войска на открытой местности. — *примечание составителей.*

дистана, огибая северную часть пределов Сирии, представляет три главных направления, которые могут служить театром наступательных или оборонительных действий. Первое из них есть путь Константинопольский, идущий от Конии к Кулек-богазу. Ко второму принадлежат сообщения, которые от Кесареи, Сиваса и Малатии проходят тремя главными дорогами к Кулек-богазу через Альбистан и Мараш к Паясу (на берегу Александреттского залива) и прямо к Антепу. И наконец, третье представляет дороги левого берега Евфрата, они переходят реку при Биреджике (Бир) и сосредоточиваются к Алеппо. Для войск идущих от Анатолии разнородность такого рода направлений, изменяя фронты действий, требовала бы различных точек опоры и совершенно отдельных оснований, в смысле же нападений Сирии одна только Константинопольская дорога сближала бы с настоящей целью и могла бы сулить верные выгоды решительных последствий, ибо с других сторон самые значительные преимущества ограничились бы одновременными завоеваниями, которые по необходимости замедлили бы общий ход дел и ослабили бы силы армии. Таким образом, одно из основных условий защиты Анатолии состояло бы в том, чтобы отклонить неприятеля от естественного его направления и перенести действия к участкам, соединяющим и верные средства обороны, и самые принадлежности местных выгод. Для этой цели высоты средней террасы были бы чрезвычайно удобны, ибо сосредоточенные на них массы войск непременно вынудили бы наступающего неприятеля обратиться к северным частям края и отложить прямые намерения до решительного боя. А потому, в смысле собственно оборонительном, Сивасская позиция составляет самый удобнейший сборный пункт всего пространства средней Анатолии; если же отношения двух армий и самые их средства обнадеживали бы возможностью перейти к наступательным движениям, тогда, не ограничиваясь собственно высотами Сиваса и Делекли-таш, должно было бы сосредоточить сильный корпус к Малатии и на равнинах Куз-ова и Уль-ова вблизи Карпута. Такого рода фронт действий был бы в косвенном положении к границам Сирии и, судя по обстоятельствам, войска могли бы обратиться или к стороне Кесареи и Альбистану, или быстрым натиском занять степное пространство окрестностей Антепа.

Малатия отстоит от Сиваса на 8 малых переходов и их соединяет весьма удобная дорога, идущая через Сюрмене, Яким-хан, Гасан-челеби и Аладжа-хан. В случае движения к Кесареи, войска могли бы пройти через Деренде и Альбистан к Султан-хану (на большой дороге из Сиваса в Кесарею) или присоединиться к главным силам вблизи д. Караса. Первое расстояние имело бы до 250 верст или 12 переходов, второе – от Малатии до Деренде до 90 верст и до Караса 85, т. е. от 8 до 10 переходов, прямое же к Караса всего 120 верст. От Сиваса до Кесареи 160 верст и это пространство равняется расстоянию от Кесареи до Ени-хана (крайняя точка владений египтян со стороны Кулек-богаза) с той только разницей, что на первом участке дорога совершенно хорошая, к стороне же Ени-хана она идет тесниной Аджемин-чая и переходит высокие гребни Булдурус-бели, а потому, если бы неприятель и избрал бы направление через Кесарею, то армия расположенная в Сивасе всегда пользовалась бы возможностью присоединить к себе части отделенные к Малатии и с ними встретить нападающие войска в окрестностях Караса или принудить их к трудной атаке позиции Меринун-оваси. Предположить, чтобы неприятель, несмотря на собранные массы в Сивасе, обратился бы к дороге в Константинополь, было бы чрезвычайно трудно; такое движение открывало бы тыл его сообщений и при первой неудаче его силы были бы откинута к стороне утесов Тавра. Впрочем, занятие Малатии есть уже подготовительная мера наступательных движений, если же несоразмерность сил требовала бы безусловной необходимости одной обороны, тогда корпус Малатии должен перейти к Кесареи, дабы составить первую линию и быть ближе к дороге на Конию.

В обоих случаях выгоднейший сборный пункт главных сил был бы на окрестных высотах Сиваса, ибо отсюда, пользуясь удобствами сообщений, войска могли бы избирать произвольное направление и всегда имели бы самую прочную опору действий. Примыкая к отделам изобильного Джаника, Сивас находится на перепутье всех средних дорог Анатолии и от него на север за хребтом Юлдус-дагы местность представляет обширную котловину разнообразных низменностей, которые образуют горный промежуток, ведущий к плоским берегам Самсунского залива. От Чшаршенбека на вос-

ток и от Самсуна на запад, побережья Черного моря везде состоят из более или менее высоких утесов, но при устье и вдоль реки Екиль-ирмака и ее разнородных ветвей тянутся широкие полосы чрезвычайно богатых долин, которые сосредоточивают общее народонаселение края и служат линиями свободных сообщений к стороне Сиваса, Кулей-гисара, Амасии и Токата. Таким образом, соединение нескольких удобных дорог упрочивает сношения побережья с внутренними частями края и содействие флота здесь могло бы доставить чрезвычайные преимущества, тем более, что ближайшие гавани Самсуна, Фассы и Воны составляют лучшие пристани всего азиатского берега. Располагая значительным числом трапезондских судов, перевозка войск была бы несравненно удобнее морем, она уничтожила бы все затруднения тяжелых сообщений гористого края, обеспечила бы все потребности армии и без всякой потери времени перенесла бы главные силы к настоящему их назначению. Распоряжения такого рода в особенности были бы выгодны для войск России, действующих в смысле вспомогательного корпуса посланного на помощь Турции. Вместо изнурительных маршей через все протяжении Закавказья и потом трудных переходов к Арзеруму и далее, войска собранные в Крыму и Одессе могли бы через несколько дней выйти на берег Анатолии и здесь они нашли бы полное изобилие края и всевозможные условия средств дальнейших нападений. Неудобства десанта, по всем вероятностям, ограничились бы единственно затруднительной перевозкой кавалерии и артиллерийских лошадей, но части эти могут быть отправлены со стороны пределов Грузии, и под прикрытием легкого кавалерийского корпуса с двумя или тремя полками пехоты, они свободно могли бы совершить назначенный им путь и присоединились бы к главным силам в Никсаре или на берегах моря. При дружелюбных сношениях с турецким правительством движение такого рода может считаться верным, ибо трудно было бы предположить, чтобы неприятель идущий от пределов Сирии, перенес бы действия к столь отдаленному участку, и притом кратчайшая и лучшая дорога из Арзерума к Никсару и Самсуну (через Кара-кулак, Лори, Кеклык-Чефлык и Карагисар) проходит по направлению долин Евфрата и Кулей-гисар-судующих от востока на запад и прикрытых с южной стороны почти

неприступными утесами Ташемиз-бели, Дерели-дагы, Янин-дагы и Юлдус-дагы.

Время необходимое для перехода от Арзерума к Никсару не превышало бы 25 дней, ибо общее расстояние равняется 82 часам или около 400 верст. Десятидневное продовольствие войска могли бы взять в Арзеруме; промежуточные склады, заблаговременно приготовленные турецким правительством, должны быть в Кеклык-Чефлыке, Карагисаре, Кулей-гисаре и Никсаре. Одновременное появление русских войск в Арзеруме и на берегах Черного моря имело бы чрезвычайно выгодное нравственное влияние; для большего же согласия в движении обоих корпусов необходимо было бы соображать переходы таким образом, чтобы головы колонн в одно время подходили к Никсару и Карагисару и для этой цели кавалерийский корпус должен выйти из Арзерума четырьмя днями прежде вступления войск из Самсуна. Распоряжение это сблизило бы соединение обоих корпусов и, в случае покушения неприятеля по дороге от Сиваса на Карагисар, доставило бы возможность отделить сильный отряд пехоты, который усилил бы войска идущие от Арзерума и облегчил бы трудности тяжелых переходов на протяжении ущелья Сег-дереси. Артиллерия десантного корпуса должна иметь хотя [бы] неполное число лошадей, но если бы это было бы вовсе невозможно, тогда на первых переходах их необходимо заменить волами, взятыми в самом краю, ибо иначе войска не могли бы оставить всю массу артиллерии до прихода ремонтов и путь от Никсара к Самсуну требовал бы совершенно излишней потери времени. Обширность цели и настоящие средства обоюдных армий обозначили бы число войск необходимое для действий в этом краю, но вообще вспомогательный корпус должен иметь самостоятельную силу, дабы ни в каком случае не быть в зависимости турок. А потому, при самом начале войны необходимо было бы занять Арзерум довольно значительным гарнизоном и притом обеспечить Грузинскую дорогу. В случае неудачи она составила бы верную линию отступления войск, при постоянных же успехах склады Арзерума упрочивали бы способы действий на прибрежных частях Евфрата, ибо река эта доставляет полную возможность устройства постоянных сплавов от Ерзингама к Малатии и даже далее. Самые удобные точки десанта, судя

по расположению берегов, составляют Самсун и Фасса, ибо хотя Вона есть лучшая гавань всего протяжения Анатолийского берега, но ограниченная почти неприступными утесами, она могла бы служить единственно верным убежищем военных судов во время сильных непогод. Положение же Фассы и в особенности Самсуна соединяет и принадлежности выгодной выгрузки войск и самых преимуществ открытых сообщений ведущих к внутренним частям края. Отсюда плоскость обширных долин далеко вдается на восток и на полдень и участок всего побережья до верхних гребней отрогов Юлдус-дагы может считаться как бы природным плацдармом, обнесённым со всех сторон более или менее высокими горами. Выйдя на берег, войска имели бы произвольный выбор различных направлений везде удобных дорог, и между тем, общая котловина Екиль-ирмака составила бы самое верное расположение военных складов и принадлежностей прочной опоры действий. С западной стороны несколько небольших отрядов было бы достаточно, чтобы оградить горные переходы от Османджика и Юсгата, и средняя часть долин, вмещающая запасы необходимых потребностей могла бы остаться с самыми ничтожными гарнизонами. Выгоднейшими точками главных магазинов и постоянных госпиталей были бы Самсун, Чшаршенбек, Амасия, Токат и Никсар; перевозка тягостей здесь вообще возможна на колесах; свободные сношения с берегами доставляют средства самых удобных подвозов морем, и наконец, отсюда, как общего средоточия всех средств, военные запасы следовали бы согласно движениям войск. От Самсуна и Фассы действия вероятно были бы направлены к Сивасу, как общему сборному пункту, имеющему полное влияние на оборону края и чрезвычайно выгодному в смысле нападения на северную Сирию. Пути, которые могли бы составить линии действий были бы от Самсуна через Чшаршенбек, Никсар и Токат к Сивасу; от Самсуна через Амасию, Туркал и Токат и, наконец, от Фассы через Никсар к Токату. По свойствам местности первые две дороги совершенно удобны, последняя же хотя и гориста до Никсара, но с предварительными разработками она была бы удобопроходима, и притом путь этот должен быть избран легким отрядом без всяких тягостей, главные же массы заняли бы среднюю и самую удобнейшую дорогу.

Общие расстояния от Самсуна через Амасию до Токата 28 часов, т. е. около 170 верст или 10 дней самых малых маршей, считая притом три дня дневок. От Самсуна через Чшаршенбек и Никсар до Токата считают 26 часов, т. е. также около 160 верст, и наконец, от Фассы до Токата по турецкому счету 27 часов, и судя по глазомерной съемке 160 верст. Таким образом, войска, делая самые ничтожные переходы, могли бы собраться к Токату в течение 10 дней, от этого же города в Сивас идут две дороги, одна из них через д. Ханкиой, по которой считают 22 часа или 120 верст, другая же прямая на д. Каргун всего 18 часов до 85 верст; первая из них считается повозочной и, судя по рассказам жителей, она везде удобна для самых больших тягостей, вторая же требовала исправления, но вообще довольно хороша. Сложность расстояний от берегов Черного моря до Сиваса не превышает 290 верст, а потому усиленными переходами войска в 13-й или 14-й день после вступления были бы в Сивасе. От этой точки направление действий зависело бы от обстоятельств принятой цели и распоряжений неприятеля, но вообще при наступательных движениях было бы выгоднее перейти к стороне Евфрата, дабы обойдя округи Аданы и Тарсуса и обхватить северную часть Сирии. В случае же собственно обороны края или действия на линии сообщений неприятельской армии, как могло быть в последнюю войну с египтянами, естественным направлением была бы дорога на Кесарею и от этого города к Ергели или к Конии. Общее расстояние от Сиваса до Ергели не превышало бы 50 часов или 250 верст, и до Конии через Ак-сарай всего, по счету жителей, до 55 часов, т. е. от 250 до 300 верст. В смысле прямых наступательных движений удобнейшие пути для нападения на северную Сирию идут от Малатии, Альбистана и Карпута. Первые два, перейдя гребни Тавра вблизи деревни Еркенек и около Нурхах и Амарант-хан, спускаются к глубокому прорезу р. Гёк-су и, пересекая ее мостами Паша-кюпри и Алтын-кюпри, выходят к д. Джерит расположенной на общем соединении дорог Малатии, Альбистана, Мараша, Бесни и Антепа. От д. Джерит на полдень местность представляет волнистые скаты постепенно понижающихся ступеней, которые переходят к открытым равнинам обширных степей; к стороне же Гёк-су и потом к самым подъемам на крутизны обрывов Тавра сообщения

имеют трудные переходы, но они никогда не удержали бы настоячивых движений и с наибольшими разработками дороги были бы проходимы для тягостей*. На левом берегу Евфрата от Карпута идут несколько путей, которые пересекая Сарымыш-дагы и Меграпп-дагы, пролегают степями Урфы и ведут через Бир к Алеппо и Антепу. Переправа через Евфрат устроена в настоящее время на паромках, высоты Бира значительно командуют низменным побережьем правой стороны, и если бы укрепления города были приведены в надлежащий порядок, то входящий угол реки, на котором ходят паромы, был бы под перекрестным огнем батарей. Несколько ниже в сухое время есть глубокий брод и сверх того, паромные лодки устроены на высоте Сиверика, впрочем, этого рода переправа была бы, без всякого сомнения, совершенно произвольной, тем более, что приготовленные суда свободно могут быть спущены с верховьев реки; для устройства же понтонных мостов или связанных из плотов течение слишком быстро. Лучшие дороги от Карпута ведут через Чермюлик и потом на Сиверик и Урфу или на Аргану и от оной прямо к Сиверику; караванный же путь Диарбекира, кроме большого обхода, имеет невыгоды трудного и чрезвычайно каменистого перевала через Караджа-даглар.

Общие свойства этих сообщений соединяют почти повсеместно условия довольно свободных и беспрепятственных движений и притом, открывая прямые пути к Алеппо, они дают возможность обойти округа Аданы и Тарсуса загражденные с одной стороны громадами Тавра и с другой гребнями Гияур-дагы. Сверх того, наступательные движения направленные или со стороны Малатии и Альбистана, или по протяжению левого берега Евфрата доставили бы значительные преимущества свободных подвозов и прочной опоры действий сосредоточенной на объеме богатых равнин Куз-ова и Уль-ова и самых окрестностей Альбистана и Малатии. Снабжение среднего Сивасского магазейна было бы обеспечено подвозами от прибрежных частей Джаника, и с переходом к южной полосе края, точка эта соединяла бы и средоточие главных запасов

* Дорога на Еркенек разработана по приказанию Решид-Мехмет-паша и по ней проходила вся артиллерия отряда действующего против курдов Решван – *примечание автора.*

и принадлежности центрального госпиталя армии. Второй пункт не менее важных складов был бы или в Малатии, или на среднем объеме равнин Карпута. Здесь местные средства доставили бы богатый источник по части продовольствия, и притом течение Евфрата дает возможность устройства постоянных сплавов на так называемых келеках, или плотах на бурдюках надутых воздухом (описание Евфрата в первой части страница 57-я). Сплавы эти возможны от Ерзингама, а потому гарнизон Арзерумский должен был бы озаботиться общей закупкой хлеба и образованием Ерзингамского магазейна, от которого различные потребности армии перевозились бы к Малатии водой со скоростью четырех или пяти суток. Таким образом, наступательные действия, направленные через Альбистан, Еркнек и Урфу соединяли бы средства двух главнейших точек опоры, и с помощью подвижных магазейнов они были бы совершенно обеспечены в условиях выгодного снабжения войск. Защита открытых границ Сирии могла бы упрочиться постройкой сильной крепости в Алеппо, но с настоящими способами обороны выводы действий зависели бы от открытых сражений, и в этом случае местные свойства доставляют значительные превосходства наступающей армии. Если же обстоятельства заставили бы перенести действия к стороне Кесареи и степей Конии, тогда общий склад основных точек опоры сосредоточился бы на пространстве между Юсгатом, Кесареей и Сивасом. Отсюда войска турецкой армии могли бы или действовать на сообщения неприятеля, или, отклоняя его от главного Константинопольского пути, вынудили бы обратиться к северным частям края, где полное превосходство богатых способов и свободные сношения с берегами Черного моря доставляют им верные условия значительных преимуществ. Впрочем, подробности общих распоряжений распределения сил и цель намерений объясняются настоящими отношениями армий и самыми обстоятельствами.

Восточная Анатолия составляет один из тех отдельных участков, на которых действия могут принять различные виды; входы к ней открыты со стороны Черного моря, от границ Сирии, от Арзерума и Персии, и наконец, от Малой Азии или Анатолийского полуострова, а потому всякого рода покушения и даже самая защита страны изменялась бы согласно той стороны откуда было бы сде-

лано нападение. Подразделения такого рода были бы чрезвычайно разнообразны, но главные выводы ограничиваются тремя изложенными направлениями действий и итоги этих соображений есть следующие: армия, идущая от сухой грузинской границы может пользоваться выгодами наступательных движений только по черту горного рубежа общей возвышенности Арзерума, дальнейшие же завоевания потребовали бы значительных масс и были бы соображены с жертвованиями, которые не вознаграждались бы и при самом полном успехе. Настоящие линии действий к Арзеруму обозначены походом 1828 и 1829 годов, и лучший основной путь составляет большая Карская дорога. Завоевание Трапезонда удобнее со стороны моря и Батума, тем более, что связь Арзерума с побережьем чрезвычайно затруднительна и исполинские громады Лазистана могут быть доступны только для частных экспедиций. Занятие общей возвышенности Арзерума, в случае разрыва с Турцией, было бы возможным, оно по необходимости отвлекало бы азиатские войска от их содействия в Европе, перенесло бы театр войны на неприятельскую землю, и, доставляя удобства прочной оборонительной линии, совершенно обеспечивало бы пределы Грузии. Притом войска, пройдя к Арзеруму, находились бы в стране чрезвычайно здоровой, и где самое их содержание обеспечивалось бы средствами края. От Арзерума внутрь Анатолии и Курдистана армия могла бы проникнуть только по двум разнородным направлениям: или вдоль долины Кеклык-Чефлыка, принимающей потом название Кулей-гисар-су (на Карагисар и потом к Никсару или прямо в Сивас), или по сообщениям, ведущим через Кешмюр-дагы. В смысле прямо неприязненных намерений завоевания края, пути эти обозначают два различных участка разделенных между собой глубоким прорезом долины Евфрата и неприступными утесами обоих побережий этой реки. Связь действий по необходимости была бы потеряна и, удаляясь от Арзерума, армия оставалась бы на произвол скудных средств страны, покрытой непроходимыми горами и заселенной воинственными племенами курдов. Если же принять действия как поход вспомогательного корпуса посланного на помощь турецкой армии атакованной войсками Сирии, то и тогда пути Арзерума не доставили бы значительных преимуществ, и главные массы могли бы с большими

выгодами воспользоваться средствами десанта к берегам Черного моря. Такого рода распоряжение перенесло бы войска к участку самого выгодного театра войны, доставило бы им линии прямых и удобных сообщений и, упрочивая самую совокупность действий, ускорило бы прибытие вспомогательного корпуса. Главной точкой десанта должен быть Самсун, округ Джаника составил бы общий плацдарм, на котором соединились бы все принадлежности военных складов и отсюда войска в несколько переходов могли бы перейти к высотам Сиваса, которые по все справедливости составляют настоящий ключ средней Анатолии и самый выгодный сборный пункт. Владея Сивасом, армия прикрывала бы богатейшие округа края, пользовалась бы прямыми сношениями с берегами Черного моря, Арзерумом и Карпутом и, отвлекая неприятеля от прямого направления на Константинополь, она могла бы по произволу избирать пути главных сирийских входов. Дороги, ведущие к владениям Египта, идут четырьмя главными направлениями: большая Константинопольская вьется в прорезе ущелья Кулек-богаза, Марашская пересекает высокие гребни Ахур-дагы (Тавра) и потом через Гияур-дагы выходит к низменному поморью Александретты. Антепская соединяет дороги, идущие от Малатии, Альбистана и Мараша, она переходит Ахур-дагы и за ним постепенно спускается к плоским высотам Антепа. Наконец, четвертое направление состоит из степных путей Сиверика и Урфы, которые соединяются к Биру и, перейдя Евфрат, проходят к Алеппо.

Таким образом, одно только ущелье Кулек-богаз заслоняет округ Аданы, остальные же горные переходы, следуя черте Тавра, остаются в руках турок, и удаленные от пределов Сирии они увеличивают средства обороны Анатолии и ни в каком случае не могут считаться препятствиями для нападений направленных к поморью Александреттского залива и к стороне степей Алеппо. В случае наступательных действий с целью завоевания Сирии всего было бы выгоднее перейти от Сиваса к Альбистану и Малатии, и потом направить главные силы по сообщениям идущим на пространство между Евфратом и Гияур-дагы; здесь изобильная страна подножия Тавра могла бы на продолжительное время доставить значительные пособия в средствах продовольствия, и притом самая мест-

ность была бы выгодной для движения и даже для самых действий армии. Завоевание Алеппо должно быть началом завоевания Сирии и для этой цели дорога Марашская и Алеппская есть самая удобнейшая, тем более, что даже географическое положение берегов Средиземного моря и побережья Евфрата открывают обширное поприще разнообразных и самых смелых движений. Бейланское ущелье может быть обойдено с обеих сторон, отступающие войска Аданы и Тарсуса могут быть совершенно отрезаны, и наконец, вообще степи Антепа, Килисы и Алеппо были бы чрезвычайно выгодны, чтобы искать решительного боя³⁴. Левый берег Евфрата был бы также чрезвычайно важным, и дорога Сиверика могла бы считаться самой удобной для общего вторжения к стороне Сирии, но местность этих степей до такой степени покрыта россыпями известкового камня, что сообщения делаются почти непроходимыми, и притом недостаток воды и общая скудность страны представили бы неодолимые препятствия. Пустыни эти между тем могли бы принести значительную пользу; кочевые племена сначала курдов, потом арабов, которыми покрыты степи до самого Багдада, составляют многочисленные толпы конных шаек всегда готовых на разбой, и потому при вторжении в Сирию большая их часть охотно пристала бы к нападающим войскам и массы этой летучей кавалерии, разбросанные в тылу неприятельской армии по необходимости наносили бы ей значительный вред. Содействие такого рода тем более сбыточно, что одно из главных племен курдов Милли (они имеют всегда тысяч до 10 готовой и хорошо вооруженной кавалерии) находится под прямым покровительством турецкого правительства, и даже в последнюю войну с Египтом оно оставалось верным³⁵.

Выгоды географического положения, частные принадлежности края и даже его способы вообще доставляют Анатолии полные превосходства, и неудачи войны с Египтом можно приписать только бессмысленности в распоряжениях и совершенной слабости войск, впрочем, поход этот ни в каком случае не выражает правильного расчета военных соображений, он был основан на перевесе народного негодования, и войска Ибрагим-паши везде встречали слабое сопротивление и были приняты с всеобщим фанатизмом. Иначе же наступательные действия к стороне Анатолии были бы чрезвычайно

затруднительны. Единственный путь, который мог бы сулить скорый перевес войны, составляет большая Константинопольская дорога, но на оной защита Кулек-богаза и Бозанты-богаза может быть обеспечена ничтожным корпусом, и потом движение турецкой армии на Кесарею и Сивас по необходимости переносило бы действия к северным частям Анатолии. В этом случае время и голод уничтожили бы армию египтян, войска же турок сближались бы с богатейшими округами и пользовались бы прямыми сношениями с берегами Черного моря, которое легко доставило бы им и средства продовольствия и самую помощь. Идти египтянам к стороне Урфы и прямо на Альбистан и Малатию в тогдашнее время года было бы невозможно, и притом такого рода движение не имело бы положительных выводов, оно замедлило бы ход войны, и самая потеря времени была бы губительна для армии столь удаленной от основных ее средств. Турция даже и в настоящем ее положении имеет все способы к образованию устроенной и сильной массы войск, может быть с избытком достаточной для обороны края (по крайней мере в азиатских владениях), но если когда-нибудь она была бы вынуждена искать помощи России, то вспомогательный корпус тысяч в тридцать доставил бы Анатолии не только верную защиту, но и открывал бы средства к настойчивости завоеваний. Главные силы вспомогательных войск и исключительно пехоту и артиллерию всего удобнее было бы перевезти морем к берегам Самсунского залива, общая же масса кавалерии, артиллерийские ремонты и другого рода громоздкие тяжести присоединились бы к десантному отряду со стороны Грузии (избирая направление через Арзерум и Карагисар к Никсару и прямо к Сивасу). Поход такого рода не имел бы неодолимых препятствий, расчет движений должен состоять в том, чтобы в то время, когда десантные войска займут берега моря, кавалерийский корпус мог бы выступить из Арзерума. Таким образом, соединение обеих частей было бы сближено, одновременность же появления русских войск в Арзеруме и Самсуне произвела бы, без всякого сомнения, самое выгодное и самое значительное нравственное влияние. Молва быстро огласила бы прибытие несметного числа вспомогательных войск, и от их доброй службы и распоряжений главнокомандующего зависело бы оправдать справедливую славу. Но вообще, предприятие

такого рода соединяло бы в себе чрезвычайные затруднения, характер войны здесь совершенно изменился бы, и устройство различных принадлежностей армии, принимая новые виды, требует распоряжений основанных на настоящих способах края, а потому, в дополнение всех военных соображений, прилагается особая статья общих пособий хозяйственных распоряжений армии и замечания, исключительно стране принадлежащие.

Пособия хозяйственных распоряжений армии и общие замечания, исключительно краю принадлежащие. Сила армии, быстрота движений и успешный ход действий находятся в непосредственной зависимости [от] разнородных условий хозяйственных распоряжений. Правильные и своевременные снабжения, выбор главных складов, устройство подвозов и вообще избыток в продовольствии, одежде и других потребностях доставляет войскам общую бодрость духа, уничтожают болезни, готовят их к необходимой деятельности и дают главнокомандующему полную свободу на самые смелые предприятия. В особенности опыт последних войн с Персией и Турцией показал всю важность такого рода распоряжений и более или менее точные знания азиатских земель (сюда можно включить и Европейскую Турцию), научили бороться с местными препятствиями и вынудили некоторым образом следовать исключительным обычаям и принадлежностям самой страны. Всякий знает разнородность действий в государствах образованных, богатых промышленностью, с избытком населенных мирными поселянами и покрытых разработанными и удобными путями, или в землях, где житель-воин, где собственность удерживает вид временного завоевания и где природные грани неприступных гор изредка прорезаны сообщениями едва доступными для конного. В европейских войнах недостаток и нужды войск часто удовлетворяются средствами края, обозы во многих случаях делаются лишними, каждый город может успокоить больных и раненых, каждое жилище доставит готовую пищу, почти везде найдется мастеровой и ремесленник, и почти везде грабежом или деньгами можно найти необходимое. Напротив того, в Турции и Персии армия вынуждена тащить за собой все ее потребности, в самых богатых округах она найдет только сырые продукты продовольствия, иногда даже несмолотые

зерна *. Госпитальные вещи, лекарства, принадлежности одежды, и наконец, от обуви до последнего порошка хинины и от топора до лошадиной подковы, все должно следовать за войсками и быть с ними нераздельными. Таким образом, общий ход войны принимает особый характер, устройство же подвозов и вообще снабжения войск делаются чрезвычайно многосложными и требуют распоряжений основанных на настоящих способах театра действий. Туземный обычай в этом случае есть лучший наставник, опыт и нужда учат бороться с самыми неодолимыми препятствиями, и точное знание самых мелочных принадлежностей края в военном деле приносит чрезвычайную пользу. Оно дает верное направление приготовительным мерам, облегчает всякого рода предназначения и может отклонить вредные последствия особенностей климата, свойств местных продуктов и затруднений во взаимных сношениях. Продовольствие и вообще снабжение войск составляют, без всякого сомнения, одну из главнейших статей неразрывно связанных с точным изучением средств земли. Призрение больных и раненых также не менее маловажно **, и здесь каждое случайное изменение дает положительные выводы вреда или пользы. Наконец, часть Генерального штаба, как общий свод всех сведений и ближайший исполнитель предначертаний главнокомандующего, заключает в себе обширное поприще непрерывных изысканий, от которых зависит более или менее верная канва самых высших соображений. А потому, подробное изложение всех частных особенностей делается необходимостью и оно послужит первыми данными для объяснения предметов, которые армия найдет в этой стране, обычаев, которые было бы полезно перенять, и наконец, всех общих замечаний по части продовольственной, госпитальной и Генерального штаба.

Часть продовольственная. Снабжение и продовольствие армии вообще заключает в себе три рода распоряжений. Устройство больших центральных магазинов или постоянных складов, времен-

* Хорошо испеченного хлеба нет нигде; тонколистные же лепешки всех возможных видов были бы дурной и вероятно вредной пищей солдата – *замечание автора.*

** Так в тексте. Очевидно, имеется в виду «не менее важно» – *замечание составителей.*

ные заготовления в промежуточных постах, и наконец, подвижные транспорты, назначенные для следования за войсками. Центральные магазейны должны находиться в местах соответственных предполагаемым движениям, и притом занимающих перепутья главнейших дорог избранной опоры действий, ибо таким образом они имели бы возможность собрать нужные запасы и потом отдельными частями отправлять их сообразно надобности. В краю столько гористом как Анатолия выбор этих точек в особенности зависит от местных свойств и весьма часто общий расчет военных соображений покорется удобствам более или менее выгодных сообщений и более или менее привольных участков земли. Здесь небольшие, но чрезвычайно богатые округа представляют как бы отдельные острова, раскинутые на обширном пространстве пустынных и малонаселенных утесов, и потому самое распределение главных складов и даже временных запасов должно непременно следовать такого рода природному их размещению. На северной полосе края Арзерум и Самсун составляют выгоднейшие места главных складов больших центральных магазейнов; первый из этих городов занимает соединение нескольких важных дорог, опирается на богатые средства Карского пашалыка, пользуется изобилием ближайших окрестностей, и, доставляя возможность прямых сношений с Грузией, владеет сообщениями, ведущими к внутренним частям Анатолии. Самсун со своей стороны, кроме частных преимуществ привольного Джаника, лежит на берегу моря и таким образом к нему открыты пути самых удобных и самых легких подвозов. Отсюда, вдаваясь внутрь края, склады могли бы сосредоточиться в Сивасе и на равнинах Малатии и Карпута; запасы эти, без всякого сомнения, были бы в зависимости [от] первых заготовлений, но притом они обеспечивались бы и местными способами.

Промежуточные или временные магазейны, согласно движению войск, можно было бы расположить в Амасии, Никсаре, Токате, Карагисаре, Кеклык-Чефлыке, Ерзингаме, Альбистане и Кесарее. Количество такого рода частных запасов определялось бы числом войск и более или менее продолжительным временем необходимых снабжений, но вообще должно было бы употребить возможные старания дабы постоянные подвозы шли только к главным скла-

дам Сиваса, Малатии и Карпута, на остальных же точках, избегая перевозки, войска могли бы продовольствоваться местными способами ближайших округов, ибо каждый из назначенных городов соединяет значительные пособия богатства земли и находится в отделах с избытком населенных. Средства к образованию магазейнов заключаются в главных подвозах со стороны моря, из Грузии, Карского пашалыка, и наконец, туземных продуктов. Боевые снаряды, порох, шанцевый инструмент, госпитальные вещи, принадлежности одежды и в особенности обувь *, должны быть привезены с войсками и сколько можно в большем количестве. Настоящие же пособия земли ограничиваются единственно продовольственными заготовлениями и средствами перевозки тягостей. За плату наличных денег можно иметь большое количество порционного скота, различного хлеба, и опыт последней войны в Персии и потом Азиатской Турции доказал преимущества и удобства вольнонаемных подвод и выюков. Привозные статьи назначенные для образования главных запасов необходимо должны заключаться в большом количестве преимущественно ржаных сухарей **, круп, муки (мука может составить третью или даже четвертую часть всего заготовления), спирту для винной порции и потом огнестрельных снарядов и комиссариатских вещей. Заготовления же сделанные в самом краю доставили бы обширные запасы порционного скота, пшеницы, проса, сарацинского пшена и ячменя. Должно заметить, что ячмень здесь заменяет овес, сено есть только в окрестностях Арзерума, подножный же корм и вообще травяное продовольствие составляет принадлежность только немногих участков и его весьма часто должно заменить рубленой соломой (саман) или привозным кирпичным сеном (приготовленном в гидравлическом прессе). Вообще фуражные заготовления должны обратить на себя особое внимание, они соображены с чрезвычайными затруднениями и только с значительной

* Войска назначенные для действий в Анатолии необходимо должны иметь полушубки, ибо весной и осенью вершины гор удерживают холод до мороза, зимняя же непогода в некоторых местах суровее русских – *примечание автора*.

** Кислый ржаной сухарь для нашего солдата всегда лучше пшеничного; рожь есть только в Арзеруме и его окрестностях, но ее немного, а потому она должна составить главную статью хлебных привозов – *примечание автора*.

береговью можно было бы предупредить общее изнурение и падежи кавалерии и артиллерийских лошадей. В этом случае избыток зернового фуража есть лучшее средство, и тогда подножный корм, солома и даже молодой камыш и бурьян нужны только в самом малом количестве, чтобы уничтожить оскомину произведенную зерновым кормом*. В местах, где неприятель не мог бы истребить и уничтожить местных способов, было бы полезно учредить разделение округов таким образом, чтобы заготовления больших центральных магазинов не касались отделов, на которых со временем можно было бы предполагать частные временные запасы.

В смысле таких распоряжений Самсун пользовался бы подвозами с моря, и ему принадлежала бы прибрежная часть Джаника от Бафры до Фассы, и потом пространство до Османджика, Чурума, Туркала и Амасии. Арзерумский магазин располагал бы средствами Карского пашалыка и притом ближайших округов Гасанкале, Топрак-кале, Байбурта, Сюнюр-ова и самой равниной Арзерума. Малатия получала бы главные запасы сплавами по Евфрату от Ерзингама, и сверх того имела бы округа Арабкира, Яким-хане, долины Султан-су, и наконец, ближайших участков долины Евфрата. Карпутский магазин с избытком наполнялся бы средствами богатых равнин Куз-ова и Уль-ова. Временные запасы образовались бы преимущественно из местных средств, и только в случае безусловной необходимости их снабжения потребовали бы подвозов от главных центральных магазинов. Округи этих частных заготовлений были бы следующие: Никсар имел бы привольный участок долины Кулей-гисар-су от впадения этой речки в Екиль-ирмак до Кулей-гисара. Токат располагал бы средствами долины Токмак-су от ее верховьев до Туркала. К Карагисару принадлежали бы богатые округа Ендереса и части долины Кулей-гисар-су или Сег-дереси с ее верхними притоками. Кеклык-Чефлык соеди-

* Во время зимовки после Адрианопольского мира лошади уланской дивизии были чрезвычайно сыты, сена не было, три фунта или око рубленной соломы продавались от 5 до 10 пиастров, и между тем, перевозка продовольствия и зернового фуража производилась на вьюках посредством строевых лошадей, работа чрезвычайно изнурительная. Ежедневная дача была из 5 гарнцев овса или 4 ячменя, изредка несколько гарнцев соломы и потом высохший на корню бурьян – *примечание автора.*

нил бы богатства его ближайших окрестностей. Альбистан пользовался бы равниной того же названия, и притом долинами Деренде и Гюрюма. И наконец, к Кесарее принадлежало бы все пространство до Ергели, Ак-сарая и Юсгата. Таким образом, эти второстепенные склады находились бы в недалеком расстоянии, на их промежутках войска имели бы 10-дневное продовольствие и сверх того, два или три подвижных магазинов обеспечивали бы их потребности во время усиленных маршей и общих движений. Если же действия перешли бы на южную сторону Тавра и были бы направлены к Алеппо, то выгоднейшими точками частных магазинов были бы: Адана, Мараш, Бесня, Урфа, и наконец, Антеп. Для помещения запасов всего удобнее избирать караван-сарай, ханы и крытые базары; каждый из назначенных округов имеет достаточное число мельниц, чтобы доставить приготовление муки, и общественные печи больших городов (род наших харчевен) представляют готовые хлебопеккарни. Закупки хлеба, наем подвод и вообще все сделки с жителями, в случае содействия турецкого правительства, должны производиться через городских муселимов и частных воевод или начальников округов, но притом необходимо употребить надежных русских чиновников, которые вынуждали бы местное начальство к должной деятельности и следили бы за исправным платежом и безобидными распоряжениями. Во время же действий прямо неприязненных образование частных магазинов зависело бы от сборов захваченного хлеба и покупки в армянских и греческих деревнях*. Хлеб обыкновенно сберегается в ямах поблизости селений и на высоких местах, куда переходят жители на лето; отыскать эти ямы нетрудно, но вообще желательно, чтобы самовольные распоряжения и сила употреблялись бы только в крайней необходимости, общие же заготовки производились бы на чистые деньги и расчет с хозяевами был бы сколько возможно простым и легким.

Точное и положительное исчисление настоящего количества хлеба, порционного скота и потом числа подвод и вьюков,

* Население армян в Восточной Анатолии и особенно по левому берегу Евфрата чрезвычайно значительно, они составляют большую часть жителей края, и в случае появления русских войск их содействие упорочное влиянием Ечмиадзинского патриарха может принести значительную пользу – *примечание автора*.

которые может доставить каждый из назначенных округов, требовало бы открытых и подробных изысканий, но судя по обширности обработанных полей, значительности посевов принадлежащих частным лицам, общем избытке, и наконец, вывозным статьям торговли способы земли вообще чрезвычайно велики, принадлежащие же участки к большим центральным магазейнам в особенности, заключают полное изобилие и разнородные богатства. Самсун ежегодно отправляет из своего порта до 40 т. кило различного хлеба, что составляет до 20 т. четвертей. Во время сбора войск к Сивасу в конце 1834 и начале 1835 годов все продовольствие обеспечивалось сборами в ближайших окрестностях, и более тысячи арб (повозок) взятых в Джанике употреблены были для перевозки военных тягостей. 15-тысячный корпус, расположенный в Малатии довольствовался местными средствами, и между тем продукты оставались в прежней ценности. В 1835 году в Карпуте до 20 тысяч войск продовольствовались почти целый год сбором пятой части урожая равнин Куз-ова и Уль-ова. Во время последней войны занятие Арзерума, несмотря на продолжительное пребывание турецких войск, доставило огромные хлебные запасы, и потом во всю зиму наша армия продовольствовалась способами края. И наконец, изобилие и значительный избыток хлебных урожаев объясняется многолюдством кочевых жителей. Более тридцати различно названных племен курдов и туркмен кочуют на участке одного правого берега Евфрата, из них оседлых и занимающихся хлебопашеством весьма немного, и, по меньшей мере, до ста тысяч человек кормятся отдами привольных участков, которые составляют округи, назначенные для главных и временных магазейнов. Во время войны семейства их ушли бы за Евфрат или, вдаваясь к Малой Азии, искали бы продовольствия в западных частях полуострова и остаток потребления этих переселенцев вместе с постоянными подвозами морем был бы непременно достаточен для многочисленной армии.

Средства перевозки тягостей в этом краю изменяются согласно удобствам сообщений и более или менее гористым участкам. Большая часть дорог едва проходимы для вьюков, и даже те которые носят название араба-йол или повозочных, были бы затруднительны не только для фур, но и для нашей русской телеги, а потому евро-

пейские обозы в Анатолии не годны к употреблению, и устройство транспортов необходимо должно следовать принятым обычаям края. Толстая ось, на которой заклепаны два плоских и сплошных колеса без ступицы (колеса составляют плоские дощатые круги окованные железом) поддерживают кузов, наподобие решетчатого открытого ящика, что и составляет колесную арбу, обыкновенно употребляемую жителями. Повозка эта запрягается, смотря по надобности, одной или двумя и тремя парами волов, ломаться в ней почти нечему, упряжь ограничивается обыкновенно ярмом, ось вертится вместе с колесами и ее всегда можно заменить каждым тонким бревном, колеса делаются из чрезвычайно твердого дерева, имеют достаточную толщину, чтобы выдерживать значительную тягость, и притом они окованы надежной шиной. Арбы эти идут по самым каменистым дорогам и в сухое время они могут считаться удобнейшими повозками гористого края, притом они готовы и каждый тамошний житель умеет с ними обращаться и по нужде исправить. Каждая арба может поднять от 10 до 15 пудов, и такие обозы легко пройдут от 30 до 35 верст в день. Впрочем, последние азиатские войны достаточно доказали выгоды этого рода перевоза тягостей и большая часть снабжений производились на арбах. Второй род подвижных обозов, употребляемый для развозки товаров и общих сношений края, составляют так называемые караваны или вьючные транспорты. Они вообще идут скорее арб, довольствуются самыми дурными дорогами и обыкновенно делятся на верблюжьи, конные и из лошаков и катеров. Главное удобство верблюжьих транспортов состоит в значительной тяжести, которую они поднимают, и притом чрезвычайно скудном и малоценном корме этих животных. Верблюды в продолжение долгого времени довольствуются самым грубым подножным кормом (любимая пища состоит из колючих репейников и различного рода колючего бурьяна), не требует частых водопоев и переносит самые тяжелые переходы. Тяжесть, которую обыкновенно навьючивают на верблюда, имеет от 200 до 250 око или от 13 до 15 пудов, и караван проходит в день от 6 до 8 часов расстояния, т. е. от 30 до 40 верст. На каждые три или четыре вьюка назначают по одному проводнику (деведжи), старший из них заведует караваном и обыкновенно открывает шествие на небольшом осле, а за ним

гусем идут верблюды. В чистой степи и по дорогам, не слишком перерезанным, верблюжьи караваны есть самые выгодные, они идут также и по участкам гористым, но вообще переходы через высокие горы всегда для них затруднительны, и во время больших дождей они часто вынуждены оставаться на одном месте, дабы переждать скользкие грязи. Другого рода караваны состояются из вьюков на лошаках или катерах; животное это почти столько же рослое как лошадь, подымает несравненно большие тягости, довольствуется более простым кормом и с необыкновенной ловкостью идет по чрезвычайно каменистым и утесистым горным тропам. Вьюк катера или лошака изменяется согласно силам животного; есть катеры, за которых платят от 2 до 3 тысяч пиастров и есть другие, которые стоят от 400 до 500 пиастров. Малый вьюк имеет 120 око* или около 9 пудов, но вообще на среднего лошака кладут от 10 до 12 пудов. Караваны эти проходят в самом гористом краю от 10 до 15 часов расстояния или от 50 до 75 верст; они требуют меньше дней, и нет дороги, которая не была бы для них проходимою.

Третий род караванов состоит из лошадей, но конные вьюки употребляются более для поспешных сношений, и в обыкновенных караванах их берут за недостатком катеров; тяжесть конного вьюка никогда не превышает шести или семи пудов, и притом лошадь требует хорошего корма, скоро падает на ноги, худо переносит жары и, будучи навьючена, затрудняется тяжелыми горными переходами, особенно в местах тесных и опасных. Сноровка в седлании и вообще пригонка вьюков делается с чрезвычайной ловкостью, сбруя самая простая, и между тем, она несравненно лучше всех европейских изобретений в этом роде. Верблюжий вьюк совершенно тот же, как и у наших калмыков. Для катеров же и лошадей он ограничивается толстым и чрезвычайно мягким потником в виде огромной войлочной подушки (сделанной согласно формам спины животного), на которую кладут высокую деревянную решетку таким образом, что она не касается холки и спины животного, но лежит на боковых ребрах. Широкие шерстяные подпруги и потом кожа-

* Османская мера веса, равна 400 дирхемам по 3,207 г = 1,2828 кг. — *примечание составителей.*

ная шлея утверждают неподвижность этого седла, и к нему с обеих сторон прикрепляются веревками равновесные вьюки. Содержание караванных лошадей, верблюдов* и катеров здесь составляет весьма значительную отрасль промышленности, каждый город имеет несколько хозяев, которые исключительно занимаются этого рода извозом, караваны у них всегда готовы к отправлению, и средняя ценность перевозки тягостей составляет с вьюка от двух до четырех пиастров за час расстояния. В военное время такая плата, без сомнения, изменилась бы, и условия были бы в виде найма на известное время, но вообще караваны и люди теперь занятые торговыми сношениями могли бы принести значительную пользу. В последнюю турецкую войну арба с двумя парами волов или буйолов и двумя погонщиками стоила по 40 рублей серебром в месяц, за четыре конных вьюка с проводником платали по 18 рублей, и наконец, за наем людей взятых к военным транспортам давали по 5 рублей серебром на человека и сверх того, люди эти получали казенный провиант наравне с солдатами. Выгоды такого рода вольнонаемных транспортов имели самые удовлетворительные последствия, и во вторую кампанию 1829 года они почти совершенно заменили принадлежащие казне.

Судя по различию потребностей, подвозы необходимо должны разделяться на частные или временные, употребленные для своза местных способов, и другие, которые бы вошли в состав подвижных магазинных и постоянных транспортов. Первые центральные магазинны получили бы главные снабжения морем и со стороны Карского пашалыка, для постоянной же перевозки от этих точек к складам, внутри края расположенным, должно было бы образовать несколько тяжелых обозов на арбах и несколько больших караванов, из которых тяжелые или верблюжьи постоянно шли бы к главным магазинам, а легкие или конные и на катерах обеспечивали бы снабжения временных запасов, особенно в местах скудных

* Верблюды в Анатолии стоят больших денег, их несколько пород, но лучшими для вьюков считаются косматые и малорослые туркменские с двумя горбами, и потом наши калмыцкие, которые приводятся иногда из Грузии. Дромадеров, и особенно той породы, которая славится скоростью бега, здесь вовсе нет. Во время войны весьма было бы полезно образовать несколько верблюжьих транспортов, которые пришли бы вместе с войсками – *примечание автора*.

своими способами. Свояз продуктов взятых в самом краю, согласно распределению магазинных и их ближайших округов, может производиться на арбах, и на этот предмет назначенные участки легко доставили бы необходимые подводки. Сверх того, подвижные магазины должны образовать как бы постоянный резерв различных потребностей армии, приготовленный на случай движения и почти нераздельный с войсками. Такого рода запасы требовали бы особых обозов, которые вмещали бы по возможности большее количество продовольственных статей, и между тем, состояли бы из меньшего числа повозок и нужной упряжи*. Но ограничиваясь местными средствами, подвижной магазин, как и в последнюю войну, составлялся бы из нужного числа арб, и потом караванных или вьючных отделений, в которых преимущественно и почти исключительно должно иметь добротных и рослых лошаков. Раздробление подвижных магазинов было бы необходимостью, ибо иначе эти огромные обозы задерживали бы быстроту маршей, и их оборона была бы невозможной, и потому, казалось бы, всего удобнее назначить общие большие отделения арб, которые следовали бы в главном вагенбурге, потом дать каждому полку несколько артельных арб, и наконец, вьючные караваны распределить по бригадно таким образом, чтобы войска, кроме сухарного довольствия розданного по рукам, имели бы еще небольшие резервы в их караванных транспортах. Самое фуражное снабжение этим способом было бы облегчено, и притом такого рода небольшие отделы подвижных запасов приносили бы значительную пользу для частных отрядов и боковых колонн.

Независимо от временных и главных магазинов, в тылу действий должно было бы учредить постоянные этапы или станции, которые будучи расположены на основных продовольственных линиях, обеспечивали бы снабжения и покормки самых транспортов. В этом случае среднее расстояние может иметь от 20 до 25 верст,

* Для достижения этой цели может быть предстояла бы возможность приготовить особого рода двухколесные фургоны, сделанные по образцу обыкновенной арбы, но которая имела бы более прочную оковку колес и железную ось с железными же гнездами или накладкой, под которой она обращается – *примечание автора.*

для обозов на арбах, легкие же вьючные караваны проходили бы двойное расстояние или от 40 до 50 верст и всегда находились бы впереди на один переход. Фуражное довольствие катеров и лошадей требовали бы дачи от 3 до 4 гарнцев ячменя, и в крайности по два или даже по одному гарнцу рубленой соломы, в местах же изобильных подножным кормом и 3 гарнца ячменя были бы совершенно достаточны. Верблюжьи караваны требовали хотя [бы] скудного подножного корма, и притом на каждого верблюда до 2-х гарнцев кукурузы, ячменя или даже гороха и бобов. Упряжные волы и буйволы кормились бы подножным кормом, и притом для них необходимо хотя [бы] по одному гарнцу зерновой дачи или молодой кукурузы и муки. Но вообще для рогатого скота Анатолия почти везде имеет особого рода растение, называемое жителями кевен*. Толстый и сочный корень этого кустообразного колючего бурьяна, которым покрыта большая часть анатолийских степей, составляет чрезвычайно сытный корм, жители заготавливают его в большом количестве, и по их уверениям, разрубленные и разбитые куски этого корня для рогатого скота лучше всякого зернового фуража. Впрочем, снабжения транспортов во всяком случае должны обратить на себя особое внимание и весьма желательно было бы иметь большое число вольнонаемных подвод, ибо главное их преимущество состоит в том, что каждый хозяин употребит все старания дабы сберечь его собственность, и хороший присмотр вместе с своевременной заботливостью даже и при малой даче предупредил бы общее изнурение, а может быть и самые падежи. Верблюжьи караваны, пришедшие с войсками, также могут быть взятыми по подрядам в Донских и Калмыцких степях, для особых же транспортов на доброконных и рослых катерах, которых можно приобрести только покупкой, необходимо было бы иметь опытных и расторопных проводников из армян. Управление, отчетливость и точные подразделения вообще всех родов военных снабжений и транспортов определились бы на самом месте, они требовали положительного знания собранных средств, были бы сообразны числу действу-

* Высушенное растение с корнем привезено мною г-ну Фишеру, начальнику Императорского ботанического сада – *примечание автора.*

ющих войск, и наконец, зависели бы от распоряжений высшей власти главнокомандующего.

Часть госпитальная. Устройство постоянных и временных госпиталей составляет обыкновенно одно из самых важных и самых затруднительных распоряжений, успокоить и улучшить положение больных и раненых всегда и везде трудно, но в азиатских войнах эта часть требует особенного внимания и принимает совершенно новые виды. Госпиталь хорош, если он доставляет удобное и покойное помещение, если самая местность, воздух и свойства воды не имеют вредных последствий, если он пользуется верными снабжениями свежих припасов, находится под надзором искусных медиков, имеет достаточное число прислуги, медикаментов, лазаретных вещей, и если в нем соблюдается точный порядок и самая утонченная чистота. В азиатских землях покойное помещение почти невозможно: во-первых, по роду постройки домов, и во-вторых, потому что нечистота, душливый воздух и близкая опасность заразы вынуждают избегать, почти безусловно, помещения госпиталей в городах. Самый выбор местности назначенной для пребывания больных чрезвычайно затруднителен, ибо весьма многие из участков края удерживают свойства повальных болезней, имеют дурную воду, и в известное время года оставляются даже туземными жителями. Продовольственное снабжение, и особенно доставка всегда свежих припасов, соображены почти с недолимыми препятствиями, и наконец, слишком большая прибыль больных весьма часто дает повод к дурному присмотру, прислуга делается недостаточной, раненые остаются без перевязки, больные без помощи и лекарств, и между тем, первые прокравшиеся беспорядки такого рода несут за собой гибельные последствия прилипчивых болезней и недугов, зарождающихся в самых госпиталях. Чума есть также одна из обыкновенных спутниц азиатских войск, предупредить ее почти невозможно, и только страшные жертвы и самое строгое соблюдение своевременных карантинных мер может затушить заразу в первом ее начале или задержать ее распространение, которое идет с неимоверной скоростью. Но вообще распоряжения эти имеют самое невыгодное влияние на общее устройство госпиталей, и во время быстрых движений они почти неисполнимы.

Сверх того, тяжелая перевозка по дурным и едва проходимым дорогам принуждает больных и раненых оставаться иногда на продолжительное время без всякого крова, осуждает их переносить знойные жары, холодные росы, и весьма нередко они поступают в госпитали в том положении, когда всякая человеческая помощь делается бесполезной. При таких обстоятельствах, к сожалению, должно утвердительно сказать, что самая тщательная заботливость и самые настойчивые усилия едва только могут доставить некоторые улучшения в положении больных, но ни в каком случае не обеспечат верного спокойствия, на которое имеют право страждущие воины. В азиатских землях одно из основных правил назначения госпиталей состоит в сколько возможно большом их раздроблении; своз большого числа больных к одной точке почти всегда имеет самые вредные последствия. Такого рода госпитали делаются несоразмерными с местными способами, часто служат основной причиной прилипчивых болезней, скорее скрывают различного рода злоупотребления, и наконец, на случай заразы, всегда легче оградить небольшие отдельные лазареты, чем предохранить многолюдное сборище больных, которые по необходимости находятся в постоянных сношениях со всей армией или с значительной ее частью.

Города и селения расположенные в низменных долинах, окруженных со всех сторон горами, есть места совершенно неудобные для помещения госпиталей, и доказательством этому служит то, что большая часть жителей на лето уходят во временные жилища, обыкновенно устроенные на возвышениях. Вообще должно избегать помещения больных в городах или назначать их только в отдельных строениях, ибо общий обычай проводить воду почти в каждый дом, вместе с грязной нечистотой тесных улиц, уже сам собой составляет достаточную причину для гнилых горячек и различного рода болезней. Казалось бы, что всего выгоднее размещать госпитали по деревням, которые занимают небольшие горные площадки. В некоторых местах селения эти находятся в самом близком расстоянии между собой и обыкновенно несколько таких деревень составляют округ. Нет никакого сомнения, что охранение этого рода окружных госпитальных отделений было бы затруднительнее и требовало бы более сильных гарнизонов, но их должно предположить довольно уда-

ленными от настоящих действий; притом занятие ближайших ущелий почти всегда обеспечивает защиту таких округов, и наконец, с помощью засек, ложементов, простых завалов и ничтожных полевых укреплений можно было бы усилить каждое селение*. На объеме прибрежной части Джаника выбор такого рода окружных отделений может быть чрезвычайно удобен; в самом близком расстоянии от Самсуна, Чаршембека и Фассы есть несколько больших загородных домов и сверх того значительные пространства представляют сплошные селения, разбросанные отдельными хуторами или чифлыками. Вдаваясь внутрь края, госпитали могут занять ближайшие округа д. Авруста в 4-х верстах от Никсара, д. Каргын у подножия Юлдус-даг, Ендерес вблизи Карагисара, Кеклык-Чефлык на большой дороге из Арзерума в Константинополь, Чипшиниз вблизи Байбурта; равнина Арзерума по возвышенному своему положению считается одним из самых здоровых мест Анатолии. На средней полосе края выгоднейшие точки: д. Хазмагара или д. Саргышли на дороге из Сиваса в Кесарею, Яким-хан на пути из Сиваса в Малатию, Ени-Арабкир и Ески-Арабкир и Карпут, потом Малатия, Альбистан и ближайшие окрестности Кесареи, и наконец, на южной стороне Тавра: д. Пильник или Гель-баши, Мараш, и наконец, Кале-киой или летние жилища Тартуса и Аданы вблизи Кулек-богаза, но эти последние деревни могут быть взяты только в самой крайности, ибо они расположены на участках почти неприступных и дороги к ним с трудом проходимы для выюков**. Кроме назначенных точек, может быть предстояла бы надобность устройства госпиталей вблизи Диарбекира, Урфы, Антепа и Алеппо; места эти вообще довольно возвышены, они слывут здоровыми, но между тем продолжительное пребывание здесь нераздельно с известным алеппским вере-

* В случае содействия турецкого правительства, оборона таких округов некоторым образом обеспечивалась бы ответственностью местного турецкого начальства, на случай же войны, должно было бы избирать преимущественно армянские селения, и собранные толпы вооруженных жителей могли бы усилить военные гарнизоны – *примечание автора*.

** Города показанные для помещения госпиталей вообще находятся на высоких местах, и они по всей справедливости могут составить исключение из общих правил, которые вынуждают больших и обыкновенно грязных городов Турции – *примечание автора*.

дом, болезнь против которой до сих пор еще нет никаких средств, и которая обыкновенно продолжается целый год. К числу участков, которых необходимо должно избегать по причине почти всегдашних повальных болезней принадлежит вся низменная часть поморья Александреттского залива и в особенности Александретта, Тарсус и Адана. Места эти вошли в пословицу между жителями, и каждый анатолиец, встречая изнуренного и больного человека, спрашивает, не из Аданы ли или Тарсуса он? Частые лихорадки и различного рода горячки есть принадлежность равнины Ерзингама, Гюрюма, Деренде, Никсара, Токата, Амасии, Кесареи, и наконец, Трапезонда и вообще побережья Черного моря, за исключением, однако, Фассы, Чаршембека и Самсуна*. Степное пространство левого берега Евфрата и окрестности Урфы, Антепа и Алеппо удерживают свойства разнородных сыпей, иногда дают глазные болезни, пятна же вереда есть неперемнная печать каждого из туземцев. Недуги, которые слывут последствием вредных свойств воды, находятся по всему протяжению берегов Евфрата, на средних высотах Делекли-таш, при верховьях Кызыл-ирмака, и наконец, поблизости Кесареи и Девели-Карагисара. Болезни эти состоят из горячек с пятнами сильных завалов, расположения к цинге, и наконец, общему нездоровью детей, которые с первого возраста получают английскую болезнь (сильная опухоль головы, необыкновенно полный живот и сухие, часто изуродованные члены). На остальных отделах Восточная Анатолия может считаться страной здоровой, горы богаты хорошей водой, климат вообще умеренный, растительность чрезвычайно разнообразна, и некоторые из округов вмещают все возможные условия самого привольного и самого обетованного края. Большая часть жителей имеет сильное сложение, и вообще свежую и бодрую наружность, и нет никакого сомнения, что весьма часто болезни составляют только последствия дурной пищи, образа жизни и употребления в большом количестве незрелых фруктов. Время

* Надобно полагать, что более открытое положение этих трех городов и вместе влияние ветров способствуют к очищению воздуха; болезни обыкновенно усиливаются вблизи Трапезонда, и особенно подаваясь к стороне Батума; может быть самая близость болотистой долины Риони составляет одну из основных причин, ибо судя по замечаниям туземцев, они свирепствуют во время восточных ветров – *примечание автора*.

знойных жаров или июль и август месяцы есть настоящая эпоха сильных недугов, они в особенности свирепствуют в низменных долинах, а потому жители во многих местах уходят в горы, и эти переселения уже сами собой объясняют участки, на которых должно остерегаться повальных болезней.

Временные госпитали и вместе подвижные транспорты, назначенные для следования за войсками, всего выгоднее располагать особыми лагерями. Одни из них, находясь в полевых укреплениях, занимали бы постоянные точки, другие же вошли бы в состав полковых лазаретов и общего подвижного госпиталя. Таким образом, войска имели бы при себе необходимые обозы для помещения больных, и в тылу действий составились бы две или три линии госпиталей, из которых первая ограничивалась бы постоянными лагерями, вторая же и третья занимали бы несколько окружных сельских отделений. Госпитальные лагеря могут образоваться из особого рода больших четвероугольных палаток, какие были введены в Кавказском корпусе во время последней турецкой войны*, в некоторых местах можно было бы построить плетневые бараки в виде больших сараев, и наконец, если тяжесть перевозки не представила бы неодолимых препятствий, то всего бы удобнее иметь сколько можно более калмыцких войлочных кибиток и шатры наподобие куртинских**. Войлочные кибитки, совершенно защищая от сырости и жары, особенно были бы полезны для тяжелых больных, и притом они могли бы служить офицерскими ставками. Куртинские же шатры, употребляемые всеми кочующими племенами Анатолии, состоят из огромного шерстяного намета, накинутаго на тройной ряд кольев, которых число зависит от величины шатра, средний ряд ставится вертикально, аршинах в трех один от другого, боковые же состоят из кольев более низких и наклоненных к сторонам, откуда они укрепляются канатами. Обыкновенно употребляемые наметы имеют от 9 до 18 кольев, но у начальника курдов Милли Исоп-бея его поход-

* Каждая палатка имела в длину 10 и в ширину 7 аршин, была подбита обыкновенным тиком и предназначалась примерно для 20 человек больных – *примечание автора*.

** Куртинцы – старое русское название курдов. – *примечание составителей*.

ный дворец разбит на 36 высоких кольев и он накрыт несколькими наметами. Впрочем, в каждой обыкновенной курдской ставке легко поместились бы от 10 до 15 человек больных, и они были бы укрыты от сильного солнца и дождей. Лазаретные вещи необходимо иметь, по крайней мере, в двойном количестве, лекарства должно быть в изобилии, и весьма желательно, чтобы при их отпуске не соблюдалась обыкновенная экономия*. В числе госпитальной одежды полезно было бы иметь больше теплого платья, и толстые суконные халаты в одно время могут заменить и самые одеяла. Тюфяки, обыкновенно набиваемые соломой, может быть можно было бы заменить простыми парусинными койками (наподобие матросских, но не столько глубокие), которые по углам имели бы железные крюки или даже ремни с пряжками. Две толстые жерди легко могут быть утверждены на низких козлах, развязанных к кольям палатки или к какому-нибудь твердому упору, на промежутке же повесились бы койки по две в ряд. Таким образом, больные имели бы довольно покойную постель, всегда соблюдалась бы необходимая чистота, и люди никогда не лежали бы на перегнившей соломе, которая вместе с тюфяком переходит от одного к другому. Даже в постоянных походных госпиталях такого рода нары с натянутыми парусинными койками несравненно удобнее, ибо больные не касаются друг друга, во время тяжелых недугов могут свободно быть перенесены с одного места на другое, и наконец, подвязывая их различным образом, можно дать раненому или больному то положение, которое ему полезнее. Повозки, употребляемые для своза больных, должны быть сообразны трудным и едва проходимым дорогам края, а потому простые двухколесные арбы по необходимости составляют лучшие лазаретные экипажи. В турецкую войну к ним приделывали холщовые на обручах покрыши в виде кибиток, и таким образом, больные имели хотя [бы] слабую защиту от знойного солнца и дождей. Подвижной госпиталь был устроен на тысячу человек с тремя карантинными отделениями на случай чумы, он состоял из 52-х большого размера палаток, и [в] подвозе этих тягостей вместе со всеми при-

* Дубовая кора конечно заменяет хину, но при частых моих осмотрах госпиталей во время последней турецкой войны, все медики единогласно жаловались на такого рода экономические замещения – *примечание автора*.

надлежностями госпиталя находились постоянно до 70 арб. Расчет, которым можно руководствоваться и на предбудущее время. Сверх того, полезно было бы учредить небольшие отделения подвижных лазаретов побригадно, дабы доставить каждому полку всегда готовые способы перевозки и хотя [бы] временное призрение больных и раненых; на этот предмет достаточно иметь по две большие палатки и от 10 до 15 арб, а притом хотя [бы] несколько верблюдов с выючными корзинами*, которые употреблялись бы в отдельных командировках.

Продовольственные снабжения госпиталей составляют также одно из самых главных условий более или менее хорошего их положения, и кроме первых необходимых потребностей, желательно было бы доставлять больным всегда свежие припасы и всегда здоровую и лучшую пищу. Для этой цели окружные сельские отделения, и вообще раздробление госпиталей, представили бы более способов, ибо если не всегда можно было бы обеспечить эти снабжения подрядами, то частные закупки и даже усиленные поборы в кругу их расположения доставили хотя бы часть необходимого. Деревни и места, назначенные для госпитальных округов и постоянных лагерей, находятся на самых главнейших сообщениях или на основных продовольственных линиях, а потому транспорты следующие за войсками или употребленные для образования временных магазейнов, проходя через расположение госпиталей, доставляли бы им запасы хлебных снабжений и в случае надобности приводили бы с собой порционный скот. В самых же округах должно было бы озаботиться сбором овощей и всякого рода живности, приобретая их покупкой на чистые деньги или усиленными фуражировками. Впрочем, предусмотреть всякую случайность можно только на самом месте, распоряжения такого рода требуют самой строгой отчетливости, и полный успех совершенно зависит от выбора и настоящих достоинств частных начальников, которым поручаются эти многосложные

* Вьюки такого рода обыкновенно употребляются для перевозки женщин, они состоят из двух огромных плетеных корзинок, прикрепленных по сторонам седла, и по нужде на одном верблюде могут помещаться до четырех человек. Кроме этого способа, есть еще род носилок на длинных жердях, которые привязываются к седлам лошадей или катеров – *примечание автора*.

заботы. А потому, кроме комиссаров и госпитальных смотрителей, необходимо было бы назначить несколько надежных штаб-офицеров и даже генералов, которые заведовали бы окружными отделениями и служили бы порукой сколько возможно лучшего устройства всех частных принадлежностей и общего призрения больных и раненых.

Часть Генерального штаба. Общие обозрения и вообще исследования свойств и всех частных принадлежностей края составляют первое необходимое условие всякого военного предприятия. Свод этих сведений может считаться канвой самых высших соображений, от него зависит верность суждений, и каждый замысел нераздельно связан с точным знанием местности. Выводы такого рода занятий есть прямая обязанность Генерального штаба и труд этот, во всяком случае, столько многосложный, делается особенно важным в странах гористых и почти неизвестных, какова Анатолия. Настоящее обозрение и теперь составленная военно-расспросная карта, вместе с глазомерными съемками дорог, едва выражают начальный абрис и могут доставить только первые данные для объяснения прямых понятий о крае, а потому в военное время еще оставалось бы обширное поприще непрерывных работ, и каждое движение войск требовало бы предварительных изысканий. Математическая точность съемок есть принадлежность особых топографических отрядов, обыкновенно действующих в тылу армии. Ответственность же офицера Генерального штаба как вожатого, состоит в том, чтобы предупредить о каждом препятствии, отыскать самый кратчайший и самый лучший путь, воспользоваться выгодами местности, согласить условия удобного расположения во время отдыхов и, во всяком случае, доставить подробные сведения за несколько переходов вперед. Таким образом, изыскания этого рода нераздельно связаны с общим характером страны, и для каждого офицера Генерального штаба весьма полезно знать частные особенности края, которые могут иметь прямое влияние на общий ход действий и которые заслуживают внимания даже в их отдельных частях. Путевые глазомерные съемки достаточно объясняют свойства каждого перехода, и они могут считаться как основные направления главнейших дорог. Между тем, в гористых участках обыкновенно есть несколько

сообщений, которые изменяются сообразно времени года; в позднюю осень и весной для избежания снегов дороги вообще прокладываются вдоль самого русла глубоких оврагов, летом они переходят на гряды хребтов, и наконец, весьма часто есть несколько дорог, из которых легкие караваны стараются избирать самую кратчайшую. А потому линии глазомерных съемок не должны быть исключительными чертами движений, но напротив того, при каждом переходе необходимо выбирать дороги, которые считаются лучшими, хотя бы они и делали значительные объезды. По этой причине общий расчет маршей во всех военных соображениях не должен превышать 20 или 25 верст расстояния взятого по карте или по маршрутам. Сношения края почти повсеместно ограничиваются выючными транспортами, караваны идут гусем, почему и самые дороги представляют случайные и тесные тропы, проложенные без всякого внимания, а потому для артиллерии они должны быть заблаговременно осмотрены, и вместе с их исправлением необходимо было бы воспользоваться выгодами местности и намечать новые обходы. Разработки дорог были бы неперменной необходимостью почти повсюду и войска на этот предмет должны иметь сколько возможно более шанцевого инструмента, люди же употребленные на такого рода трудную работу имели бы несколько назначенных смет и для общего просмотра по несколько человек из саперных батальонов. При назначении переходов необходимо избегать сильного жара и марши должны быть разочтены таким образом, чтобы войска к 10 часам утра были бы на месте и начинали новые переходы не прежде 5 часов вечера. Временные отдыхи или привалы должны соображаться со свойствами дороги, но вообще в гористых местах их необходимо делать после каждого тяжелого подъема, ибо этим средством можно было бы удержать совокупность массы. Водопои вообще должны обратить на себя особое внимание, ибо при общем изобилии воды в горах, есть часто большие пространства открытых степей, на которых должно было бы рассчитывать места, имеющие хорошую воду. Тащить за собой обыкновенные лагеря решительно невозможно по причине трудных сообщений и потому, что обозы уже без того были бы чрезвычайно значительны и многосложны, но для слабых необходимо было бы иметь в каждом полку по несколько про-

стых наметов или шатров, которые доставили бы хотя [бы] временную защиту от знойного солнца и проливных дождей. Располагать войска по квартирам в краю этом должно только в самой крайней необходимости, и на этот случай лучше пользоваться караван-сараями, общественными кофейнями и ханами, которые есть неперемнная принадлежность почти каждого города. Фуражные довольствия и подножный корм находятся только в долинах и на так называемых яйлах или небольших горных террасах; недостаток леса часто вынудил бы заменять дрова бурьяном и кустарником, но вообще при выборе общих ночлегов должно было бы обращать особое внимание на эти необходимые потребности войск.

Перевалы через высокие горные кряжи также требуют точных предварительных изысканий, почти везде есть возможность улучшить эти дороги и весьма в немногих местах пришлось бы переправлять артиллерию, разбирая орудия. Но и здесь время года имеет значительное влияние и совершенно изменяет выбор горных переходов. В середину зимы всякая возможность сообщений прекращается, вершины покрыты глубокими снегами, и сильные ураганы с метелями составляют неодолимые препятствия. Снег остается до поздней весны, и, начиная от декабря до мая месяца, высокие горы могут считаться непроходимыми. Впрочем, вообще край этот может быть театром всякого рода военных действий только с мая месяца до исхода октября, ибо в позднюю осень и при начале весны дороги недоступны по причине постоянных дождей и необыкновенных топей. В это время избираются так называемые зимние дороги или пути, проложенные вдоль русла оврагов, которые не имеют снега и по каменистому грунту делаются более удобными. Напротив того, летом дороги сближаются с горами, постепенно входят на вершины предгорья и потом, следуя хребтом одной из частных отраслей, достигают главных кряжей. Таким образом, самые направления и общие разработки дорог должны необходимо руководствоваться различием такого рода сообщений и от более или менее правильного выбора этих направлений зависела бы не только быстрота движений, но даже и настоящий расчет труда и действий. Реки Восточной Анатолии, за исключением Тигра и Евфрата, состоят вообще из небольших горных потоков, в сухое время они почти совершенно

ничтожны, но между тем, при частых бродах необходимо было бы обращать внимание на их разливы, ибо иногда одного проливного дождя достаточно, чтобы произвести значительные наводнения*. Переправы через Тигр и Евфрат на пространстве их верхних ветвей до Диарбекира и Биреджика могут быть устроены на любых паромах и на плотам из бурдюков или келеках, и сверх того, в некоторых местах находятся постоянные мосты. Из числа других потоков значительнейшие есть Кызыл-ирмак и Гёк-су, реки эти в самом широком месте едва имеют до 15 сажен, и кроме бродов и теперь существующих каменных мостов, каждый плот служил бы для обеспечения такой переправы, а потому понтоны были бы совершенно лишними в этом краю и они с большей пользой могли бы замениться запасными бурдюками, которые не составляют никакой тягости.

Крепостей в Анатолии весьма немного, но между тем, почти каждый город обнесен каменной полуразвалившейся стеной и в середине его есть непременно такая же цитадель или род укрепленного замка. Постройка деревень, отдельные ханы, и наконец, сады с каменными оградами также весьма удобны для обороны, и их атаки требовали бы большой осторожности, и потому, во всех этих случаях главный перевес должно предоставить совокупному действию артиллерии и потом настойчивости штурмующих колонн. При назначении боевых позиций необходимо должно иметь в виду участки слишком каменистые, ибо весьма часто даже равнины были бы недоступны для действий кавалерии и могли бы задержать самое ничтожное перемещение батарей. Весьма нелишне также замечать пространства, покрытые колючим кустарником и глыбами обрушившихся скал, которые иногда составляют готовые укрепления или отделы совершенно неприступные. Действия вообще были бы чрезвычайно затруднительны, и необыкновенное разнообразие местности требовало бы строгой обдуманности даже в самых мелочных распоряжениях. Главные массы войск должны состоять преимущественно из пехоты, ибо в краю столько гористом и перерезанном, кавалерия, и особенно регулярные полки, принесли бы небольшую пользу,

* Настоящая эпоха наводнений есть время, в которое снега гор начинают сильно таять от жары – *примечание автора.*

и сверх того, наши заводские лошади по всем вероятностям были бы негодны к тамошней службе, а потому всего лучше иметь линейные казачьи и черноморские полки вместе с донской конной артиллерией*. Войска эти, кроме преимущества сносных и чрезвычайно надежных лошадей, доставляют выгоды рассыпного пешего строя, пользуются смышленным навыком горных экспедиций и могут быть чрезвычайно полезны в смысле аванпостной службы, партизанских наездов и вообще принадлежностей малой войны. Впрочем, каждый шаг в столь мало изведанном краю требовал бы непрерывных обозрений и был бы нераздельно связан с предварительными изысканиями, а потому офицеры Генерального штаба нашли бы здесь обширное поприще самого деятельного труда, число их необходимо должно быть умножено и желательно было бы, чтобы вся сеть передовых постов находилась бы под прямой командой надежных штаб-офицеров Генерального штаба, которые, обеспечивая первое назначение этих отдельных частей, доставляли бы все необходимые сведения. В случае содействия турецкой армии, бесполезно было бы назначить также несколько офицеров, которые постоянно находились бы при главных турецких начальниках, ибо, если бы они и не имели прямого влияния на общие распоряжения, то, по крайней мере, доставили бы всегда верные и прямые понятия о настоящем положении и даже намерениях этих ненадежных союзников.

Армия турецкая при ее теперешнем образовании представляет беспорядочные и негодные толпы бродяг без всякой команды с самым дурным направлением воли. Знание военного дела заменяется смешным подражанием европейской одежде, строгие правила исламизма перешли к самому отвратительному пьянству и безобразной безнравственности, и сборища людей, одетые в нескладные полугерманские мундиры, составляют так называемые регулярные полки. Выбор начальников по большей части есть дело слу-

* Чрезвычайно каменистый грунт земли и тяжелые горные переходы должны обратить особое внимание на ковку кавалерийских и артиллерийских лошадей, и кажется, что в этом случае было бы полезно перенять обыкновенную турецкую подкову. Она состоит из круглой железной пластинки с небольшим отверстием в середине, таким образом вся внутренняя часть копыта предохранена от частых ушибов и стрелка не касается твердых и часто остроконечных камней, шесть же гвоздей с высокими шляпками заменяют наши шипы – *примечание автора*.

чая, и полковые командиры, которых, как и последнего солдата бьют палками, обыкновенно выбираются из приближенных известных сановников, средства же к достижению этого почетного поста в армии состоят в частных угождениях и почти всегда потворстве бесстыдной прихоти разврата. Европейских учителей или опытных и хорошо знающих свое дело офицеров в анатолийских полках вовсе нет, и они заменяются немногими из людей, служивших в Константинопольском гвардейском образцовом отряде; число их совершенно недостаточно и самые знания не превышают ничтожных понятий о ружейных приемах, умения пригнать амуницию и самых первых правил учебного шага. Легковерие и самобытное бахвальство выражают настоящий характер всех распоряжений, и полное невежество искореняют даже начала всякого рода улучшений и настоящего разума преобразований. Часто позорные прозвища считаются признаком удалства, и один их дивизионных генералов носит и теперь общее прозвание Саргош Али-паши, т. е. пьяницы. Разделение регулярных войск принято по образцу нашей армии прежде последнего ее переформирования. Пехотная дивизия состоит из четырех полков, каждый полк имеет по два батальона действующих и один запасный, считая в полном составе до тысячи человек в батальоне. Дивизией командует паша, полковые командиры называются миралаями и старшие из них заведуют бригадами, батальонные командиры обыкновенно бин-баши (тысячники), юз-баши (сотники) есть то же что наши капитаны или ротные командиры, потом следуют младшие юз-баши командующие взводами, и наконец, он-баши (десятники) или унтер-офицеры. Для различия чинов приняты серебряные, золотые и бриллиантовые знаки, которые носят под левым плечом или на обеих сторонах груди. Бриллиантовый султанский вензель с лаврами, полулунием и тремя небольшими звездами есть отличие паши командующего дивизией. Миралай носит также вензель султана из бриллиантов с полулунием, но без звездочек и менее богатый. Бин-баши имеет полулуние и три бриллиантовые звездочки; старший юз-баши с обеих сторон имеет золотые полулуния с тремя звездочками, младший – тот же знак, но с одной стороны, и наконец, он-баши отличается серебряным полулунием с одной звездочкой.

Вооружение пехотного солдата (айя-аскер) состоит из ружья с трехгранным штыком* и рода полусабли (которая удобнее и лучше нашего тесака), ранец, пригонка амуниции, шинель и даже мундир после константинопольской экспедиции** сделаны на образец русских, но вообще искажены и перепорчены. Головной убор ограничивается красной феской (ермолка) с большой синей шелковой кистью, в гвардейском же отряде введены кивера наподобие казацких. Обувь во всей армии*** состоит из чрезвычайно неловких и почти негодных к употреблению кожаных башмаков, и часто случается, что люди выходят в строй в туфлях или совсем босыми. Регулярная кавалерия, за исключением гвардейских полков, находится несравненно в худшем положении, чем самая пехота, перемена костюма дает ей самую безобразную наружность, неумение же обращаться и сидеть на полугерманских седлах сделало из лихих наездников людей, которые с трудом держатся на лошадях, дурно ими управляют и при каждом построении не только теряют равенство фронта, но даже сливаются в прежние иррегулярные толпы, с той только разницей, что они уже не имеют ни той запальчивости, ни той силы нападения, которыми всегда отличались удалые наезды азиатской конницы. Кавалерийский полк находится, также как и пехотный, под командой миралая и состоит из шести эскадронов. Бин-баши командуют эскадронами, юз-баши – взводами. Вооружение кавалериста (атлы-аскер) состоит из пики, наподобие наших уланских, дурной полугерманской сабли и еще худших пистолетов в кобурах. Оружие вообще, как в кавалерии, так и в пехоте, находится в самом дурном положении и покрыто ржавчиной, оно служит посмешищем старых турок, для которых прежде оно составляло первое условие щегольства и даже самобытной гордости.

Часть армии, которая получила некоторые улучшения со времени последней войны, есть артиллерия. Топчи или артиллери-

* Ружья регулярных войск совершенно такие же, как и наши, но только несколько короче – *примечание автора*.

** Имеется в виду десант русских войск на Босфоре в 1833 г. – *примечание составителей*.

*** Гвардейский отряд, как и кавалерия, носят сапоги и чрезвычайно ими щеголяют – *примечание автора*.

сты вообще выбираются из расторопных и ловких людей. Полевые орудия, которые находились в анатолийских войсках, уже все без изъятия запряжены были лошадьми и рассортированные по калибрам, они имеют двухколесные зарядные ящики, наподобие наших, упряжь почти такая же, но стой только разницей, что вместо хомутов у них введены шлейки. В азиатской армии каждая пехотная дивизия имела при себе по четыре и по шести орудий 6-фунтового и 12-фунтового калибров. Построения, зарядание и стрельба делаются весьма изрядно, но верность выстрелов вообще предоставлена случаю.

Жалование войск довольно велико, полковой командир получает от 30 до 40 пиастров в день, т. е. от 900 до 1200 пиастров в месяц или от 2700 до 3600 рублей в год. Бин-баши имеют от 750 до 900 пиастров в месяц, юз-баши – от 450 до 600 пиастров в месяц, он-баши – от 250 до 300 пиастров в месяц, и наконец, солдат получает 20 пиастров в месяц и сверх того по 30 пар в день на его приварок и мелочные расходы*. Плата этих денег производится обыкновенно довольно исправно, но остальные отрасли внутреннего устройства и вообще хозяйственные распоряжения находятся в самом жалком положении и в совершенном беспорядке. Полки до сих пор не имеют своих мастеровых, и потому постройка амуниции и вообще все принадлежности одежды и обуви делаются в Константинополе и присылаются к войскам совершенно готовыми, таким образом, каждый получает платье, сшитое по какому-то общему образцу, весьма часто несогласному ни с ростом, ни с дородностью каждого. Продовольственные снабжения и устройство постоянных и временных магазинов распределяется в виде повинностей на жителей, и эти поборы почти всегда делаются чрезвычайно тягостными и даже несоразмерными с настоящими способами края. Предварительные распоряжения для образования госпиталей считаются лишними, медики, или лучше сказать люди взявшие на себя это название, находятся только при главных начальниках, а потому больные и раненные остаются на руках народ-

* Пиастр во время моих разъездов равнялся 25 копейкам и его составляют 40 пар – *примечание автора*.

ных знахарей, лазаретные же вещи и все потребности для содержания больных собираются по домам. Приказы в полках и даже в больших отрядах отдаются через крикунов, которые всякое утро и вечер громогласно провозглашают волю начальника во услышание всех и каждого, и не только из полковых командиров, но даже из пашей или генералов есть люди, не знающие грамоты. Таким образом, начальные условия преобразования войск могут считаться только исключительной принадлежностью немногих полков, собранных в Константинополе, в остальных же частях главных сил армии нововведения и регулярность получили самое ложное и самое бессмысленное направление, и теперь существующие регулярные войска не могли бы остановить даже ничтожного неприятеля. Можно сказать, что в настоящее время самостоятельная сила Турции заключается единственно в богатых средствах края, остатках прежней воинственности и возможности народных ополчений; армия не существует, но избыток разнородных способов, несмотря на общую слабость государства, еще представляет готовые материальные части достаточные для образования значительной массы. Народонаселение края свободно доставило бы людей крепкого сложения и совершенно способных к военной службе, даже народная милиция, собранная по последним распоряжениям султана, уже может считаться надежным резервом готовых рекрут. Со строгим выбором начальников еще нашлись бы люди здравого ума, которые могли бы обновить упавший дух войск и с твердой волей способствовали бы к их постепенному образованию. Одежда, оружие и другие принадлежности находятся и теперь в полном изобилии, а потому оставалось бы найти верных наставников из европейских ветеранов, приготовить знающих офицеров и, изучая основные свойства регулярного строя, обратить главное внимание на общее согласие движений и настоящую совокупность массы. И в этом случае войска Египта могут служить самым близким и самым верным примером.

Европейское устройство в армии Али-Мегмет-паши началось гораздо позже и, несмотря на несоразмерность способов, оно имело совершенно разные выводы.³⁶ В Турции главные заботы были обращены на перемену одежды и мелочные подробности наружного вида

войск. Выбор наставников казался делом ничтожным, и новобранцы, едва знающие общий батальонный или эскадронный расчет, принимали название регулярных полков и оставались без всякого руководства. Случай и прихоть назначали офицеров и люди, которые менее других разделяли народный фанатизм, пользовались правами высшей власти. Напротив того, в египетской армии еще и до сих пор почти нет ни одного полка, который бы не имел постоянного учителя из европейцев, одежда же сохранила национальность, в ней нет ничего лишнего, ничего для украшения, и между тем, в тамошнем климате она чрезвычайно удобна. Главное же внимание было обращено на выбор офицеров и устройство необходимой подчиненности. Войска набирались из туземных жителей или арабов, но людям этим едва дано было право на унтер-офицерский чин, общее же управление армии составило исключительную принадлежность остатков прежних мамелюков и приближенных самого паши из разнородных выходцев Турции и Кавказа. Таким образом, при самом начале образовалось верное разделение класса солдат и высшей власти офицеров. Щедрое и необыкновенно большое жалование в короткое время доставило многих, которые добровольно искали службы паши. Полковые командиры назначались из людей известных своей преданностью и отличавшихся хотя простыми, но здоровыми понятиями. Дурная служба заставляла терять значительные выгоды, повышение же доставляло большие преимущества, а потому каждый действовал по собственному убеждению, самый фанатизм уступал воле паши, европейцы получили достаточную власть, чтобы передать их знания и корпус офицеров составил самых доброхотных и верных сотрудииков.

Сверх того, неусыпная и вместе разумная деятельность Али-Мегмет-паша следила каждое нововведение, войска образовались под его собственным надзором, и почти стотысячная армия в течение самого короткого времени получила полную самостоятельность. Впоследствии тяжелая война и несоразмерность числительной силы войск со средствами края ослабили общий состав армии. Неисправный платеж жалования вынудил многих офицеров оставить службу паши. И наконец, самые обстоятельства имели невыгодное и дурное влияние даже в нравственном смысле, но несмотря на то, вой-

ска египтян еще несравненно лучше турецких, и превосходство это обозначается не только частными принадлежностями знания регулярного строя, но и в самых основных началах главного устройства. Египтяне, или, по крайней мере, паша и некоторые из полковых командиров, еще желают улучшений, и они убеждены в необходимости верных наставников и непрерывных практических занятий. Понятия же турок ограничиваются переменной одежды и самым бессмысленным бахвальством совершенного знания своего дела. Особенно после константинопольской экспедиции кажется, что каждый турок, которому удалось взглянуть на русских, уже считает себя способным быть лучше русского солдата. В войсках султана офицер и солдат могут считаться товарищами, они находятся в одинаковой степени просвещения, имеют одинаковые привычки и совершенно равные понятия, а потому подчиненность почти не существует и делается приметной только в отношении полковых командиров и высшего начальника. У египтян же между офицерами и солдатами находится резкая черта, и управление армии есть принадлежность людей, которые со времен мамелюков составляли особый класс и всегда пользовались правами уважения и старшинства.

Самый народный характер доставляет значительные превосходства египтянам и каждый из них несравненно способнее к быту солдата. В первом положении поселянина араб привыкает к суровым недостаткам самой безобразной нищеты и невероятным трудам, а потому, поступая в войска, положение его делается лучшим и военная деятельность кажется для него забавой. Турецкий же солдат оставляет спокойную и беспечную жизнь, идет наперекор природной гордости, отказывается от всех своих привычек, и наконец, лучшее его наслаждение или полную бездейственность он меняет на принадлежности тяжелого труда военного дела. Можно сказать, что самая самобытность этих двух народов выражается совершенной противоположностью: суровый и вместе задумчивый и гордый нрав турка придает ему какое-то убеждение собственного превосходства, каждый считает себя предназначенным для чего-то высшего, и каждый как бы рожден властвовать по воле самого Аллаха. Напротив того, араб в минутной забаве забывает все невыгоды своего положения, и даже болезненный труд и самую нищету; природная живость

и левоверная опрометчивость есть отличительные черты его характера. Каждое впечатление быстро отражается в его разуме, дает ему необыкновенную способность перенимать все, и между тем, понятия с той же скоростью сменяются новыми предметами. Сверх того, мелочная хитрость, пронырство и общая склонность к обману выражают полное отсутствие самостоятельных достоинств, страх наказания есть единственный поборник зла, а потому влияние посторонней власти делается необходимостью, и каждый по самым свойствам характера как бы осужден к неперемennomу рабству. Трудно было бы найти солдат столько безнравственных, каковы арабы, но между тем суровая строгость удерживает их в полном повиновении и они терпеливо переносят самые тяжелые труды, довольствуются ничтожной пищей, и общий навык доставляет им особую способность делать неимоверные переходы.

Одежда египетских войск состоит из узкой куртки, вроде камзола с рукавами, плотно застегнутой на крючках, и чрезвычайно широких шаровар со сборами, которые до колен представляют род юбки, далее же идут узкими и совершенно обтянутыми штиблетами, также застегнутыми на крючках. Шерстяной широкий кушак, закрывая живот, держит куртку и шаровары. Головной убор ограничивается красной феской (ермолка) с синей шелковой кистью, как и у турок, но с той только разницей, что у египтян феска несравненно меньше и она носится с большим щегольством. Платья солдат вообще делаются из толстого бумажного полотна и полки отличаются цветом одежды. Обувь состоит из башмаков, вроде туфель, и надевается обыкновенно на босую ногу. Шинель шьется из толстого сукна и представляет длинный и довольно узкий плащ с капюшоном или башлыком. Офицеры, кроме обыкновенной солдатской одежды, имеют еще прежнюю мамелюкскую куртку или верхний камзол с разрезными рукавами, которые висят сзади, как у наших черноморских казаков. Они вообще одеты с большим щегольством, оба камзола и нижняя часть шаровар вышиваются шелковой тесьмой по обыкновенному азиатскому обычаю, платье шьется из тонкого сукна, в летнее же время из коленкора, и общий вид одежды, кроме чрезвычайного удобства, сохраняет весьма красивую и весьма приличную наружность.

Вооружение пехотного солдата ограничивается европейским ружьем с трехгранным штыком и сверх того, он несет на себе суму для патронов и ранец, офицеры же и унтер-офицеры имеют азиатские сабли на поясной европейской португее. Кавалерийские полки состоят из гусар и улан, первые вооружены саблями, пистолетами в кобурах и карабинами на седле, вторые же сверх того имеют уланские пики. Конская сбруя состоит из полу-венгерского седла с прибором и ременного мундштучного оголовника с азиатскими удилами. Вьюк кавалерии состоит из принадлежностей нашего легкого кавалерийского вьюка с некоторыми ничтожными изменениями. Одежда в кавалерии та же как и в пехоте, но гусары отличаются черными на груди шинурками, и притом люди имеют сапоги со шпорами. Пехотный полк состоит из трех батальонов, по тысяче человек каждый, но после турецкой войны войска расположенные в Сирии вообще имеют двух-батальонный состав. Чины армии носят те же названия, как и у турок, и даже командные слова переведены на турецкий язык. Каждый полк непременно имеет одного из европейских учителей и одного медика также из европейцев. Дивизию составляют четыре полка, а бригаду два полка. Общий строевой расчет и даже самые построения делаются по образцу французских войск, рекрут учат учебному шагу, вообще же принят один шаг, который составляет среднее между нашим тихим и скорым. Движения и ломки фронта идут довольно быстро и с весьма достаточным согласием, особенное же внимание обращено на беглость батального огня, люди заряжают скоро, выдерживают на прикладе и не мешают друг другу.

Кавалерия расположенная в Сирии в мое время была в четырех-эскадронном составе, она отличается добротой своих лошадей, амуниция пригнана хорошо, люди поодиночке вообще могут считаться хорошими кавалеристами, они хорошо ездят, надежно управляют лошадью и даже ловко владеют пикой и саблей, но в общей массе построения идут еще несогласно и часто теряют самую совокупность. Большая часть кавалерийских полковых командиров природные уроженцы Кавказа, доброохотность и здравые понятия этих людей обращают на себя особое внимание, и нет никакого сомнения, что с общим рвением этих надежных офицеров войска непременно будут иметь самые быстрые успехи.

Артиллерия, как пешая, так и конная, находится в весьма хорошем положении, первое ее устройство было положено опытным и хорошо знающим свое дело европейцем (Секвера, уроженец Испании)*. Прислуга выбрана из расторопных и ловких людей, большая часть офицеров уже имеет весьма положительные понятия, построения делаются быстро, зарядание и пальба идут с должным порядком и с весьма достаточной скоростью, механическое же устройство лафетов, зарядных ящиков и упряжи составляет сильное подражание французской артиллерии. Инженерная часть получила также первое начало, принадлежность же внутреннего хозяйства, как и в турецкой армии, находится в полном и совершенном беспорядке. Сверх регулярных войск, египетская армия имеет у себя значительные толпы конных бедуинов, которые в военное время могут доставить чрезвычайную пользу. Шайки этих удалых наездников несравненно лучше наших казаков (за исключением, однако, линейцев), в случае нужды они пользуются преимуществами рассыпного строя, и запальчивость их атак может быть напомнила бы наезды мамелюкской кавалерии. Вооружение бедуина состоит из тонкой бамбуковой пики, сабли, пистолетов за поясом и длинного ружья со штыком, которое он возит за спиной. Главная же их сила заключается в необыкновенной ловкости чрезвычайно сносных и чрезвычайно быстрых лошадей чистых арабских пород.

Состав настоящей египетской армии может считаться до 50 тысяч, впрочем, общее наименование полков и подробность частных подразделений были бы, без сомнения, лишними после общего расписания доставленного египетским правительством и точных донесений полковника Дюгамеля. Числительная сила войск может измениться, но судя по всем соображениям, во время войны египтяне ни в каком случае не могли бы ввести в Анатолию более тридцати тысяч. Бороться с европейской армией им было бы еще чрезвычайно трудно, но между тем, необходимо было бы обратить особое внимание на первые встречи, ибо от большего или меньшего превосходства начальных дел, может быть, зависела бы

* Вероятно имеется в виду Жозеф Севе, известный как Сулейман-бей (1788–1860) французский офицер, уроженец Лиона, участник наполеоновских войн и реформирования египетской армии. — *примечание составителей.*

участь целой кампании. После потерянного сражения всякая азиатская армия приходит в совершенный упадок, первая же удача придает ей чрезвычайную смелость и даже самостоятельную силу.

Топографическое описание глазомерно снятых дорог

№ 1 Дорога от г. Фасса через Сивас до Алеппо

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
г. Фасса д. Финдекси 53 версты, 9 часов	г. Фасса д. Кай-киой	19	3½	Довольно удобны
	Чек-дереси	12	2½	Гористая и трудная
	Финдекси	22	3	Гористая и трудная
г. Никсар 75 верст, 14 ½ часов	Высоты Яйла-дагы	25	5	Довольно гористая и местами трудная
	Кая-боюз-даг	22	4½	Лесистая, но довольно удобная
	г. Никсар	28	5	Тяжелый спуск к Никсару, но дорога вообще проходима
г. Токат 50 верст, 8 ½ часов	Тазанлы-дереси	24	5	Удобная
	Токат	26	3½	Удобная
Каргун-киой 51 верста, 10 часов	Долина при подошве Курталы-даг	18	3	Гористая, но удобная, за исключением подъема из города
	Тамлы-дереси	26	5	Удобная
Сивас 52 версты, 10 часов	Высоты близ Кады-киой от Тамлы-дереси	22	4	Удобная
	Развалины Эана на Мерикун-оваси	22	5	Удобная

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
	Сивас	14	3	Удобная, хоть и каменистая
д. Улаш 34 версты, 6 часов	Хестера-ирмак	18	3½	Удобная, но довольно трудный подъем от долины Кызыл-ирмака
	Улаш	15½	2½	Удобная
Манжелык 45 верст, 10 часов	Караса	16	3	Удобная
	Хумарлы-дереси	24	6	Удобная
г. Гюрюм 53 версты, 11 часов	До Гюрюма должно считать три перехода по большой повозочной дороге, прямая же для войск непроходима			
г. Деренде 35 верст, 6½ часов	Долина Токмак-су	20	3½	Гориста, но удобна
	Деренде	15	3	Удобна, но крутой спуск к городу
г. Альбистан 61 верста, 12 часов	Каменные львы	19	4	Тяжелый подъем, но потом удобная
	При спуске на равнину	24	5	Удобная
	Альбистан	18	3	Удобная
д. Нурхах 36 верст, 9 часов	Долина за вторым перевалом	16	4	Довольно удобная
	Нурхах	20	5	Каменистая и трудная
д. Болхар 61 верста, 15½ часов	Долина вблизи Амарст-хане	20	6	Трудная
	Мост Алтын-кюпри или Золотой	21	4½	Переход через главный кряж Тавра, дорога тяжела и дурна

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
	Болхар	20	5	Хорошая
Антеп 92 версты, 21½ часов	Высоты Дерекли	23	6	Хорошая
	Равнина у подножия Тамлы-даг	24	7	Удобная, но каменистая
	Долина на высоте д. Каракызыл	24	5	Каменистая, хотя ровная
	Антеп	21	4½	Удобная
Кармаир 45 верст, 11 часов	Чеспола	19	5	Удобная
	Кармаир	26	6	Удобная
Алеппо 44 версты, 12 часов	Мост при д. Куль	19	5	Удобная
	г. Алеппо	25	7	Удобная

Подробное описание. Дорога от Фассы идет первые две с половиной версты по правому берегу р. Кечь-дереси и пролегает в самой долине, потом она вьется косогором левой стороны, пересекает многие овраги и небольшие ручьи, и вообще первые 16 верст она довольно хороша, далее же на расстоянии 3-х верст крутой подъем составляет тяжелый въезд к д. Кай-киой, близь которой высоты представляют некоторые удобства для расположения войск. От этой деревни скаты образуют тяжелые подъемы к Папас-дагы и дорога, взойдя на самые гребни хребта, вьется оным более 25 верст. Пролегая по волнистым откосам непрерывных подъемов и спусков, заросших частым и чрезвычайно крупным лесом на 53 версты от Фассы, дорога спускается в глубокую долину и достигает д. Финдекси, расположенной на половине северного ската. Дурные места дороги с небольшими усилиями могут быть исправлены, в особенности тяжелые пространства ограничиваются подъемом на высоты Папас-дагы. Горы вообще покрыты строевым лесом, долина Кечь-дереси хорошо обработана и первые 12 верст скаты

обоих берегов представляют как бы одну рассеянную деревню. Грунт земли состоит из красной глины перемешанной с известняком, и во время грязей значительные топи делают дорогу вовсе непроходимой.

От Финдекси дорога идет первые шесть верст по левому берегу р. Кечь-кира-дереси, пролегая пологими скатами гор образующих долину, далее же она переходит через речку, и, поднявшись по крутому подъему, идет вдоль небольшого ущелья до д. Чайралан-киой; на 19-й версте снова начинает подниматься на высоты хребта Яйла-даг, которого гребни находятся на 25-й версте, в сем месте дорога имеет два чрезвычайно крутых подъема, самые же вершины хребта состоят из плоских возвышений весьма удобных для расположения войск, спуски Яйла-дагы идут вдоль небольшого ущелья покрытого сосновым лесом. На 39-й версте дорога переходит р. Термию и снова подымается на хребет Кая-боюз-даг, отделяющий воды Термии от Кулей-гисар-су. Подъем на расстоянии двух верст довольно крут, но далее он составляет пологий скат, покрытый густым сосновым лесом и дорога, идя почти ровным местом, выходит на высоты Кая-боюз-даг, образующие на 47-й версте плоские вершины. От них дорога спускается по отлогому скату к д. Авруста, расположенной на крутом уступе вершин Кая-боюз-дага в 63-х верстах от Финдекси, и только в 8 верстах от Никсара, к которому идет один крутой и чрезвычайно перерезанный спуск. Вообще дорога может быть исправлена и в сухое время она не представляет больших затруднений, на речках находятся деревянные мосты, и на Термии довольно хороший, прочие же потоки составляют ничтожные ручьи везде проходимые вброд, грунт земли глинистый и местами каменистый. Горы покрыты лесом и в особенности южный скат Яйла-даг.

Г. Никсар имеет до 2800 домов, расположенных у подошвы Кая-боюз-дага при входе в небольшое ущелье, идущее от д. Авруста. С одной стороны город примыкает к широкой долине Кулей-гисар-су, с другой же он окружен высокими горами. Крутой спуск, идущий от Аврусты, прорыт глубокими оврагами и в некоторых местах чрезвычайно каменист. Долина имеет от 6 до 8 верст ширины, хорошо обработана и богата хлебом, здесь войска нашли бы выгодное место для огромного лагеря. Река Кулей-гисар-су составляет в обыкно-

венное время года небольшой ручей, имеющий на всем своем протяжении хорошие броды, но весной и осенью разливы ее чрезвычайно велики, и тогда она образует быстрый поток, имеющий от 15 до 20 сажен ширины, так что переправа через оную довольно затруднительна и обыкновенно учреждается на дурном пароме. От Никсара дорога пересекает широкую долину Кулей-гисар-су, и, перейдя речку вблизи д. Гиню-киой, входит в небольшое ущелье, вдоль которого, постепенно подымаясь в гору, на 16-й версте выходит на возвышенную площадь открытой местности. Ущелье покрыто лесом, но дорога вообще хороша и удобна для самых больших тягостей. Далее она принимает несколько вправо и спускается на пологости нагорного берега Тазанлы-дереси. Дорога постепенно сближается с рекой и, пролегая пологими откатами, на 41-й версте переходит по хорошему каменному мосту на левый берег, идет у подошвы гор и на 53-й версте достигает Токата. Последние 6 верст она идет садами, которыми покрыты оба берега долины. Дорога от самого Никсара совершенно хороша, грунт земли твердый и даже в некоторых местах несколько песчаный. Вблизи самого Токата дорога круто поворачивает влево и входит в город, который расположен в тесном котле, окруженном с трех сторон крутыми обрывами. Город имеет от 7500 до 8000 домов.

От Токата первые 3½ верст дорога ведет крутым подъемом на вершины гор, образующих сдвинутое ущелье города, потом идут высоты более плоские, которые на 16-й версте сливаются в обширную равнину, за ними же дорога, идя вдоль ущелья, подымается на высоты Курталы-дагы, подъем сей крут и труден на протяжении 2-х верст, потом, взойдя на хребет, дорога постепенно спускается вдоль небольшого ущелья и на 35-й версте, поворачивая влево, переходит еще новую отрасль гор, от которой идет отлогим спуском к довольно широкой долине Тамлы-дереси. На 42-й версте она переходит речку вброд и потом, пересекая небольшую гряду высот, спускается на обширную равнину, по которой течет Юлдус-ирмак. Равнина эта имеет от 3-х до 4-х верст ширины и до 5 верст длины и составляет плоское подножие горы Юлдус-дагы. Д. Каргун расположена на юго-восточной ее стороне. Равнина чрезвычайно удобна для большого лагеря, хотя дрова должно было бы доставлять с последних

отраслей хребта, называемого сосновыми горами. Дорога вообще удобна для провоза тягостей и только в некоторых местах она потребовала бы исправлений. Тяжелые и дурные места находятся при подъеме из Токата, 3 ½ версты, и при въезде на высокий хребет Курталы-даг, грунт земли глинистый и каменистый, горы покрыты кустарником и редким сосновым лесом. Страна имеет дикий и пустой вид, хотя жители сеют много хлеба, садов вовсе нет, скотоводство ничтожно за недостатком корма во время продолжительной и постоянной зимы.

Дорога от д. Каргун, пересекая небольшие откаты высокой горы, выходит на широкую долину Юлдус-ирмака и идет вдоль левого ее берега у самой подошвы скатов; на 11-й версте, где горы сближаются с рекой, оканчиваясь обрывами, дорога пересекает несколько небольших лощин и на 16-й версте переходит через р. Кады-киой-дереси. В этом месте высоты представляют некоторые удобства для помещения войск. Далее дорога подымается крутым подъемом на довольно высокие горы и на расстоянии 16 верст идет пологими скатами чрезвычайно возвышенной и перерезанной местности, на 32-й же версте она спускается на обширную равнину Мерикун-оваси, потом за нею идет в глубокое корыто долины Кызыл-ирмака и достигает Сиваса. Этот последний спуск на расстоянии 2½ верст чрезвычайно крут. Вообще же дорога от самого Токата не представляет больших затруднений. Самые тяжелые места находятся при подъеме на Курталы-даг и спуске с равнины в глубокий яр Сиваси. Грунт земли глинистый и только в некоторых местах каменистый. Горы состоят из слоев известкового камня. Высоты покрыты кипарисовым кустарником и редким сосновым лесом. Сивас расположен на краю широкой долины Кызыл-ирмака и имеет до 5600 домов.

Дорога от Сиваса пересекает долину и в двух верстах от города переходит через р. Кызыл-ирмак по хорошему каменному мосту, с которого вправо идет дорога на Кесарею, далее крутой подъем ведет на высоты нагорного берега, но на 7-й версте снова начинаются пологие высоты, которые идут до 19-й версты, потом высокая местность покрыта отдельными группами небольших холмов и на 34-й версте дорога вступает в д. Улаш, расположенную в широкой долине

на берегу небольшого соленого озера. Влево остаются крутые утесы Делекли-таш. Дорога везде хороша и проходима для тягостей.

От Улаша дорога идет вдоль долины, оставляя влево высокую каменистую гору Делекли-таш, которая и составляет левый нагорный берег, правый же образуют пологие высоты. Дорога вообще ровная и хорошая и на 17-й версте она проходит д. Карасса, потом, поворачивая влево, она идет отлогим скатом и подымается на пологие высоты, составляющие середину общей возвышенности. Дорога пересекает равнину и на 35-й версте выходит на берег р. Хумарлы-дереси, вдоль которой и лежит до 24-й версты. Здесь она поворачивает вправо и, перейдя через высоты нагорного берега, спускается к небольшой речке и, идя вдоль оной, достигает деревни Манжелык, расположенной на скатах небольшого ущелья. Дорога везде ровная и широкая. Нагорные берега р. Хумарлы-дереси состоят из крутых и высоких глинистых обрывов, оканчивающихся почти горизонтальной плоскостью. Грунт земли несколько песчаный и местами известковый, страна малонаселенная, высокая и богатая только подножным кормом, леса вовсе нет и он доставляется с гор за 4 и 5 часов.

Д. Манжелык находится в стороне большой дороги идущей из Сиваса в Гюрюм. Путь этот идет долиной Хумарлы-дереси и потом, пересекая небольшие высоты Дели-бель, проходит Хан-Сатчелак, расположенный в довольно широкой долине небольшой речки и, судя по уверениям жителей, дорога эта удобна для провоза тягостей, по крайней мере, она считается повозочной. Ведущая же через Манжелык подымается на гору по небольшому, но чрезвычайно каменистому подъему. Потом она идет равниной до 10 верст и снова подымается на крутую и каменистую гору. В этом месте дорога завалена камнями, и в случае нужды потребовала бы больших предварительных исправлений, хотя разработка оной весьма возможна, в особенности, если провести оную внизу самого ущелья. Далее дорога идет, постепенно подымаясь в гору и, хотя скаты довольно отлоги, но дорога на протяжении 13 верст представляет большие затруднения. На 22-й версте она спускается с высоты гор и пролегает местностью перерезанной глубокими лощинами, пройдя же крутые скаты нагорного берега речки идущей близь Хан-Сатчелак, она входит на 40 верст в узкое и утесистое ущелье,

которым и спускается в глубокую долину Гюрюма. Самый спуск вовсе непроходим для тягостей и его исправление было бы чрезвычайно затруднительно. Вообще дорога от д. Манжелык камениста и дурна. Грунт земли глинистый и скаты покрыты крупным известковым камнем, берега же ущелья состоят из плит песчаника. Небольшой городок Гюрюм расположен в глубоком прорезе долины Токмак-су. Долина реки окружена со всех сторон утесистыми горами и представляет узкое ущелье вовсе неудобное для расположения и действия войск. В городе считают до 1250 домов. От Гюрюма дорога идет вдоль левого берега р. Токмак-су, пересекая небольшие овраги. Она проходит на 3-й версте д. Кюбень и на 10-й Белель и, перейдя реку вброд, на 18-й версте подымается на довольно высокую гору, спустившись с которой выходит на пологий скат долины весьма удобный для расположения войск. Далее, идя в половине ската высокого нагорного берега через глубокие овраги, дорога входит на 32-й версте в утесистое ущелье, вдоль которого спускается к г. Деренде. Спуск, хотя каменист и крут, но дорога довольно хороша. Город Деренде имеет до 2000 домов и расположен на небольшой равнине, окруженной со всех сторон утесистыми горами. От одного дорога подымается на крутизны высоких отраслей, пересекает глубокие рытвины и, перейдя через небольшую речку близ д. Ашеды на 6-й версте, идет по чрезвычайно крутому подъему более 3-х верст. Вообще дорога при спуске в долину Деренде и до самой вершины этой последней горы представляет значительные затруднения. Далее, взойдя на вершину горы, она идет совершенно плоскими и пологими высотами, на 19-й версте проходит близ двух каменных львов, где находятся три родника хорошей воды. Потом дорога идет пологими скатами, пересекает несколько лощин и на 38-й версте, идя вдоль небольшого ручья, спускается на обширную равнину, в конце которой она достигает Альбистана. Равнина простирается вдоль последних откатов Тавра и имеет около 45 длины и от 5 до 16 верст ширины. С трех сторон она окружена отраслями Тавра, с четвертой же ее ограничивают плоские высоты общей возвышенности. Г. Альбистан имеет до 1000 домов.

От Альбистана дорога идет сначала у подошвы гор, потом поворачивает направо вдоль небольшого ущелья и на 6-й версте

подымается на высокую отрасль хребта. Подъем этот довольно высок, но дорога хороша и удобна для провоза тягостей. Далее она спускается в долину и, оставляя вправо идущую в Мараш, снова переходит через небольшой перевал и пролегает пологими скатами, пересекая небольшие горные ручьи. На 23-й версте дорога постепенно подымается на гребни значительных высот и от оных идет по крутому спуску, перерезанному глубокими оврагами. В этом месте она представляет узкую тропу заваленную камнями. Далее, обогнув несколько оврагов, дорога пролегает отлогими скатами и на 30-й версте снова подымается на каменистую отрасль гор, спуск с которой, хотя и невелик, но чрезвычайно каменист. Здесь теснина может быть удержана с небольшим числом войск, у ее же подножия расположена д. Нурхих. Вообще дорога может быть исправлена и она представляет значительные затруднения только на протяжении 12 верст от 20-й версты до 32-й, на 36-й же скаты весьма удобны для расположения войск. Горы, начиная от Марашской дороги, покрыты редким кипарисовым лесом, местность высокая, малонаселенная и жители состоят из курдов.

Дорога от Нурхих сначала идет пологими скатами, перерезанными крутыми лощинами, но на 4-й версте подымается по каменистому подъему и на 7-й версте входит на вершину Деве-боюндаг. Здесь, хотя она и пролегает отлогими скатами, но чрезвычайно камениста и во многих местах узка. Далее, спустившись по каменистому спуску, она выходит на ровную площадь и, принимая вправо, идет лощинами до 23-й версты, где пройдя Амарат-хан, поворачивает влево, и постепенно подымаясь в гору, на 27-й версте идет крутым подъемом до 32-й версты, где входит на вершины Тавра, который принимает название Кестир-дага. Подъем этот довольно хорош, и хотя теперь существующая дорога удобна только для вьюков, но с небольшими исправлениями артиллерия и тягости не найдут неодолимых препятствий. Дорога, взойдя на вершины высокого Кестир-дага, идет извиваясь вдоль утесистого обрыва, крутой спуск идет на протяжении 10 верст, где дорога, выйдя в долину Гек-су, переходит реку по мосту называемому Алтын-кюпри. Вообще от самого Альбистана дорога представляет большие затруднения для провоза военных тягостей, но для следования войск она

никогда не может считаться непроходимой, ибо небольшие исправления были бы достаточны, чтобы сделать ее довольно удобной. Грунт земли глинистый, и хотя горы принадлежат к каменистой породе, но низменные полости покрыты известковым камнем. Река Гек-су составляет довольно широкий горный поток. Летом речка имеет в нескольких местах броды, весной же и осенью она может затруднить переправу, ибо быстрота ее не позволила бы учредить обыкновенного моста на козлах и должно было бы или устраивать плоты на двойных смычках, или сделать накидной мост, ибо ширина ее не превышает 10 сажень. От Алтын-кюпри идут две дороги, одна прямо в Антеп, и другая на Бесню. Первая дорога довольно гориста, вторая же пересекает небольшие высоты и выходит на широкую долину, в которой находятся три небольших озера, из коих ближнее называется Гель-баш. В этом месте одна хорошая и широкая дорога идет 15 верст у подошвы гор левого берега долины и на 63-й версте достигает д. Болхар. Другая же подымается на горы и идет через Пильник в Бесню, откуда снова выходит на Болхар. Сверх того, д. Пильник имеет прямое сообщение с этим селением и дорога, идущая в оное, пролегает в половине ската Курт-даг.

Дорога от Болхара идет в половине ската Курт-дага, она пересекает несколько оврагов и на 9-й версте подымается на довольно крутую гору Ортель-тепе, спустившись с которой вступает на 13-й версте в д. Белен, расположенную на ровном скате плоских высот. Вообще дорога от Болхара камениста и удобна только для выюков, но для тягостей находится другая, остающаяся в 3-х верстах вправо и идущая вдоль долины трех озер. От д. Белен дорога пересекает сначала волнистый скат, постепенно возвышающийся. Здесь она переходит д. Дерекли, близ которой высоты представляют удобное лагерное место. Дорога вообще хороша, но пересекая глубокие лощины, на 32-й версте она входит в небольшое ущелье и идет вдоль одного $3\frac{1}{2}$ версты, потом, пролегая пологими скатами, переходит через перевал хребта Танлы-даг и на 47-й версте спускается на ровную площадь расположенную у подошвы этих гор, которые своими отраслями окружают ее с трех сторон. Почти вся дорога от Дерекли камениста и дурна, грунт земли глинистый и пологие

скаты покрыты крупным камнем. Площадь у подошвы Танлы-даг, хотя и удобна для расположения небольшого отряда, но во время сильных жаров она имеет недостаток воды. Крутой подъем на высоты Танлы-даг вообще каменист, но после спуска в 2½ верстах дорога выходит на широкую долину, которой и пролегает 28 верст, идя совершенно ровными местами и пересекая небольшие пологие высоты. Долина покрыта крупным камнем, и даже самое исправление оной было бы соображено с большими затруднениями. Горы же составляющие берега оканчиваются легкими скатами и на 20-й версте от Танлы-даг образуют небольшой перевал, хотя вершины их все еще составляют одну и ту же длину. Далее же дорога идет вдоль долины к д. Сан, оставляя вправо дорогу идущую в деревни Инже-су, Джеде и Дезине. Потом она лежит по косоугору и, подымаясь на высоты небольшой отрасли, переходит пологую гору и спускается в равнину Антепа. Город этот имеет до 8 тысяч домов и расположен на плоскости окруженной пологими откатами Тавра. Небольшая цитадель, состоящая из каменной стены с четверугольными башнями, составляет его оборону, но укрепления эти незначительны, тем более, что высоты южной стороны совершенно командуют оным.

Из Антепа в Алеппо идут две дороги, одна через небольшой городок Килисса удобная для провоза всякого рода тягостей, по которой считается 9 часов, другая же, пересекая небольшую ложину, подымается на чрезвычайную гору Кара-таш по чрезвычайно дурному подъему. Потом на 8-й версте она проходит д. Мадма и от нее пролегает пологими и плоскими высотами. Вообще переход через гору Кара-таш совершенно неудобен для тягостей и дорога может быть избрана только в таком случае, если можно найти обход этой горы. Далее путь идет плоскими высотами и на 19-й версте, перейдя небольшой ручей, выходит на равнину образующую обширную степь. Здесь она изредка пересекает небольшие откаты гор и на 28-й версте идет как бы долиной р. Нияр-эль-Алепп, потом снова спускается к равнине и переходит два раза через эту речку на 49-й и на 63-й версте, идя последние 9 верст между садами, она снова переходит ручей и достигает Алеппо. Равнина имеет твердый глинистый грунт и составляет хорошие пастбища, в некоторых же местах она

обработана и покрыта небольшими деревнями, воды везде много, но леса вовсе нет и высокий бурьян должен заменить дрова.

Общее обозрение дороги. Местность, которой пролегает дорога от берегов Черного моря до Алеппо, представляет чрезвычайное разнообразие. До Токата гористый край покрытый лесом и перерезанный глубокими долинами рек Термии, Кулей-гисар-су и Тазанлы-дереси образует страну хорошо населенную и богатую своими произведениями; все северные скаты гор покрыты сплошными жилищами как бы одной разбросанной деревни. Далее дорога, подымаясь на высоты Юлдус-дага, лежит каменистыми скатами, обставленными разнородными группами холмов, перейдя же хребет, она спускается на плоскую возвышенность средней террасы. Суровость климата и бедность природы здесь составляют отличительные свойства страны. Деревни чрезвычайно редки, садов вовсе нет, и даже хлеб требует удобрения и некоторых усилий в разработке земли, вершины же гор покрыты дурным сосновым лесом и редким кустарником. Самая долина Кызыл-ирмака близь Сиваса, несмотря на значительное ее углубление, почти не имеет фруктовых деревьев и составляет местность бедную растительностью и едва только удобную для посевов пшеницы и ячменя. К стороне Альбистана наружный вид края принимает еще большую дикость, плоские пологости покрыты группами отдельных высот и перерезанные по разным направлениям небольшими потоками, служат необозримыми пастбищами кочевых курдов, леса нигде нет, строения состоят из каменных землянок и бедные деревни, кое где раскинутые, представляют верный очерк первого перехода от кочевой жизни к оседлости. Большая часть народонаселения сосредоточивается в двух городах Гюрюме и Деренде, расположенных в долинах, как бы глубоко прорезанных в общей площади главной возвышенности. Близь Альбистана же пологие скаты образуют широкую равнину, идущую у самого подножия высокого Тавра, которая, будучи покрыта деревнями и обработана, составляет резкую противоположность с дикой пустыней остальной части края. Далее дорога переходит горы Тавра, которые с северной стороны представляет длинный ряд высоких отраслей, с южной же оканчиваются крутым и утесистым обрывом. И исключая среднего кряжа, кото-

рого вершины во многих местах покрыты вечными снегами, горы имеют почти везде постепенные скаты и образуют долины удобные для обработки и населения, но жилища ограничиваются немногими турецкими деревнями и курдами хлебопашцами, которые по недостатку грабежа были вынуждены отказаться от приволья кочевой жизни. Местность дикая, пустая, каменистая и покрытая редким кипарисовым лесом. Южный же скат представляет быстрый переход от сурового климата северной стороны к разнообразию и богатству растений, свойственных полуденному краю. Горы после крутого обрыва сливаются со степями Сирии и горами Ливана, и за Антепом дорога идет пологостями, которые имеют довольно большое население.

В военном отношении дорога на всем пространстве до Алеппо может быть удобна для следования войск, и только от Фассы до Никсара движение большого отряда, и в особенности расположение оно на ночлегах, было бы затруднительно по причине непрерывных дефилеев и чрезвычайно перерезанной лесистой местности. Далее открытые высоты представляют все удобства для действий развернутым фронтом. Долины же Никсара и Токата соединяют в себе все условия выгодных лагерных мест. Переправы через речки Кулей-гисар-су и Тазанлы-дереси, неудобные к обороне, во всяком случае не могут представить значительных препятствий, и если бы пришлось брать дорогу с бою, то отступающий неприятель имел бы все преимущества сильного отпора только на высотах примыкающих к Токату. Вообще положение этого города чрезвычайно важно, ибо находясь на лучшей дороге из Самсуна в Сивас, он служит соединением прямых сообщений из Фассы, Иосгата и Карагисара, и притом пользуется защитой первых подъемов на высоты Юлдус-дагы. К Сивасу дорога довольно удобная и весьма немногие крутые и каменистые подъемы потребовали бы предварительной разработки, что, впрочем, возможно без больших усилий. Положение высот средней террасы представляет центральную позицию чрезвычайно важную в военном отношении, и сверх того, положение Джаника и окрестностей Амассии, Туркала и Токата богатых хлебом могут вполне обеспечивать продовольствие большого количества войск на продолжительное время.

Далее, перейдя Кызыл-ирмак, дорога идет плоской возвышенностью и пересекает пологие и открытые скаты. И до самого Альбистана войска могут быть затруднены одними только глубокими долинами Гюрюма и Деренде. Пройдя же Альбистан, дорога вступает в горы Тавра, которые образуя с северной стороны многие отрасли, представляют глубокие лощины, вдоль которых проходят постепенные и едва приметные подъемы. Оборона гор была бы затруднительна и почти невозможна, ибо отступающий неприятель озабоченный чрезвычайно дурным и обрывистым скатом южной стороны хребта, должен был бы отказаться от настойчивой защиты. За тяжелым же спуском идут пологости обширных и совершенно открытых степей, простирающихся до самого Алеппо. Укрепления Алеппо состоят из древней цитадели, построенной на высоком холме в середине города, который был обнесен прочной каменной стеной с большими четверугольными башнями, но землетрясение, обрушившее большую часть Алеппо, обратило и крепостные стены в груды развалин и полу-уцелевшие башни не в состоянии представить никакой защиты. Новая же крепость, которая строится по приказанию Ибрагима-паши, находится в версте от города на высотах несколько левее Антепской дороги и составляет две большие укрепленные казармы с довольно сильными бастионами на углах, назначенные для трех пехотных полков. Выгодное помещение войск и гроза городу, как кажется, есть основная цель этих укреплений. И хотя выбор местности довольно хорош, но будучи построены из белого камня с незначительными профилями и ничтожными сводами, они не могут доставить сильной обороны и едва только обеспечивают [от] нечаянного нападения.

Точки, к которым сходятся главнейшие боковые сообщения, есть Никсар, Токат, Сивас и Альбистан. В Никсаре проходят дороги из Карагисара в Амасию и прямой путь к Чшаршенбеку. К Токату сходятся дороги из Юстита, Сиваши, Амасии и Карагисара. Сивас может считаться общим соединением дорог средней Анатолии, к нему идут из Карагисара, Токата, Юстита, Малатии, Альбистана и Кесареи. Альбистан соединяет дороги в Мараш, в Малатию, в Сивас, в Кесарию, и наконец, через Бесню в Антеп.

**№ 2 От Диарбекира через Карпут и Малатию
до деревни Караса вблизи Сиваса**

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
г. Диарбекир Хан-Шербетли 32 версты, 6 часов	г. Диарбекир Речки Деве-Гечюн-чай	18	4	хорошая
	Хан-Шербетли	14	2	хорошая
г. Аргана 31 верста, 8 часов	г. Аргана	31	8	хорошая
Кыджин 40 верст, 6 часов	Аргана Маден	20	3½	чрезвычайно гористая и едва проходимая для вьюков
	Сардар-хан	18	3	трудная и гористая
	Равнина за д. Кыджин вблизи Такта-кюпри	14	3	удобная от Кыджин, но тяжелая при переходе через Маграп-дагы
Карпут 45 верст, 9 часов	д. Тегвин	24	5	тяжелая при спусках и переходе через Кегвин-даг, на остальных же пространствах удобна
	Мызра	21	4	удобная
Демир-таш-кийой 48 верст, 10 часов	Хан-кийой	18	4	удобная
	Начало ущелья на высоте Гасан-кийой	14	3	удобная
	Крепостца и хане Каджу-ялы-богаз на Евфрате	23	5	несколько камениста, но удобна
г. Малатия 55 верст, 10 часов	Изо-оглу Переправа через Евфрат	14	3	удобная

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
	Малатия	32	6	удобная
д. Сюрмене 38 верст, 8 часов	Куру-чай	16	3	удобная
	Сюрмене	22	5	довольно удобная
Яким-хан 43 версты, 8 часов	Айдер-оглу	24	4½	гористая, но довольно удобная
	Яким-хан	19	3½	гористая местами, трудная и каменистая
Аладжи-хан 56 верст, 12 часов	Гасан-Челеби	19	4	каменистая, но удобопроходима
	Небольшая речка при подъеме на плоские высоты Аладжи-хана	20	4	удобная
	Аладжи-хан	17	4	удобная
Караса 50 верст, 10 часов	Кангал	25	5	удобная
	Караса	25	5	удобная

Подробное описание. Дорога от Диарбекира, пройдя в двух верстах от города небольшую ложину, пересекает ровную площадь обширной степи и на 18-й версте спускается к оврагу р. Деве-Гечюн-чай, перейдя же через реку каменным и хорошим мостом, она подымается на плоские высоты небольшой горной отрасли и за нею идет перерезанными косогорами общей долины Шата (Тигра). Крутые изгибы этой последней реки примыкают к самой дороге, но на 25-й версте, оставляя течение Шата вправо, дорога вьется вдоль небольшого оврага, вблизи верхов которого расположен Шербетли-хан. Грунт земли на плоскости глинистый и вязкий, на скатах же хрящеватый. Дороги вообще хороши и местами мостовая, сделанная из четвероугольного тесаного камня. Местность приметно возвышается и особенно вдоль левого берега Тигра на высоте Шер-

бетли-хана видны высокие горы. Деревень нет, и жилища состоят из кочевьев курдов Егиль-бея. Край пустой, но богатый, и земля может быть обработана, леса нет.

От Шербетли-хана дорога протекает как бы обширной долиной ограниченной на западе плоскими откосами Караджи-даглар и на востоке грядой нагорного берега правой стороны Тигра. Таким образом, на расстоянии 23 верст дорога лежит у самого подножия высот, далее, пересекая небольшой перевал, она переходит широкую равнину, на которой протекает ничтожный ручей и, постепенно поднимаясь в гору, достигает г. Арганы расположенного на крутизне высокой горы, имеющей вид остроконечного конуса. Грунт земли чрезвычайно вязкий и глинистый в долине, делается каменистым на откосах гор, но дорога вообще удобная в сухое время, вода есть вблизи Шербетли-хана и в ручье, не доходя Арганы.

От г. Арганы дорога вступает в ущелье исполинских громад, так называемых Меграпп-дагы. Она идет извилистой тропой, которая следуя прорезам оврагов, пересекает непрерывные подъемы и спуски. Рудокопни Арганы Маден в прямом расстоянии находятся не более как в 10 верстах, но дорога та по непрерывным изгибам делает, по крайней мере, до 20, и на этом пространстве она переходит два раза через Тигр, приближаясь и удаляясь от этой реки соответственно проходимости прибрежных утесов. Аргана Маден расположена в середине зубчатых гребней отвесных скал и от нее дорога идет более 5 верст крутым подъемом на одну из главных отраслей Меграпп-дагы, далее же она переходит Тигр и лежит косогором его левого берега до самых верховьев реки вблизи Сардар-хана. Здесь только войска нашли бы довольно удобное расположение, остальное же пространство от самого Аргана представляет чрезвычайно тяжелую и едва проходимую дорогу, которая повсеместно перерезана каменистыми утесами и загромождена глыбами скал.

От Сардар-хана до д. Кыджин только 8 верст и расстояние это составляет перевал через средний кряж Меграпп-дагы. Дорога камениста и чрезвычайно дурна. Вообще для тягостей она может считаться почти непроходимой, но по рассказам жителей, от Арганы к Кыджину есть другая, ведущая через так называемый Батшан-дагы, по ней считают три часа долее и здесь проходил сильный отряд

турецкой армии с 20-ю пушками. Дорога от д. Кыджин идет оврагом и в двух верстах выходит к обширной площади орошенной небольшими потоками. Здесь она переходит через так называемый Такти-кюпри и, следуя потом горными промежутками, она пересекает небольшую гряду высот, за которой достигает долины, примыкающей к озеру Гельджин. Отсюда идут две дороги, одна повозочная на Деве-баюн-даг, и прямо в Карпут через Кезвин-дагы прямая дорога, идя косогами северного берега озера, взбирается на высоты высокого хребта и при спусках с одного вьется извилистой тропой по чрезвычайно крутым обрывам, примыкающим к низменной плоскости Уль-ова. На 24-й версте дорога достигает равнины и до самой Мызры идет плоскостью везде покрытой сплошными деревьями.

Карпут же находится в 4-х верстах от Мызры и город расположен на вершине высот нагорного берега окруженного с трех сторон почти отвесными крутизнами. Дорога затруднительна только при переходе через Кезвин-дагы и в особенности при спуске к стороне равнины, но и здесь с предварительными разработками она была бы проходима для тягостей. Участок, на котором дорога пересекает часть равнины Уль-ова, особенно примечателен чрезвычайными богатствами местности и необыкновенно многолюдным населением. Грунт земли на горных частях вообще каменист, в долинах же он состоит из вязкой красной глины, перемешанной с черноземом. От Карпута, или лучше сказать от д. Мызры расположенной у подножия высот Карпута, дорога идет ровной площадью продолжения Уль-ова, в 7 верстах она выходит на ничтожный перевал плоских высот и за ним следует между пологими скатами, оставляя вправо крутизны и высокие гребни Порчукан-даг. Таким образом, она достигает д. Хан-кой на 18-й версте или в 4-х часах от Мызры. Далее дорога пересекает волнистые скаты и постепенно входит в глубокий прорез довольно тесного оврага, ограниченного горами Сарымыш-дагы и хребтом Демир-таш. Здесь извилистый путь идет косогором правого берега, пересекает непрерывные овраги и, минуя д. Демир-таш, пролегает вблизи самого корыта главного ущелья. Дорога вообще разработана и удобна для тягостей, но начиная от самого образования оврага, она камениста и пересечена непрерывными подъемами и спусками.

От Демир-таш дорога следует вдоль низменных откосов оврага и, пересекая непрерывные лощины, на 11-й версте спускается по крутым обрывам к долине Евфрата. В этом месте река входит в тесный прорез ущелья Каджуклы-богаза, который представляет нависшие утесы как бы промытые руслом Евфрата и отсюда, поворачивая на восток, дорога идет вверх по течению, пролегая самой долиной и последними откосами побережья левой стороны. На 22-й версте она входит в д. Изоры, которая лежит напротив Изо-оглу. В настоящее время здесь устроена переправа на пароме, и с переходом на правый берег Евфрата местность совершенно изменяется. Отсюда дорога пересекает пустынные холмы разбросанные различными группами и, постепенно подымаясь, она проходит плоские откосы, за которыми Сысман-хан расположен на небольшом ручье в 13 верстах от Изо-оглу. Далее, пролегая косогором пологих высот образующих широкую долину Евфрата, дорога оставляет влево высоты Малакан-даг и, пересекая несколько оврагов, достигает Малатии, которая находится в 4 ½ верстах от Евфрата и лежит на низменных подножиях двух высоких вершин, принадлежащих к хребту Малакан-дагы. Дорога от Изо-оглу вообще довольно хороша, и хотя первые 20 верст она гориста, но волнистые скаты частых подъемов и спусков не затруднили бы провоза тягостей. Грунт земли глинистый и перемешанный с известковыми породами.

Дорога от Малатии пролегает низменностью плоских степей покрытых небольшими грядами разнообразных холмов. На 7-й версте она переходит через Токмин-су, на которой построен огромный каменный мост, и на 16-й достигает Куручая. Речка в обыкновенное время ничтожная, но замечательна своими разливами и наводнениями. Отсюда начинаются перерезанные скаты общего предгорья и дорога, идя косогором высот, которые составляют нагорный берег долины Евфрата, пересекает непрерывные овраги. На 25-й версте от Малатии она идет особенно крутыми подъемами, и наконец, на 38-й достигает д. Сюрмене. Вообще от перехода через Куручай дорога довольно трудна, косогоры требовали бы разработок, и чрезвычайно вязкая глина во время грязи затрудняла бы провоз тягостей.

От Сюрмене дорога пересекает непрерывные гряды волнистых скатов разграниченных частыми лощинами постепенно углу-

бляющихся оврагов, и эти перерезанные скаты идут, приметно выходясь и образуя более резкие формы гористого края. На 16-й версте за несколькими высокими перевалами дорога выходит на косогоры утесистого оврага, который остается влево, и здесь она достигает речки Айдер-оглу. Потом, спускаясь к корыту Куручая, принимающему здесь название Акжи-чай, дорога идет руслом оврага и за ним взбирается на высоту значительного горного отрога. Отсюда идет общий спуск к Яким-хану, он состоит из двух дорог, из которых правая считается лучшей и по нужде может быть удобной для провоза тягостей, левая же дорога ведет через крутизны отвесных оврагов и местами чрезвычайно дурна и камениста. Вообще переходы к Яким-хану довольно трудны и во время грязей они представили бы неодолимые затруднения, и хотя дорога разработана, но для тягостей необходимы были бы еще новые улучшения. Местность, начиная от д. Мулла-Юсуф-оглу покрыта редким кустарником и по сторонам видны разбросанные жилища бедных деревень оседлых курдов.

От Яким-хана дорога вьется изгибами тесного корыта глубокого и каменистого оврага и здесь она идет большей частью дном ущелья, но в нескольких местах, загроможденная глыбами скал, переходит самые крутизны обрывов. Таким образом, дорога пролегает более 19 верст, где и достигает д. Гасан-Челеби. Далее берега оврага, удаляясь от русла ущелья, оставляют волнистые косогоры, и дорога идет вдоль пологих откосов разграниченных небольшими лощинами. Участок этот составляет верховья общих подъемов к стороне средней террасы или степей примыкающих Делекли-таш. Аладжи-хан расположен можно сказать на самом первом образовании крутых спусков террасы. Дорога вообще от Гамин-чашба хороша, грунт земли глинистый. Местность представляет пустынные и дикие скаты, покрытые редким кустарником. Деревень мало и большая часть жилищ ограничивается кочевыми шатрами.

От Аладжи-хан дорога, подымаясь в гору, выходит на плоскую ступень обширных степей покрытых различными группами более или менее высоких холмов. На 10-й версте она пересекает довольно значительный перевал высокой гряды гор и потом до Кингала идет волнистыми и плоскими скатами. Далее же с правой сто-

роны дороги остаются высоты общего подгорья громад Дерели-дагы и, идя вдоль промежутка разнообразных возвышений, дорога пролегает как бы плоскостью долин, переходит через Казыклы-ирмак и за ним постепенно подымается на высокое подножие небольшой отрасли, которая, отделяясь от Делекли-таш, идет на запад и составляет высоты самой д. Караса. Дорога вообще удобна, твердый хрящеватый грунт перемежается с сероватой глиной и известковыми породами, и самые большие тягости здесь могли бы следовать беспрепятственно. Вблизи Делекли-таш отделяется прямая Сивасская дорога, по которой считается всего 45 верст или 10 часов, и от этого поворота идущая в д. Караса имеет несколько довольно трудных подъемов и местами дурные косогоры.

Общее обозрение. Местность, которой пролегает дорога, ведущая от Диарбекира к Карпуту и далее через Малатию в Сивас, представляет несколько совершенно разнородных участков. Сначала до Арганы она идет высокой плоскостью обширных степей, которые, будучи обставлены разнообразными грядами холмов, составляют общее подножие крутых обрывов Тавра. На этом участке жилища ограничиваются временными кочевьями, и деревень почти вовсе нет. Растительность состоит из тучных пастбищ, леса мало и только к стороне подножия гор виден редкий дубовый кустарник, который доставляет огромные сборы красивых орехов. Г. Аргана расположен при самом входе в горы, и отсюда идет широкая полоса исполинских утесов общей массы отрогов Меграпп-дагы, прорезанная верхними истоками Тигра. Рудокопня Арганы (Аргана-Маден) лежит в самой середине этой обнаженной груды каменистых скал, и деятельность добывания металла сосредоточивает здесь до 30 тыс. человек живущих в тесном объеме Арганы-Маден. Далее тотчас за перевалом через Меграпп-дагы край совершенно изменяется, горы как бы дробятся на отдельные группы и оставляют между собой ровные площади чрезвычайно богатых долин, большие деревни, множество садов, и пышная растительность соединяет принадлежности самой богатой и самой живописной страны. В особенности за грядой Кегван-дагы, равнины Уль-ова, Куч-ова и прилежащие к ним горные промежутки на всем пространстве левого берега Евфрата могут быть причислены к изобильнейшим и самым многолюдным

отделам всей Анатолии. Потом, от Изо-оглу перерезанные и волнистые скаты, обставленные разнообразными рядами высот, тянутся к стороне Малатии и от этого города идут по направлению общих подъемов на высоты средней террасы. Одни только глубокие прорезы ущелий Яким-хана и Гасан-Челеби вблизи русла потоков соединяют несколько деревень и некоторые признаки изобилия, остальные же пространства повсеместно ограничиваются полудикими скатами известковых пород, которые образуют голые степи. Небольшой кустарник виден на стремнинах самих ущелий, далее же его нет и растительность чрезвычайно бедна. От Аладжи-хана дорога подымается на предгорья Делекли-таш, и в этом участке край представляет ряды плоских высот неправильно разбросанных по общему объему чрезвычайно возвышенной и пустынной местности.

В военном отношении дорога из Сиваса в Малатию, Карпут и далее к Диарбекиру может быть чрезвычайно важной. Как путь наступательных действий она открывает сообщения, ведущие к главным горным переходам, и в случае движений [к] северной Сирии, часть дороги от Сиваса до Малатии и Карпута служила бы основной связью двух главнейших точек опоры, от которых действия были бы направлены по обоим берегам Евфрата. Затруднительные участки в смысле военных переходов находятся на пространствах от д. Гасан-Челеби до д. Мулла-иль-Беггам-оглу на расстоянии 45 верст, и потом при переходе через хребты Кегван-дагы около 15 верст и Меграпп-дагы более 35 верст. Впрочем, главные силы наступающей армии, вероятно, приняли бы направление от Малатии прямо на полдень. Если же и необходимо было бы переходить хребты отделяющие равнину Уль-ова, то на обоих пространствах есть обходные дороги удобные для провоза тягостей. Повозочная дорога общего перевала через продолжение хребта Кегвин-дагы идет несколько более на восток и соединяется с настоящей дорогой вблизи озера Гиледжин. Для того же чтобы обойти трудности почти непреодолимых утесов, на расстоянии между д. Кыджин и г. Аргана есть путь ведущий от Кыджин через так называемый Батман-таш. Таким образом, все протяжение дороги может считаться не только проходимым для войск, но даже и удобным. Точки, к которым соединяются главнейшие боковые сообщения края, есть

Диарбекир, Аргана, Кыджин, Карпут и Малатия. Диарбекир соединяет пути Урфы, Мердына, Чермюлика, Сиверика, Диарбекира и Карпута; д. Кыджин имеет прямые сообщения с Палу, Чермюликом, Карпутом и Диарбекиром; от Карпута идут дороги прямо в Чермюлик, в Кабин-маден и Арабкир, в Палу, и наконец, по протяжению долины Мурадзая. Малатия соединяет пути от Антепа по долине Султан-су, от Гюрюма и Деренде; со стороны Яким-хана есть две дороги, к Арабкиру также две: одна нагорная, а другая идущая поречьем Евфрата, и наконец, дорога в Карпут ведущая на Изо-оглу. На пространстве между Сивасом и Карпутом выгоднейшими точками промежуточных этапов станций военных почт и временных складов, необходимых для следования подвижных магазинов и госпиталей были бы Улаш, Делекли-таш, Кангал, Аладжи-хан, Гасан-Челеби, Яким-хан, Сюрмене, Малатия, Изо-оглу, Демир-таш, Хан-киой и Мызра.

№ 3 От д. Караса и Девели-Карагисар к Тарсусу и Адане

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
д. Караса Саргышли 53 версты, 12 часов	Равнина Сарры-су	28	6	удобная
	д. Саргышли	25	6	удобная
Сарры-оглан	Конах-су	28	5	удобная
	Сарры-оглан	17	3½	удобная
г. Кайсери или Кесарея 54 версты, 12 часов	д. Пирсами	30	6½	удобная
	Кесарея	24	5½	удобная
Инже-су 30 верст, 6 часов	Инже-су	30	6	удобная
Девели-Карагисар 27 верст, 6 часов	Девели-Карагисар	27	6	совершенно удобная

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
Гияур-Енегыль 27 верст, 6 часов	Гияур-Енегыль	27	6	удобная
Маден-хан 45 верст, 9 часов	Песым-дереси	25	5	Проход через средний кряж Тавра на Булдурус-бели, подъем довольно свободный, но спуски тяжелы и чрезвычайно каменисты
	Маден-хан	20	4	Совершенно удобная
Ени-хан 52 версты, 10 часов	Камышлы-хан	23	4	Дорога каменистая и местами трудная, особенно в про- резах теснин Камышлы-богаз и Маден-богаз
	Берега Бозанты-чая	25	5½	Более удобная, но гористая и местами каменистая
Сарыш-хан 32 версты, 9 часов	Высоты Хейва-дагы	17	5	Гористая и трудная, все протяжение дороги составляет один тяжелый подъем
	Сарыш-хан	15	4	Трудное и каменистое русло Кулек-богаз
Тарсус 45 верст, 9 часов	Берега ручьев при разделении дороги в Адану или на высоты Кыз-кале	25	5	Довольно удобная, но перерезанная крутыми подъемами и спусками
	Тарсус	20	4	удобная

Подробное описание. Дорога от Караса следует параллельно гряде высот, которая, отделившись от Делекли-таш, вдается на запад и образует у своих подножий довольно широкую плоскость долины. На 8-й версте она переходит небольшой ручей Акчи-су и потом, подымаясь на плоские скаты, идет оными до д. Хазрамигара на 19-й версте. Далее же высоты оставляют между собой постепенно расширяющуюся площадку довольно обширной равнины, по которой протекает Сары-су или желтая вода. Дорога пролегает ровной плоскостью около 14 верст и потом, перейдя ручей при входе его в тесное ущелье, начинает подыматься на высоты весьма значительного перевала. Здесь она идет около 15 верст средним кряжем округлых высот Араб-пейга и потом по довольно крутому спуску выходит к обширной площадке, окруженной со всех сторон небольшими крутизнами. Д. Саргышли расположена почти на середине этого как бы обсохшего озера, которое составляет небольшой округ 12 деревень, зависящих от Саргышли. Дорога вообще хороша и совершенно удобна для всякого рода тягостей. Местность состоит из общей возвышенности, на которой разнообразные гряды высот оставляют частые промежутки отдельных равнин, леса совершенно нет, наружный вид края удерживает свойства опустелой страны. Грунт земли глинистый и перемешанный с известняком. Дорога от Саргышли идет сначала продолжением самой равнины, но на 10-й версте вблизи д. Карапунар она переходит через небольшой перевал и снова спускается к площадке ограниченной волнистыми скатами округлых высот. Здесь на 28-й версте она пересекает речку Конах-су и за ней, оставляя влево обширную равнину, начинает взбираться на вершину гребней холмов, которые тянутся к берегам Кызыл-ирмака. Река эта остается версты две западнее, сама же дорога после небольшого спуска поворачивает влево и достигает д. Сары-оглан расположенной на берегу довольно широкой равнины. Местные свойства совершенно те же, как и к стороне Караса, дорога хороша и удобна.

Дорога от Сары-оглан, почти неприметно подымаясь в гору, пересекает группу разнообразных холмов и за ней спускается к ровной площади, ограниченной справа довольно значительными скалами, у подножия которых находится небольшое соленое озеро.

Здесь дорога проходит через Султан-хан и от него далее подымается на довольно значительные высоты, потом отлогим скатом идет к быстрому потоку речки Парейма, в этом месте левый берег состоит из перерезанных и каменистых холмов высокого подножия Ергиял-даг или Аргея. Дорога вьется сначала небольшим ущельем и потом у самой подошвы скатов, но пройдя д. Манжелык, она снова пересекает разнообразные уступы разграненные беспрерывными обвалами и вблизи д. Улеарчу спускается на совершенно ровную площадь, примыкающую к Кесарее или по-турецки Кайсери. Влево от дороги остаются высокие холмы, принадлежащие к Ерзияс-даг, вправо же идет обширная равнина до самого Пергами-чая, составляющего одну из верхних ветвей Кызыл-ирмака. Дорога вообще хороша, исключая подъема от соленого озера и участка, где она пересекает каменистые подножия Ерзияс-даг, но и здесь с небольшими разработками она была бы удобна. Местность также возвышенная и малонаселенная, леса нет, грунт земли известковый и глинистый, во многих местах видны осадки соли, и проходя к Кесарее, холмы выражают частые провалы и как бы осевшие уступы, образовавшиеся от землетрясения. Самые ближайшие окрестности Кесареи состоят из богатой равнины, вмещающей довольно значительное народонаселение, в особенности в расселинах Ерзияс-даг и вдоль всего ее подножия расположены чрезвычайно большие деревни (одна деревня Тилас считается до 2000 домов).

Дорога от Кесареи входит в небольшое ущелье, которое образуется отраслями Ерзияс-даг и потом, перейдя через довольно высокий перевал, она спускается на низменную котловину огромного болота Мельджа-сазы. Здесь она вьется у самой подошвы гор, огибая входящие углы болота и пересекая небольшие, но чрезвычайно каменистые отроги. На 19-й версте дорога принимает несколько влево и идет сухой долиной до самого подъема к Инже-су. Городок этот расположен на обрывистых скатах как бы общего провала, строения идут амфитеатром и занимают крутизны, которые на объеме города образуют верховье глубокого оврага обнесенного со всех сторон стремнинами скал. Левее Инже-су идет широкая, но сухая долина и за ней начинаются разнообразные холмы высот подножия

Ерзяс-даг. Дорога от города, поднявшись на гребни высот, спускается к долине и, оставляя влево большое соленое озеро Султан-сазы, протекает площадью горного промежутка, который постепенно расширяясь, образует равнину Яваш-оваси.

Девели-Карагисар находится в 27 верстах от Инже-су, и все протяжение дороги составляет одну ровную площадь. Город расположен у подножия небольшого ряда стремнин, которые ограничивают равнину с западной стороны. Дорога до Инже-су несколько камениста, но далее она совершенно хороша, грунт земли довольно твердый, и местность соединяла бы все возможные условия богатого края, но народонаселение совершенно ничтожно, бедные деревни изредка видны у подножия гор, и почти брошенный край соединяет некоторые условия избытка только в самих городах Инже-су и Девели-Карагисар. Во время лета здесь кочуют несколько племен курдов и туркмен. Дорога от Девели-Карагисара идет у подножия нагорного берега западной стороны равнины Яваш-оваси. На 10-й версте на высоте д. Мызра она подымается по крутому подъему к плоским вершинам высокой горной гряды и идет потом совершенно ровным скатом ограниченным справа небольшими крутизнами, за которыми видна обширная равнина, и влево постоянно возвышающимися гребнями высокого хребта. Д. Гияур-Енегиль расположена при выходе из небольшого оврага и отсюда начинается ущелье постепенного подъема на самые вершины Тавра. Дорога вообще хороша, и самые крутизны тяжелых взездов не остановили бы следования тягостей. Местность совершенно пуста, и жилища ограничиваются немногими деревнями окрестностей Мызры.

От д. Гияур-Енегиль дорога идет руслом небольшого оврага, который составляет почти неприметный подъем к вершинам Булдурус-бели или Тавра. Здесь на пространстве 18 верст она пересекает непрерывные лощины, и, идя каменистым грунтом, всходит на открытую площадь, ограниченную с одной стороны высоким конусом горы Демир-Казын, а с другой – протяжением гребней главного кряжа. Отсюда дорога входит в отвесный прорез так называемых Демир-капы или Булдурус-богаз и в крутых поворотах идет глубокой тесниной более двух верст, но далее ущелье образует довольно широкую площадку русла, и дорога вьется промежут-

ком долины, по которой протекает речка Аджмис-чай. Левый берег образуют гигантские утесы совершенно отвесных скал, с правой же стороны, более прорезанные скаты кажутся несравненно ниже и к самому корыту реки они оканчиваются пологими откосами. Переход гор вообще довольно хорош, и дорога с ничтожными разработками могла бы быть удобной для самых больших тягостей. Далее долина Аджмис-чай идет довольно широким руслом и стремнины ее берегов приметно возвышаются с большим углублением общего прореза корыта, дорога вьется у подножия скатов правой стороны. Местность совершенно безлюдная и пустая, леса до Хан-Маден нет, и верхние гребни состоят из обнаженных каменистых громад. Вблизи Хана вправо идет дорога, ведущая в Герекли-Маден, где разрабатывается свинцовая и серебряная руда, до рудокопни считают два часа.

От Хан-Маден стремнины берегов долины Аджмис-чая представляют стесненное русло ущелья, и в 5 верстах дорога взбирается на косогор отвесных утесов, переходит через груды обрушившихся скал. Местность постепенно одевается сначала редким кустарником и потом крупным лесом, который к стороне Камышлы-богаза представляет крупные строевые деревья сосен, кедров, елей и кипарисов. Дорога, перейдя в 5 верстах от Хан-Маден на левый берег реки, идет этой стороной по косогорам более или менее крутых скатов и на 22-й версте снова входит в прорез сдвинутых громад так называемого Камышлы-богаза. Здесь высеченная в камне дорога вьется под нависшими скалами. Горло ущелья на расстоянии одной версты образует ворота, в которых горсть людей могла бы удержать натиск значительной колонны, выбить неприятеля из этого ущелья можно только с занятием ближайших высот, ибо тогда обвалы камней необходимо заставили бы бросить занимаемый пост. С полуденной стороны Камышлы-богаза ровная площадка соединяет принадлежность выгодного лагерного места. Отсюда река Аджмис-чай, круто поворачивая на восток, скрывается под обрушившимися грудками скал. Дорога же, идя прямо на юг, пересекает перерезанные скаты, разграниченные непрерывными лощинами, и лесистой местностью идет на высоты небольшого перевала, за которым снова вьется крутым и изрезанным спуском к мосту, устро-

енному на Базант-чай (Ак-кюпри), где и соединяется с большой Константинопольской дорогой. В сухое время есть прямая дорога, которая минуя Ак-кюпри, переходит Базант-чай вброд версты три ниже моста. Ени-хан находится отсюда в 4-х верстах и расположен на берегу небольшого ручья, впадающего в Базант-чай. Войскам же было бы выгоднее остановиться на участке небольшой площадки этой последней речки. Базанты-чай, вытекая из ущелья главного подъема на высоты Тавра, по которому идет большая Константинопольская дорога, пересекает Кесарейскую и входит в прорез отвесных скал, сливаясь далее с общими притоками Адана-чай. На промежутке этих двух ущелий берега его образуют как бы случайную площадку, но за ней дорога подымается к Ени-хану и потом идет на гребни Хейва-дагы. Тяжелые участки дороги на всем протяжении от Хана до Ени-хана ограничиваются дурным подъемом от Камышлы-хана и спусками к Ак-кюпри, всего не более 16 или 17 верст, потом в самом горле Камышлы-богаз около версты, и наконец, при первой теснине Маден-богаз. Остальные же пространства не имеют значительных затруднений, и с усиленными разработками дорога вообще может считаться удобной. Местность пустая и безлюдная, и кроме самых верхних гребней горы покрытых крупным строевым лесом, местами даже видны корабельные деревья, грунт чрезвычайно каменист, намывные же части низменностей состоят из вязкой красноватой глины.

От Ени-хана дорога идет вдоль тесного русла глубоко врезанного оврага, она непрерывно пересекает небольшой ручей, пользуясь удобствами обоих берегов, и наконец, в 6 верстах от Ени-хана, пройдя небольшую мельницу, вьется обрывистым подъемом, который ведет к ровной плоскости самых вершин одной из отраслей Тавра, принимающей здесь название Хейва-дагы. Этот небольшой переход чрезвычайно затруднителен, въезды необыкновенно круты, и дорога требовала бы неперменных улучшений. Далее равные высоты тянутся на расстоянии двух с половиной верст, но за ними дорога входит в отвесную расселину, которую ограничивают исполинские громады нависших скал Кулек-богаза. Сначала на расстоянии первых 2½ верст, кажется, въезжает на обыкновенное верховье небольшого оврага, но тотчас за поворотом, где

построены теперь батареи египтян, стесненное горло ущелья представляет исполинскую пропасть, и высеченная дорога, пересекая несколько раз небольшой ручей, вьется по берегам самого русла. Настоящие ворота Кулек-богаза образуются двумя глыбами, которые как бы обрушились ко дну ущелья и почти заградили путь. Точка эта находится в версте за батареями, и здесь дорога, огибая скалы, делает крутые повороты и переходит на левый берег. Далее боковые откосы или оканчиваются совершенными обрывами, или идут в перерезанных обвалах. Таким образом, дорога минует небольшую д. Кале-киой, расположенную на верхних ступенях правой стороны ущелья, и наконец, после 14 верст выходит к Сарыш-хан, построенному при самом выходе из тесного коридора Кулек-богаза. Отсюда одна дорога идет к Тарсусу, другая же проходит прямо к Адане. Горы представляют в этом месте стремнины последнего уступа, опирающегося на разнообразные ряды еще высокого и перерезанного подножия, которое общим предгорьем идет к равнинам низменного поморья. Весь объем края покрыт лесом, но уже не сосен, елей, кипарисов и кедров, а лавра, платанов, зеленого дуба и разнородного кустарника, принадлежащего к самым жарким странам. Изобилие воды и принадлежности грунта выражают условия самой богатой страны, но она остается безлюдной и необработанной.

Дорога, идущая от Сарыш-хана в Адану, судя по рассказам жителей, совершенно удобна, по ней считают 15 караванных часов или около 60 верст, та же, которая ведет к Тарсусу от Сарыш-хана, поворачивает несколько вправо, и, перейдя через глубокий овраг, вьется левым берегом ручья Кулек-богаза. На этом участке она довольно хороша и только местами имеет крутые подъемы и спуски, образовавшиеся от беспрерывных лощин, которые впадают в общее корыто ручья. На 19-й версте дорога спускается к плоскости довольно широкой долины и идет по берегам небольшого ручья, здесь скаты представляют последние откосы высокого подножия гор, которые сливаются с низменными равнинами поморья. На 25-й версте дорога переходит ручей, и, оставляя влево путь идущий к Адане, вьется небольшим прорезом ущелья до 34-й версты. На этом пространстве она переходит пять раз через русло неболь-

шого ручья. В сухое время броды совершенно удобны, но при общих весенних разливах и во время зимних дождей переправы чрезвычайно затруднительны, и быстрый поток катится с неимоверной силой. За последним бродом начинается равнина Тарсуса и дорога на 44-й версте подходит к мосту через Тарсус-чай, от которого она пересекает сады и вступает в город. Тарсус находится почти у самого подножия гор в 19 верстах от берегов моря. К стороне Аданы идет обширная равнина, перерезанная непрерывными болотами, часто заросшими камышом, на запад же от города тянутся гряды высот, которые примыкая к Мерсину, идут вдоль Средиземного поморья. Гавани, которые удерживают постоянные сношения с Тарсусом, есть Казыклы и Мерсин.

Общее обозрение. Из Сиваса в Кесарею ведут две разные дороги, одна из них и самая удобнейшая пролегает берегом Кызыл-ирмака и потом выходит прямо к д. Саргышли, до которой считают вообще 12 часов, другая дорога идет на д. Улаш и потом через Карасы и Хазра-Магара к Саргышли. Эта последняя составляет путь глазомерной съёмки. Местность всего протяжения дороги от Сиваса до Кесареи состоит из плоской возвышенности, обставленной по всем направлениям различными рядами и разнородными группами холмов. Открытые и совершенно безлесные скаты волнистой поверхности везде разграничены площадками обширных равнин, которые выражают как бы обсохшие бассейны. Здесь соединяется все народонаселение края, и эти небольшие округа разделены между собой промежутками гористых и совершенно безлюдных степей. На запад от дороги идет глубокий прорез долины Кызыл-ирмака, далее уже видны вершины Ак-даг и от них понижаются отрасли, которые на полдень образуют беспредельную котловину обширных степей, примыкающих почти к подножию Аргея и к верхним гребням Тавра. Приближаясь к Кесарее, дорога пересекает высокие холмы самых оснований Ерзяс-даг или Аргея и за ними выходит на ровную площадь, на которой расположен город. Низменность этой равнины уже удерживает принадлежности богатой растительности, садов и винограда много, и фруктовые деревья, составляющие особенную редкость в окрестностях Сиваса, здесь приносят изобильные сборы плодов.

От Кесареи на полдень дорога идет обширной долиной, которая с одной стороны ограничена отрогами Аргея, и с другой, цепью возвышений как бы отдельной группы, разделяющей верхние притоки одного из рукавов Кызыл-ирмака. Таким образом, дорога минует небольшой г. Инже-су, за ним пересекает равнину Явашоваси и от Девели-Карагисара, постепенно подымаясь, достигает д. Гияур-Енегыль, расположенной при начале настоящих входов Тавра. Северный скат этих гор составляет вообще почти неприметный наклон, но с южной стороны черта верхних гребней обозначена крутизнами почти отвесных обрывов. Таким образом, дорога переходит через основной кряж, так называемый Булдурус-бели, и идя прорезом железных ворот Демир-капы или Булдурус-богаз, спускается к долине Аджемис-чая и выходит к ущелью Бозанты-чая и потом к высокой отрасли Хейва-дагы. Эти последние утесы составляют отроги низшей полости, на которые опираются громады начальных гребней основного кряжа, и они образуют как бы ступени Тавра. Здесь дорога вьется в скалистой расщелине Кулек-богаза и за ним, идя постепенными сходами, достигает обширной равнины низменного поморья округов Аданы и Тарсуса. С переходом Тавра изменяются и основные свойства края. Корыто Аджемис-чая, вместе с его углублением, более врезывается в утесы и берега его, одеваясь крупным лесом, выражают быстрый переход к самой богатой растительности. За перевалом же через Хейва-дагы разнообразие лиственных кустарников, удерживающих постоянную зелень, обозначает принадлежности чрезвычайно жаркой страны и самой плодородной почвы. Но, несмотря на преимущества такого рода, все протяжении обрывов Тавра остается совершенно бесплодным, и только в самую середину лета низменные ступени гор соединяют всю массу населения равнин, ибо жители вынуждены уходить на возвышения для избежания повальных болезней и удушливого жара.

В военном отношении дорога от Сиваса в Кесарею составляет чрезвычайно важный путь. Здесь, может быть, сосредоточились бы общие действия и основные выводы перевеса войны. В смысле обороны края турецкая армия должна была бы употребить все возможные средства, чтобы отвлечь неприятеля к линии этого пути, и нако-

нец, если бы наступающие войска обратились бы к большой Константинопольской дороге, то массы собранные в Сивасе, пользуясь прямыми путями от Кесареи к Ак-сарая, могли бы действовать на самый тыл неприятельских сообщений. Дорога эта до самых гребней Тавра вообще хороша, она не затруднила бы подвижности войск, и при том, отступающая по ней армия к Сивасу пользовалась бы преимуществами постепенно возвышающейся местности, которая образует чрезвычайно выгодные оборонительные позиции и дает полную возможность действий развернутому фронту. Далее перевал через гребни основного кряжа Тавра может считаться одним из лучших переходов этих гор. Защита Булдурус-богаза или железных ворот дает средства сильного отпора, вблизи Бозанты-чая или при соединении с главной Константинопольской дорогой войска нашли бы также способы упорной защиты, и наконец, занимая плоские вершины Хейва-дагы, можно было бы надолго заградить всходы Кулек-богаза. Точки, к которым соединяются главнейшие боковые сообщения, есть д. Саргышли, Султан-хан, Кесарея, Девели-Карагисар, Гияур-Енегиль, Камышлы-богаз, Ак-кюпри и Сарыш-хан. Сивасская дорога выходит к д. Саргышли, потом, не доходя Джемереки, делится несколько различных дорог в Кесарею. К Султан-хану выходит прямой путь из Гюрюма и Альбистана. Кесарея сосредоточивает дороги из Ак-сарая, Юсгата, Сиваса, Девели-Карагисара, Ангоры, Нигде-Ергели. От Девели-Карагисара отделяется дорога в Нигде. Д. Гияур-Енегиль как точка основного перехода через Тавр соединяет сообщения всего объема степи, которая тянется на запад. Вблизи Камышлы-хана выходит трудная и чрезвычайно каменистая дорога, ведущая прямо к Адане. При Ак-кюпри (Белый мост на Бозанты-чай) соединяются две главные дороги из Константинополя и Кесареи, и притом по глубокому прорезу каменистых громад [Кулек]-богаза идет едва проходимая тропа, ведущая также к Адане. Наконец, Сарыш-хан расположен на соединении Тартусской и Аданской дорог. На пространстве от Сиваса до Кесареи выгоднейшими точками промежуточных станций военных почт и временных складов, необходимых для следования подвижных магазинов и госпиталей были бы Хазмагара, Саргышли, Джемерен, Сары-оглан, Султан-хан и Кесарея.

**№ 4 От берегов Александреттского залива
через Мараш и Бесни до Малатии**

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
д. Уджаклы д. Харна 56 верст, 14 часов	д. Уджаклы Долина Кара-чай на высоте деревни Хаджи-Осман	27	6	удобная
	д. Харна	29	8	удобная
г. Мараш 67 верст, 18 часов	д. Бакча	18	5	Гористая и довольно трудная
	Сукер-ова	25	7	Переход через Гияур-дагы
	г. Мараш	24	6	Весьма удобная
Джерит-кой 68 верст, 16 часов	Берега Ак-су	24	5	Совершенно удобная
	Деревень на расстоянии 40 верст вовсе нет, но войска могли бы избрать ночлег в 27 вер- стах от Ак-су	27	6	Совершенно удобная
	Джерит-кой	17	5	Совершенно удобная
г. Бесня 31 верста, 7 часов	Долина на высоте д. Хошпарлы	20	4½	
	г. Бесня	11	2½	Несколько каме- нистая, но вообще довольно проходимая
Биюк-Парвалы 27 верст, 7 часов	Биюк-Парвалы	27	6	Гористая, местами тяже- лая, но вообще проходимая
д. Сюргию 41 верста, 10 часов	Равнина к д. Еркенек	24	6	Разработана и проходима, но вообще трудна

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
	д. Сюргю	17	4	Крутой каменистый спуск, но вообще довольно удобная
д. Гюзюне 27 верст, 6 часов	д. Гюзюне	27	7½	удобная
Малатия 45 верст, 12 часов	Джерджаше-дере	22	6	удобная
	Малатия	23	6	удобная

Подробное описание. Деревня Уджаклы находится в 2 ½ верстах от Александреттского залива и в 5 верстах от небольшой крепостцы Паяса (самая крепость совершенно разрушена, но огромный каменный хан может быть надежным укрепленным замком). Здесь начинается низменная долина Средиземного поморья и дорога, оставляя на западе главный Константинопольский путь идущий на Адану, служит прямым сообщением, ведущим к внутренним частям Анатолии. В настоящее время дорога почти совершенно брошена по причине грабежей, но между тем, она по всей справедливости может считаться одним из удобнейших путей к северной Сирии. От Уджаклы дорога, оставляя низменную плоскость, пересекает отлогие скаты первого подножия крутых стремнин Гияурдагы, которые остаются верстах в двух или трех на восток. Таким образом, она проходит д. Ерзыныклы и за ней пересекает довольно значительную отрасль, составляющую выдавшиеся к морю отроги главного кряжа. Далее, после довольно крутого спуска, дорога выходит на ровную плоскость обширной долины Кара-чая, которой она и идет около 17 верст. На высоте же д. Чанаклы дороги делятся надвое: одна из них, перейдя вброд Кара-чай или Гамус-чай, пересекает небольшую горную отрасль и за ней идет площадкой Харна-ова до самой деревни этого названия. Дорога эта называется между жителями Туркмен-иол, ибо ее обыкновенно избирают племена кочующих туркменов при переходе к окрестностям Мараша. Другая

дорога от Чанаклы идет по протяжению долины Гамус-чай и соединяется с первой верстах в 18 севернее д. Харна при д. Бакча. Дорога эта носит наименование Аслан-иол или Львиная. Прямое расстояние от д. Чанаклы до д. Бакча не превышало бы 18 или 20 верст, т. е. от 6 до 7 часов (здесь расстояние считается по ходу тяжелых верблюдов). Дорога вообще хороша, грунт земли хрящеватый и твердый, богатая местность имеет все принадлежности изобильной страны, но деревень мало и народонаселение ограничивается кочевьями курдов, туркменов и временными жилищами полуоседлых переселенцев называемых Ашеред-адам. Весь хребет Гияур-дагы покрыт крупным сосновым лесом, скаты же примыкающие к равнине Харна-ова имеют прекрасные дубовые и ореховые (грецкого ореха) рощи.

От д. Харна дорога начинает подыматься на крутизны, заросшие лесом, здесь она пересекает непрерывные овраги и тесной тропой вьется через крутые подъемы и спуски. На западной ее стороне остаются стремнины высоких зубчатых вершин, вправо же видны косогоры, опирающиеся на русло ущелья Гамус-чай, таким образом она идет до 14-й версты, далее же, спускаясь по выдававшемуся гребню небольшой отрасли, она сходит к д. Бакча, которая с окрестными селениями образует довольно многолюдный округ. Отсюда дорога вьется правым берегом глубокого и покрытого лесом оврага, которого русло составляет на протяжении 12 верст сначала постепенный и потом крутой подъем на верхние гребни среднего кряжа Гияур-дагы. Перевал хребта вообще чрезвычайно труден, и с его вершин дорога идет извилистой тропой врезанной в отвесные крутизны. Но за д. Пекмес-оваси ущелье общего спуска приметно расширяется и дорога на 25-й версте выходит к обширной равнине Супер-ова. Здесь открытая площадь примыкает к берегам довольно большого озера Гияур-гель. Горы остаются сгибами и к юго-восточной стороне тянутся группы плоских холмов, которые, идя к Антепу, сливаются с обширными его степями. Дорога идет более на север и, пролегая вдоль самой подошвы скатов, она обходит болотистые ключи и, наконец, достигает р. Ак-су. Река эта, вытекающая из гор, делает необыкновенно крутой изгиб, и, минуя Мараш, впадает в Джейхан-чай. Дорога, перейдя Ак-су, идет топкими низ-

менностями общей равнины и за ней достигает Мараша, расположенного в высоких стремнинах Ахур-дагы или настоящего Тавра. Вообще от д. Харна дорога может считаться проходимой, тем более, что по рассказам жителей, от д. Бакчи есть повозочная дорога, ведущая в обход тяжелого перевала через Гияур-дагы, от самых же спусков с этих гор дорога совершенно удобна, грунт земли повсюду твердый и каменистый, и только местами топи равнины Супер-ова представили бы некоторые затруднения. Край чрезвычайно богатый, но население его ограничивается одними кочевыми племенами, а потому земля не обработана и наружный ее вид выражает дикуую запустелость.

От Мараша есть несколько дорог, которые ведут по направлению к Бесни, к Гель-баши и к общим переходам через утесы Тавра, открывающие сообщения с внутренними частями края. Но дороги эти вообще чрезвычайно гористы и лучшая из них пролегает вдоль перерезанных скатов общего предгорья и выводит к главному караванному пути, идущему от Антепа прямо на север. Дорога эта на всем протяжении до д. Джерит-киой идет совершенно пустынной и дикой местностью занятой временными кочевьями различных племен курдов. Скаты здесь представляют чрезвычайное разнообразие разнородных холмов и дорога, следуя почти везде небольшими промежутками ограниченными рядами скал, составляет сплошные коридоры сухих лощин. Сначала вблизи верхних притоков Ак-су местность покрыта редким дубовым лесом, он тянется на протяжении 8 или 10 верст, но далее голые известковые стремнины сероватого цвета представляют как бы обгорелые груды камней, и край удерживает вообще принадлежности дикой пустыни. Д. Джерит, можно сказать, расположена на самом рубеже этой безлюдной и пустой местности, от нее на север идут участки богатых округов и изобильные долины, соединяя значительное народонаселение, удерживают и общие принадлежности сильной растительности и тучного плодородия.

Дорога от д. Джерит спускается к довольно глубокому разрезу каменистого оврага и, пройдя оный, она пересекает небольшую гряду высот, за которой выходит к богатой долине Хейвады-курд. Здесь она идет пологими скатами и самой плоскостью русла долины,

но от д. Ески-киой одна дорога идет по протяжению долины и, делая значительный обход, достигает г. Бесни; другая же, поднявшись на откосы левого берега, вьется тесной каменистой тропой и пересекает довольно высокую отрасль, за которой она достигает города, расположенного в чрезвычайно глубоком прорезе каменистого котла окруженного со всех сторон высокими стремнинами. Вообще дорога довольно хороша, она камениста только на пространствах между деревней Джерит и долиной Хейвады-курд и потом при переходе через высокую отрасль от Ески-киой до Бесни, но с предварительными разработками дорога была бы совершенно проходимой. Местность, начиная от Джерит-киой, везде покрыта небольшим кустарником и, подходя к Бесни, она принимает свойства самой изобильной и самой привольной страны. Необыкновенно обширные виноградники, занимающие почти все пологости гор, составляют отличительную особенность этой страны.

Дорога от Бесни идет постепенными подъемами к вершинам Тавра. От самого города она вьется небольшим ущельем, выходит на гребни довольно значительного перевала и на 8-й версте начинает спускаться к глубокому оврагу речки Ак-дере. Здесь от нее отделяется весьма удобная и недавно исправленная дорога, ведущая через Алтын-кюпри, прямая же идет вдоль крутых стремнин, обходит крутизны высокой горы Кёркы-даг, и за ней пролегает более плоскими скатами, перерезанными глубокими оврагами. Таким образом, дорога достигает д. Биюк-Парвалы, расположенной почти при верховьях оврага долины Гель-баши и на самых гребнях отвесных утесов глубокой пропасти, в которой течет Гек-су. На всем пространстве от Бесни в особенности трудные участки находятся при спуске к Ак-дере, потом при подъемах на высоты Кёркы-даг, и наконец, при переходе через каменистые верховья беспрерывных оврагов, примыкающих к так называемому Ходжа-богаз. Грунт земли кремнистый и в некоторых местах как бы перегорелый. Страна перерезанная, но чрезвычайно богатая и виноградники тянутся на протяжении первых 13 или 14 верст. Исправление дороги возможно, но вообще для следования войск должно было бы избрать дорогу, ведущую от Ак-дере к долине Гель-баши и потом к Биюк-Парвалы, здесь проходили несколько турецких отрядов с артиллерией.

Дорога от Биюк-Парвалы идет крутым спуском в глубокий прорез русла оврага Гёк-су, она разработана, довольно широка, но косогоры утесов, подходя к реке, идут почти отвесно. Здесь дорога переходит Гёк-су по каменному мосту (Паша-кюпри) и вступает в ущелье Караны-дереси, которое соединяется с оврагом Гёк-су. Далее вьется постепенным подъемом, в особенности трудным на 12-й версте и вблизи д. Еркенек, где стремнины обоих берегов едва оставляют прорез глубокой пропасти. Эта последняя деревня находится почти на самых гребнях Тавра, от нее на полдень открываются все протяжении исполинских утесов южных обрывов, представляющих гигантскую грудю разнообразных скал. Севернее же Еркенек снежные вершины тянутся отдельными конусами и оставляют между собой площадки небольших равнин. Дорога вообще довольно проходима, хотя и трудна, твердый кремнистый грунт дает ей в некоторых местах почти свойства глоссе, и если бы не чрезвычайно крутые взезды, то она была бы совершенно удобна. Страна безлюдная и дикая, утесы повсеместно покрыты мелким кустарником.

От Еркенек дорога еще несколько идет в крутую гору и в 2½ верстах от деревни она выходит на небольшую площадку, окруженную со всех сторон снежными конусами самих вершин Тавра. Далее, пересекая гряды холмов, она снова лежит площадкой как бы обсохшего озера. Отсюда хорошая повозочная дорога идет вдоль Чамурлы-богаза и, обойдя крутизны, спускается к равнине д. Сюрдю, прямая же входит в каменистое ущелье, составляющее как бы узкий коридор, загроможденный каменистыми обвалами. Здесь дорога была бы совершенно непроходима для военных тягостей, теснина эта вьется около 4½ верст. Далее же дорога, взойдя на высоты Гатен-даг, идет с него крутым спуском, ведущим к плоской равнине, на которой расположена д. Сюрдю. Горы в этом месте представляют зубчатые гребни, разделенные между собой глубокими пропастями, которые, идя к полудню, выражают прорезы исполинских стремнин верхней террасы, и нет никакого сомнения, что самые равнины прибрежных частей Евфрата вблизи Малатии удерживают значительное возвышение и составляют как бы плоские ступени общего ската, идущего на полдень. От Еркенек до Сюрдю повозочная дорога довольно

проходима, и с небольшими разработками она не удержала бы движения войск. Самые значительные трудности были бы при спуске к д. Сюргию. Край вообще малонаселенный и вершины гор представляют дикие и пустынные утесы.

От деревни Сюргию дорога идет косогородами небольшого оврага и, пересекая гряды холмов, выходит на 5-й версте к обширной плоскости широкой долины Султан-су, ограниченной с одной стороны стремнинами Акжи-дагы, и с другой, крутизнами Малакан-дагы. Здесь она пролегает вдоль низменных скатов самого подножия гор и, пересекая беспрерывные лощины, на 22-й версте она переходит через довольно значительный ручей Мелат-зей, и потом достигает д. Гюзюне, расположенной в довольно глубоком ущелье стремнин правого берега верстах в двух от самой долины. Местность всего протяжения дороги почти безлюдна и пуста, к ней обыкновенно сходятся кочевые племена Акжи-даг, курдов Ришван и еще несколько других. Дорога хороша и грунт земли каменистый и твердый.

Дорога от д. Гюзюне, выйдя к долине Султан-су, поворачивает к северо-востоку и лежит у подножия стремнин правого берега, на 13-й версте она пересекает довольно значительные холмы и на 22-й подходит к глубокому прорезу быстрого потока Джержаше-дере. Перейдя речку, дорога снова выходит из оврага и пролегает совершенно ровной площадью. Султан-су остается верстах в 2½; к стороне же гор тянется длинный ряд садов, который идет до самой Малатии, составляя летние жилища города. На 32-й версте дорога пересекает полосу садов и за ними подымается на небольшую гряду отдельной группы высот. Гребни отраслей Малакан-дагы остаются вправо за речкой и образуют остроконечную стремнину, у подножия которой начинаются волнистые скаты обширной котловины, примыкающей к садам Малатии. Дорога вообще хороша, грунт земли твердый и каменистый, жилища сосредоточиваются к ущельям и подножию Малакан-дагы, вся же долина Султан-су и крутости Акжи-дагы остаются совершенно безлюдными.

Общее обозрение. Местность, которой проходит дорога от берегов Александреттского залива к Марашу и потом к Малатии, можно разделить на три разнородных участка. Сначала до Мараша

она составляет перевал через хребет Гияур-дагы, далее идет постепенным, потом крутым подъемом к исполинским стремнинам южных обрывов Тавра, и наконец, от деревни Сюрдю дорога пролегает ровной плоскостью, которая образует одну из ступеней общего ската, идущего от Арзерума к полудню. До Мараша дорога представляет путь совершенно удобный для движения тягостей. Самые крутизны обоих скатов Гияур-дагы не имеют неодолимых препятствий, и тяжелые пространства крутых спусков и взездов находятся только на расстоянии 18 или 20 верст между д. Бакча и начальным образованием долины Пекмес-оваси, но и здесь, судя по рассказам жителей, можно было бы найти довольно удобный путь. На этом участке страна удерживает все принадлежности богатого края, горы везде покрыты крупным лесом и долины, орошенные быстрыми потоками, соединяют все возможные условия верного плодородия. Между тем, местность остается почти безлюдной, деревни ограничиваются временными бараками переселенцев (ашеред-адам) и настоящие владельцы края составляют кочевые племена туркменов и курдов, которые сообразно времени года переходят от низменности Александреттского залива к окрестностям Мараша; ремесло их грабеж и удалество наездов, праздность основной очерк жизни и нищета до безобразия всегдашняя спутница.

От Мараша дорога идет через гряды каменистых холмов общего предгорья главного кряжа. До самой д. Джерит она удерживает прямые свойства дикой пустыни, деревень здесь вовсе нет и лощины, имеющие воду, повсюду покрыты черными шатрами курдов нескольких десятков разнородных и разноплеменных поколений. Но далее от д. Джерит на север начинается постепенный подъем Тавра, и вся широкая полоса перерезанных скатов примыкающих к берегам Гек-су составляет отделы одних из изобильнейших округов Анатолии, богатые и многолюдные деревни вмещают значительное народонаселение. Везде видны признаки деятельности и довольства, плоскости покрыты сплошными жатвами, и объемы обширных виноградников тянутся на протяжении десятков верст. Дорога до самого оврага Гек-су может считаться довольно удобной и, с помощью некоторых предварительных разработок, она

была бы совершенно проходимой для войск. Трудная часть крутых подъемов Тавра начинается за оврагом этой последней реки и идет до д. Еркенек и потом почти до д. Сюргию. В этом месте она была вновь обработана по приказанию Решид-Маглид-паши и сравнительно с Военно-грузинской дорогой не представляет и десятой доли затруднительного перехода Кавказа. Далее на север до самой Малатии путь протекает пологостями совершенно ровных скалов. В военном отношении дорога эта может составить чрезвычайно важную линию действий, она принадлежит к одному из лучших горных переходов через гребни Тавра и сверх того, открывает свободные сообщения к стороне Антепа, прямо к Калисе, и наконец, через Мараш к низменностям Александреттского залива. Притом участок Тавра на протяжении между Евфратом и Марашем может считаться самым выгодным отделом для нападения на северную Сирию. Здесь наступающая армия могла бы направить общие массы двумя колоннами по дорогам из Альбистана и Малатии и эти силы, перейдя в одно время черту южных стремнин, пользовались бы выгодной оборонительной линией по течению Гек-су и от нее свободно могли бы обхватить весь объем предгорья и самых степей Антепа. Альбистанская дорога выходит к так называемому Алтын-кюпри, прямая же из Малатии переходит Гек-су мостом Паша-кюпри, две эти переправы находятся друг от друга в расстоянии трех часов или 15 верст. И отсюда, подаваясь к Марашу, армия угрожала бы нападением на Антеп и в то же время могла бы отрядить сильную колонну к низменностям Александреттского залива, дабы обойти ущелье Бейлана и дать возможность главной армии завладеть степями, примыкающими к Алеппо. Местность, которая способствовала бы учреждению общих складов и самых госпиталей, с переходом Тавра была бы на протяжении окрестных деревень долины трех озер Гель-баши, потом в Мараше и Бесни, и наконец, сообразно общему ходу дел. Промежуточными станциями дороги были бы Малатия, Гюзюне, Сюргию, Биюк-Парвалы, Бесня, Джерит-киой, Мараш, Сукур-ова, Бакчи, Харна и Уджаклы.

№ 5 От Алеппо через Бир, Урфу и Сиверик до Диарбекира

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
Алеппо д. Ахтирин 68 верст, 9 часов	Алеппо Мост на ручье Нахр-эль-Галеп на высоте деревень Куль и Миль	23	5	Совершенно удобная
	Бейлербе	34	7	Совершенно удобная
Мизар От Ахтирина 58 верст, 14 часов	Мизар от Бейлербе	33	7	Удобная
г. Бир или Биреджик 25 верст, 6 часов	Бир или Биреджик	25	6	Удобная и переправа через Евфрат на паромах
Чермелик 45 верст, 9 часов	Курган и деревня Хайдерахмет	33	6½	Довольно удобная, но каменистая
	Чермелик	12	2½	Довольно удобная, но каменистая
г. Урфа 33 версты, 9 часов	Урфа	33	9	Местами каменистая
д. Халдын 48 верст, 9 часов	Камлы-оглу	21	4½	Довольно удобная
	д. Халдын	27	4½	Удобная
г. Сиверик 30 верст, 6 часов	Сиверик	30	6	Совершенно удобная
Кара-бакчи 33 версты, 7 часов	Кара-бакчи	33	7	Каменистая, но ровная
Диарбекир 10 часов	Северное подножие Караджи-даглара			Каменистая и трудная
	Авар-чай			Удобная
	Диарбекир			Удобная

Подробное описание. Дорога от Алеппо, оставляя вправо укрепленный замок, идет по левому берегу Нахр-эль-Галепп, русло которого на расстоянии первых 8 верст покрыто садами. В 5½ верстах от города дорога переходит ручей и, идя пологими косогорами правой стороны, постепенно выходит на обширную степь, покрытую едва приметными скатами. Ручей остается на восточной стороне дороги верстах в 3-х или 4-х, и по берегам его раскинуты небольшие и бедные деревни. Далее на 23-й версте он снова пересекает дорогу, которая переходит хорошим каменным мостом. Отсюда в двух верстах влево идет большая Антепская дорога, вправо же ведущая к Биру или Биреджику. Д. Ахтирин находится в 11 верстах от перехода через Нахр-эль-Галепп. Она расположена в открытой степи и, кроме главных дорог, к этой деревне соединяются еще многие боковые. За Ахтирином дорога пересекает беспредельные равнины, покрытые изредка небольшими деревнями, но от д. Чамурлы местность несколько возвышается и скаты образуют как бы отдельные группы высот, которые вблизи небольшого округа Бейлербе составляют род плоской котловины, и отсюда постоянная гряда возвышений тянется с западной стороны. Дорога оставляет на востоке обширную и совершенно ровную степь, изредка покрытую небольшими холмами. Дорога вообще хороша, грунт земли состоит из темно-красной глины.

От Бейлербе дорога идет отлогим перевалом к подножию гряды высот, остающейся влево на 12 верст, она переходит через овраг Есмь-чая и на 18-й версте ручей Седжир-чай. Далее, пересекая ровную плоскость, дорога от д. Мунар вступает в промежуток долины образованной двумя как бы отдельными группами высот. Здесь она вьется через довольно глубокие рытвины и после небольшого спуска входит в деревню Мизар расположенную в верховье широкой долины, окруженной со всех сторон довольно значительными крутизнами. Местность здесь совершенно изменяется и вместо открытой голой степи перерезанные скаты покрыты редким кустарником, в некоторых местах видны сады, и русло долины Мизар принадлежит по всей справедливости к участкам изобильной страны.

От Мизара дорога идет по протяжению той же долины к большой деревне Мизипп, до которой считают 1½ часа или 7½ верст;

на этом пространстве дорога пересекает глубокие рытвины, но далее, поднявшись в гору, она идет чрезвычайно длинным и вместе с тем пологим спуском до самого Евфрата. Спуск начинается на высоте д. Хазам-оглу и перерезанный частыми лощинами он почти неприметно достигает низменного побережья правой стороны реки. Переправа здесь устроена на паромах особенного устройства (географическое описание Евфрата), река своим руслом вдается к востоку и стремнины, на которых построен Бир, могут обстреливать противоположную низменность перекрестными выстрелами. Дорога вообще хороша, хотя и несколько камениста при перевале через высоты, начинающиеся от д. Мизипп. Грунт глинистый и известковый. Подъем от самой реки к верхним гребням, на которых расположен Бир, вообще чрезвычайно труден и идет извилистой и каменистой дорогой, далее же при выходе из города дорога следует небольшой выдавшейся грядой и в продолжение 2½ верст подымается на крутую гору. Отсюда далее она пересекает каменистую плоскость, прорезанную по обеим сторонам дороги глубокими оврагами, и наконец, на 14-й версте от Бира спускается к небольшому оврагу, вдоль которого она идет до самой деревни Хайдерахмет. Местность вообще представляет довольно возвышенную плоскость, обставленную разнообразными россыпями каменистых холмов и покрытую частыми оврагами. Воды нет до самой деревни Хайдерахмет, жилища ограничиваются кочевьями, и наружный вид края сохраняет все принадлежности голой и каменистой пустыни, дорога трудная при самом подъеме на высоты Бира, далее же довольно удобна, грунт земли состоит из известковых пород местами перегорелых. Далее дорога несколько подымается в гору и, идя ровными плоскостями, достигает деревни и хана Чермелик.

От Чермелика дорога, подымаясь в гору, выходит на перерезанные скаты плоских, но чрезвычайно каменистых высот и на пространстве почти всего перехода идет непрерывными коридорами, обставленными разнородными группами разнообразных возвышений. Подходя к Урфе, местность делается более гористой, дорога переходит непрерывные гряды, и наконец, в 4-х верстах от Урфы она начинает спускаться по косогорам глубоко врезанного оврага.

Урфа находится у самой подошвы этих стремнин и за городом идет широкая плоскость, составляющая чрезвычайно обширную долину. Вообще переход от Чермелика к Урфе чрезвычайно труден, воды нет на всем протяжении дороги и голые обгорелые скалы, идя беспрерывными рядами холмов, представляют частые подъемы и крутые спуски, притом дорога везде камениста.

Дорога от Урфы идет по протяжению плоских скатов общей долины, на 6-й версте она переходит небольшой ручей вблизи д. Кара-кюпри и за ним постепенно подымается к небольшому перевалу, обставленному на гребнях разнообразными холмами. Местность эта прежде была занята виноградными садами города, но во время разрыва с курдами Милли* сады уничтожены и виноград вырублен, влево от дороги остаются обгорелые стремнины довольно высокой горы. Дорога же переходит низменные ее откосы и пологим спуском идет к равнине Камлы-оглу. Далее она снова пересекает перевал небольшой отрасли, но за ним скаты постепенно сливаются в одну обширную равнину необозримых степей и дорога, таким образом, достигает курдской деревни Халдын. Вообще от Урфы дорога хороша, хотя местами и камениста, вода есть в небольших деревнях, общий же наружный вид края соединяет все принадлежности голой пустыни. От д. Халдын до Сиверика дорога пересекает обширную степь, покрытую повсеместно пологими и совершенно ровными скатами. Изредка видны ничтожные деревни, построенные на время сбора хлеба и для зимовья; они везде представляют несколько дурных и почти негодных для жилья землянок, но расположение их весьма важно по существованию воды, ибо небольшие ручьи во время лета совершенно пересыхают. Дорога ровная, но в некоторых местах она покрыта сплошными россыпями известкового камня.

Дорога от Сиверика идет пологим, но чрезвычайно длинным подъемом, расположенным в несколько ступеней. Вся поверхность земли засыпана сплошным и крупным известковым камнем до такой степени, что дорога едва составляет узкую и извилистую тропу,

* Курдско-турецкая война или так называемое Второе завоевание Курдистана 1834–1850 гг. – *примечание составителей.*

по которой лошадь едва может пробираться шагом. Первый взъезд имеет более 10 верст, потом идет снова плоскость и за ней взъезд на протяжении новых 10 верст. На этом пространстве край совершенно изменяется, овраги покрыты мелким лесом и направо идет лощина, в которой течет небольшой ручей. Далее, перейдя за второй подъем, дорога спускается к обширной равнине, ограниченной с одной стороны скатами Каридже-даглара, и с другой, рядом холмов, остающихся несколько левее. Перейдя равнину, дорога идет каменистыми лощинами и, подойдя к подножию стремнин Каридже-даглара, достигает д. Кара-Бакчи. Вообще от самого Сиверика она идет довольно пологими скатами, но постоянные россыпи камней чрезвычайно затрудняют дорогу и даже разработка ее потребовала бы необыкновенных усилий. Воды на всем протяжении дороги мало и она находится в овраге правее последнего подъема и потом в деревне Бакчи. Дорога от д. Кара-Бакчи подымается по довольно крутому подъему в продолжение 11½ верст и идет извилистой тропой, которая пересекает беспрерывные лощины. На этом пространстве крупный известковый камень составляет сплошную россыпь и дорога чрезвычайно затруднительна. Далее отлогий спуск тянется на расстоянии 8 верст, пологость эта несравненно менее подъема, но дорога также дурна. На 19-й версте или от подножия Караджи-даглара стелется обширная степь, которая, имея слабый подъем к Диарбекиру, идет до самого города, но на 39-й версте она прорезана глубоким оврагом Авар-чай и вправо от дороги видны крутые берега долины Тигра или Шата.

Диарбекир расположен на плоскости, примыкающей к самым стремнинам и северо-восточная стена города возвышается над крутизнами обрывов правой стороны долины Шата. Местность от д. Кара-Бакчи на расстоянии первых 19 верст представляет каменистую гряду Караджи-даглара, покрытого на вершинах мелким дубовым лесом; здесь вязкий глинистый грунт и притом необыкновенное множество крупного известкового камня делает дорогу почти непроходимой. Далее же степь прорезана небольшими потоками и тучная почва земли соединяет все принадлежности богатых пастбищ и изредка виден редкий кустарник и дорога, несмотря на крутой спуск и подъем при переходе через Авар-чай, вообще хороша

и почти повсюду несколько песчаная и твердая. Войска могли бы остановиться у подножия Караджи-даглара, потом в долине Аварчая, и наконец, вблизи самого города.

Общее обозрение. Все протяжение дороги от Алеппо до самого Диарбекира вообще представляет разнородные свойства открытых степей. Сначала от Бира она идет обширными равнинами, которые, примыкая к волнистым пологостям общего предгорья Тавра, представляют постепенные и едва приметные подъемы, обозначенные небольшими группами холмов. На этом участке несколько богатых деревень сосредоточивают довольно значительное народонаселение, и вблизи Мизара и Мизиппа край соединяет условия изобильной страны, но с переходом через Евфрат вся поверхность земли покрывается разнообразными рядами как бы раздробленных скал, повсюду разбросаны небольшие группы холмов и безводная местность составляет каменистые степи занятые разноплеменными кочевьями курдов. В середине их находится округ Урфы и этот богатый отдел, ограничиваясь весьма тесным объемом, окружен со всех сторон совершенно дикими пустынями. К стороне Сиверика степи покрыты сплошными россыпями крупного камня и, как бы разделенные на несколько постепенных подъемов, образуют общие ступени наклоненной к полудню покатости. Караджи-даглар составляет самый приметный уступ, он ограничивает плоскую возвышенность Диарбекира, и по все справедливости может считаться рубежом безводных и диких степей, которые от его подножия идут к пустыням Багдада.

В военном отношении дорога Диарбекирская и в особенности путь от Карпута через Чермюшлик к Сиверику могли бы составить чрезвычайно удобные линии наступательных действий к стороне Сирии. Но необыкновенно каменистый грунт земли, и притом самые принадлежности безлюдной и безводной страны по необходимости затруднили бы подвижность войск, и переходы от подножия Караджи-даглар до Бира составили бы тяжелые марши дикой пустыни. А потому дороги эти, ни в каком случае, не могут быть избраны для главных сил, которые с несравненно большими удобствами перешли бы Тавр по сообщениям Малатии и Альбистана, и потом обратились бы к Алеппо. Здесь предстояла бы возмож-

ность направить одну из отдельных частей армии, которая вместе с толпами курдской кавалерии принесла бы значительную пользу, и с переходом через Евфрат могла бы распространить свои набег к стороне Алеппо и вообще всего степного пространства Сирии. Чрезвычайно каменистый грунт земли затруднял бы самую разработку дорог, и притом все пространство от подножия Караджи-даглар до Евфрата состоит из местности скудной средствами продовольствия и на значительных отделах почти безводной. Главные боковые сообщения сосредоточиваются к Урфе и двум лучшим переходам через гряду Тавра в Чермюлике и Аргане, от этих точек дороги сходятся к Биру и, перейдя здесь Евфрат, ведут к Алеппо и Антепу. Гг. Урфа и Бир есть лучшие пункты для учреждения временных складов продовольствия и во время нападения на северную Сирию здесь было бы удобно расположить и общие госпитали армии.

№ 6 От Малатии через Арабкир, Егин и Ерзингам до Арзерума

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
г. Малатия д. Сюрмене	Маршрут от Малатии к Сивасу			
	д. Бастанжик	20	4½	Несколько гористая, но удобная
	Арабкир	23	5½	Перерезанная и гористая
г. Егин	Ашукта	18	4	Гористая и трудная
	г. Егин			Каменистая и непроходимая
Гасан-ова 55 верст, 9 часов	До самого Кашташ-богаза нет			Совершенно непроходимая
	Гасан-ова	55	9	От Кашташ-богаза удобна
г. Кемах 64 версты, 12 часов	Ергамме	13	3	Удобная, но довольно каменистая

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
	Соляные колодцы	33	6	Гористая, но удобо- проходимая
	г. Кемах	18	3	Гористая, но удобная
г. Ерзингам 52 версты, 12 часов	Гасан-кой	22	5	Довольно удобная
	Ерзингам	30	7	Трудная только на протяжении ущелья Евфрата
д. Каргын-кой 64 версты, 12 часов	Шихле	19	4	Ровная, но местами топкая
	Кабадже-хан	28	5	Гористая, но удобная
	Каргын-кой	17	3	Довольно удобная
Ени-кой 48 верст, 10 часов	Мамахатун	18	4	Удобная
	Ени-кой	30	6	Гористая, но удобная
Арзерум 40 верст, 9 часов	Лыжа или Ильджа	28	6	Удобная

Подробное описание. Дорога от Малатии идет на дер[евню] Сюрмене, от этой деревни [дорога] идущая в Арзерум отделяется вправо и ведет к Арабкиру, в левую же сторону остается дорога на Яким-хан и Сивас. Кроме этого почтового пути есть еще другая дорога, она от Малатии следует берегом Евфрата и идет прямо на Егин, оставляя Арабкир верстах в 18-ти на запад. Дорога от Сюрмене идет косогором общего нагорного берега долины Евфрата, река эта остается сначала верстах в 10-ти, и потом несколько далее. Первые 12 верст она вьется перерезанными, но довольно округлыми покатосями, разграниченными непрерывными лощинами, далее же крутизны сливаются с зубчатыми гребнями, так называе-

мого Арабкир-дагы и дорога идет у подножия стремнин, оставляя на западе крутые откосы изрытые глубокими оврагами. На этом пространстве дорога местами чрезвычайно камениста и частые въезды и спуски затрудняли бы следование тягостей. Грунт земли состоит из красной, как бы пережженной, глины, покрытой обломками скал. Довольно частые деревни выражают населенность, и даже признаки некоторого изобилия. Котловина же в которой разбросан Арабкир, может считаться одним из самых живописных и самых богатых участков, город этот на протяжении пяти или шести верст представляет сады перемешанные с отдельными строениями, жилища тянутся по протяжению оврагов, и русло их повсюду покрыто фруктовыми деревьями и виноградниками. Дорога, извиваясь по протяжению оврагов Арабкира, минует старый город или Ески-Арабкир и за ним по чрезвычайно крутому и каменистому спуску вьется к потоку Гияур-Яссы-чай, который течет в прорезе глубокого ущелья. Отсюда, перейдя речку, она следует 3½ версты вдоль оной, и наконец, вблизи д. Кепли подымаясь на крутую гору идет через пологий перевал, за которым пересекает отлогие откосы широкой долины. Д. Ашукта находится почти у самого верховья долины и за ней гряда высот образует к югу плоскую котловину, на север же идут совершенно отвесные стремнины, зубчатые гребни которых висят над самым руслом Евфрата. Отсюда дорога вьется тесной тропой по утесам, составляющим глубокую пропасть. Корыто реки и верхний прорез ущелья сохраняют почти одинаковую ширину и тропа, высеченная в камне, сближаясь и удаляясь от Евфрата, идет под отвесными скалами. На 28-й версте от д. Ашукта громады обоих берегов изрытые оврагами составляют скалистый котел и здесь разбросаны строения небольшого, но чрезвычайно богатого города Егин. Трудно было бы найти участок более живописный, русло реки и ближайших оврагов составляют богатые полосы, покрытые сплошными садами, и примыкающие к ним стремнины, обставлены амфитеатрами строений. Воды повсюду чрезвычайно много, ибо два сильных потока, выливаясь почти от самых верхних гребней утесов, идут крутыми водопадами к Евфрату и дробятся на множество частных речек и небольших каналов, которые служат повсеместными проводниками. Край удерживает своенравные красоты

дикой природы, есть признаки довольствия, но между тем, местные произведения ограничиваются одними садами и хлеба даже не сеют. В настоящем положении дорога совершенно непроходима для войск, но и разработка ее потребовала бы постоянных и чрезвычайно значительных усилий. Даже ущелье Военно-грузинской дороги может считаться ничтожным в сравнении с громадами Егин. При первом спуске Евфрат кажется небольшим ручейком, который вьется под нависшими скалами, скорости же быстрого бега несравненно значительнее Терека. Здесь река уже имеет от 75 до 100 сажень.

От Егин дорога в самом городе переходит на левый берег по деревянному, но хорошо построенному мосту и за ним вьется извилистой и тесной тропой, которая ведет к вершинам утесов левого берега. Таким образом, на расстоянии 12 верст дорога представляет почти постоянный подъем, идущий в обход на высших и уже совершенно непроходимых скалах, примыкающих к реке выше города. Потом за д. Аврыть дорога следует по каменистому оврагу к вершинам одного из горных отрогов и за ним она протекает по косогорам стремнин, остающихся вправо. Здесь русло небольшой долины представляет как бы ровную площадку, но пройдя ее, тропа снова вьется на крутизны, и наконец, ведет к крутому почти обрывистому спуску вблизи так называемого Каш-таш-богаза. В этом месте оканчивается прорез глубокой пропасти, и Евфрат здесь вьется по довольно широкой долине, ограниченной на левом берегу сплошным рядом исполинских стремнин, и на правом пологими и довольно плоскими скатами, как бы облекая подножия гор, остающихся в некотором расстоянии на запад. Дорога, спустившись к самой долине Евфрата, идет вверх по течению до впадения Карабудах-чая, отсюда же она следует левым берегом и вьется тесной тропой по каменистым утесам. Другая же, перейдя реку паромом, идет вдоль пологих скатов и за ручьем Куру-чая достигает д. Гасанова. Край вообще живописный, но малонаселенный, жители состоят из оседлых курдов. Дорога от Егины до Каш-таш-богаза едва проходима, далее же она хороша. Грунт земли на плоскостях глинистый, стремнины же состоят из голого камня.

От Гасанова есть две дороги, одна выходит к долине Евфрата и потом идет вблизи самой реки, другая же идет к почтовой стан-

ции Ергамли и от этой деревни пролегает верхними косогорами общей долины, русло которой остается в 10 или 12 на восток. Прямо из Гасан-ова до Кемаха считают 10 часов, идущая же на Ергамли [дорога] делает два часа обхода. Дорога от Гасан-ова идет руслом каменистого оврага, который, будучи обставлен с обеих сторон небольшими стремнинами, вьется к д. Ергамли и образует постепенный подъем. Здесь на расстоянии 12 верст дорога хороша, но камениста. Далее за Ергамли дорога пересекает перевал довольно значительной горной отрасли и за ней спускается к прорезу так называемого Богасук-чай. Овраг этой речки составляет тесное русло, которого берега вместе с углублением ущелья делаются более высокими, и наконец, состоят из утесистых стремнин покрытых слоями гипса и слюды. На 25-й версте от Ергамли дорога, оставляя корыто оврага, подымается на косогоры верхних гребней общего нагорного берега долины Евфрата. Здесь она имеет тяжелый подъем и за ним идет через глубокие рытвины верховьев лощин и небольших речек, впадающих в Евфрат. Свойство грунта дает осадку соли и для добывания оной устроено несколько колодцев. Дорога вообще довольно трудная, она переходит непрерывные овраги, имеет тяжелые подъемы при выходе из ущелья Богасук-чай и потом в 8 верстах от Кемаха, где перейдя значительную гору, дорога сближается с долиной Евфрата и после пологого спуска достигает моста, устроенного почти при самом начале города. Мост этот построен при крутом повороте реки, которая идет в совершенно отвесных скалах, и изгиб этот вероятно образовался от обрушившихся громад, которые завалили старое русло, ибо ближе к городу еще видно корыто, составляющее теперь ров крепости.

Небольшой городок Кемах здесь расположенный раскинут вдоль подножия исполинских утесов Музур-дагы, крепостца же его занимает верхние гребни как бы обрушившейся глыбы скал. Край вообще от Ергамли дикий и пустой, деревень нет, и только длина Евфрата соединяет небольшое число оседлых жителей, горы обыкновенно заняты кочевыми курдами. Самый Кемах принадлежит к чрезвычайно живописным участкам и окрестности города повсюду покрыты богатыми садами. Дорога трудная, но проходима. От Кемаха идут две дороги, одна из них самая удобней-

шая по правому берегу Евфрата, другая же у подножий стремнин левой стороны. Первая, перейдя через Кемир-чай, вьется перерезанными, но довольно пологими скатами; она пересекает беспрерывные овраги и в некоторых местах идет ровными площадками самой долины Евфрата. Трудные подъемы находятся на высоте деревни Ардос и потом за д. Кафарлы. Евфрат течет долиной, которая разделена на небольшие площадки, разграниченные тесными ущельями, в которых скалы едва оставляют тесное русло. Все протяжение левого берега состоит почти из отвесных утесов Музурдагы, вдоль правой же стороны скаты более пологие образуют как бы подножие гряды гор, которая остается в некотором расстоянии на запад. Дорога местами хороша, но она пересечена дурными и тесными косогорами, которые требовали бы непременных разработок. В 13 верстах от Ерзингама Евфрат прорезывает скалы отвесного ущелья, и здесь дорога на протяжении $3\frac{1}{2}$ верст идет тропой, которая, будучи высечена в камне, вьется по каменистым стремнинам. Далее же она выходит на обширную плоскость равнины, на которой расположен Ерзингам. Здесь местность совершенно изменяется, глубоко опущенное дно долины образует площадь покрытую множеством деревень, и подножия гор везде заняты почти сплошными садами и виноградниками. Утесы состоят из каменистых слоев, в долинах же грунт земли глинистый и чрезвычайно вязкий.

От Ерзингама дорога идет равниной, пересекая небольшие ручьи и местами рвы болотистых и довольно топких горл, образовавшихся от весенних разливов; в сухое время дорога совершенно хороша, иначе она требовала бы улучшений и устройства частых мостов. Пройдя Чефлык, площадь долины начинает сужаться и д. Шихле уже находится почти при ее верховье. Далее горы, сближаясь с руслом Евфрата, образуют прорез глубокого оврага и дорога в 6 верстах от Шихле входит на откосы правой стороны перерезанной частыми лощинами. На 20-й версте река остается далеко вправо и течет в скалистом корыте неприступного ущелья, дорога же, взбираясь на беспрерывные перевалы, вьется крутыми косогорами и обходит глубокие промоины. Так достигает она Кабидже-хана, который построен у самого подножия хребта этого

названия. Отсюда дорога, минуя д. Чаушек, идет к гребням высокого перевала, с которого она спускается крутым и обрывистым спуском, ведущим снова к плоской долине Евфрата, на которой расположена д. Каргын-киой. Вообще дорога от Ерзингама может считаться проходимой, она трудна вблизи д. Ком и на последнем спуске, но и здесь небольшие исправления сделали бы ее весьма удобной. Местность, начиная от долины Ерзингамской, составляет пустынные и перерезанные скаты, покрытые редким кустарником и занятые изредка небольшими и бедными деревнями курдов. Грунт земли большей частью глинистый.

От д. Каргын-киой дорога идет долиной Фирата, на 9-й версте она переходит через Кетюнь-кюпри, построенный на рукаве Фирата вблизи соединения этой реки с Мамахатун-су, и отсюда дорога идет долиной этого последнего рукава до самой деревни Мамахатун. Далее же река остается на востоке, прорезывая тесное горло каменистого ущелья, дорога же, поднимаясь в гору, вьется косогами и, пересекая частые овраги, входит на гребни высокой отрасли Ардышли-бели. Самый хребет остается несколько левее дороги, которая перейдя тройной ряд перевалов, спускается к д. Ени-киой. Вообще дорога может считаться довольно удобной, до Мамахатуна она совершенно хороша, на остальном же пространстве ее затрудняют несколько крутых подъемов, но они не могли бы остановить подвижности войск, и с небольшими разработками все затруднения были бы уничтожены. Местность от Мамахатуна до Ени-киой состоит из пустынных и почти ненаселенных скатов, покрытых перемешанным лесом и кустарником, грунт земли хрящеватый, но в лощинах глинистый и вязкий. Д. Ени-киой находится в 5 только верстах от Аш-калы, и от нее на запад видно русло Фирата, принимающего несколько выше рукав Кара-су.

От д. Ени-киой дорога идет у подножия верхних гребней нагорного берега, который остается вправо, и в 11 верстах от деревни она выходит к Аладжи-хан, который находится на большой дороге из Арзерума в Аш-калу. Здесь дорога сближается с берегами Кара-су и, идя волнистыми откосами левого берега реки, она достигает д. Лыжа или Илыджа, которая расположена на рубеже обширной равнины, примыкающей к Арзеруму. До города остается 11½ верст

совершенно ровной площади, орошенной небольшими потоками, впадающими в Кара-су и Фират. Весной и осенью вся площадь составляет сплошные топи, но в сухое время дорога совершенно хороша.

Общее обозрение. Дорога от Малатии к Арзеруму, как береговой путь долины Евфрата, могла бы считаться одним из самых важных сообщений и в смысле военном она заслуживала бы особенной значительности. Но расположение каменистых ущелий и гигантские громады окрестностей Егины и так называемого Каш-таш-богаза занимают отдел 50 верст и служат постоянными и неодолимыми препятствиями. Дорога, уже подходя к Арабкиру чрезвычайно трудна, далее же от самого спуска вблизи д. Ашукты она вьется тесной тропой, и только привычные лошади и мулы могут переносить легкие выюки через эти исполинские обвалы, камни и карабкаться по природным лестницам часто отвесных подъемов и спусков. Подходя к Гасан-ова долина Евфрата делается шире, и особенно правый берег представляет скаты более пологие. Здесь разработка дороги была бы возможной, теперь же она разграничена тесными проходами суженного русла долины реки, и особенно замечательные ущелья находятся верстах в 8 ниже Кемаха и в 9 верстах от Ерзингама при самом выходе к обширной равнине этого города. За Ерзингамом Евфрат, отделяясь от дороги, идет в отвесном прорезе скал Кош-богаза, и на высоте этой последней теснины дорога пересекает изрытые скаты довольно высокой горной отрасли называемой Кабаджи-дагы. Переход через горы свободен и у самых подножий северных скатов дорога достигает д. Каргын-киой, от которой выше соединения двух рукавов Евфрата составляются широкие плоскости обширных долин Мамахатун-су и Фирата. Далее на север до самого Арзерума дорога может считаться удобопроходимой, пройдя Мамахатун, она идет вдоль небольшого горного отрога, занимающего пространство между Фиратом и Мамахатун-су и, перерезывая изрытые скаты, спускается к долине Кара-су, по которой и идет на ровную площадь Арзерума.

По основным свойствам местности и ее разнохарактерности все протяжение дороги представляет три главных отдела. Ущелья Арабкира и Егины при исполинском своенравии гигантских утес-

сов соединяют значительное народонаселение и могут считаться одними из богатейших участков Анатолии. Голые и бесплодные утесы в русле оврагов ограничивают сплошные полосы садов, и разбросанные здесь жилища принадлежат самым зажиточным и самым богатым хозяевам, которые как бы старались укрыться в этих неприступных вертепах. Далее за воротами Каш-таш-богаза край делается пустынным и бедным, ничтожные деревни составляют жилища переселенцев курдов, горы правого берега в некотором расстоянии от Евфрата покрыты лесом, вдоль левой же стороны реки тянутся зубчатые гребни Музур-дагы, покрытого большую часть года глубокими снегами. Местность бедная, скудная растительностью и почти бесплодная. Свойства эти есть настоящая принадлежность всего пространства прибрежных частей Евфрата, за исключением равнины Ерзингамской и потом самой плоскости Арзерума. В самой середине этих пустынных и бедных утесов природа расположила две обширных площадки, представляющие как бы богатые острова в море утесов и скал. Ерзингамская равнина, будучи несравненно ниже Арзерумской, пользуется всеми преимуществами жаркого климата, и если она не заключает столько многочисленного народонаселения, то взамен того плодородие ее несравненно много сложнее и гораздо значительнее. В военном отношении эта плоскость представляет важные условия одного из главнейших магазейнов и общие склады от Ерзингама могут быть сплавлены по Евфрату к Малатии. В настоящее время плоты или келеки ходят почти беспрерывно и везут в Кабан-маден всю сложность потребляемого угля для расплавки металла и притом значительное количество необходимого для работников продовольствия. Таким образом, запасы легко собранные на равнине Ерзингамской в несколько дней перенесли бы к середине Анатолии, и войска утомленные тяжелыми переходами нашли бы в Малатии все необходимые условия полного изобилия сосредоточенного к соединению нескольких удобных дорог, ведущих к стороне Алеппо, Диарбекира и берегам Александретского залива.

№ 7 От Арзерума через Каракулак и Байбурт до Трапезонда

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
г. Арзерум	Аш-кале	40	8	Удобная
	Хан	30	6	Есть косогор, но дорога довольно удобная
	Ак-су	20	4	Довольно удобная
	д. Тюдер	22	4 ½	Двойной перевал, но дорога довольно удобная
	Байбурт	17	3 ½	Удобная
	Чипишназ	22	5	Удобная
	Гусыч-кале-киой	40	10	Непроходимая
Дорога от Гюмюш-хана до Трапезонда не снята по причине проливных дождей				

Подробное описание. От Арзерума к Байбурту ведут несколько дорог, все они служили линиями действий и не только описания, но и самые подробные съемки были сделаны по нескольким направлениям. Удобнейшим путем может считаться дорога, идущая от Аш-кале и потом, следуя долиной Фирата к Шайтан-дереси, и наконец, через Аглы-оглу-дереси к Байбурту. Дорога эта, идя сначала вдоль Арзерумской равнины, проходит д. Лыжа или Ильджа и вблизи Аладжи-хана разделяется с ведущей на Ени-киой. Отсюда она следует по берегу Кара-су, и вблизи устья этой реки достигает моста, построенного на Фирате и расположенного в небольшом ущелье при д. Чавдарын. Далее ровная плоскость долины Фирата ведет к д. Аш-кала. Отсюда есть несколько дорог идущих к подъемам хребта Капт-дагы, но в зимнее время они непроходимы и про-

езжим путем едва остается одна береговая дорога, извинаящаяся по правому берегу Фирата.

От Аш-кала дорога идет по отлогим откосам скатов правой стороны Фирата, местами она спускается на самую долину и потом снова пересекает косогоры и буераки впадающих оврагов. Горы, удаляясь от Аш-кала, вообще сближаются с руслом долины и, принимая постепенно большее углубление, корыто прорезывает более крутые и более высокие берега, так дорога достигает Караван-сарая или Хана. За ним она идет в прорезе суженной долины и в 15 верстах от Хана, оставляя Фират, начинает подниматься на плоское подножие высокой горной отрасли, остающейся вправо от дороги. Здесь дорога извилистой тропой переходит через крутую и глубокую промоину оврага Шайтан-дереси и потом за речкой Ак-су подымается на высоты значительного горного перевала. За первым перевалом от речки Ак-су дорога спускается к ручью Кара-Кулака и, оставляя дорогу в этой станции (до которой только 7 верст) идет круто вправо, постепенно взбираясь на высоты Аглы-оглу-дагы. Хребет в этом месте имеет довольно плоские и невысокие вершины и дорога не представляла бы значительных затруднений; спуск идет по прорезу Хахо-дереси и к стороне Байбурта плоские высоты тянутся как бы постепенными рядами от д. Тюдер до Байбурта, всего 17 верст весьма хорошей и удобной дороги.

От Байбурта большая Константинопольская дорога и ведущая в Трапезонд идет к Чипишнизу. Местность до этой деревни состоит из высокой плоскости покрытой рядами холмов, которая служит как бы подножием зубчатых вершин громад Лазистана, остающихся в недалеком расстоянии на северо-восток. Широкая и весьма удобная дорога сходит постепенно на равнину Сюнюр-ова и потом, взойдя в тесное ущелье при самой д. Чипишниз, переходит рукав Чмороха, орошающий равнину Сюнюр-ова. Константинопольская дорога ведет к Кеклык-Чефлыку, идущая же в Трапезонд проходит ущельем и начинает подыматься на высоты Гюмюш-хане-даглар. Подъем этот с южной стороны составляет постепенные уступы, но взойдя на гребни верхнего края там, где они отделяются от горы Оф-дагы, дорога входит в прорез глубо-

кой пропасти, на дне которой вьется река Гюмюш-хане. Здесь тесная и каменистая тропа следует извилинам глубокого русла ограниченного с обеих сторон исполинскими громадами отвесных скал и дорога, таким образом, идет до самого города Гюмюш-хане, расположенного в середине зубчатых гребней перерезанных и едва проходимых гор. Главнейшая теснина, где скалы образуют расщелину, застланную обрушившимися громадами, находится при так называемой Гусыч-кале-киой, но кроме этой точки во многих местах обвалы камней почти перекрывают дорогу и тесная тропа вьется между глыбами оторвавшихся скал. Для войск дорога эта может считаться непроходимой, и несколько десятков людей легко остановили бы значительные массы, идущие по прорезу этого ущелья.

От Гюмюш-хане в Трапезонд идут две дороги, одна и самая удобнейшая следует вдоль берегов речки Гюмюш-хане или Триполи-дереси около 10 часов и потом, за перевалом через Заада-даг, она выходит к Джевизлику, от которого, идя по прорезу Дерменд-дереси, достигает Трапезонда. По этой дороге вообще считают 24 часа или около 120 верст. Для вьюков она проходима. Другая и самая кратчайшая дорога идет только три версты вдоль речки Гюмюш-хане, и от нее она вьется крутым косогором на зубчатые гребни так называемого Хорос-дагы. За этим хребтом тропа пересекает глубокие прорезы тесных оврагов Хром-чая и за ними вдоль ущелья Ставры-киой-лар она подымается на высоты Кулаат-дагы, которые образуют средний кряж между берегами моря и течением Чмороха. Вершины этого хребта идут широкой полосой высокой возвышенности и дорога, взойдя на оные, минует караван-сарай Кара-Капан и за ним начинает спускаться к прорезу д. Джевизлык, где и соединяется с дорогой, идущей от Заада-дагы. Общее расстояние от Гюмюш-хане до Кара-Капана 10 часов, от Кара-Капана до Джевизлыка 4 часа и от Джевизлыка до Трапезонда 6 часов, что составляет от Гюмюш-хане 20 часов трудной, чрезвычайно каменистой и почти непроходимой дороги.

Общее обозрение. Вообще дорогу от Арзерума до Трапезонда можно разделить на три главных участка. Первый из них на расстоянии от Арзерума до Кара-Кулака принадлежит к большой Кон-

стантинопольской дороге, она идет по берегам Фирата, почти везде довольно удобна и смежная к ней местность, бедная по народонаселению, повсеместно покрыта небольшими кустарниками. Далее участок между ручьем Кара-Кулака и есть поперечное сообщение, соединяющее две главные дороги Байбуртскую и Каракулакскую (обе ведут из Арзерума в Константинополь), оно представляет переход через Аглы-оглу-дагы и к стороне Байбурта идет разнообразными грядами обширной плоской возвышенности, ограниченной на север глубокими прорезами гор Лазистана. Так идет дорога до самой д. Чипишниз, но здесь начинается тесное ущелье одного из рукавов Чмороха и от этих ворот дорога постепенно взбирается на вершины гор Гюмюш-хане-даглар. Спуск с этого хребта чрезвычайно крут и дорога к Трапезонду вьется в прорезе быстро углубляющейся пропасти, ограниченной с обеих сторон исполинскими громадами. Вообще от черты Оф-дагы до берега моря местность представляет гигантскую грудку разнообразных утесов. Сначала обнаженные вершины состоят из зубчатых каменистых скал, и признаки растительности следуют руслом глубоких промоин, по которым струятся потоки, но далее за Кулаат-дагы понижающиеся к морю обрывы покрыты сплошным лесом и уже от Джевизлыка край принимает полное убранство богатой стороны, и притом ущелья сосредоточивают значительное народонаселение. Летом кроме этой дороги есть еще несколько проходимых тропинок, ведущих к Гюмюш-хане, и от Байбурта прямо в Трапезонд, они избираются караванами в самое сухое время, ибо иначе гребни хребтов, по которым пролегают эти небольшие тропы, покрыты глубокими снегами или недоступны за топами и грязью. В смысле военном, пути от Арзерума на Байбурт к Кеклык-Чефлыку и от Арзерума на Кара-Кулак могут быть весьма важными и по ним проходили наши войска во время последней войны. Что же касается до Трапезондской дороги, то она вовсе непроходима, и вообще вся прибрежная часть гористого Лазистана может быть театром частных экспедиций наподобие наших кавказских, но никогда не могла бы быть избрана для значительных масс, и самое покушение завладеть Трапезондом со стороны Арзерума при малейшей защите может считаться неисполнимым.

№ 8 Прибрежная дорога от Трапезонда до Фассы

Принятые станции и ночлеги	Места удобные для расположения войск во время переходов	Число верст	Число часов	Общие свойства дороги
Трапезонд Платана	Вообще нигде нет	17	3½	Дурная
Биюк-лиман		45	10	Дурная
Триполи		50	10	Дурная
г. Керсунд		57	10	Дурная
Орду		64	12	Дурная
Фасса		63	12	

Подробное описание. От Трапезонда тесная тропа вьется сначала по самым отмелям моря и потом входит в крутые косогоры скал, перерезанных частыми оврагами. Подходя к Платане, дорога делается несколько лучше, ибо она идет во многих местах пологостями низменной долины моря, но впрочем, на всем пространстве она проходима только для вьюков и самая ее разработка потребовала бы значительных усилий. Далее от Платаны дорога делается несравненно труднее, ибо высокая отрасль гор, вдающаяся в море мысом Иоросс, составляет на этом пространстве почти отвесные скалы. Тропа беспрерывно идет или отмелями, которые заливаются прибоем волны, или взбирается на груды утесов, и в особенности при перевале через гребни горы Иоросс дорога имеет чрезвычайно тяжелые подъемы, несколько же пологие скаты начинаются только за д. Фоль и отсюда побережье представляет небольшую долину, оканчивающуюся, впрочем, при самом Биюк-лимани. От Биюк-лимана начинаются утесы мыса Иоросс-кале и тесная тропа, высеченная в скалах идет по отвесному косогору, но далее, пройдя этот мыс, утесы оставляют часть плоской долины и, таким образом, дорога, минуя Еллеус, идет по перерезанным скатам до самого г. Триполи, вблизи которого она переходит речку того же названия. Пройдя Триполи дорога удерживает те же свойства, она везде вьется тесной тропой и переходит от небольших площадок узкой долины к беспрерывно перерезанным скатам частых подъ-

емов и спусков, образовавшихся от оврагов впадающих в море потоков. В особенности тяжелое и каменистое пространство находится при Геледжике, где скалы образуют вдающуюся точку мыса Зефира. За Кересундом прибрежная часть гор приметно начинает понижаться, а потому и дорога несравненно лучше, она чаще проходит низменностью небольших площадок и пересекает скаты, которые во многих местах делаются более плоскими. В особенности вблизи Диваны-дереси и Аршулы-дереси пологости образуют широкие долины и от них идет довольно низменный берег, прилегающий к самой горе Босс-теке, у подошвы которой находится Орду. От этого последнего города береговая дорога огибает гору Босс-теке и потом на высоте д. Першенбек, оставляя море, вьется в некотором расстоянии на высокие гребни горной отрасли, образующей остроконечные грани мыса Воны. Самое побережье представляет груды утесов едва проходимых для пешеходов и два высоких хребта с их отрогами занимают весь промежуток между Першенбеком и долиной реки Фундуклы-дереси. Далее же на запад горы идут в приметно понижающихся скатах, и в верстах в 15 от Фассы нагорный берег представляет довольно плоские высоты, которые вблизи самого города оставляют широкую равнину. Переход через гребни Коч-бойнеза-дагы довольно труден, но за ним дорога делается удобнее и с небольшими разработками она не удержала бы и самых значительных тягостей.

Общее обозрение. Дорога, идущая по берегам моря от Трапезонда на запад, вообще составляет тесную и извилистую тропу, которая вьется вдоль подножия отвесных утесов прорезанных беспрерывными оврагами. Не только для войск, но даже и для самых легких вьюков она чрезвычайно затруднительна, зимой ее бросают по причине снеговых обвалов, весной и осенью она не проезжима за разливами потоков, и наконец, летом эта живописная тропа в некоторых местах чрезвычайно трудна и едва доступна для конного. Почти везде она переходит от отмелей, которые заливаются прибоем волны, к отвесным косогорам выдавшихся скал и от крутого подъема к еще более крутым спускам. Речки, составляющие положительные препятствия во время разливов, есть: Триполи-дереси, Ялым-дере и Битламы-дере, другие же или менее зна-

чительны, или имеют постоянные и довольно прочные каменные мосты. Свойства самой местности повсюду сохраняют принадлежности чрезвычайно богатой растительности, и вся полоса побережья, сохраняя пышное убранство живописной страны, может считаться вместе и одним из богатейших участков, к которым столпилось значительное народонаселение. Горы, начиная от Иороса, повсеместно покрыты лесом, который на верхних гребнях переходит к строевым деревьям, в особенности окрестности Кересунда и Фассы славятся привольем лесов. Более низменные уступы одеты кустарником, и наконец, самая полоса поморья иногда покрыта сплошными рощами масличных деревьев; впрочем, изобилие всякого рода фруктов и обширные виноградники есть одна из исключительных принадлежностей всего побережья. Главная масса жителей сосредоточивается в городах: Платане, Триполи, Кересунде, Орду и Фассе, но кроме того, деревни чрезвычайно часты и, если местность неудобна и скудна для хлебородства, то взамен того жители пользуются разработками рудников, садоводством и притом близость моря доставляет им работы относящиеся до постройки судов и вообще судоходного дела. Военные большие суда строятся в Кересунде и в Фассе, береговые же лодки и купеческие транспортные суда по всему протяжению берегов. Сухопутное сообщение почти оставлено, но взамен его небольшие лодки идут непрерывно, и только во время непогод их вытаскивают на берег. Сношения эти необыкновенно быстры, каики устроены наподобие трапезондских канжир-бот и, имея огромные паруса, они идут чрезвычайно скоро, гребцы и лодочники почти исключительно греки, народ ловкий, смысленный и чрезвычайно обвыкший к своему делу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

**23 февраля 1833 г. – Докладная записка
генерал-квартирмейстера Главного штаба А. И. Нейдгарта
военному министру А. И. Чернышеву**

Предположение к собранию сведений об Азиатской Турции

Недостаток в точных и подробных сведениях об Азиатской Турции, в особенности в военно-топографическом отношении, заслуживает особенного внимания при нынешних политических обстоятельствах. Из всех областей, более других известных и в точности обозранных по сие время, есть часть Армении, прилегающая к границам нашим в Закавказском крае на пространстве между пристанью Батумом и городами Ерзерумом и Баязидом, бывшим театром действий армии нашей в минувшую войну против Порты Оттоманской. Произведены были глазомерные военные съемки, и сверх маршрутов, снятых по главным сообщениям сей страны, составлена под руководством Генерального штаба полковника Вольховского генеральная карта обозренного пространства. Об остальной же части Армении, смежной с провинциями Сивасом, Диарбекиром и Курдистаном, имеются лишь весьма поверхностные сведения, и все почти карты, как составленные у нас, равно и иностранными путешественниками, представляют значительную разность в показании городов, рек и даже главных хребтов гор. Лучшие иностранные сочинения об Азиатской Турции гг. Киннейра и Морье дают лишь общее понятие о сей стране, рассматривая оную более в историческом, чем в прямом военном отношении. Два маршрута снятые в 1829 году Генерального штаба капитаном Дюгамелем и поручиком Львовым по дорогам ведущим из Ерзерума в Константинополь, из коих одна через Токат и Гевзе, другая же через Сивас и Ангору, суть единственные хорошие топографические материалы, имеющиеся у нас об Азиатской Турции.

При нынешнем положении дел, с овладением Сирией пашой египетским, средняя часть Азиатской Турции получила особенную для нас важность. Поперечные сообщения между Черным морем и Сирией, равно как между Арменией и сей последней областью, преимущественно обращают на себя внимание, не токмо в военном, но еще более в торговом отношении. Ныне все почти караваны, следующие из Алеппо через Токат и Ангору, имеют единственное направление к Константинополю, служащему главным пунктом складов и сбыта восточных товаров. С открытием же хороших путей из Сирии к приморским городам Синопу, Самсуну и Требизонту, торг сей получит новое направление, и тем, без сомнения, послужит к вящему распространению торговых оборотов жителей южной части России. О сообщениях сих не имеется никаких подробных сведений, ибо большая часть путешественников, бывших в Азиатской Турции, исключительно исследовали южные и западные провинции оной. Один англичанин Киннейр решился пересечь сие пространство, избрав прямой путь от Требизонта через Ерзерум к Багдаду, подвергаясь грабежам и нападениям курдов. По сведениям, доставленным сим путешественником, сообщения между Черным морем и Сирией вообще, в особенности по направлению к Синопу, не могут представить больших препятствий, ибо пересекают в прямом направлении хребты гор, покрывающие северную часть Азиатской Турции, и кои большей частью тянутся параллельно Черному морю. Средняя часть Азиатской Турции вообще столь малоизвестна, что течение самого Евфрата показано во многих местах на картах приблизительно, по древним описаниям Страбона, и настоящие истоки сей реки до сих пор в точности не определены.

Полагая сколь подробное обозрение сей части Турции, было бы выгодным во всех отношениях, я долгом считаю представить о сем вашему сиятельству, считая возможным для исполнения сего важного, хотя трудного предприятия, командировать опытных и сведущих офицеров Генерального штаба, в случае, если со стороны Министерства иностранных дел не будет встречено каких-либо препятствий. Прилагая при сем для большей ясности общую карту Азиатской Турции с показанием вышеупомянутых главных сообщений и пространства, обозренного в продолжение минувшей турецкой

войны, я буду иметь честь ожидать разрешения вашего сиятельства по сему предмету.

Генерал-адъютант Нейдгарт

На полях резолюция: Снести о сем предварительно с вице-канцлером и спросить его мнение, не находит ли он со своей стороны препятствия в предполагаемой командировке офицеров.

28 февраля 1833.
Граф А. Чернышев

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 146. Л. 1–4 об. Подлинник

№ 2

**5 апреля 1833 г. – Докладная записка
генерал-квартирмейстера Главного штаба А. И. Нейдгарта
военному министру А. И. Чернышеву**

*О собрании подробных сведений о Малой Азии,
преимущественно в военном отношении*

Ваше сиятельство, приняв в уважение представление мое о необходимости приобретения, по настоящим политическим обстоятельствам, точных и подробных сведений об Азиатской Турции, преимущественно в военно-топографическом отношении, изволили относиться к вице-канцлеру, не представляется ли какого-либо препятствия к выполнению сего важного, хотя весьма трудного предприятия, посредством отправления на сей предмет в Малую Азию опытных офицеров Генерального штаба.

Г. вице-канцлер, по занятию в настоящее время значительной части Азиатской Турции войсками мятежного паши египетского, находя большое неудобство в командировании туда офицеров Генерального штаба, вместе с тем сообщил, что с прекращением военных действий, по мнению его, к достижению упомянутой цели представляется следующий единственный способ: опытных офицеров Генерального штаба, обратив в гражданскую службу именительно, причислить к Министерству иностранных дел, а сие откомандирует их в разные

консульства наши в Азии в качестве секретарей при консульствах, где, сначала ознакомясь, могут потом под предлогом дел по консульству разъезжать в разные направления и делать свое дело.

Вследствие сего, полагая удобнейшим назначить для такого поручения Генерального штаба подполковника Львова, проезжавшего уже часть Малой Азии в 1829 году с депешами от покойного графа Дибича-Забалканского к его светлости князю Варшавскому; и адъютанта генерал-адъютанта Берга лейб-гвардии Павловского полка поручика Дайнезе, знающего хорошо турецкий язык и находящегося уже при первом десантном отряде; а равномерно, считая полезным употребить для сего известного вашему сиятельству бывшего наших войск инженер-поручика Рельи, я имею честь представить о сем на благоуважение вашего сиятельства с тем, что если благоугодно будет одобрить таковое предположение, то я полагал бы ныне же отправить в Константинополь к генерал-лейтенанту Муравьеву подполковника Львова, снабдив его надлежащей инструкцией, дабы он мог предварительно собрать нужные сведения и приготовиться к основательному исполнению при первой возможности сего важного предприятия.

Генерал-адъютант Нейдгарт

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 146. Л. 8–9 об. Подлинник

№ 3

**19 июня 1833 г. – Из докладной записки
генерал-квартирмейстера Главного штаба А. И. Нейдгарта
военному министру А. И. Чернышеву**

Относительно собрания сведений об Азиатской Турции

<...> По случаю заключения мира между Портой Оттоманской и пашой египетским, полагая вышеизложенное предприятие ныне удобоисполнимым, и убеждаясь в необходимости безотлагательного начатия оного, весьма основательным рассуждением (при сем в подлиннике с объяснительной картой представляемым) поручика Рельи, о возможности разрыва султана с пашой египетским и о спо-

собах противодействия сему последнему с помощью войск наших, я имею честь испрашивать разрешения вашего сиятельства отправить для обозрения Малой Азии назначенного уже на сей предмет Генерального штаба подполковника Львова, прикомандировав его в качестве секретаря к какому-либо консульству, либо дав ему вид путешественника на поклонение Гробу Спасителя в Иерусалиме.

Генерал-адъютант Нейдгарт

На полях резолюция: Высочайше повелено снести с вице-канцлером о том, не признано ли будет возможным по уважениям здесь изложенным командировать ныне же подполковника Львова на предположенном им основании.

Июня 22 дня 1833.

Генерал-адъютант граф Чернышев

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 146. Л. 10–11 об. Подлинник

№ 4

3–7 октября 1833 г. – Инструкция Департамента Генерального штаба подполковнику П. П. Львову, представленная на утверждение военного министра графа А. И. Чернышева

Имею честь представить у сего на утверждение вашего сиятельства инструкцию для подполковника Львова.

Генерал-адъютант Нейдгарт.

Секретно.

Инструкция Генерального штаба подполковнику Львову.

Ваше высокоблагородие командируется в Малую Азию и Сирию с той целью, чтобы Вы употребили все усилия для собрания сведений, возможно полных и верных, о сей стране, нам еще столь мало известной, коей географическое положение при настоящих политических событиях так важно для России. Вам известно, что нет возможности осмотреть сии страны открыто, как офицеру Генерального штаба, а должно сделать сие самым тайным обра-

зом, то для сего Вы отправляетесь, пользуясь настоящим назначением в Александрию генеральным консулом полковника Дюгамеля, в качестве консульского к нему секретаря вслед за ним, и по прибытии в Александрию будете состоять под его начальством.

Сим поручением на Вас возлагается не одно составление маршрутов по тем только дорогам, кои Вы будете иметь возможность объехать, но сверх того, хотя по расспросам, Вы опишете отходящие дороги до каких-либо важных мест, чтобы по возвращении Вашем, по сим материалам можно было достаточно исправить общую карту Азиатской Турции. Если в каком-либо городе Вы найдете предлог остаться некоторое время, то постарайтесь, объезжая окрестности и расспрашивая жителей, собрать сведения о возможно большем пространстве вокруг того места. Пользуйтесь каждым случаем и имейте всегда в мысли то, что от Вас Генеральный штаб ожидает таких сведений и материалов, по которым бы можно было составить карту возможной верности и подробности, и чтобы она была полезна для соображения военных действий, если бы в той стране наши войска когда-либо должны были вести войну.

При сем Вам поручается описать не одни только дороги, военные позиции и места Вами видимые, а целый край, т. е. сделать общий, по возможности полный и верный обзор каждого пашалыка, через который будете проезжать, дабы доставить Генеральному штабу сведения о плодородии сих провинций, о характере и промышленности жителей, о способах продовольствия там армии, о сообщениях для транспортов, откуда и как можно будет сделать подвозы, о торговых отношениях одной провинции к другой, производительности и сбыте товаров, о возможности и выгодах открыть торговые сношения между нашими южными губерниями и краем, Вами описываемом и прочее. Каждое место важное в военном отношении, как то: крепкую позицию на военной дороге; дефиле, за которым можно долго держаться; укрепленное место и прочее Вы необходимо должны стараться снять со всевозможной верностью и подробностью; направление дорог будете определять бусолью, а расстояния измерять, где найдете нужным, шагами или шагомерами, а вообще посредством часов. Старайтесь определить географическое положение сколь возможно большего числа пунктов и как можно вернее

во внутренности края, это единственное средство составить со временем полезную для нас карту азиатских владений Турции.

Первоначально Вы отправитесь через Тифлис в Требизонд, откуда, получив через нашего там консула дорожный фирман, будете продолжать Ваш путь через Ерзерум на Диарбекир, или через Сивас и Антаб в Алеппо, потом на Гаму, Гемс, Бальбекскую долину и Акру в Александрию. Некоторое время Вы останетесь в Александрии, потом полковник Дюгамель даст Вам поручение поверить консульские дела в Алеппо; это доставит Вам возможность проехать туда береговой дорогой и быть даже в Александретте. На обратном пути в Александрию осмотрите удобные проходы через цепь Ливанских гор и окрестности Иерусалима. Наконец, пробыв в Египте и Сирии сколько занятия Ваши того потребуют, получите от полковника Дюгамеля отправление в Россию преимущественно через Ерзерум, и таким образом, четыре раза проедете через Сирию, следуя по разным, Вами избранным направлениям, что Вам доставит возможность осмотреть сей край в самой подробности, пользуясь разными предложениями, как то: осмотра достопамятных мест, древностей, редкостей и прочее. Вы можете и гораздо отдаляться от прямейших направлений, но всегда имейте главнейшей целью осмотреть и описать сколь можно большее число дорог, и как можно подробнее в направлении от Ерзерума а Сирию. На сем пространстве пролегают две главнейшие для нас дороги, могущие когда-нибудь служить операционной линией для действия войск Кавказского корпуса против египетской армии.

Страна, описание коей возлагается на ваше высокоблагородие, как Вам известно, большей частью подвластна Мегмету Али, это уже одно обстоятельство должно заставить Вас действовать со всей возможной осторожностью и благоразумием; все донесения Вы будете посылать к полковнику Дюгамелю, при отправлении оных Вы должны быть крайне осмотрительны, а с карт, маршрутов и прочего, отправляемых от Вас уже окончательно, всегда имейте при себе копии до тех пор, пока не получите уведомления, что все сие в целости получено в С. Петербурге, тогда уничтожайте сии материалы.

Я считаю излишним и даже невозможным распространять сие наставление, оно должно только определить цель сего предприятия,

а собственное Ваше соображение обстоятельств, в которых будете находиться, характера, привычек туземцев и прочее, укажет Вам к достижению оной средства, от коих уже будет зависеть и обширность Ваших действий; главнейшее же: будьте осторожны, старайтесь не подать и тени подозрения турецкому или египетскому правительствам, а и того более проживающим в тех странах европейцам; и потому, если благоразумие будет Вам советовать упустить описание какого-либо не так важного места, то для оного не подвергайте опасности потерять не только собранные Вами сведения, но даже и возможность вновь собрать оные. При исполнении сего поручения помните, что лучше доставить возможно верные, хотя и не совершенно полные материалы, чем никаких.

На проезд Ваш туда и обратно, а также на разъезды по сему поручению полагается вашему высокоблагородию следующие деньги: 1) На подъем, не в зачет, годовое Ваше жалование серебром. 2) Прогонь по положению от С. Петербурга через Тифлис до границы Турции и потом обратно. 3) На разъезды Ваши по Азиатской Турции на каждые 200 часов по 118 червонцев. 4) Все время нахождения Вашего за границей Вы будете получать оклад Вашего жалования серебром и кормовые деньги по пяти рублей в сутки, тоже серебром. Сверх сего 75 рублей ассигнациями на чертежные припасы в год. Из сих денег Вы получите при отправлении прогонные деньги до Тифлиса, а по прибытии туда, остальные до границы империи; годовое Ваше жалование серебром, кормовые за шесть месяцев и разъездные на 500 часов. Остальные затем следуемые Вам деньги будете получать в Александрии.

Генерал-адъютант Нейдгарт

На полях резолюция военного министра: Составленная инструкция высочайше одобрена. 7 октября.

Ниже приписка генерал-квартирмейстера А. И. Нейдгарта: Объявить сию инструкцию по принадлежности полковнику Дюгамелю и подполковнику Львову, сообщить оную в копии директору Азиатского департамента и сделать все прочие распоряжения.

7 октября.

№ 5

**14 октября 1833 г. – Рапорт подполковника П. П. Львова
в Департамент Генерального штаба о получении материалов
необходимых ему для путешествия в Малую Азию и Сирию**

Генерального штаба подполковник Львов, по случаю возложенного на него особого поручения, имеет честь покорнейше просить снабдить его следующими книгами, инструментами и картами, находящимися в библиотеке Генерального штаба и архивах Военно-топографического депо.

Книги

Voyage en Syrie et en Egypte par Volney, en 2 vol.

Voyage dans l'Asie Mineure, l'Arménie et le Kourdistan par M. Kinneir.

Géographie de Strabon, en 5 vol.

De la politique et du commerce des peuples de l'antiquité par M. Horen, en 3vol.

Морской месяцеслов на 1833 год.

Руководство к астрономическому определению географической долготы и широты. Соч. проф. Шуберга.

Traité de géodésie par L. Puissant.

Карты

Essay of a map of Asia Minor. Leake. 34793.

Carte générale de la Turquie d'asie, de la Perse, de l'Arabie 1822. par Brué. 34873.

L'Empire Ottoman en Europe, en Asie et en Afrique 1825. par Noël et Vivient. 34874.

A sketch of the countries between Jerusalem and Aleppo by Arrowsmith. 34789.

Map of Syria 1818. by Arrowsmith. 34575.

Palestina 1830 by Grimm. 30588.

Map of the Ottoman dominions in Asia 1833. by J. Wyld. 34579.

Carte historique, physique et politique de l'Egypte 1825. par Lapie. 30771.

Инструменты

Секстант небольшого размера – 1.

Искусственный горизонт – 1.

Хронометр или полу-хронометр – 1.

Отразительных бусолей – 2.

Карманных шагометров (одометров) – 2.

Подполковник Львов

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 33–34. Подлинник

№ 6

**13 февраля 1834 г. – Письмо подполковника П. П. Львова
из Тифлиса генерал-квартирмейстеру А. И. Нейдгарту**

Милостивый государь Александр Иванович!

Копию с предписания вашего превосходительства, отправленного на мое имя в Тверь от 12 декабря за № 4337, я имел честь получить 7 числа сего месяца. Радостное известие о назначении полного пенсионера матери моей, вместе с высочайшим повелением доставить справки о возрасте малолетних моих братьев и сестер, взволновали мне душу, и горячие слезы были только легким оттенком теплого чувства благодарности. Внимание государя и милости его величества к семье нашей, будучи доказательством отеческой заботливости о счастье каждого, показали мне всю ничтожность не только моей службы, но и самой безответной готовности к жертвованиям всякого рода; нет слов, которые бы могли выразить пылкую, пламенную признательность, и для меня единственной отрадой осталась святая молитва к Всевышнему, которая на всю жизнь глубоко врезалась в моем сердце.

Но я обращаюсь к вашему превосходительству как первому виновнику неоцененной милости государя. Награды по службе составляют ступени власти и обширность отношений в быту света, но они не изменяют душевных отношений человека и никогда не служат порукой его прямого счастья, та же награда, которой я обязан

ходатайству вашего превосходительства, обеспечивая спокойствие семьи моей, сближает привязанности столь близких для меня людей и делает, некоторым образом, участником в их счастье, а потому судите ваше превосходительство, могу ли я не быть совершенно благодарным, и могу ли я скрыть это искреннее чувство. Сверх того, как оценить добрую внимательность вашего превосходительства и эту готовность скорее обрадовать маменьку, и это полное участие в положении людей вовсе незнакомых. Но кто прямо сильно чувствует, тот скуп на объяснения, а потому я не буду говорить вашему превосходительству о моей благодарности, но сохраню навсегда в сердце. Справки о возрасте малолетних моих братьев и сестер, по известиям полученным мной из Твери, уже доставлены вашему превосходительству вместе с свидетельствами губернского предводителя, а потому я считаю излишним повторять оные, тем более, что с моей стороны, не зная точных лет, я мог бы только доставить приближенные и не совсем верные сведения.

Большие снега в горах и постоянное холодное время вынудили меня пробыть в Тифлисе более, чем я предполагал, притом, не получая ответа на письмо мое к вашему превосходительству из Москвы, и имея непереносимую необходимость в Морском календаре на 1834 год, я оставался в ожидании присылки оного. Впрочем, суровость климата и постоянная продолжительная зима в окрестностях Арзерума и вообще в верховьях Тигра, Евфрата, Кизил-Ермака и Аракса, вынудили бы меня к бездействию, и я полагаю, что оставивши Тифлис 15-го числа, я пробуду в Трапезонде по меньшей мере 5 или 6 недель. Работы мои, как вашему превосходительству известно, зависят от местных обстоятельств, но судя по дружелюбным отношениям турецких властей Арзерумского, Сивасского и Трапезондского пашалыков, кажется я довольно основательно могу надеяться на их покровительство, и желая оным воспользоваться, постараюсь во время пребывания моего в Трапезонде, под предлогом изыскания древностей, осмотреть берега моря до Самсуна и дороги к Сивасу и Карагисару.

Паспорт нашего правительства, деньги и рекомендательные письма я получил в Тифлисе, что же касается до турецкого фирмана, то, несмотря на уверения его превосходительства Констан-

тина Константиновича Родофиникина, оный мне не доставлен, хотя я и полагал бы, что фирман сей почти необходим в обеспечение безопасности и удобства моего путешествия по всей Азиатской Турции, и даже в самых владениях паши египетского он мог бы иметь важное влияние на его подданных, по принятому обыкновению на Востоке считать подпись султана как нечто святое. Впрочем, ожидая встретить большие затруднения в недоброжелательстве правителя Сирии и весьма значительного числа польских офицеров, его окружающих, я просил бы ваше превосходительство снестись с полковником Дюгамелем, дабы он со своей стороны уведомил нашего поверенного в Алеппо о моем прибытии и, если возможно, исходатайствовал мне позволение паши египетского на свободный проезд через Сирию.

Из Трапезода и Арзерума я буду иметь честь писать к вашему превосходительству и может быть найду верный случай доставить мои донесения через одного из наших офицеров, отправляемых весьма часто к сераскиру арзерумскому по пограничным делам. Теперь же, принеся еще раз мою благодарность вашему превосходительству, я остаюсь с глубочайшей преданностью и совершенным почтением,

Вашего превосходительства покорнейшим слугой П. Львов

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 52–54 об. Подлинник

№ 7

**21 марта 1834 г. – Письмо подполковника П. П. Львова
бывшему генерал-квартирмейстеру Главного штаба
генерал-адъютанту А. И. Нейдгарту о ходе своей командировки**

Милостивый государь Александр Иванович!

Вашему превосходительству угодно было принять участие в предстоящем для меня путешествии и вместе с тем дать мне позволение писать к вам. Оценивая вполне таковое внимание, я спешу исполнить волю вашего превосходительства, и представляя изложение простого рассказа о всем мною замеченном, я сочту себя совер-

шенно удовлетворенным, если вы найдете в оном хотя некоторую степень занимательности.

1 марта я оставил Редут-кале и 4-го мы прибыли в Трапезонд; военная шхуна салютовала крепости, которая со своей стороны приветствовала наш флаг выстрел за выстрел, событие новое для жителей Трапезонда, ибо по сие время ни одна крепость азиатских берегов не оказывала сей почести европейцам. И эти выстрелы сильно отозвались в сердцах здешних жителей, которые с умилением дивились величию двуглавого орла, ибо в отблесках его славы они видели свою защиту и покровительство.

Паша и его окружающие, несмотря на все занятия сборов и отправления войск для умирения одного из беев Лазистана, приняли меня и офицеров шхуны чрезвычайно ласково и вообще старались обнаружить уважение и дружбу к русским. Сверх того, знакомство с г-ном Герси, которому поручены дела наших консульств в Трапезонде и Арзеруме, доставило мне удовольствие найти человека с искренними чувствами расположения к России, и приятно было видеть все радушие его приема и готовность быть полезным, и вообще, я чрезвычайно обязан г-ну Герси, как за его гостеприимство, так и содействие во всем необходимом для дальнейшего моего путешествия. И хотя я должен был оставаться в Трапезонде более, чем предполагал, по причине больших снегов в горах и непогоды равноденствия, но взамен того я был вполне вознагражден разнообразием впечатлений роскошной природы во время непрерывных прогулок в окрестностях города, столь знаменитых воспоминаниями былой славы. И по прибытии к месту моего назначения, я употреблю все возможные старания, дабы ознакомить ваше превосходительство со всеми достопримечательностями Трапезонда, а между тем, полагая что настоящее положение торговли сего края может иметь некоторую занимательность, я прилагаю при сем подробную ведомость о числе судов, находящихся в Трапезонде в продолжение 1833 года, с обозначением их груза, и притом легкий очерк настоящих сношений сего города с Европой. Я желал бы представить что-нибудь полнее, но пользуясь случаем писать к вам, и зная только со вчерашнего дня о прибытии купеческого судна из Константинополя, которое сегодня рано утром уходит в Редут-кале, я не имел никакой

возможности окончить сию работу с должной отчетливостью, и надеясь на снисхождение вашего превосходительства, решаюсь отправить то, что было сделано в одну ночь.

При том подробные ведомости довольно ясно обозначают существующую торговлю, и образцы европейских изделий дадут понятие как о достоинстве оных, так и о том, что составляет главную статью привоза, и, наконец, они могут быть полезны для наших мануфактур как образцы узоров и восточного вкуса. Впрочем, если бы ваше превосходительство нашли некоторую основательность в моих предположениях, то по прибытии в Александрию я употреблю все старание, дабы окончить сию работу и представить сведения более удовлетворительные. И в случае каких-либо препятствий, сего рода содействие г-на Герси могло бы быть чрезвычайно полезно, тем более что семилетнее пребывание его в Турции, знание языка и притом европейское образование доставляют ему весьма значительное влияние, как в отношении к туркам, так и самой торговли Трапезода. Бесперывные же услуги и даже пожертвования во время последней войны, за которые он награжден по представлению князя Варшавского орденом Св. Владимира 4-й степени, могут ручаться за искренность его расположения к России, и сверх того, г-н Герси употребляет все старания, дабы иметь право войти в русскую службу и заниматься исключительно делами России.

Оставляя Трапезонд через два или три дня, я отправляюсь к месту моего назначения, но я должен отказаться от желания видеть Арзерум, ибо все окрестности сего города по сие время еще совершенно покрыты снегом и дороги в горах почти вовсе непроходимы, а потому я избираю прямое направление на Ерзингам, Егину, Арабкир, Малатию, Мараш и Алеп; дорога сия почитается лучшей, и все богомольцы, идущие из Арзерума и Трапезонда в Мекку и Иерусалим, обыкновенно избирают оную. Сверх того, увлеченный поэтическими воспоминаниями берегов Черного моря, увековеченными преданиями Ксенофонта, и надеясь при том найти в сих местах несколько редких медалей древности, я отдаляюсь от прямой дороги, следуя берегом до Самсуна и от оного на Карагисар, Ерзингам и далее.

Дорога сия, заслуживая особенного внимания по сохранившимся памятникам, вероятно придаст более занимательности моим

письмам, и при первом случае я постараюсь представить вашему превосходительству подробный отчет полученных мною впечатлений вместе с точным описанием сей страны. К тому же, ознакомясь хотя несколько с турецким языком и присмотревшись к обычаям и нравам жителей, я буду иметь более средств судить о настоящем их быте. Теперь же, ограничиваясь замечаниями собранными мною в продолжение моего пребывания в Трапезонде, я еще раз прошу ваше превосходительство простить мне всю неисправность в изложении сведений мною представляемых, ибо одно только затруднение в сообщениях с Россией вынуждает меня непременно воспользоваться отправлением сего судна и довольствоваться работой наскоро составленной.

С прибытием в Александрию я употреблю все возможные старания, дабы загладить сию неисправность, и с чувствами глубочайшей преданности и почтения имею честь быть милостивый государь вашего превосходительства покорнейшим слугой, П. Львов.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 64–67. Подлинник

№ 8

28 марта 1834 г. – Письмо главноуправляющего Грузией генерал-адъютанта Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву

Милостивый государь граф Александр Иванович!

Имею честь известить ваше сиятельство, что подполковник Львов выехал из Тифлиса 17 минувшего февраля и прибыл в Трe-бизонд 3/15 марта, как уведомляют меня консул наш кавалер Герси и сераскир Осман-паша. Последний из них пишет мне сверх того, что он снабдил уже г-на Львова особенным буюрульди и не преминет доставить ему все средства для удобного и безопаснейшего продолжения предпринятого им путешествия.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга, барон Григорий Розен.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 58. Подлинник

№ 9

**3 апреля 1834 г. – Письмо директора
Азиатского департамента МИД К. К. Родофиникина
генерал-квартирмейстеру Ф. Ф. Шуберту**

Милостивый государь Федор Федорович!

В ответ на отношение вашего превосходительства от 30 марта за № 71 долгом поставляю уведомить, что, по мнению моему, исходатайствование фирмана для г. Львова на беспрепятственное следование в Александрию через Азиатскую Турцию подает лишь повод к толкованиям неблагоприятно расположенных к нам в Константинополе людей и несомненно породит подозрения в турецком правительстве, и что я нахожу весьма достаточным для беспрепятственного следования г. Львова данный ему от Министерства паспорт; сверх того, г. генерал-адъютант барон Розен, вследствие отношения к нему от г. вице-канцлера, вероятно, снабдил г. Львова рекомендательным письмом к паше ерзерумскому, с коим главноуправляющий в Грузии состоит в частых сношениях, и который со своей стороны окажет должное содействие г. Львову к дальнейшему следованию к месту его назначения.

К сему долгом поставляю присовокупить, что об отправлении г. Львова в Александрию г. полковник Дюгамель уже извещен от Министерства, но что касается до исходатайствования от египетского паши открытого позволения для проезда через Сирию, то я полагаю, что если бы и дать теперь предписание нашему генеральному консулу, оно прибудет туда в одно время с г. Львовым, что впрочем в сем деле должно избегать всякую гласность и всякую настойчивость, могущую указать участие, нами принимаемое в г. Львове, он должен являться простым канцелярским чиновником, а более ничего. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности, Родофиникин.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 57 и об. Подлинник

№ 10

**28 апреля 1834 г. – Письмо подполковника П. П. Львова
бывшему генерал-квартирмейстеру Главного штаба
А. И. Нейдгарту из Алеппо о ходе своего путешествия**

Милостивый государь Александр Иванович!

Может быть вашему превосходительству покажется странным получить поздравление из Алеппо, но участие, которое вам угодно было принять в судьбе моей, дает мне право писать к вам, и я считаю приятной обязанностью поздравить ваше превосходительство с днем праздника и пожелать вам от души возможных радостей и счастья.

22 апреля я приехал в Алеппо; трудное и тяжелое мое путешествие, хотя и было соображено с большими препятствиями, но до сих пор я исполнил оное благополучно. Оставив Трапезонд, намерения мои, как я и писал к вашему превосходительству, состояли в том, чтобы осмотреть берег моря до Самсуна, как местность столь богатую красотоми природы и преданиями древних, и потом избрать направление через Карагисар к Ерзингаму и далее через Малатию, дабы выехать на прямое сообщение Арзерума с Алеппо, дорогу тем более любопытную, что она доставляла мне возможность видеть Евфрат, и притом проехать местами, которые до сих пор не были посещены европейцами. Но в сем краю путешественник не властен располагать собою и весьма часто намерения его изменяются обстоятельствами. Доехав до Фассы, я узнал, что Решид Мегмет-паша со значительными силами готовился идти из Сиваса к Малатии для усмирения тамошних курдов, и сверх того, встретив препятствия к самой поездке к Самсуну, я решился избрать направление на Никсар, Токат, Сивас, Альбистан и Антеп. Дорога сия не представила богатых памятников минувшей славы, но взамен того она удобна и хороша; и хотя пространство между Сивасом и Алеппом известно своими разбоями и занято курдами, но я проехал совершенно благополучно и только один раз должен был угрожать оружием, но и в сем последнем случае имя русского было красноречивее заряженного пистолета. Кажется, что настоящие турки, потеряв фанатизм религии и самостоятельной народной гордости,

сохранили часть одного единственно для того, чтобы дивиться славе русской, и чувство прежней ненависти заменено теперь удивлением и боязнью.

Впрочем, я не буду утомлять ваше превосходительство рассказами о моем путешествии, тем более что теперь я мог бы только представить несвязный очерк наскоро собранных замечаний. Завтрашний день я оставляю Алеппо и через полтора месяца надеюсь быть в Александрии. Дорогою я осматриваю Гамах, Гемс, Бальбек, Дамаск, Иерусалим, Яффу, Газу и Каир, и тогда употреблю все старания, дабы придать более занимательности моим письмам. Теперь же я пользуюсь случаем, чтобы послать весточку к домашним и, надеясь на снисходительность вашего превосходительства, беру смелость утруждать вас просьбой доставить прилагаемое при сем письмо по адресу, и с чувством глубочайшей преданности и почтения имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейшим слугой, Петр Львов.

На документе помета: Доложено его величеству 29 июня.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 86–87 об. Подлинник

№ 11

12 сентября 1834 г. – Письмо подполковника П. П. Львова генерал-квартирмейстеру Главного штаба Ф. Ф. Шуберту из Александрии о заключительном этапе своей командировки

Милостивый государь Федор Федорович!

Участие вашего превосходительства в настоящем моем путешествии возлагает на меня приятную обязанность исполнения желаний ваших, и я спешу уведомить ваше превосходительство, что первые статьи моего журнала, составляющие полный отчет поездке через Анатолию и Сирию, я оставляю полковнику Дюгамелю для доставления при первом удобном случае. Притом я сочту себя вполне удовлетворенным, если легкие очерки роскошной природы Анатолии и описания остатков древностей доставят вашему превосходительству хотя некоторую степень занимательности.

Оставляя Александрию, предположения мои состоят в том, чтобы ехать в Иерусалим и Дамаск, дабы воспользоваться лучшим временем года и осмотреть некоторые места Сирии и даже, может быть, берега Евфрата, горную Силисию, часть древней Месопотамии, Коммагену и южную Каппадокию. И как вашему превосходительству угодно было принять на себя устройство моих дел, то я имею честь уведомить, что по приезде в Александрию я получил от полковника Дюгамеля тридцать тысяч турецких пиастров, что составляет около семисот голландских червонцев, но судя по примерному соображению предполагаемых мною разъездов, деньги сии далеко не покрывают необходимых расходов. Почему я и прошу ваше превосходительство сделать надлежащие распоряжения для доставления полковнику Дюгамелю, сверх взятых мной 30 тыс. пиастров, двести пятьдесят червонцев для пересылки в Сирию, где я полагаю пробыть до марта месяца будущего года. И такую же сумму 250 червонцев в Трапезонд на имя нашего консула для передачи мне по приезде в сей город.

Сверх того, я просил бы ваше превосходительство ускорить по возможности присылку сих денег, тем более, что полагая возвратиться в Россию к концу мая месяца, я буду иметь необходимую в них надобность, и замедление присылки оных вынудило бы меня оставаться на месте без всяких средств к возвращению. Принеся при том мою совершенную благодарность за внимание вашего превосходительства в доставлении мне писем от родных, я с глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейшим слугой,

П. Львов

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 93–94 об. Подлинник

№ 12

**30 октября 1834 г. – Из письма подполковника П. П. Львова
из Алеппо русскому генеральному консулу в Египте
полковнику А. О. Дюгамелю**

Меня можно уподобить теперь человеку, который перед страшной грозой пускается в открытое море. Но да будет воля Бога! Лошади готовы и завтра я уже буду на дороге к Евфрату. Признаюсь, нельзя было выбрать худшего времени для путешествия, меня надобно понять как «зловещего врана» – куда ни покажусь, везде бунты, везде возмущения. Хотелось взглянуть на Антиохию и Латакию, но там такие беспорядки, что подумать невозможно; хотелось пуститься на север, и там волнения, словом, везде угрожают опасности, но ведь нас не удивить и русского «авось» не перехитрить! Завтра же с рассветом в поход. Возмущения ансари, нусари, аккари и карита, о коих я писал вам из Бейрута, непрерывно становятся важнее, и теперь не только прерваны все сообщения между Триполи, Латакией, Антиохией и Алеппом, но бунтовщики, несмотря на неудачные стычки с войсками паши, собираясь толпами, несколько раз покушались атаковать Антиохию. По последним известиям Ибрагим-бей со своим полком, вместе с пятьюстами бедуинов и 2-мя эскадронами кавалерии находится в блокаде.

О действиях Эмир-Халиля, сына Эмир-Бешира, еще неизвестно, но вообще можно полагать, что без решительных мер и присутствия Ибрагим-паши это возмущение не только не будет усмирено, но может принять весьма дурное направление. Горцы единодушно уверяют, что они восстали по приказанию Решид Мегмет-паши и теперь жители хребта, составляющего последние отрасли Амануса, находятся на их стороне, что делает затруднительным сообщение с Александреттой. Сюда ожидают Ибрагим-пашу, и кажется, что он пойдет от Гемса на Триполи, чтобы потом идти или на Латакию, или в горы. Это мнение можно подтвердить тем, что возле Триполи делаются довольно значительные запасы для продовольствия войск.

Войска, находящиеся при паше состоят из 2-х гвардейских и двух армейских 4 и 7-го полков, при двух полках кавалерии и 24-х

орудиях, всего до 7 тыс. пехоты и 800 кавалерии. В Латакии и Антиохии три полка, составляющие не более 2500 человек и 500 кавалерии. В Алеппе два полка пехоты, всего до 3 тыс. человек, и в Килисе с Антепом полк из 1200 человек. Вот вся армия паши, в прочих же частях Сирии, как то в Дамаске и Иерусалиме, находится по одному полку и в Акре один батальон. Сверх того, везде собирают волонтеров или башибузуков, которых набралось уже до 1500 человек. Беспорядки, грабежи, неповиновение, какого нельзя найти и между бедуинами, господствуют в сих полках.

Бедные жители, несмотря на грозное имя паши Египта, потеряли терпение, и общая ненависть к настоящему правительству заступила место прежнего ропота и неудовольствия. Все с нетерпением ожидают результата экспедиции Эмир-Халиля, ибо малейшая с его стороны неудача достаточна, чтобы рассеять его войска, собранные поневоле и готовые при первом удобном случае обратиться против теперешних своих союзников. В Алеппо все спокойно, и жители обезоружены с теми же насилиями, как и в Иерусалиме. Богатые из них, отдав дурные ружья, сохранили у себя хорошие, а бедные, за неимением ни тех, ни других, вынуждены были покупать, чтобы избавиться от тюрьмы и мучений со стороны правительства. В Урфе также все спокойно. Магу-бей собирает волонтеров, имея уже при себе до тысячи человек. Впрочем, личная его вражда с Июб-беем дает беспрестанные поводы к частым набегам. Несмотря на это, важного ничего не предвидится, ибо у сераскира, по слухам, не более 15 тыс. человек регулярного войска и до 5 тыс. кавалерии. Курды Мили теперь его союзниками, и Июб-бей, в случае нужды, может легко прислать ему до 15 тыс. всадников. Но курды Ришван, живущие на Тавре к югу от Малатии, в открытой войне с сераскиром, и их силы, как носятся слухи, состоят более нежели из 10 000 человек.

Вместо знаменитого лагеря Конии, о коем так много говорено, находится 1-й кавалерийский полк сипахов и один пехотный полк, назначенный для присоединения к корпусу Решид Мегмет-паши. Уверяют даже, что все силы сераскира не простираются даже до 15 тыс. человек. В половине этого месяца он хотел расположить войска на зимних квартирах в Карпуте и его окрестностях,

но часть Ришванских курдов, жители Карпута, Чермика и окрестностей взбунтовались против него, уничтожили мост на Евфрате и вырезали небольшой гарнизон Карпута, и, несмотря на все усилия сераскира, он до сих пор не мог завладеть переправой, и бунтовщики несколько раз уже имели значительное над ним превосходство. Таков военный гений пресловутого главнокомандующего! Приверженцы Мегмет Али-паши уверяют даже, что в одной из сих неудачных стычек он потерял до 18-ти орудий. Но достовернее можно сказать, что ему не дается Евфрат и перешагнуть через эту реку не по его силам.

Итак, теперь всякому много хлопот у себя дома и, кажется, общий мир и тишина будут результатом раздоров и волнений. Одному мне, бесталанному ходже, плоховато. Дай Бог окончить свое путешествие до проливных дождей, ибо маленькие здесь очень часты. От Триполи я повернул на Гаммах, а оттуда проехал берегом Оронта, ибо прямая дорога занята бедуинами или разбойниками, и подошвы гор – бунтовщиками. За Урфой на самой дороге Июб-бей с 15-ю тыс., у Сурика Ришваны, и их удалыцы ездят до самого Диарбекира, влево бунт Карпута, сзади ассы и ансари и прочие, и везде и повсюду неприязнь и подозрения. Зато наверху и надо мной Бог, а там, в синей дали – святая Русь. Через месяц вы получите от меня длинное письмо, как вестник счастливого окончания моего путешествия, или позднюю весточку о моей смерти.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 196–199 об. Копия

№ 13

8 января 1835 г. – Из письма подполковника П. П. Львова из Бейрута русскому генеральному консулу в Египте полковнику А. О. Дюгамелю о военно-политическом положении в Анатолии, Сирии, Ливане и Палестине

Я не знаю, дошло ли до Вас письмо отправленное мною из Кипра, а потому, на всякий случай, скажу Вам еще, что простившись с Алеппом, я поехал через Урфу в Диарбекир, потом в Аргану-

маден, Палу, Карпут, Малатию, Сивас, Кайсери и, наконец, в Тарсус, куда я дотащился измученный и трудностями дороги, и холодом позднего времени года. Путешествие мое было чрезвычайно счастливо, несколько раз начинавшаяся лихорадка не оставила никаких последствий, и хотя я часто находился в затруднительном положении, но, благодаря Богу, все миновалось и оставило одни только воспоминания.

Я видел много любопытного и приготовил для Вас длинное послание, но теперь не смею доверить его посредству русского богомольца, который взялся доставить это письмо в Яффу. Отправление же нарочного пешехода стоило бы многих издержек и, сверх того, переезды мои через границу Сирии именно в местах более важных обратили внимание и подозрения паши, и теперь я окружен толпой шпионов, из которых главный в лице Шульца*, присланного в Бейрут для разрешения загадки моих неумолимых поездок. Мы сошлись с ним скоро, как со старым знакомым, видевшим меня во время турецкой кампании адъютантом при покойном графе Дибиче. Ботаника и антики занимают нас от утра до вечера, и я уверен, что он уведомит пашу о невинности моих занятий и намерений.

Несмотря на уступку Урфы, мир с Турцией, по-видимому, чрезвычайно непрочен, и только деятельные меры России могут отклонить войну, которая без того непременно должна вспыхнуть в следующем году. Сераскир Анатолии с 15 тыс. находится на зимних квартирах в Карпуте; Байрактар, усиленный отрядом Сархош Али-паши, завладев цитаделью Мардына, должен был идти в Багдад, где соберется до 20 тыс. В Малатии и Сивасе оставлено до 6 тыс., и кроме сих войск, силы турецкой армии непрерывно увеличиваются присоединением рекрут, набранных в Западной Анатолии и вооруженной милиции лазов и курдов, находящихся в окрестностях Муша. Число войск в Арзеруме, по слухам, простирается до 10 тыс. и столько же в Трапезонде. Хотя должно сознаться, что ни одна армия, после потерянного даже сражения, не представляла столько беспорядков, как толпы низамов сераскира, но богатые

* Бывший польский инженерный капитан – *примечание автора.*

средства края и, по всей справедливости, разумные меры последних распоряжений султана требуют только перемены главного начальника, чтобы образовать сильную массу войск.

Что касается до Сирии, то рекрутский набор почти окончен, кроме Бейрута и берегов моря до Акры. Общее число рекрут полагать можно до 15 тыс. человек. За исключением ничтожного возмущения одного из начальников племени туркменцев, а именно Мустук-бея Кучук Алиоса, расположенного со своими кочевьями близ Паяса со стороны Александретты, все спокойно, но и везде все готово к новому бунту. С появлением одной предприимчивой головы, одного начальника, и все снова примется за оружие, и его еще найдется довольно много, чтобы дать силы жителям. Владения Эмир-Бешира находятся в прямом оборонительном положении и мнимая его покорность, даже участие его войск в усмирении Латакии, были только следствием расчетливой осторожности. Горы Ливана служили убежищем для многих из жителей Палестины, и малейшее требование паши, или первый шаг к угнетению будет знаком неперменного восстания. Можно сказать, что ропот недовольствия жителей Сирии умолк по необходимости, но его заступили общее негодование и немая ненависть ко всему, что составляет власть Египта. Войска Ибрагим-паши расположены на квартирах на всем протяжении Сирии, но главные силы сосредоточены в Дамаске, Алеппе и Латакии, и число их не превышает 20 тыс. человек, считая даже бедуинов и вновь набранных башибузуков. Укрепления Кулек-богаза и Алеппа служат доказательством оборонительных мер; сверх того, в Дамаске, Латакии, Акре, Бейруте и Алеппе делаются припасы продовольствия и военных снарядов с большою деятельностью.

Еще раз повторяю, что одно содействие России может удерживать спокойствие, иначе война неперменна, и что всего хуже, что Турция начнет войну со всеми условиями очевидных невыгод, и не только войска Ибрагим-паши, но ничтожный отряд из 3 или 4 тысяч достаточен, чтобы рассеять толпы турецких низамов без начальников, без всякого знания дела и без всякой доброй воли. Что же до расположения народа в Анатолии, то оно самое невыгодное для е[гипетского] паши, и всего забавнее, что общее мнение

состоит в том, что сераскир Анатолии будет разбит непременно, но что друзья русские накажут самозванца и нарушителя прав закона и человечества. Сейчас узнал я, что М[егмет] А[ли]-паша требует от Эмир-Бешира тысячу лошадей и тысячу кисе* для формирования двух кавалерийских полков. Отказ, полагаю я, необходимым, настойчивость же может побудить к новому восстанию, ибо в горах все готово к бунту – малейшая искра и все вспыхнет. Что же касается до влияния Эмир-Бешира, то я выписываю Вам несколько строк из общей записки о положении Сирии, которую пришло Вам с первым верным случаем.

Я старался, сколько мог, поверять рассказы собственными глазами, и полагаю, что собранные мною сведения вполне справедливы. Самый вид покорности друзей и вообще гор Ливана, и даже участие войск в занятии Самарии и потом при усмирении Латакии, были только следствием расчетливой осторожности их начальника. Ибо действуя со всей благоразумной умеренностью, Эмир-Бешир считал восстание мерой крайности и напротив того, сберегая средства края и выигрывая время, он старался упрочить независимость своих владений на общем единодушии и постоянном влиянии его власти. И если ропот и негодование в начале возмущения Палестины уменьшили доброе расположение народа, то впоследствии тягостные жертвования и смерть главных начальников, искореняя партии, оставили беззащитные толпы жителей готовыми искать покровительства в предводителе друзей, который осторожными своими поступками умел удержать и силы, и прежний быт страны. Можно сказать, что в настоящее время имя Эмир-Бешира заключает в себе волю Сирии и его влияние, если не столько же громко как прежде, то оно основано на верных началах безответственной доверенности и последних надежд жителей.

Избирая положение в полном смысле оборонительное, Эмир-Бешир показал всю готовность исполнения воли паши, но между тем, обязал ценой своих услуг неприкосновенность края, и, не увлекаясь громким титулом главного правителя Сирии, употреблял все возможные старания, дабы сосредоточить средства верной обо-

* Кисе составляет 500 пиастров – *примечание автора.*

роны и надежной защиты в случае надобности. По уверению многих, горы Ливана служили убежищем для несчастных жителей Палестины и, вместе с тем, были тайным складом оружия во время розысков правительства. Милиция, набранная в горах для усмирения Латакии и занятия Сафата, несмотря на богатую добычу, тотчас по возвращению получила свое жалование из собственных капиталов князя, и довольные войска дали обещание быть в готовности и ожидать его требований. Впоследствии число их было усилено под предлогом удержания спокойствия, и 15 тыс. корпус хорошо вооруженных людей есть настоящая опора гор Ливана. Сверх того, грозный пример остальной части Сирии, распространяя общий страх и уничтожая всякую доверенность к паше, вынудил жителей быть готовыми к защите и внимательными к каждому распоряжению Эмир-Бешира, ибо при настоящем положении дел самая прочность власти сего шейха зависит от постоянной связи и слияния с общим направлением воли народа. И можно сказать утвердительно, что первое настойчивое требование, первый шаг к притеснению со стороны Египта, будет знаком восстания владений Эмир-Бешира, и может быть всей Сирии. Таково, по крайней мере, мое мнение. Третьего дня назначен был рекрутский набор в Бейруте, но все молодые люди бежали в горы, и без особенного повеления паши никто не смеет переступить черту владений Эмир-Бешира.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 208–211 об. Копия

№ 14

**15 мая 1835 г. – Рапорт подполковника П. П. Львова
из Одесского карантина генерал-квартирмейстеру
Главного штаба Ф. Ф. Шуберту**

Спешу донести вашему превосходительству, что согласно первым моим предположениям, оставив Бейрут, я проехал еще раз через Сирию на всем ее протяжении и, избрав дорогу от Александретты через Паяс к Марашу, осмотрел прямое сообщение Алеппа с Арзерумом, идущее через Бесню, Малатию, Арабкир, Егин, Ерзингам,

возвращаясь далее через Байбурт, Гюмюш-хане и Трапезонд. Прилагаемая при сем генеральная карта Турецкой империи ознакомит ваше превосходительство со всеми дорогами проезженными мною во время моего путешествия, которые и обозначены малиновой краской, сверх того, я считал нелишним нанести также дороги, снятые мною и полковником Дюгамелем тотчас по окончании войны, и для различия они покрыты темным цветом.

Неверность карты и даже ошибочное положение главных городов почти не дают возможности судить об общем расположении сети путей сообщения, но согласно настоящим свойствам края, я полагал бы, что из числа неосмотренных дорог в военном смысле заслуживает для нас некоторой важности только одна, идущая от Арзерума к Палу и Карпуту, пространство в настоящее время занятое независимыми курдами Уаджук, которые, будучи в открытой войне с войсками султана, уничтожают всякую возможность путешествия. Нет сомнения, что расположение маршрутов еще далеко не удовлетворяет всем потребностям подробного и прямого знания края, но имея в виду составление военной карты, которая была бы только необходимым основанием здравых военных соображений, я полагал ограничиться теми сообщениями, которые могут быть избраны для следования главных масс армии. И пустые пространства столь приметные на генеральной карте, будучи почти везде перерезаны высокими хребтами гор, образуют местность непроходимую для самых малых отрядов.

Сверх того, проехав более 1600 часов расстояния, или слишком 11 тыс. верст, встречая беспрерывные препятствия и, можно сказать, окруженный частными бунтами и беспрестанными беспокойствами, я должен был по необходимости довольствоваться теми сведениями, которые я буду иметь честь представить вашему превосходительству. Тем более, что оставаясь еще некоторое время в краю, я только навлекал бы новые подозрения и, несколько раз выдержав нападения курдов, ежеминутно мог ожидать потери уже собранных мною сведений.

Настоящие работы мои состоят из оригинальных брульонов, подробных съемок оставленных в карандаше и единственно начальных и главных очерков описаний страны, а потому я считаю окон-

ченной только первую часть возложенного на меня поручения или общий свод материалов. Приведение же оных в надлежащий порядок, прямое развитие всех сведений и составление карты потребуют еще значительных усилий при постоянных занятиях, и скорость совершенного окончания работы зависит от тех вспомогательных средств, которые вашему превосходительству угодно будет дать мне с приездом моим в Петербург.

Кроме подробных маршрутов в размере 2-х верст в английском дюйме снятых в поле, я составил планы окрестностей Алеппа, Иерусалима, Сиваса и Трапезонда, обозначил основной очерк главного направления хребтов и частного подразделения их отраслей, соединил некоторые пространства расспросными картами и сообразно описаниям уже несколько раз поверенным мною на самой местности, я беру на свою ответственность точность основного скелета системы гор, отличительного свойства края и общего разделения вод. Что же касается до астрономических наблюдений, то встречая беспрерывные препятствия, я должен был ограничиться немногими только пунктами, и на возвратном пути, несмотря на все старания, я едва мог сделать одно наблюдение в Мараше, ибо от самого Паяса до Малатии, Арабкира и Ерзингама, имея ночлеги в курдинских чочевьях, я всегда был окружен толпою недоверчивых и даже не смел показать инструментов.

Относительно издержек моего путешествия, я имею честь донести вашему превосходительству, что некоторая несоразмерность с первыми предположениями Министерства произошла, во-первых, от излишних 600 часов расстояния, во-вторых, мои переезды морем из Александрии в Яффу, из Тарсуса в Бейрут, и из Трапезонда в Константинополь и Одессу не входили в соображение предполагаемых расходов. Сто семнадцать червонцев на каждые 200 часов, как я уже и объяснил вашему превосходительству в первом моем рапорте, были недостаточны для разъездов по Сирии; неимение арабского переводчика и в некоторых местах неременная необходимость конвоев требовали новых издержек и, наконец, Министерство, руководствуясь относительным курсом ассигнаций и монеты, существующим в Петербурге, оставило без внимания расходы мои на звонкую монету и постоянные потери от дурной ценности турецких денег.

В последнее время, не получая разрешения вашего превосходительства, я был вынужден просить полковника Дюгамеля о доставлении мне, по крайней мере, 10 тысяч турецких пиастров и пересылке оных из Александрии в Бейрут, [что] вместе с различием промена заставило меня потерять более 600 пиастров, так что общая сумма не превышала девяти тысяч трехсот семидесяти пиастров или 209 червонцев. С прибытием же в Трапезонд, не найдя ожидаемых мною денег, я решился ехать в Константинополь, где миссия наша, согласно моему рапорту, выдала мне триста червонцев, но как из числа оных я должен был возвратить 3 тыс. пиастров трапезондскому консулу и еще 2500 отдать кавасу, сопровождавшему меня в моих путешествиях, то по окончании карантинного срока, я буду в необходимости просить графа Воронцова о выдаче мне прогонных денег до Петербурга и, может быть, небольшой суммы 400 или 500 рублей ассигнациями заимообразно для удовлетворения неперемennых расходов предстоящего мне пути. Впрочем, из подробного отчета издержек, который я буду иметь честь представить вашему превосходительству тотчас по приезде в столицу, вы усмотреть изволите, что полученные мною деньги еще не составляют общей суммы назначенного мне содержания. И в начальных предположениях было невозможно исчислить точных потребностей столь дальнего путешествия.

Сверх того, считаю обязанностью донести вашему превосходительству, что, не зная настоящей воли начальства касательно звания, которое я должен сохранить, и оканчивая карантинный срок к 28 мая месяца, я полагаю остаться в Одессе надворным советником, и не ожидая разрешения, испросить у графа Воронцова двойную подорожную, согласно первым распоряжениям моего отправления из С. Петербурга. А при том принимаю на себя смелость избрать путь на Москву, дабы иметь случай хотя [бы] самого короткого свидания с домашними, и если ваше превосходительство не найдете нужным немедленное мое прибытие в столицу, то я просил бы об исходатайствовании мне позволения остаться в Тверской губернии две или три недели. Время, которое, без всякого сомнения, не будет потеряно для службы и для моих занятий.

Генерального штаба подполковник Львов
РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 224–227. Подлинник

№ 15

15 июля 1835 г. – Докладная записка
генерал-квартирмейстера Главного штаба Ф. Ф. Шуберта
военному министру А. И. Чернышеву о награждении
ординарца подполковника П. П. Львова
за участие в путешествии

О денежной награде казаку Василию Густомясову

Генерал-адъютант барон Розен при отправлении Генерального штаба подполковника Львова из Тифлиса в восточную часть Турецкой Азии и Сирию, прикомандировал к нему Кизлярского линейного полка казака Василия Густомясова, как человека испытанной храбрости и знающего турецкий язык. Основываясь на свидетельстве подполковника Львова, с коим казак сей прибыл ныне в С. Петербург, я имею честь покорнейше просить ваше сиятельство об удостоении его денежной награды, коей он, по оказанным усердию и способности к отправлению в тамошних местах должности переводчика, совершенно достоин.

Вместе с сим, обязываюсь испрашивать разрешения вашего: неблагоугодно ли будет для отправления его в Тифлис приказать воспользоваться отбытием первого срочного фельдъегеря к генерал-адъютанту барону Розену.

Генерал-лейтенант Шуберт

На полях резолюция: Высочайше повелено казака Густомясова произвести в урядники и дать ему в награждение единовременно триста рублей ассигнациями. 16 июля 1835. Граф А. Чернышев.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 272 и об. Подлинник

№ 16

**16 июля 1835 г. – Распоряжение военного министра
графа А. И. Чернышева о завершении работ по отчету
о командировке подполковника П. П. Львова**

Государь император изволил читать с особенным удовольствием рапорты Генерального штаба подполковника Львова и рассматривать маршруты к оным приложенные. Его величеству угодно, чтобы подполковнику Львову преподаны были все возможные средства к наилучшему и скорейшему окончанию всех ожидаемых от него работ вследствие важной его командировки, а потому высочайше повелено дать в полное его распоряжение двух топографов и одного писаря. Вместе с сим, государю императору благоугодно, чтобы предоставлено было подполковнику Львову составить карту из всех собранных материалов с тем, чтобы то же самое предоставлено было в свое время капитану Вронченке по возвращении его, как по той причине, чтобы можно было судить о степени удовлетворительности представленных каждым из них работ, так и потому, что Генеральному штабу гораздо удобнее будет потом из представленных полных отчетов их с картами составить одно целое, которое было бы совершенно во всех отношениях удовлетворительно. Почему подполковнику Львову и приступить немедленно к составлению означенной карты и окончанию возложенных на него работ, и по представлении сих, указать из каких именно материалов и источников он составлял оные.

Государь император, желая вознаградить отличное исполнение важной и опасной командировки Генерального штаба подполковника Львова, высочайше повелеть соизволил его произвести за отличие в полковники и дать ему, не в пример другим, 2 тыс. руб. в пожизненный пенсион.

Петергоф. 16 июля 1835 года.

Граф А. Чернышев

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 267 и об. Подлинник

№ 17

**3 июля 1837 г. – Рапорт Генерального штаба
полковника П. П. Львова генерал-квартирмейстеру
Ф. Ф. Шуберту о завершении работы над отчетом
о командировке в Восточную Анатолию и Сирию**

Исполняя предписание вашего превосходительства, имею честь донести, что общие выводы обозрения Восточной Анатолии будут представлены мною к 25-му числу сего месяца, описание же и работы относящиеся к Сирии не могут быть кончены прежде 1 сентября. При том, я считаю обязанностью обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой, довести до сведения его сиятельства господина военного министра, что одновременное окончание труда г-на полковника Вронченки имело следующие причины.

Восточная Анатолия и Сирия по самому их объему несравненно обширнее Малой Азии; сверх того, представляя в политическом разделении совершенно разные участки, оно требует сведений принадлежащих к двум отдельным странам; народонаселение их втрое более малоазийского; торговля более обширна и несравненно разнообразнее; произведения края соединяют принадлежности климата Африки и стран Севера; управа суда, поверья, изменяются с каждым шагом, и наконец, в военном отношении прилегающие к Арзеруму участки и самая середина Анатолии заслуживают особенную важность и соединяют разнородные принадлежности трех возможных театров действий: от границ Сирии, со стороны России, и в случае, если бы войска вышли на берега Черного моря.

Таким образом, самая обширность труда требовала большего времени, и при том вашему превосходительству небезызвестно, что обе карты и все отдельные чертежи были нарисованы с начала до конца собственно мною, и то время когда полковник Вронченко имел в своем распоряжении несколько топографов и даже офицера, я оставался без всякой помощи и должен был терять время на чистой отделке топографических работ.

Полковник Львов.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 334–335. Подлинник.

УКАЗАТЕЛИ

Географический указатель

Авар-чай, река в окрестностях Диярбакыра 312 316–317

Авруста, деревня в районе г. Никсар 273, 251

Агач денизи (Агач-денеси), массив лесов от турецко-грузинской границы до Синопа 165, 90

Аггер-дагы, совр. тур. Агры-дагы (Большой Арарат) 32

Аглы-оглу-дагы, гора на востоке Турции 327–328, 330, 209, 94, 74

Адана, город на юго-востоке современной Турции 24, 95

Адана-чай см. **Джейхан-чай** 35, 53, 81, 83, 202, 298

Аданская дорога, сухопутный путь через горную систему Тавра от Константинополя к Адане 302

Аданский пашалык, территориально-административная единица Османской империи с центром в Адане 95

Аден, город в Йемене на берегу Аденского залива 66

Аджемиз-чай (Аджемис-чай, Аджмис-чай), приток р. Джейхун 35, 83, 217, 224, 226, 301

Аджемис-хан, один из караван-сараев г. Сивас 149

Аджи-су, приток р. Кызыл-Ырмак 79, 163.

Аз-биюк, один из отрогов плато Саганлуг 32

Азиатская Турция, часть Османской империи, находящаяся в Азии 7, 8, 12, 15–16, 60, 93, 334–337, 339–340, 341, 345, 349, 363

Азия 8, 30, 187, 215, 337

Ай-Василь, мыс у Гиресуна 144

Айдер-оглу, вероятно, ручей в округе Сюрмене, Трабзон 285, 289

Айны-Семек-гёль (Бахр-ель-Абиаб), оз. Амик на территории провинции Хатай, искусственно осушенное в середине XX в. и ныне не существующее 84

Айяс, ныне не существующий город на северо-западном побережье Александреттского залива; в настоящее время один из муниципалитетов Аданы 54

Ак-даг (Ак-дагы), один из горных хребтов системы восточного Тавра. 81–82, 219, 300

Ак-дере, река в горах восточного Тавра 307

Акжа-дагы (Акджа-дагы, Акжи-дагы), горный хребет системы центрального Тавра 42, 52, 88, 98, 111, 214, 219

Акжи-чай, ручей в окрестностях Сюрмене 289

Ак-кюпри, раннесредневековый мост через один из притоков р. Джейхун (в настоящее время сохранились опоры моста) 83, 224, 298, 302

Ак-маден (Ак-маден-дагы), один из горных хребтов в окрестностях Йозгата, совр. муниципалитет Акдагмаден 34, 223,

Ак-Сарай (Ак-сарай), один из городов Османской империи, в административном отношении входивший в состав санджака Кайсери. Совр. Аксарай в Центральной Анатолии 96

Ак-су, река в районе г. Мараш. В настоящее время протекает по территории одноименного муниципалитета г. Кахраманмараш 36, 82, 85, 140, 152, 162, 303, 305–306, 327–328

Акчи-су, река в районе совр. тур города Шаркышла, провинция Сивас 294

Аладжа-хан (Аладжи-хан), деревня и окружающая ее местность в провинции Сивас. По всей видимости, упомянута также в связи с нахождением в деревне большого караван-сарая 35, 80, 163, 226, 285, 289, 291–292, 324, 327

Албаз, Албазис деревня в провинции Кахраманмараш 60

Александретта, совр. Искендерун 69, 152, 183, 234, 252, 340, 353, 357, 359

Александреттский залив, совр. залив Искендерун 36, 43, 82, 84, 97, 167, 168, 182, 193, 201–202, 218–219, 225, 234, 252, 303–304, 309–311

Алеппо, город в современной Сирии (автор в тексте склоняет это название) 26, 36, 153, 158, 180–183, 193, 218, 225, 231–232, 234–235, 242, 251–252, 270, 272, 280–283, 311–313, 317–318, 326, 335, 340, 345, 350–351, 353–355, 357, 359, 361

Али-кара (Кара-Али), деревня на востоке Турции 60

Алладагы, горный хребет в уезде Диадин, пров. Агры 32

Алма-дагы, название части восточных отрогов Понтийского Тавра 94

Алтын-кюпри (Алтын-Кюпрю), мост через один из притоков р. Джейхун 81, 220, 230, 278, 279, 307, 311,

Альбистан, город на востоке Анатолии, совр. Эльбистан 24, 28, 35, 50–51, 81–82, 90, 92, 96–97, 100, 149, 150, 152, 165, 168, 197, 200, 214, 220–222, 225, 226, 230–232, 234, 236, 239, 242, 251, 271, 277–278, 281, 283, 302, 311, 317, 350

Аль-дар, ущелье на востоке Турции 60

Альдар-чай, ручей в ущелье Аль-дар 60

Альма-дагы, горный хребет в северо-восточной части Анатолии 33, 74, 77, 195, 197, 199, 209, 210, 214

Амазия (Амасия, Амассия, Амасья), город в Центральной Анатолии, административный центр одноименного пашалыка 24, 78, 96, 147, 182, 227, 229, 230, 239, 241, 252, 283

Аманус, древнее название горного хребта, протянувшегося от провинции Хатай на север. Совр. название Нур 35, 152, 353.

Америка 64

Анадолла Тарак, приведенное автором турецкое собирательное название Восточной Анатолии. Вероятно, авторская опечатка, поскольку должно быть слово «Тараф» 93

Анатолийский берег, собирательное название автором прибрежных районов Анатолии 142, 229

Анатолия 4, 5, 8, 10, 15–16, 18–20, 29, 31, 35–36, 39, 43, 51, 55, 62, 78, 85, 93–98, 100, 102, 106, 111–113, 118, 129, 137, 138, 140–142, 146, 148, 150, 156, 159, 160–161, 163, 167–171, 173–178, 180–181, 183–184, 188, 194, 198–200, 202–203, 206–208, 212–213, 215, 218–219, 221–227, 232–236, 239, 240, 242, 244, 246, 248, 251–253, 256, 258–259, 269, 283, 291, 304, 310, 326, 351, 355–358, 365.

Англия 66–68, 186, 188–189.

Ангора, город в Центральной Анатолии, совр. Анкара 14, 111, 150, 302, 334–335

Анжа-дагы, горный хребет в Северо-восточной Анатолии 164

Анзар-бек, местность 82

Анна см. Ганна 62

Антакия (Антиохия), регион и одноименный город на юге Турции на границе с Сирией 36, 84, 98

Антеп, город на юге Турции, совр. Газиантеп 40, 44, 81, 84, 88, 91, 93, 97–98, 111, 152, 157, 202, 217, 219, 220, 225, 230, 231, 234–235, 242, 251–252, 272, 279–280, 282–283, 292, 305–306, 311, 318, 350, 354

Антепская дорога, транспортный маршрут от Антепа на запад Малой Азии к Константинополю 234, 283, 313

Арабистан, собирательное название, данное автором работы населенным арабами территориям 93

Арабкир, город на территории Турции, пров. Малатья; в Османской империи – административный центр санджака Арапгир 34–45, 59, 61, 92, 96–97, 100, 129, 153, 164, 166, 193, 199, 214, 241, 251, 292, 318–320, 325, 347, 359, 361

Арабкир-дагы, горный хребет в долине Евфрата 34

Араб-пейга, горный кряж в восточной Анатолии 294

Аравия, применяемое автором название Аравийского полуострова 93

- Арадзан**, предполагаемое название реки на северо-востоке Турции 59
- Аракс**, река, ограничивающая северные пределы плоскогорья Эрзерума 32, 56, 74, 88, 93, 97, 194–195, 211–212, 344
- Арарат** 29, 32, 42, 88, 94, 97, 160, 201
- Аргана**, город на юго-востоке Турции 32, 38–39, 50, 92, 140, 157, 159–160, 202, 231, 284, 286, 290–292, 318
- Аргана-маден (Аргана-Маден)**, медные рудники в районе г. Аргана 32, 39, 69, 92, 96, 157, 160, 162, 164, 220, 284, 286, 290, 355–356
- Аргей (Аргеус, Ерзиас-даг, Ерзиас-дагы, Ергиял-даг)**, отроги горы Эрджиес 35, 52–53, 88, 150, 201, 295, 300–301
- Ардос**, деревня на востоке Турции 323
- Ардышли-бели**, горный хребет в окрестностях д. Мемахатун, совр. Терджан 56–57, 324
- Ареана** см. **Адана** 49
- Арзаниас**, вероятное античное название р. Мурат 59
- Арзерум (Феодосиополис, Гарин)**, город на северо-востоке Турции, совр. Эрзерум 24, 28–29, 31–32, 36–38 46, 56, 61, 74, 87–88, 90, 94–95, 100, 129, 145–147, 156–157, 168, 170–171, 175, 178, 181–182, 186, 189–190, 192–196, 199, 201–202, 206–212, 214–217, 227–228, 232–234, 236, 239–240, 243, 251, 310, 318–319, 324–327, 329–330, 344–347, 350, 356, 360, 365
- Арзерумская дорога**, путь от Эрзерума в направлении Трабзона и его порта 76, 145–146, 205, 216, 251
- Арзерумские возвышения**, горные системы в окрестностях Эрзерума 29, 36–37, 40, 212
- Арзерумский пашалык**, османская территориально-административная единица с центром в Эрзеруме 95–97, 102, 344
- Армения**, 19, 55, 59–60, 71, 94, 102, 334–335
- Армулли-дереси**, небольшая река в окрестностях Гиресуна 76
- Арпыс**, небольшой городок на равнине Эльбистана 52, 82
- Аршулы-дереси**, небольшая река к западу от Гиресуна 332
- Аслан-иол или Львиная дорога**, одна из дорог от горных перевалов Антитавра на восток 220, 305
- Ассыс** см. **Оронт** 36, 84
- Астрахань**, город в дельте р. Волга 184–187
- Ахалцийский хребет**, горный хребет на юге Грузии 31
- Ахалцих**, административный центр Российской империи на Кавказе 189
- Ахалцихский округ**, военно-административная единица Российской империи на Кавказе 94

Ахтирин, деревня на границе Турции и Сирии 312, 313

Ахур-Дагы (Ахур-дагы), горный кряж в юго-восточной части Тавра 26, 35–36, 51, 80–82, 88, 91, 152, 162, 165, 214, 218–219, 234, 306

Аш-кала (Аш-кале), местность в эрзерумском пашалыке 33, 56, 196, 209–211, 324, 327–328

Ашукта, деревня в пашалыке Арапгир 318, 320, 325

Багдад 66, 68, 158

Багдадская дорога, транспортный маршрут от оконечностей Тавра до Багдада 159

Бадыджан-чай, приток р. Мурат 60

Базант-чай, Бозанты-чай, приток р. Джейхун 83, 293, 298, 301–302

Базанты-богаз, ущелье к северо-западу от Тарсуса 35, 217, 220, 224, 236

Байбурт (Бейбурт), 24, 33, 40–41, 75, 100, 145, 156–157, 162, 168–171, 182, 193, 195, 199, 206, 209–210, 215, 241, 327–328, 330, 360

Байбурутская крепость, крепость г. Байбурт 210

Бактиарские горы, горная гряда к востоку от истока р. Мурат 32

Баку, 185

Бакча, деревня в окрестностях г. Мараш 303, 305, 310

Басра (Бассора), город и одноименный порт в Ираке 61–63, 65, 66, 69, 72

Батмана-дере, крупный ручей в окрестностях Гиресуна 76

Батман-су, один из притоков Евфрата 69–70

Батум, 31, 74–75, 77, 90, 203, 233, 252, 334

Батшан-дагы, горный отрог в окрестностях Арганы 286

Бафра, населенный пункт и одноименный район около г. Самсун в Турции 34, 241

Баязид, город на востоке Турции, совр. Догубаязит, в Османской империи – центр одноименного пашалыка 96, 113, 334

Баязидский пашалык, административно-территориальная единица Османской империи с центром в Баязиде (Догубаязит) 95–97, 102

Безабдал, один из горных отрогов на северо-востоке Турции 32

Бейлан, Бейланское ущелье, ущелье на границе Сирии и Турции 84, 220, 235, 311

Бейлербе(й), округ и одноименный город на востоке Османской империи 312, 313

Бейрут, 63, 353, 355–357, 359, 361–362

Белемелык-богаз (Беллемелик-богаз), ущелье в окрестностях Тарсуса 223

Белес, Белесс, Блисс, местность и одноименный населенный пункт в среднем течении р. Мурат 27, 61–62, 65

Бесланские горы см. **Гияур-дагы** 201

Беснь, Бесня, город в санджаке Мараш 30, 81, 90–92, 96–98, 100, 111, 152–153, 165, 169, 193, 219–220, 230, 242, 279, 283, 303, 306–307, 311, 359

Беяз-Ахур-дагы, Бияз-Ахур-дагы, горный хребет на северо-востоке Турции 81, 219

Биджак-дагы, горная гряда в окрестностях Малатьи 35

Бидлис, Битлис, город на востоке Турции, совр. Битлис 27, 50, 71, 91, 220

Бин-гёль, город в Восточной Анатолии, на Восточно-анатолийском нагорье, совр. Бингёль 26, 47, 55–57, 59–60

Бин-гёль-яйла, высокогорный регион с центром в г. Бингёль. 26, 28, 46–47, 210–211

Бир (Биреджик), город на востоке Турции, совр. Биреджик, пров. Шанлыурфа 50, 61–66, 92, 140, 157, 193, 220, 225, 231, 234, 259, 312–314, 317–318

Битламы-дере, крупный ручей к западу от Трабзона 332

Биюк Парвалы, ныне не существующая деревня в провинции Адияман 61, 303, 307–308, 311

Биюк-лиман (Буюк-лиман, Биюк-Лиман), населенный пункт в окрестностях Трабзона 41, 96, 205, 331

Богасси-таш, деревня в среднем течении Евфрата 59

Богасук-чай, небольшой приток Евфрата 322

Богдад см. **Багдад**

Бозанты-богаз, ущелье р. Бозанты-чай 83, 220, 224, 236, 293, 301–302

Бомбей 62, 65–66

Борух-даг, гора в среднем течении р. Гёк-су 81, 218

Босс-тепе, один из холмов Трабзона 140, 144, 205

Босс-теке, холм в окрестностях Самсуна 332

Буланьк-су, приток Евфрата в его верхнем течении 57

Булдурус-бели, Булдурус-бели, Булдурус-Белли, один из горных хребтов юго-восточной части Тавра 35, 43, 80, 83, 88, 91, 151, 164, 183, 214, 218, 226

Булдурус-богаз, ущелье в горном хребте Булдурус 296, 302

Бухария, принятое в русской географической традиции собирательное название Средней Азии; в тексте использовано в контексте «Обе Бухарии», т. е. Великая и Малая 29

Вавилон, древний город в Южной Месопотамии, собирательное название Южной Месопотамии автором 63, 65

Ван, город в Османской империи, центр одноименного пашалыка, на берегу оз. Ван; совр. Ван 113

Ванский пашалык, административно-территориальная единица на востоке Османской империи с центром в г. Ван 95

Ванское озеро, крупное соленое озеро в восточной части Анатолии 26, 29, 32 39, 50, 97

Видзе, город на юго-восточном побережье Черного моря, совр. Фындыклы 204

Видин, город в Болгарии на правом берегу реки Дунай на границе с Румынией 56

Военно-грузинская дорога, военная дорога через Большой Кавказский хребет, соединяющая Владикавказ и Тбилиси 64, 311, 321

Волга, 64, 178, 184, 187, 189

Вона, мыс на побережье Черного моря у выхода из Босфора 34, 77, 94, 200, 227, 229, 332

Восточная Анатолия, географический регион в восточной части полуострова Малая Азия 4, 5, 10, 16, 18–20, 22, 29, 85, 93–95, 97–98, 100, 102, 111–113, 128–129, 138, 140, 147, 167, 169–171, 177–178, 181, 184, 194, 202, 224, 232, 242, 365

Газель-су, приток р. Кабур 71

Галин-таш, один из горных хребтов в окрестностях Эрзерума 207–208

Галис, греческое название р. Кызыл-Ырмак 34, 79

Гамин-чашба, местность в провинции Сивас 289

Гамм (Гаммах), город в Сирии, совр. Хама 73, 355

Гамус-чай, река в окрестностях д. Чанаклы 304–305

Ганна, см. Анна 62–63, 65

Гарин, см. Арзерум 55–56

Гасан-кале, крепость на подступах к Эрзеруму 195

Гасан-ова, **Гассан-ова**, долина в районе г. Егин 155, 318, 321–322, 325

Гасан-Челеби, **Гасан-челеби**, населенный пункт в окрестностях Сиваса 80, 226, 285, 289, 291–292

Гатен-даг, гора в районе г. Малатья 308

Гёк-су, **Гексу**, приток р. Евфрат 28, 35, 61, 80–82, 85, 91, 162, 202, 218

Геледжик, озеро около г. Харпут 84–85, 322

Гель-баши, **Гель-баши**, цепь озер на юго-востоке Анатолии 35, 84–85, 90, 96, 169, 202, 219, 251, 306–307, 311

Гельджин, озеро в восточной части Анатолии 287

Гемин-бели, **Гемин-белли**, горный кряж в районе среднего течения р. Чорох 33, 77, 197

Гемс, город на территории Сирии, возможно, Хомс 158, 220, 340, 351, 353

Георгиевск, город, российский административный центр на Северном Кавказе 88

Гераклия-Аджалаке, мыс на южном побережье Черного моря 77

Герекли-Маден, свинцово-серебряный рудник в районе р. Аджемис-чай 297

Германия, 186, 188–189

Гертушли-дагы, горный хребет в окрестностях оз. Ван 32, 50

Гесен-Кейр, приток р. Тигр 70

Гилян, провинция на севере Ирана 189

Гиоль, местность в районе г. Гит 65

Гит, город в среднем течении Евфрата 63, 65

Гияур-дагы 31–33, 36, 43–44, 46, 53, 74, 84, 91, 94, 152, 165, 195, 201, 206, 217–220, 223, 231, 234, 303–306, 310

Гияур-гёль, озеро в районе Чукур-Ова 36, 84–85, 305

Гияур-Енегыль, озеров районе г. Кайсери 35, 293, 296, 301–302

Гияур-Язысы-чай (Гияур-Яссы-чай), приток Евфрата к северу от Малатьи 59, 80, 153, 320

Голеджик, деревня, расположенная на одном из островов на озере Гияур-гёль (в настоящее время затоплена) 85

Греция 106

Грузинская дорога, путь, ведущий из Эрзерума на север к границе с Грузией 32, 46, 212, 228

Грузия 27, 74, 174, 186–187, 194, 207, 215–216, 233, 236, 239–240, 246, 348–349

Гурия, историческая область на западе Грузии 32, 203

Гусыч-кале-киой, вероятно, деревня 327, 329

Гюзюне, деревня в округе Йешилйорт, совр. Малатъя 304, 309, 311

Гюмаш-хане, **Гюмюш-хане**, **Гюмюшхане**, город на северо-востоке Анатолии, совр. Гюмюшхане 33–34, 40–41, 75, 76, 92, 96, 100, 156, 162, 165, 182, 205, 208–209, 327, 329, 330, 360

Гюмшюр-хане-даглар, отроги Понтийского Тавра, окружающие город Гюмюш-хане 77, 94, 197, 328, 330

Гюрюльме, деревня в округе Эрзинджан 59

Гюрюм, деревня в провинции Малатъя 51, 80, 92, 96–97, 100, 149, 163, 182, 242, 252, 271, 276–277, 281, 283, 292, 302

Дамаск 63, 93, 351–352, 354, 357

Деваны, **Диваны-дереси**, река, впадающая в Черное море в окрестностях г. Орду 76, 332

Девебоюн-дагы, **Деве-баюн-даг**, **Деве-боюн-дагы**, горный хребет к северо-востоку от Эрерума 32–33, 44, 47, 278, 287

Деве-гечюгю-чай, приток р. Тигр в окрестностях г. Диярбакыр 70

Девели Карагисар, Девели-Карагисар, Девели-Кара-Гиссар, Девели-Карагиссар, город к юго-западу от Кайсери, совр. Йешилхисар 24, 42, 53, 84, 92, 96, 101, 151, 163, 193, 252, 292, 296, 301–302

Деггель, один из вариантов названия р. Тигр 70, 72

Деир, город на юго-востоке Турции 65

Делекли-таш, горная гряда на северо-востоке Анатолии 34, 37, 41, 80, 197, 222, 225, 252, 276, 289, 290–292, 294

Дели-чай, местное название р. Йешил-Ырмак в период половодья 78

Демир-казы, Демир-Казык, Демир-Казык-дагы, Демир-Казын, горная вершина к северу от г. Мараш 35, 44, 83, 162, 296

Демир-капы, один из перевалов в горах Юго-восточного Тавра 296, 301

Демир-маден, деревня – центр добычи железа в районе г. Мараш 44, 96

Демир-таш, хребт в районе г. Харпут 287–288

Демир-таш кной, деревня в окрестностях г. Харпут 284, 287–288, 292

Демир-чай, приток р. Евфрат 164

Дерели-дагы, Дерелли-дагы, горный хребт в Восточной Анатолии 164, 228, 290

Деренде, горная долина в районе Эльбистана 80, 92, 96, 100, 149, 201, 226, 242, 252, 271, 277, 281, 283, 292

Дерменд-дере, Дерменд-дереси, Дерменлы-дереси, река на северо-востоке Анатолии, впадающая в Черное море 76, 205, 329

Джагер-дагы, Джегер-дагы, гора в верховьях Тигра 33, 40, 47, 96, 162, 164

Джайхан-чай, Джейхан-чай, р. Джейхан 28, 35–36, 51, 53, 81–83, 150, 152, 202, 305

Джака-кыз, деревня в среднем течении р. Мурат 60

Джамбазис, деревня в провинции Кахраманмараш 60

Джаник, исторический регион на севере Анатолии, совр. муниципалитет Джаник г. Самсун 76, 90, 94–95, 97–98, 129, 168, 169, 170, 175–176, 181, 193–194, 200, 213–214, 226, 231, 234, 241, 243, 251, 282

Джануран-чай, река на северо-востоке Анатолии 75

Джебель-ель-Немруд, горное плато в верхнем течении Евфрата 29, 32–33, 38, 50, 69, 71, 201, 218

Джевизлик, город к югу от Трабзона 329

Джезирет-ель-Омар, деревня на острове на р. Тигр 71, 173

Джемерек, местность 302

Джемерен, деревня в районе Сиваса 302

Джерджаше-дере, ручей в районе Малатйи 304

Джерит (Джерит-кной), деревня в окрестностях г. Мараш 54, 219, 230, 303, 306–307, 310–311

Джуржибогаз, деревня к северу от Байбурта 32

Джюда-дагы, гора в окрестностях поселка Джезирет-ель-Омар 71

Диадин, Диядин, город в провинции Агры 60, 96, 113

Диарбекир, Диярбекир, крупный административный центр на юго-востоке Турции 24, 32–33, 39, 44, 49–50, 64, 69–70, 88, 92, 96–98, 128–129, 157–159, 163, 165, 168–169, 177, 180–182, 191, 193, 200, 202, 231, 251, 259, 284–285, 290–292, 312, 316–317, 326, 340, 355

Диарбекирская дорога, дорога от Диярбакыра в сторону Константинополя через центральные районы Анатолии 158

Диарбекирский пашалык, административно-территориальная единица Османской империи с центром в Диярбекире 95

Диверик, ущелье в Центральной Анатолии 34, 41, 96

Диджлех, турецкий вариант названия р. Тигр 72

Доброй надежды Мыс, самая южная точка Африки 66

Дон 189

Дунай 13–14, 64–65, 191

Европа 5, 28, 66, 136, 177, 185–186, 188, 233

Европейская Турция 6, 216, 237

Евфек, город в провинции Кайсери 96

Евфрат, крупнейшая река Ближнего Востока, берущая начало на востоке Турции 21, 27–34, 37–41, 44–45, 47, 50, 55–59, 61–66, 68–70, 72, 74, 80–81, 84, 88, 91, 93, 96–98, 100, 109, 111, 128, 140, 153–157, 162–165, 169, 177, 181–182, 194, 197–198, 200–202, 208, 209, 213–214, 216–217, 218–220, 223, 227–228, 230, 231–235, 241–243, 252, 258–259, 284, 288, 290–292, 308, 311–312, 314, 317–326, 335, 344, 350, 352–353, 355

Егин, провинция и одноименный город в восточной части Центральной Анатолии 34, 45, 59, 92, 96–97, 100, 129, 154–155, 164, 193, 197–199, 214, 318–321, 325, 347, 359

Египет, 11, 66

Екил-Ирмак, р. Йешилъярмак на северо-востоке Анатолии 34, 75, 77–78, 90, 146, 194

Еллеус, деревня в окрестностях Трабзона 96, 331

Ель-ос, город в Ираке 62–63

Ендерес, название местности к северо-востоку от Сиваса 34, 77, 90, 96, 208, 214, 217, 241, 251

Ени-Арабкир, Ени Арабкир, город в провинции Арабгир, совр. Арапгир 92, 96, 100, 153, 251

Ени-киой, деревня к югу от Эрзинджана 209–210, 319, 324, 327

Ени-хан, Ени-хане, населенный пункт на р. Аджемис-чай к югу от Тавра 217, 224, 226, 293, 298

Ергамли, деревня на юго-востоке Турции 322

Ергели, Ерегли, город в центральной части Анатолии 35, 230, 242, 302

Ерзенгам, Ерзингам, город в восточной части Анатолии, совр. Эрзинджан 41, 57–59, 64, 92, 97, 101, 145, 156, 164, 169, 193, 198, 208–211, 214, 216, 232, 239, 241, 252, 318–319, 323–325, 347, 350, 359, 361

Ерзенис-ова, речная долина в районе г. Адана 82

Ерзень, Ерзень-чай, река на востоке Турции, приток Евфрата 69–70

Ерзингамская долина, Ерзингамлы-богаз, Ерзингамское ущелье, низменность в горах Восточной Анатолии, в которой расположен г. Эрзинджан 208–209, 324, 326

Ерзингамский санджак, административно-территориальная единица Османской империи с центром в Эрзинджане 97

Ерзияз-дагы, Ерзияс-даг, гора в Центральной Анатолии, совр. гора Эрджиес 35–36, 42, 53, 150, 295–296, 300

Ерзыныклы, деревня на юго-востоке Турции 304

Еркен-даг, гора в среднем течении р. Гёк-су 218

Еркенег-ова, Еркенец-ова, одна из горных долин в юго-восточных отрогах Тавра 36

Еркенек, Еркенин, деревня в окрестностях г. Кемах 164, 220, 230–231, 303, 308, 311

Еркенек-дагы, гора рядом с деревней Еркенек 35, 42

Ерменли-мемлекет, собирательное название населенных преимущественно армянами локальных районов Османской империи от Эрзерума до Арарата и его окрестностей 94

Ески-Арабкир, город в провинции Арабгир 92, 96, 100, 153, 251

Ески-Мосул, старая часть г. Мосул 72

Ески-Шеир-дагы, горный перевал на дороге к Адане 223

Есмь-чай, Есьм-чай, ручей в районе города Бейлербей 84

Заад-дагы, Заада-дагы, перевал по дороге от Трабзона к Джевизлику 34, 96, 182, 329

Закавказье, 7, 8, 212, 215, 227

Закку, город на притоке Тигра Газель-су 71

Зара, город в санджаке Сивас 96, 163, 217

Зензели, имеется в виду персидский порт Энзели 185

Зернак-Калеси, горный хребет на востоке Анатолии 32

- Зефир**, мыс на северо-восточном побережье Малой Азии 77, 332
- Зинджан-чай**, приток р. Мурат 60
- Зоада-дагы**, горный хребет в окрестностях Гюмюшхане 205
- Изо-оглу**, название местности в районе г. Малатья 32–33, 61, 163, 284, 288, 291–292
- Изора, Изори**, деревня в санджаке Малатья 61, 163, 288
- Илыджа, Лыжа**, город в санджаке Арзрум 195, 319, 324, 327
- Имеретинские горы**, горный хребет в западной части Грузии 31
- Имеретия**, исторический регион на западе Грузии 191, 203
- Индийский океан** 93
- Индия** 28, 30, 62, 66
- Инже-су**, река в Восточной Анатолии 53, 92, 96, 101, 151, 183, 280, 292, 295–296, 301
- Иореле-кале**, мыс на северо-восточной части Малой Азии 77
- Иорос, Иоросс**, мыс в северо-восточной части Малой Азии 34, 77, 167, 331, 333
- Иоросс-кале**, горный кряж к востоку от Трабзона 331
- Иосгат**, город в восточной части Турции, совр. Йозгат 34, 222, 282
- Ирак-Араб**, вероятно, имеется в виду часть населенного арабами Ирака в противоположность принадлежащей Ирану территории 61, 66–67, 171, 198, 212
- Ирис**, одно из древних названий р. Ешилъырмак 34, 78
- Испир, Испира**, город в верхнем течении р. Чорох 75
- Ичмиадзин**, исторический центр греко-армянской церкви 114
- Кабаджи-даг**, горная гряда к югу от Эрзинджана 325
- Кабан-маден, Кабин-маден**, железный рудник к югу от Малатья 33, 49, 58, 96, 111, 156, 162, 292, 326
- Кабан-маден-дагы**, гора в окрестностях рудника Кабан-Маден 40, 47, 61
- Кабидже-хан**, караван-сарай на дороге к югу от Эрзинджана 319, 323
- Кабул** 29
- Кабур**, приток Тигра 71
- Кавказ** 14, 31, 68, 88, 197, 213, 265, 268, 311
- Каджук-богаз, Каджуклы-богаз**, ущелье в юго-восточных предгорьях Тавра 32, 61, 64, 218, 288
- Казан-кая**, горный отрог Понтийского Тавра 34, 41
- Казанлы, Казыклы**, населенный пункт и порт в окрестностях Мерсина 53, 54, 300

Казил-Ирман, вероятно, Кызыл-Ырмак 37

Казыклы-ирмак, приток Евфрата 290

Кайсери, Кесарея, Кесари, город в центральной части Анатолии, совр. Кайсери 26, 28–29, 35–36, 42, 50–53, 79, 84, 90, 92, 96–98, 100–101, 114, 147, 150–151, 162–163, 169, 172, 175, 180–183, 191, 193, 197, 200, 214, 220, 221–222, 225–226, 230, 232, 236, 239, 242, 251–252, 275, 283, 292, 295, 300–302, 356

Кале-киой, деревня в южных отрогах Тавра 251, 299

Каликинд, см. Гёк-су 80

Калис, местность в районе Газиянтепа 311

Камлы-оглу, равнина в окрестностях Урфы 312, 315

Камлы-дагы, горный хребт вблизи Сиваса (вероятно, опечатка автора, т. к. по правилам турецкого языка должно быть «Канлы дагы») 34, 79, 163–165

Камышли-богаз, ущелье в южных отрогах Тавра 83, 165, 223

Камышли-хан, карван-сарай перед ущельем Камышли-богаз 83

Кангал, населенный пункт в провинции Сивас 80, 285, 292

Кандагар 29

Кандыл-даг, гора в окрестностях Гиресуна 144

Капт-дагы, горный хребт в Восточной Анатолии 327

Кара-Али, деревня у истоков р. Мурат 60

Кара-бакчи, деревня у горной гряды Каридже-даглар 312, 316,

Карабудах-чай, приток р. Евфрат 59, 80

Кара-бурун, мыс на северо-восточном побережье Черного моря 77

Карагёль, отрог горного хребта Паландёкен 32

Кара-гёль, деревня в устье р. Бин-гёль-чай 60

Карагисар, Кара-Гиссар, город в провинции Сивас, совр. Гюрюн-Карахисар 96, 100, 145–147, 168–169, 181–182, 197, 199, 208, 214, 217, 228, 233, 236, 239, 241, 251, 283, 344, 347, 350

Карагисарская дорога, дорога от г. Карахисар на север к побережью Черного моря, в Самсун, через Сивас 213, 214, 216

Карагисарский пашалык, османская территориально-административная единица с центром в г. Карахисар 95

Кара-гобак, деревня между Эрзерумом и Ольты 56

Караджа-даглар, Караджиа-даглар, Караджи-даглар, горы к северу от Диярбакыра 33, 40, 91, 111, 158, 165, 231, 286, 312, 316–318

Каракапан, Кара-Капан, Каракабан, горный хребт к северо-востоку от Гюмюшхане 33, 76, 182, 329

Каракулак, Кара-кулак, населенный пункт на дороге от Байбурта к Трабзону 33, 193, 209–210, 227, 327–330

Кара-кюпри, деревня в окрестностях г. Урфа 315

Карамания, упомянутая автором историко-культурная область, простирающаяся к югу от Кайсери до побережья Средиземного моря, ассоциируемая автором с бывшим бейликом Караман 220

Караны-дереси, ущелье в восточной части Анатолии 308

Карапунар, деревня в провинции Сивас по соседству с д. Шарыкышла 294

Караса, Карасса, деревня на дороге из Диярбакыра в Сивас и Кайсери 193, 226, 271, 276, 284–285, 290, 292, 294, 300

Кара-су, приток р. Евфрат в окрестностях д. Ени-кёй 28, 46, 56, 195, 209, 324, 325, 327

Кара-таш, мыс на юге Александреттского залива 84

Кара-таш, гора рядом с дорогой из Алеппо в Антеп через Килис 280

Кара-чай, горная долина к северо-востоку от Александреттского залива 303, 304

Каргун, деревня в окрестностях г. Карахисар 230, 274, 275

Каргын-киой, Каргын, деревня в окрестностях Эрзинджана 57, 96, 207, 209, 211, 251, 270, 319, 324–325

Кардукия, историческая область, выделявшаяся греками на юге Малой Азии 71

Каридже-даглар, горное ущелье в окрестностях Диярбакыра 316

Карпут, город в окрестностях Малатьи, совр. Харпут 28, 33, 38, 47, 50, 84, 85, 88, 90, 92, 96–97, 111, 129, 140, 157, 160, 164, 170, 193, 211, 213, 220, 225, 230, 231–232, 234, 239–240, 243, 251, 284, 287, 290–292, 317, 354–356, 360

Карпутская дорога, путь, соединяющий рудники Арганы с Харпутом 69, 163, 317

Карпутское озеро, в настоящее время на месте данного озера водохранилище Кебан 163

Карс 202–203, 207

Карская дорога, путь, ведущий от границы с Грузией к Эрзеруму через Карс 233

Карский пашалык, османская территориально-административная единица с центром в Карсе 95, 97, 102, 194, 212, 241, 246

Каспийское море 30, 31, 178, 184–185, 187, 194

Кафарлы, деревня в верхнем течении Евфрата 323

Каш-таш-богаз, Каш-Таш-Богаз, Каш-Тиш-богаз, горное ущелье между Егином и Арабгиром по правой стороне Евфрата к югу от Эрзинджана 59, 164, 197, 318, 321, 325, 326,

Каябоюз-дагы, один из горных хребтов Понтийского Тавра 34, 75, 270, 273

Кегван-дагы, один из отрогов горного хребта Деве-боюн 32–33, 47, 290–291

Кедерьян, деревня в провинции Сивас 80

Кезвин-дагы, гора на дороге от Эргани в Харпут 287

Кеклык-Чефлык, деревня на дороге от Байбурта в Трабзон 24, 33, 77, 90, 96, 197, 199, 205, 208–210, 213–214, 217, 227–228, 233, 239, 241, 251, 328, 330

Кемах, **Кеммак**, город на берегу Евфрата к юго-востоку от Эрзинджана, совр. Кемах 59, 92, 96, 101, 155, 156, 163–164, 198, 318, 319, 322, 325

Кемир-чай, приток Евфрата у г. Кемах 59, 155, 323

Кенне, город в верхнем Египте, совр. Кена 66

Кересунд, **Керсунд**, город на побережье Черного моря, совр. Гиресун 41, 76, 91–92, 96, 100, 144, 331–333

Кёркы-дагы, гора у южных отрогов Тавра 307

Кесайрейская дорога, путь от Аданы к Кесарею 83, 151, 224, 298

Кесарийский пашалык, османская административно-территориальная единица с центром в г. Кайсери 400

Кестер-дагы, **Кестир-даг**, **Кестырь-даг**, горная гряда, ограничивающая с севера долину Малатии 35, 81, 219, 278

Кетюн-кюпри, мост у впадения р. Мамахатун-су в Евфрат 57, 196, 209, 324

Кешмюр-дагы, горная гряда у истоков Евфрата 32, 38, 46–47, 56–57, 60, 194, 196, 199, 207–208, 210–211, 213, 216, 233

Кибидже-бели, горный кряж в Восточной Анатолии вдоль среднего течения р. Евфрат 57

Кизил-Ирмак, **Кызыл-Ирмак**, **Кызыл-Ермак**, **Кызылырмак** (древний Гамм), крупная несудоходная река в северной части Центральной Анатолии, впадающая в Черное море. Совр. Кызылырмак 28, 34, 41–42, 45, 51–52, 78, 80, 84, 140, 147–149, 162–164, 196, 198, 200–201, 222, 252, 259, 271, 275, 281, 283, 301

Кизляр 88

Киликийские ворота, название древних ущелий в системе гор Тавра, через который открывался путь с юго-востока на северо-запад 83

Киликия, название историко-культурной области в юго-восточной части Малой Азии 26, 28, 30, 53, 83

Килиса, **Килисс**, город на границе Турции и Сирии, совр. Килис 217, 235, 280, 354

Кингал 289

Кинтрид, древнее название брода через р. Тигр 71

Китай 29

Коджуклы-богаз, ущелье в Центральной Анатолии 35

Козлов, старое название Гизлев, совр. Евпатория 191

Козлуджикыврас, деревня в среднем течении р. Кызылырмак 79

Ком, деревня в окрестностях Эрзинджана 208, 324

Комана Катаония, античная историко-культурная общность, включавшая города Кайсери и Эльбистан 51

Конах-су, ручей в окрестностях деревни Шаркышла 292, 294

Кония, город в Западной Анатолии, совр. Конья 29, 111, 150, 182, 200, 220, 225–226, 230, 232, 354

Константинополь, столица Османской империи, совр. Стамбул 6, 11, 14, 41, 62, 105, 114–115, 132, 145, 148, 150, 154, 170, 178, 180–181, 183–184, 188–190, 202, 226, 234, 251, 263–264, 302, 330, 334–335, 337, 346, 349, 362

Константинопольская дорога, Константинопольский путь, Константинопольский тракт, общее название транспортных коммуникаций, ведущих к османской столице 35, 83, 146–147, 199, 209, 214, 221, 223–225, 236, 298, 302, 304, 328

Конт-дагы, гора к западу от Эрзерума 182

Копт-дагы, горный хребет к западу от Эрзерума 74, 94, 206, 209, 210–211

Коссир, 66

Кох-Гио-вар, Кох-Гиовар, Кох-гиовар, гора к востоку от г. Орду 34, 76, 94

Коч-бойнез-дагы, Кочбой-нези-даг, Коч-бойнези-дагы, гора в области Джаник, Самсун 34, 76–77, 94, 332

Красное море 66

Крым 11, 182, 190–191, 227

Куз-ова, равнина вблизи Сиваса 28, 33, 47–49, 90, 106, 166, 168–170, 225, 231, 241, 243

Кулаапы-дагы, плоскогорье в окрестностях г. Гюмюшхане 182

Кулаат-дагы, гора в районе г. Оф 33, 96, 205, 329, 330

Кулиат-дагы (Каракабан), гора в окрестностях г. Гюмюшхане 182

Кулей–Гисар–су, река в северо-восточной части Анатолии 28, 33–34, 78, 90, 140, 145–146, 168–169, 197–199, 213–214, 227, 233, 241, 273–274, 281–282

Кулей-Гисар, населенный пункт в окрестностях Никсара 78, 92, 96, 145, 199, 215, 227–228, 241

Кулек-богаз, ущелье в горах Тавра 35, 83, 100, 182, 220–226, 234, 236, 251, 293, 298–299, 301–302, 357

Кулен-Багет 43

Кулиат-дагы, Куллат-дагы, гора в составе гряды Каракабан (Каракапан) 76, 182

Куль, деревня к северу от Алеппо 272, 312

Кура 74

Курдаши-Кабур, приток р. Шат-эль-Араб 69

Курдистан, обобщенное название населенных в XIX в. курдами районов Малой Азии 22, 29, 32, 55, 64, 69, 85, 93, 95–98, 102, 107, 113, 128–129, 140, 142, 157–159, 163, 168–169, 173, 175–177, 181, 184, 188, 194, 198, 212–213, 215–216, 233–334

Курт-дагы, гора к северу от г. Антеп 219, 279

Куру-чай, Куручай, небольшая река в районе Сюрмене 35, 59, 61, 80, 155, 165, 201, 285, 288, 321

Куршун-маден, свинцовый рудник в окрестностях Мараша, 43, 96, 162

Куч-ова, долина в районе г. Эргани 290

Кыджан, Кыджин, деревня к юго-востоку от Эргани 49, 69, 163, 284, 286–287, 291–292

Кыз-кале, гористая местность в районе Тарсуса 293

Лазистан, историческая область на северо-восточном побережье Черного моря, населенная лазами 26, 32–33, 40, 46, 74–75, 93–94, 95, 97, 100, 140, 156, 163, 165, 167, 195, 197–199, 203, 207–210, 215, 233, 328, 330, 346

Латакия, историческая область на севере Сирии 353–354, 357–359

Ленкорань 185

Лондон 66

Лори 74, 209, 227

Лыжа (Илыджа), деревня на р. Кара-су 46, 56, 195, 319, 324, 327

Маграпп-дагы, гора на плато Джебель-ель Немруд 33, 284

Маден-богаз, горное ущелье на востоке провинции Кайсери, на границе с провинцией Адана 293, 298

Маден-топрак, собирательное название османской категории земель, отведенных под рудники 95

Мазендаран, историко-культурная область на северо-западе Ирана 178, 189

Малакан-даг, Малакан-дагы, гора в Восточной Анатолии у г. Малатья 35, 42, 61, 111, 153, 218, 288, 309

Малатия, крупный город в Восточной Анатолии, совр. Малатья 35, 49, 58, 61, 64, 80–81, 92, 96–98, 100, 111, 153, 163–164, 169–170, 182, 193, 200–201, 214, 222, 225–226, 228, 230–232, 234, 236, 239–241, 243, 251, 283–285, 288, 290–292, 303–304, 308–309, 311, 317–319, 325–326, 347, 350, 354, 356, 359, 361

Малая Азия 11, 19, 21, 27, 29, 37, 55, 66, 93, 102, 232, 243, 336–338, 342, 365

Мамахатун, населенный пункт в Восточной Анатолии (совр. Терджан) 57, 210, 319, 324–325

Мамахатун-су, Мама-Хатун-су, крупная река на юго-востоке Турции, приток Евфрата 28, 32, 44, 46, 57, 93, 195–196, 209–211, 324–325

Манжелык, деревня в окрестностях г. Карас 271, 276–277, 295

Мараш, крупный городской центр на юге Турции 24, 26, 35–36, 43–44, 54, 82, 91–92, 96–98, 100–101, 106, 111, 150, 152, 162, 169, 193, 202, 217, 219–220, 225, 230, 234–235, 242, 251, 278, 283, 303–306, 309–311, 347, 359, 361

Марашский пашалык, османская административно-территориальная единица с центром в Мараше 95, 113

Мардын, Мардынь, Мердын, Мердынь, Мордын, крупный город на востоке Турции, совр. Мардин 26, 27, 44, 49, 50, 90, 96–97, 106, 202, 218, 220, 292, 356

Марсованы горы, горы в районе округа Джаник 94, 200

Массис, древнее название г. Арарат 32

Меграб-дагы, Меграп-дагы, Меграпп-дагы, горная гряда у истоков Тигра 32, 39–40, 69–70, 159, 163, 218, 231, 286, 290–291

Мейра-Мара, гора у г. Эргани 160

Мекка, 104, 133, 159, 180, 347

Мелат-зей, ручей в районе Малакан-дагы 309

Мельджа-сазы, болотистая котловина южнее г. Кайсери 53, 295

Менускат, озеро в Восточной Анатолии 70

Мерджулим-дагы, Мерджумик-дагы, невысокая горная гряда в окрестностях Харпута 33, 48

Мерикун-оваси, горна долина к югу от Сиваса 222, 270, 275

Мерикун-яйла, плоскогорье между Сивасом и Кызылырмаком 28, 51

Мерсин, Марсин, крупный город-порт на юге Турции, совр. Мерсин 53–54, 300

Мессис, один из городов на побережье Александреттского залива (совр. Хатай) 54

Мизар, деревня в окрестностях г. Бейлербей 312–313, 317

Мизипп, деревня у переправы через Евфрат 313–314

Мизип-чай, приток Евфрата 84

Милезгирд, город в провинции Муш, совр. Малазгирт 59–60

Миль, деревня в провинции Алеппо 312

Мин-Гель, Мин-гель, Мин-гёль, ручей в окрестностях Эрзинджана, приток р. Мурат 58, 210–211

Мингрелия, историческая область на западе Грузии 191, 203

Мосул, 64, 69, 71, 72

Мосус, возможно, Мосул 33

Мосхийские горы, отроги Большого Кавказского хребта в районе г. Ахалцих 31

Музур-дагы, горный хребет в окрестностях оз. Бин-гёль 32, 38, 47, 57, 59, 196, 198, 322–323, 326

Мулла-Юсуф-оглу, деревня на северо-востоке Анатолии, по дороге от Сюрмене на юго-восток 289

Мунар, деревня в окрестностях округа Бейлербей 313

Мурад-чай, **Мурад**, **Мурад-су** крупная река на юго-востоке Анатолии 26, 28, 32, 38, 40, 47, 59–61, 64, 72, 88, 93, 100, 162, 196–197, 210, 292

Муш, крупный городской центр на юго-востоке Турции 32–33, 38, 45, 60, 96, 113, 211, 213, 356

Мушский пашалык, османская административно-территориальная единица с центром в Муше 95

Мызра, город в окрестностях Харпута, совр. Элязыг 284, 287, 292, 296

Мышар-даг, гора у устья р. Мурад 40

Нахр-ель-Афреен, небольшая река, протекавшая с востока на запад и впадавшая в озеро Антакь 84

Нахр-ель-Галеп, **Нахр-ель-Галепп**, река в Месопотамской низменности, впадавшая в озеро Антакь 84, 219, 312–313

Небада, **Небадагана**, горный хребет к юго-востоку от Арарата 32

Немврод, см. **Джебел-эль-Немруд** 29, 32–33, 38, 50, 69, 71

Немруд, развалины древней плотины на Тигре в районе Мосула 72

Нигде, город на северо-востоке Анатолии 53, 96, 302

Никесар, **Никсар**, город к северу от Сиваса 76, 78, 90, 92, 96, 100, 145–146, 169, 197, 213–214, 216–217, 228–230, 233, 236, 239, 241, 251–252, 270, 273–274, 282–283, 350

Нил 64

Нисефора, римское название одного из притоков Тигра, Кабура 71

Нифат, см. **Небада** 32

Нурках, деревня в окрестностях истоков р. Гёк-су 81

Одесса 10, 182, 186, 192, 227, 361, 362

Ольта, город на северо-востоке Анатолии, у границы с Грузией 56

Омар-киой, деревня в среднем течении р. Токат-дереси 78

Орду, город в северной части Центральной Анатолии 76, 91, 92, 96, 100, 144, 145, 331–333

Оренбург 68

Оронт, река в Сирии 36, 64, 69, 84, 355

Орган-тепе, один из отрогов Беяз-Ахур-дагы 82, 219

Османджик, город на юго-востоке Османской империи 34, 96, 229, 241

Осман-киой, деревня у слияния р. Батман-су и Тигр 70

Оф-дагы, гора на северо-востоке Турции в районе г. Оф 33, 40, 75, 94, 165, 199, 205, 328, 330

Палан-Тукан-дагы, горный хребет на северо-востоке Анатолии, к северу от Эрзерума 32, 46, 56, 207, 212

Палу, город в Турции, пров. Элязыг 61, 96, 211, 292, 356

Пальмира (Тадмор), город на территории Сирии 63, 173, 218

Парейма, река в районе горы Эрджиес 295

Парчукан-даг, Порчукан-даг, гора в районе г. Харпут 48, 287

Паша-кюпри, мост по дороге из Бесни в Малатья 81, 220, 230, 308, 311

Паяс, Пояс, одно из поселений на берегу Александрийского залива, совр. муниципалитет Паяс г. Хатай 28, 36, 43, 50, 53–55, 182–183, 225, 304, 357, 359, 361

Пекмес-оваси, деревня у перевала Гиаур-дагы 305, 310

Пергами-чай, один из притоков Кызылырмака в его верховьях 295

Персидский залив 27, 31, 61, 65, 72, 93, 194, 218

Персия, используемое автором собирательное название территорий, входящих в состав Ирана 6, 7, 12, 19, 26, 33, 55, 62, 64, 66, 69, 92–93, 97, 141, 159, 177–179, 181, 185–190, 194, 201, 207, 232, 237, 240

Першенбек, деревня в районе г. Орду 232

Песым-дереси, ручей к югу от Кайсери 293

Пирам, Пирим, см. Джейхан-чай 53, 80, 82–83

Пирсами, деревня в провинции Кайсери 292

Платана, деревня к западу от Трабзона, совр. Акчаабад 92, 95, 100, 143, 205, 331, 333

Поти 203

Пун, селение в Эрзинджанском ущелье 208

Пунарбаши-чай, Пунар-баши-чай, река в Восточной Анатолии 35, 61, 81, 219

Редуан, название брода через р. Ерзень-чай 70

Редут-кале, торговый город-крепость на восточном побережье Черного моря 186, 187, 190, 203, 346

Рейн 64, 65

Ризе, турецкий город на восточном побережье Черного моря 204

Родос, остров у юго-западной оконечности полуострова Малая Азия 30

Россия 5, 6, 9–11, 16, 19, 46, 88, 92–94, 106, 166, 177, 178, 182, 184–194, 196, 202–203, 206–207, 213, 215–217, 236, 335, 338, 340, 346–348, 352, 356–357, 365

Румкале, Рум-кале, руины города Ромкла на юго-востоке Турции, пров. Газиантеп 61, 202, 217, 220

Рум-мемлекет, собирательное название части районов Центральной Анатолии и северных склонов Центрального Тавра, населенных преимущественно греками 94

Саганлуг, регион на севере Анатолии, в предгорьях Южного Кавказа 46, 195, 210

Саганлугские горы, горы, обрамляющие долину Саганлуг 46, 194

Самсун, город-порт на северном побережье Малой Азии 11, 12, 24

Самсунский залив, залив у города Самсун 77

Саргышли (Саргышлы), совр. Шаркышла, город в тур. провинции Сивас 251, 292, 294, 300, 302

Самхетия, историческая область на востоке Грузии 32

Сардар-хан, караван-сарай в окрестностях Эргани 284, 286

Сарры-оглан, местность у д. Шаркышла 292

Сарры-су, река у д. Карас 292

Сартшамой, см. Мамахатун-су 57

Сарус, античное название р. Джейхан 53, 81, 83

Сарыкамыш-дагы, гора к юго-востоку от Малатьи 61

Сарымыш-дагы, Сары-мышь-дагы, Сарымышь-дагы горный хребет в окрестностях Харпута 32, 39, 49, 91, 164, 165, 218, 231, 287,

Сарыш-хан, местность на границе с Сирией 83, 224, 293, 299, 302

Северная Анатолия, 97, 141, 159 167, 178, 221, 223, 236 335

Северная Сирия, 218, 221, 225, 229, 230 304, 311, 318

Северо-восточная Анатолия, 60, 94, 106, 181, 188

Сег-дереси, ущелье на дороге от Эрзерума к Карагисару 78, 94, 145, 146, 199, 200, 217, 228, 241

Седжир-чай, ручей в окрестностях города Бейлербей 313

Семизат, Семизахт, место впадения р. Пынар-баши-чай в Евфрат 61, 81

Сенджар-дагы, горная гряда на севере Ирака, совр. хребет Синджар 33

Серт, город на юго-востоке Турции, совр. Сиорт 32, 50, 71, 220

Сибирь, 64

Сивас, Сивасс, Сиваш, город в Центральной Анатолии 14, 24, 29, 34, 41, 42, 50–51, 79–80, 84, 92, 95–97, 100, 111, 145, 147–150, 163–164, 166, 168–170, 180–183, 191, 193, 199–200, 202, 213–217, 221–223, 225–236, 239–240, 243, 251, 270–271, 275–276, 281–284, 290–292, 300–302, 318–319, 334, 340, 344, 350, 356, 361

Сивасская дорога, транспортный путь, соединяющий Сивас с городами юго-востока Турции 163–164, 215, 290–291

Сивасский пашалык, османская административно-территориальная единица с центром в Сивасе 95, 96, 221, 344

Сиверик (Сурек), Сиверин, город на юго-востоке Турции, совр. Сиверек, пров. Диярбакыр 32–33, 40, 49, 61, 92, 140, 157–158, 193, 220, 231, 234–235, 292, 312, 315–317

Сиднус, античное название р. Тарсус-чай 81, 83

Силистрия, 14, 65

Синоп, город-порт на северном побережье Малой Азии 90–91, 145, 335

Сирия 4, 8, 10–12, 15–16, 29, 49, 62, 66–68, 84, 93, 98, 100, 107, 109, 152, 169, 170, 180, 182, 193–195, 198, 201–202, 212, 214, 217–219, 221–225, 227, 229–230, 232–235, 268, 282, 291, 304, 311, 317–318, 335, 338, 340, 342, 345, 349, 351, 352, 354–359, 361, 363, 365

Сис, Сисс, город в южной части Тавра, один из центров армянской грегорианской церкви на территории Турции. Расположен в окр. г. Козан, пров. Адана 35, 55, 114, 217

Скифия, название исторического региона 30

Смирна, город на эгейском побережье Турции, совр. Измир 11, 148, 150, 154, 180–182, 188, 190

Софиер-дагы, Софкер-дагы, Софкер-дагы, Софнер-дагы, горный хребет в верховьях Евфрата 33–34, 45, 195, 199, 207, 209, 210

Средиземное море, 30, 31, 35, 62, 66, 93, 97, 177–178, 180, 182, 194–195, 212, 220, 304

Средняя Азия 37

Средняя Анатолия, средняя часть Анатолии, 36, 51, 78, 94, 111, 181, 213, 216, 225, 234, 283, 335

Ставры-кной-лар, ущелье между Чорохом и берегом Черного моря 329

Суведия, долина р. Оронт 84

Сукер-ова, долина на юге Турции; вероятно, совр. Чукур-ова 36, 82, 84–85, 111, 152, 303, 311

Султан-дереси, приток р. Токмак-су 80

Султан-сазы, озеро в районе г. Девели-Карахисар 53, 84, 151, 163, 296

Султан-су, приток р. Евфрат 111, 153, 201, 241, 292, 309

Султан-хан, населенный пункт с караван-сараем в пров. Кайсери 42, 84, 163, 226, 295, 302

Сулчин-су, приток р. Пунар-баши-чай 219

Супер-ова, равнина между гг. Мараш и Антеп 305–306

Сыс-дагы, Сысс-дагы, гора на северо-востоке Турции 34, 75–77, 96, 145, 162, 165, 197–198

Сысман-хан, караван-сарай в районе г. Малатья 288

Сюзеский перешеек, суэцкий перешеек 93

Сюнюр-ова, долина в районе г. Байбурт 33, 74, 195, 206, 209, 214, 241, 328

Сюргю, деревня в провинции Малатья 81, 303, 304, 308–311

Сюрмене, населенный пункт в провинции Трабзон 226, 285, 288, 292, 318–319

Тавр, **Таврские горы**, горная гряда, пересекающая южную часть Турции с запада на восток 8, 28–30, 35, 43, 45, 51, 53, 55, 61, 80–81, 85, 88, 91, 94, 96, 98, 114, 149, 151–152, 164–166, 169, 175–177, 183, 193, 195, 198, 200–202, 214, 217–224, 226, 230–231, 234, 242, 251, 271, 277–278, 280–281, 283, 290, 293, 296, 298, 300–302, 306–308, 310–311, 317–318, 354

Таврис, город на западе Ирана, вероятно, Тебриз 178

Таганрог 189–191

Тадмор, см. **Пальмира** 218

Тазанлы-су, **Тазанлы-дереси**, река к северо-западу от Токата 34, 270, 274, 281–282

Такти-кюпри, мост на дороге от д. Кыджин к озеру Гельджин 287

Танлы-дагы, гора на северо-восточном побережье Малой Азии 219, 279–280

Тарсус, город на юге Турции, пров. Адана 26, 28, 36, 43, 50, 54, 83, 87–90, 150, 169, 193–194, 217, 220, 230–231, 235, 252, 292–293, 299–301, 361

Тарсус-чай, река в провинции Адана 28, 53, 83, 202, 300

Тартус, город в Сирии 109, 150, 181–182, 218, 223, 251

Тартусская дорога, транспортный путь от Тартуса к Адане 302

Тартус-чай, вероятно, имелся в виду Тарсус-чай 81

Ташемиз-бели, **Ташмиз-бели**, **Тешимиз-бели**, **Тишемаз-бели**, горный хребет на северо-востоке Турции 33, 197, 209, 228

Тебриз, см. **Таврис** 186–187

Терек 64, 69, 321

Термех, **Термия**, **Термодон**, название реки и местности в районе Самсуна, совр. Терме 76, 146, 273, 281

Тиана, древний античный город на берегу оз. Гияур-гель, не существующий в наши дни 36

Тибет 29

Тигр (Шат), крупная река на востоке и юге Турции 21, 27–29, 32–33, 38–39, 55, 61–62, 64, 69–72, 74, 159–160, 162, 218, 258–259, 285–286, 290, 316, 344

Тильмуц, деревня на берегу Тигра 70

Тифлис, город в Закавказье 14, 186, 340–341, 343–344, 348, 363

Токат, город на северо-востоке Турции 11, 12, 24, 41, 43, 50, 78, 90, 92, 96, 100, 146–147, 169, 180–182, 189, 197, 222, 227, 229–230, 239, 241, 252, 270, 274–275, 281–283, 334–335, 350

Токат-дереси, река в районе г. Токат 78

Токатская дорога, транспортный путь от Токата к Кайсери 149, 223

Токмак-Дереси, Токмак-су, приток Йешилъярмака 28, 45, 61, 80, 140, 146, 147, 149, 168–169, 201, 241, 271, 277

Токмак-чай, приток Евфрата 140

Токмин-су, река к юго-востоку от Малатья 288

Топрак-кале, город на востоке Турции 60, 195, 241

Тортум-су, река на северо-востоке Турции в районе г. Испир 75

Трапезонд, Трапезунд, город на северо-восточном побережье Малой Азии, совр. Трабзон 26, 33, 75–76, 92, 95, 98, 100, 113, 129, 140–143, 149, 156, 166–168, 177–178, 180–182, 184, 186–193, 203–206, 208, 233, 252, 327–331, 333, 344–348, 350, 352, 356, 360–362

Трапезондский пашалык, османская административно-территориальная единица с центром в Трабзоне 95–97, 199, 221, 344

Триполи, город на территории Ливана 353, 355

Триполи, Тареболи, Тереболи, город на северном побережье Малой Азии, совр. Тиреболу, пров. Гиресун 41, 75, 76, 92, 96, 100, 143, 156, 162, 331, 333

Триполи-дереси, река в окрестностях г. Тиреболу 75, 96, 143, 208, 329

Туз-яр, озеро на дороге из Сиваса в Кайсери 84

Туркал, город в санджаке Токат, совр. Турхал 34, 78, 96, 197, 229, 241, 282

Туркмен-иол, дорога, ведущая с севера к Антепу и Марашу 220, 304

Турция, неофициальное название Османской империи 4, 6–12, 15–16, 19, 20, 27, 60, 93, 97, 99, 103–106, 115, 119, 125, 133, 135, 147, 158, 183, 212, 227, 233, 236–237, 240, 251, 264–265, 334–337, 339–341, 345, 347, 349, 356–357

Тюдер, деревня к северо-востоку от Байбурта 327–328

Уджаклы, деревня в провинции Мараш 303–304, 311

Улаш, деревня в окрестностях Сиваса 42, 84, 163, 271, 275–276, 292, 300

Улеарчу, деревня в окрестностях Кайсери 295

Ул-ова, Уль-ова, долина в окрестностях Харпута 28, 33, 47–49, 90, 106, 160, 166, 168–170, 225, 231, 241, 243, 287, 290–291

Уния, город в санджаке Самсун, совр. Юнье, пров. Орду 96

Уржа, вероятно, Урфа 111

Урфа, крупный город на юго-востоке Турции 33, 40, 50, 88, 90, 92, 96, 98, 111, 113, 128–129, 140, 157–158, 162, 168, 169, 173, 180, 193, 200, 217–218, 220, 231–232, 234, 236, 242, 251–252, 292, 312, 314–315, 317–318, 354–356

Урфский пашалык османская административно-территориальная единица с центром в Урфе 95

Фасса, Фесса, город в санджаке Самсун, совр. Фатса 41, 76, 91–92, 96, 100, 144–145, 193, 199–200, 227–230, 241, 251–252, 270, 272, 282, 331–333, 350

Фемискирская долина, долина в районе Джаник 76

Феодосиополис, греческое название Эрзерума 56

Феодосия, город-порт в Крыму 191

Фират, Фират-су, Фират-чай, Фрат-чай, турецкие названия Евфрата, используемые автором как синонимы 28, 31–33, 46, 55–57, 59, 61, 93, 100, 162, 171, 195–196, 207–213, 324–325, 327–328, 330

Фоль, деревня на северном побережье Малой Азии, в районе Самсуна 331

Франция 189, 396

Фунджи, мыс в северо-восточной части черноморского побережья Малой Азии 77

Фундуклы-дереси, река в провинции Орду 332

Хаджи-Осман, одна из деревень между Александреттским заливом и г. Мараш 303

Хазам-оглу, деревня у переправы через Евфрат в провинции Мараш 314

Хазар-баба, горная вершина в окрестностях Диярбакыра 33, 39

Хазмагар, Хазра-Магар, Хазрамигар, деревня в провинции Сивас 251, 294, 300, 302

Хайва-дагы, один из южных отрогов Тавра в районе Александреттского залива 165

Хайвады, небольшая река, впадавшая в оз. Гель-баши 219

Хайдерахмет, деревня в районе города Биреджик 312, 314

Халдея, обобщенное название территорий юга Месопотамии 63

Халдын, деревня в окрестностях г. Урфы 312, 315

Хан, караван-сарай в окрестностях Эрзерума 210

Хан-киой, деревня в окрестностях Токата 223, 230, 284, 287, 292

Хан-Маден, местность в долине р. Аджемис-чай 297–298

Хан-Сатчелак, населенный пункт между Сивасом и Гюрюмом 276

Харна, деревня в провинции Мараш 96, 217–218, 220, 303, 305, 306, 311

Харна-ова, Харнаова, Харне-ова, долина в районе деревни Харна 54, 111, 152, 304, 305

Харысит-дагы, Хирисит-дагы гора в окрестностях Харпута 33, 48

Хахо-дереси, река на северо-востоке Турции 328

Хейва-дагы, Хейво-дагы, отрог Тавра к югу от Киликийских ворот 35, 224, 293, 298, 301–302

Хейвады-курд, долина в районе д. Джерит 306–307

- Хнус**, приток р. Евфрат 60, 211
- Ходжа-богаз**, ущелье в районе д. Бесни 307
- Хорасан**, историко-культурный регион в Центральной Азии 29
- Хорас-дагы, Хорос-дагы**, горная гряда на северо-востоке Анатолии, между Трабзоном и Гюмюшхане 205, 329
- Хошпарлы**, деревня в районе г. Бесни 303
- Хром-чай**, река в районе Хорос-дагы 329
- Хумарлы-дереси**, приток р. Токмак-су 80, 271, 276
- Цагки**, деревня к северу от Эрзерума 56
- Чавдарын, Чавдарык**, деревня у моста через Евфрат 56, 327
- Чамурлы**, деревня на дороге от Алеппо в Бир 313
- Чамурлы-богаз**, ущелье у деревни Сюргю 308
- Чанаклы**, деревня в окрестностях Мараша 304–305
- Чатлы**, деревня в районе оз. Гёль-баши 85
- Чаушек**, деревня на дороге от Эрзинджана к Евфрату 324
- Чекрак-Тепе, Чекран-тепе**, горная вершина в провинции Орду 34, 41, 76, 94
- Чермик**, городок в окрестностях Харпута 355
- Чермелик, Чермилюк, Чермюлик, Чшермюлик**, караван-сарай в окрестностях г. Биреджик 32, 38, 140, 202, 218, 220, 231, 292, 312, 314–315, 318
- Чермюшлик**, название местности, через которую проходит дорога от Сиваса к Диярбакиру. Возможно, Чермелик 317
- Черное море** 19, 24, 27–28, 34, 40, 74, 75, 80, 90–91, 93–94, 97–98, 100, 129, 140, 162, 165, 167, 177–178, 182, 191, 193–195, 197–198, 202–203, 214–217, 220, 224, 227–228, 231–232, 234, 236, 252, 281, 335, 347, 365
- Чефлык**, название местности по дороге из Эрзинджана в Шихле 323
- Чипишназ, Чипишниз, Чипшиниз, Чишпишниз**, название деревни в окрестностях Байбурта 74, 205–206, 209–210, 251, 327–328, 330
- Чмаршенбек, Чшаршанбек**, населенный пункт на побережье Черного моря, совр. Чаршамба, пров. Самсун 34, 76, 78, 96, 146, 171, 226, 229–230, 283
- Чорох, Чморох**, река на северо-востоке Турции 28, 31, 33, 74–75, 88, 197–198, 206, 209, 328–330
- Чурак**, река в северо-восточной Анатолии 74
- Шайтан-дереси, Шейтан-дереси**, приток р. Евфрат 56, 209, 327–328
- Шам**, турецкое название Дамаска 93
- Шат**, турецкое название р. Тигр 69–70, 72, 159, 218, 285, 316
- Шат-ель-араб**, река, образованная слиянием Тигра и Евфрата 72
- Шафхаузен**, швейцарский город на Рейне 64

Шейган-чай, Шейгун-чай, Шейгун, Шейхун, используемые автором варианты названия р. Сейхан 28, 35, 53, 81, 83, 202

Шербетли-хан, караван-сарай в окрестностях Диярбакыра 69, 284–286

Шихле, деревня по дороге от Эрзинджана на юг 319, 323

Энихан, караван-сарай в Центральной Анатолии 24

Юзгат, Юсгат, Юсгит, город на северо-востоке Анатолии, совр. Йозгат 96, 147, 150, 163–164, 172, 229, 232, 242, 302,

Юлдас-даг, Юлдус-даг, горная вершина между Токатом и Сивасом 34, 41, 42, 50–51, 78, 88, 91, 94, 147, 164–165, 197, 200, 214, 222–223, 226, 228–229, 251, 274, 281–282

Юлдус-Ирмак, река в провинции Сивас, совр. Йыдызырмак 28, 79, 163, 274, 275

Яваш-ова, равнина в окрестностях г. Девели-Карахисар 42, 84, 151, 296, 301

Язун, мыс на северо-восточном побережье Малой Азии 77

Яким-хан, караван-сарай и одноименная деревня на пути из Сиваса в Малакью 80, 96, 111, 163, 165, 226, 241, 251, 285, 289, 291–292, 319

Ялым-дере, река, впадающая в Черное море к западу от Трабзона 76, 332

Янин-даг, гора по дороге от Кайсери к Сивасу 34, 77, 79, 91, 94, 164–165, 197, 199, 214, 217, 228

Янсон-дагы, гора на берегу р. Кызылырмак, пров. Сивас 163

Именной указатель

Али-Мегмед-паша, Мухаммед Али (1769– 1849), египетский наместник, фактический правитель Египта, 43, 68, 69

Аммиан Марселин, Аммиан Марцеллин (330 – после 395), римский историк 36

Анатолий, римский полководец и государственный деятель Флавий Анатолий 55

Ариан, Арриан Флавий (около 86 г. н. э. – около 160 г. н.э.), древнегреческий историк, географ 30

Асет-паша, (Эсад Мехмед Мухлис-паша, ? – 1851) османский высокопоставленный военачальник, сераскир Эрзерума в 1830–1838 гг. 95

Ахмет-эфенди (?) 135

Брант, г-н, английский консул в Трабзоне 190

Бырдин, см. **Бырдин Михаил Петрович** 24, 397

Вронченко Михаил Павлович, российский востоковед, военный картограф и геодезист 11, 12 15, 16, 21, 24, 364, 365

Геродот, около 484 г. до н. э. — около 425 г. до н. э. античный историк, географ 30

Герси, г-н, Герси, Луи Филипп, сардинский консул, и.о. российского консула в Трабзоне (1830–1850) 192, 346–348

Гордон, Роберт, английский посланник в Константинополе 62

Дюгамель, Дюгамель Александр Осипович (1801–1880), генерал от инфантерии, с 1833 по 1837 г. Генеральный консул в Каире 10, 11, 15, 269, 334, 339, 340, 345, 349, 351, 352, 353, 355, 360, 362

Екатерина II 184

Ератосфен, Эратосфен (276 г. до н. э. — 194 г. до н. э.), древнегреческий математик, астроном, географ 30

Ибрагим-паша, Ибрагим-паша (1789–1848), сын и соправитель Мухаммеда Али, египетский военачальник 8, 9, 220, 221, 235, 283, 353, 357

Июп-бей, курдский племенной лидер, возглавлявший племенную конфедерацию Милли III, 112

Квинт Курций, Квинт Курций Руф, римский историк I в. н. э. 30

Кинеир, см. комментарии 19, 27, 50, 60–61, 70–72

Комнин, Алексей, византийский император (1081–1118), реформатор, основатель династии Комнинов 142, 143

Ксенофонт, около 430 г. до н. э. — не ранее 356 г. до н. э., древнегреческий историк и политический деятель 30

Кузен-оглу, османский наместник г. Паяс 55

Ленче, капитан, см. комментарии 27, 68

Мурад III, османский султан (1546–1595) 135, 153

Мустук-бек, османский наместник Аданы

Нейдгардт, Александр Иванович Нейдгардт (25 октября 1784 г. — 27 августа 1845 г., Москва) — русский генерал от инфантерии (1841 г.), генерал-адъютант (1825 г.), командир Отдельного Кавказского корпуса

Осман-паша (Осман-паша Хазинедарзаде, ?–1841), сераскир Трабзона, в 1829–1834 гг. губернатор Сиваса и Трабзона

Охсон, Игнас Мурадзия д'Оссон, востоковед и дипломат на европейской службе в Константинополе 19

Питт, вероятно, Уильям Питт Младший (1759–1806) 67

Плиний, Плиний Старший (24–24 гг. н. э. — 79 г. н. э.), римский писатель, географ, историк 56, 60

Реомюр, французский естествоиспытатель, натуралист и математик Рене Анутан Реомюр, изобретатель спиртового термометра 134, 196

Решид-Магмед-паша, см. комментарии 49, 231, 311, 350, 353

Сен-Мартен, Антуан Жан де 19, 24, 27, 55, 57, 74

Соссюр, швейцарский геолог, ботаник и альпинист Орас Бенедикт де Соссюр 42

Станоп, леди, см. комментарии 67

Страбон, ок. 64/63 гг. до н. э. – ок. 23/24 гг. н. э., античный географ и историк 30

Филострат, Флавий Филострат Старший, автор сочинения «Жизнь Аполлония Тианского» 36

Хорен, Моисей, см. комментарии 24, 55, 56

Чесней, капитан, см. комментарии 27, 62–66, 68

Этнографический указатель

Азы, упоминается в составе курдских племен, однако, их сложно идентифицировать. Вероятно, Заза 111

Акжа-дагы, курдское родоплеменное образование, проживающее в одноименных горах 111

Англичане 28, 62, 65, 68, 178, 179, 182, 188, 190, 191, 335

Арабы 84, 122, 157, 158, 265–267

Армяне, 46, 49, 50, 52, 57, 60, 92, 94, 97–102, 105, 106, 114, 115, 118, 127–129, 138, 141, 145, 147–160, 178–181, 186, 190, 242, 248

Атмалы, курдское племя, ведущее полукочевой образ жизни между Бесни и Антепом 101, 111

Аушар, одно из туркменских племен востока и юго-востока Турции (Афшар) 54

Ашеред-адам, племена, ведущие полукочевой образ жизни, сохраняющие частично систему обычного права (адат), совмещенную с исламом, и собственное административное деление и управление 98, 99, 101, 102, 112, 305, 310

Бальян, курдское родоплеменное образование, проживающее в окрестностях Малатьи 111

Бедуины, обобщающее название для жителей арабского мира, которые ведут кочевой образ жизни 67, 68, 110, 173, 269, 353–355, 357

Бешьянлы, курдское родоплеменное образование 101

Боздаан, курдское родоплеменное образование, ведущее кочевой образ жизни в окрестностях Мараша и Чукур-ова 54, 111

Гасан-Мансы, Госсан-Мансы, курдское родоплеменное образование, проживающее в окрестностях г. Бесни 101, 111

Гелерли, Гелерлы, курдское родоплеменное образование, проживающее в окрестностях Харпута 101, 111

Греки 6, 19, 59, 92, 94, 97 99–101, 102, 105, 106, 114, 118, 127, 128, 138, 141–148, 150–157, 160, 178, 179, 181, 333

Грузины 46

Делекенлы, курдское родоплеменное образование, ведущее кочевой образ жизни 101

Европейцы 43, 65, 67, 68, 105, 114, 178–181, 183, 185–188, 190, 191, 265, 268, 269, 341, 346, 350

Египетские бедуины, кочевое арабское население западной части Египта 110

Египтяне 8, 9, 15, 95, 213, 217, 220–221, 224, 226, 230, 236, 266, 267, 269, 299

Енизе-арабы, арабское население Пальмиры и регионов к востоку от нее до Багдада 173

Зеравкун, курдское родоплеменное образование, ведущее оседлый образ жизни 101

Изоли, Изо-оглу, курдское родоплеменное образование, ведущее оседлый образ жизни 101, 111

Каралар, курдское родоплеменное образование, ведущее кочевой образ жизни 101, 111

Кеверес-оглу, курдское родоплеменное образование, ведущее оседлый образ жизни 101

Курды 15, 49, 50, 52, 54, 97–102, 106–113, 124, 128, 151, 152, 153, 157–158, 171–173, 184, 187, 207, 211, 215, 217–219, 231, 233, 235, 253, 278, 281, 282, 286, 289, 296, 305–306, 309–310, 315, 317, 321–322, 324, 326, 335, 350, 354–356, 360–361

Курды-иезидис 70

Кылычолы, курдское родоплеменное образование, ведущее кочевой образ жизни 101

Кяау, курдское родоплеменное образование, ведущее оседлый образ жизни в районе Харпута 101, 111

Лазы, народ мегрело-занской (колхидской) группы картвельской языковой семьи, проживающий на северо-востоке Турции 97, 215, 356

Мелекенли, Мелекенлы, курдское родоплеменное образование, ведущее оседлый образ жизни, между Малатьей и Бесни 101, 111

Милли, курдский племенной союз, который автор относит к наиболее многочисленным и сильным к военно-политическому отношению 111, 112, 158, 173, 184, 235, 253, 315

Мюджелы, Мюжелы, курдское родоплеменное образование, ведущее оседлый образ жизни в районе Урфы 101, 111

Мюлекенлы, курдское родоплеменное образование, ведущее кочевой образ жизни 101, 111

Персияне 148, 179, 185, 186, 189, 192

Райя, податное сословие в Османской империи, состоящее из немусульман, 99, 106, 114, 117

Римляне 59, 94

Ришван, Решван, курдское родоплеменное образование, ведущее кочевой образ жизни в районе Диярбакыра 101, 111, 231, 309, 354, 355

Роганлы, курдское родоплеменное образование, ведущее кочевой образ жизни в окрестностях Мараша 54, 111

Рум, собирательное название греков и византийцев в Османской империи 94

Русские 106, 125, 127, 183, 186, 242, 266, 346, 358

Селеменлы, курдское родоплеменное образование, ведущее кочевой образ жизни в окрестностях Мараша 111

Сириане, Сирияне, конфессиональное меньшинство в Османской империи, христиане-яковиты 49, 128, 129, 159

Татары 114–117, 125, 183,

Таушанлы, курдское родоплеменное образование, ведущее оседлый образ жизни 101

Таушар, курдское родоплеменное образование, ведущее кочевой образ жизни 101, 172

Тержерлы, Тержелли, курдское родоплеменное образование, ведущее кочевой образ жизни в окрестностях Мараша 54, 101, 111

Токарыс, курдское родоплеменное образование, ведущее оседлый образ жизни 101, 111

Турки 101–104, 107, 111, 118, 128, 142, 155, 167, 172, 176, 179, 180, 217, 218, 266, 347, 350

Туркмены, 171, 172, 217, 219, 243, 296, 304, 305, 310, 357

Уаджуклы, курдское родоплеменное образование, ведущее оседлый образ жизни 101, 360

Хаматлы, Хамытлы, курдское родоплеменное образование, ведущее кочевой образ жизни 101, 111

Хартлы, Хортлы, курдское родоплеменное образование, ведущее полукочевой образ жизни в окрестностях Антепа и Бесни 101, 111

Цыгане 112

Шивнин, курдское родоплеменное образование, ведущее оседлый образ жизни 111

Шивниюч, курдское родоплеменное образование, ведущее оседлый образ жизни 101

Эамитлы, курдское родоплеменное образование, ведущее полукочевой образ жизни 111

Яким-хан, группа курдов, компактно проживающая в районе одноименной деревни 111

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басханов М. К. Графика пространств войны и мира: Османская империя в русской картографической традиции / Османская империя на русских исторических картах (1700–1917). Стамбул, 2023.
2. Басханов М. К. Русские военные востоковеды. Биобиблиографический словарь. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005.
3. Волошина С. М. Власть и журналистика: Николай I, Андрей Краевский и другие. М., 2022.
4. Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 147.
5. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг. Ч. 1, изд. 2-е. Варшава, 1843. С. XI–XII.
6. Корф М. А. Дневник за 1840 г. / Предисловие, подготовка текста к печати и комментарии И. В. Ружицкой; Институт российской истории РАН. М.: Квадрига, 2017.
7. Межов В. И. Библиография Азии. Т. 2. СПб., 1892.
8. Муравьев Н. Н. Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869. С. 47.
9. Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии / Записки Военно-топографического депо. СПб., 1838–1840. Ч. III, V.
10. Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
11. Туркистанов Н. Губернаторские списки. М., 1894.
12. *Mémoires historique et géographique sur l'Arménie* J. Saint-Martin Vol. 1–2. Paris, 1818–1819.
13. *Narrative of Travels in Asia Minor, Armenia, and Kurdistan in 1813–14, with Remarks on the Marches of Alexander the Great and of the Ten Thousand Greeks*. London, 1818.
14. Süreyya M. *Sicill-i Osmani. Osmanlı Ünlüleri*. İstanbul, 1996. С. 2, p. 495; С. 4, p. 1306.
15. *Tableau Général de l'Empire Othoman*. Paris, 1790.

КОММЕНТАРИИ

¹ Мовсёс Хоренаці, (Մովսես Խորենացի; ок. 410–490) – крупнейший армянский средневековый историк, автор монументальной работы «История Армении», за создание которой, несмотря на существование более ранних исторических трудов на армянском языке, был назван «отцом армянской историографии». Достоверные сведения о его жизни отсутствуют, если не считать предполагаемые автобиографические сведения, содержащиеся в Истории Армении. Она включает в себя богатейший и уникальный материал по древнеармянской мифологии, народному творчеству, языческой религии, внутренней жизни страны и её связям с миром. В ней имеются также многочисленные данные по истории и культуре сопредельных стран. Львов пользовался, очевидно, французским изданием Моисея Хоренского, хотя существовала и русская публикация 1809 г. в переводе И. Иоаннесова (Межев В. И. Библиография Азии. Т. 3. СПб., 1894. № 4261).

² Антуан Жан де Сен-Мартен (Antoine Jean de Saint-Martin; 1791–1832) – французский ученый, востоковед, пионер в области арменоведческих исследований. Родился в Париже в семье торговца. Намереваясь заняться коммерцией, поступил в Колледж четырех наций, где выучил арабский, армянский, персидский, сирийский и турецкий языки, а также основы нескольких других языков, таких как зендский и грузинский. Он публиковал востоковедные исследования под своей фамилией Saint Martin, которую Львов переводит буквально как «Святой Мартин». Позже А. Ж. Сен-Мартен поступил на службу в Министерство иностранных дел Франции. В 1822 году он был одним из основателей Азиатского общества и руководил изданием его журнала. В 1824 году был назначен директором Библиотеки Арсеналь. Автор книг: «Новые изыскания об эпохе смерти Александра и о хронологии Птолемеев» (*Nouvelles recherches sur l'époque de la mort d'Alexandre et sur la chronologie des Ptolémées*), «Разыскания о жизни и деяниях Леона, последнего царя армян» (*Recherches sur la vie et les aventures de Léon, dernier roi des Arméniens*; 1825). В распоряжении Львова, вероятно, было французское издание *Mémoires historique et géographique sur l'Arménie* J. Saint-Martin. Vol. 1–2 Paris, 1818–1819.

³ Игнатиус Мурадже д'Оссон (Ignacius Mouradgea d'Ohsson; 1740–1807) армянский востоковед, историк и дипломат на шведской службе. Родился в Пере, в европейской части Стамбула в армяно-католической семье переводчика посольства Швеции. По примеру отца поступил на службу в Шведское посольство, где заслужил должность управляющего делами, а в 1782 г. стал

полномочным министром и чрезвычайным посланником Шведского королевства при Османском дворе. Его знание арабского и турецкого языков позволяло ему получать информацию из самых разнообразных источников об Османской империи, истории которой он посвятил всю свою жизнь. Свои исторические труды он начал издавать в Париже накануне революции и продолжал работу после 1804 г. до самой своей кончины. Его труды издавались в русском переводе М. Веревкина еще с 1795 г. (Межев В. И. Библиография Азии. Т. 2. СПб., 1892. № 5281).

⁴ Джон Макдональд Киннейр (John Macdonald Kinneir; 1782–1830) – офицер Ост-Индской компании, дипломат и путешественник. Родился в Линлитгоу (Шотландия) в семье таможенного чиновника, начал службу в 1804 г. прапорщиком в Мадрасском пехотном полку, в 1807 г. был произведен в лейтенанты, в 1818 г. – в капитаны. В 1810–1813 гг. путешествовал по Малой Азии, проехав из Багдада в Константинополь через Мосул и Дيارбакыр. С 1826 г. был британским посланником в Персии, находился в персидской армии во время русско-персидской войны 1826–1828 гг., принимал участие в подписании Туркманчайского мирного договора, умер в Тебризе в 1830 г. Его труд «Топографическое описание пути от Арзума до Трапезунда» был опубликован в русском переводе в Москве в 1829 г.

⁵ Бырдин Михаил Петрович (17?? – после 1831) выпускник Московской школы колонновожатых, прапорщик в Свите е. и. в. по квартирмейстерской части (1816). Производитель тригонометрической съемки Виленской (1816–1821) и Курляндской (1822–1824) губерний. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг., дивизионный квартирмейстер 1-й гусарской дивизии, находился в Закавказье и в Малой Азии (в действующей армии) в составе геодезического отряда полковника Э.И. Дитмарса.

⁶ Фрэнсис Родон Чесни (Francis Rawdon Chesney; 1789–1872) – английский путешественник, член Лондонского королевского общества, впоследствии генерал. В 1829 г. совершил путешествие по Турции, Египту и Сирии, осмотрев Суэцкий перешеек, пришёл к убеждению о возможности прорыть через него канал, позднее его планом воспользовался Фердинанд де Лессепс. В 1831 г. с целью установить более удобные сношения с Индией через Сирию и Евфрат совершил по Евфрату плавание до самого Персидского залива, исследуя по пути дно и берега реки. В Англии ему удалось заинтересовать в своём проекте правительство, и снаряжённая под его начальством экспедиция в 1836 г. на пароходе спустилась от верховьев Евфрата до его устья. В 1850-х гг. снова ездил в Сирию во главе экспедиции, производившей исследование долины Евфрата для предполагавшейся железной дороги, которая бы облегчила для Англии сношения с Индией.

⁷ Генри Блосс Линч (Henry Blosse Lynch; 1807–1873) – английский географ-исследователь, член Бомбейского географического общества. В возрасте 16 лет записался добровольцем в военно-морской флот, служил в Индии и в Персидском заливе. Обладая способностями к восточным языкам, хорошо владел арабским, персидским и хиндустани. В 1829 г. был произведен в лейтенанты, служил официальным переводчиком в эскадре Персидского залива,

корабли которой измеряли и наносили на карту залив и побережье Аравии, путешествовал по Аравии, занимая должность директора по связям с арабскими племенами. В 1834 г. стал заместителем Фрэнсиса Родона Чесни, командовал парохомом «Тигр» на Евфрате. После потопления «Тигра» и потери своего брата Линч вернулся в августе-сентябре 1836 г. в Англию, проехав через иракский Мосул и турецкий Трабзон.

⁸ М. П. Вронченко в своем Обозрении Малой Азии приводит следующие малоизвестные сведения о горе Эрджиес (Аргеус): «Нет сомнения, что Аргеус был вулканом, и каждый холм образован извержением из кратера, открывшегося в боку главного ската. В августе 1835 года Аргеус, молчавший в продолжении тысячелетий, опять отозвался страшным образом: пламенные столбы излетели из боков горы среди густого дыма; землетрясение было неслыханно, особенно же на юг и восток от горы; большая деревня (в юго-восточной стороне) провалилась, и на месте ее образовался глубокий пруд; переменяли вид свой даже некоторые из оканчивающих гору хребтин, прилежащих к Кесарею. Землетрясение и появление огня возобновлялись с разными промежутками в продолжение полусуток, – с тех пор гора оставалась поныне спокойною» (Записки Военно-топографического депо. Ч. III. СПб., 1838. С. 10). В общей статистике землетрясений Турции, доступной в сети интернет, данное землетрясение и извержение Эрджиеса не значится.

⁹ Решид Мехмед-паша (1780–1836), также известный как Кютахы, родился в Грузии, сын греко-православного священника. В 29 лет он был назначен губернатором Кютахы, откуда и получил свое прозвище. Участвовал в войне с греческими повстанцами и русско-турецкой войне 1828–1829 гг. В 1829–1833 гг. был великим визирем султана Махмуда II. В декабре 1832 г. в битве при Конье османская армия (53 тыс. чел.) под командованием великого визиря Решид Мехмед-паши была разгромлена египетской армией Ибрагима-паши. Османский великий визирь и главнокомандующий был взят в плен. В марте 1833 г. Решид Мехмед-паша был освобожден из плена. В октябре 1833 г. он был отправлен наместником в провинцию Сивас, а в октябре 1834 г. назначен губернатором Диярбакыра, вел военные действия против восставших курдов.

¹⁰ Леди Эстер Стэнхоуп (Hester Stanhope; 1776–1839) – британская путешественница по Ближнему Востоку, археолог. Эстер была старшей из трёх дочерей 3-го графа Стэнхоупа от первого его брака с Эстер Питт, дочерью знаменитого графа Чатама. После ранней смерти матери и второго брака отца вместе с сестрами росла на попечении слуг вдали от родных, а после замужества сестер жила с 1803 г. в доме своего дяди, премьер-министра Великобритании Уильяма Питта Младшего. В 1810 г. она решила покинуть Англию и отправилась на Ближний Восток, в 1814 г. поселилась в Ливане. Здесь она слыла пророчицей, ходила в восточном костюме, участвовала в политической жизни страны и имела огромное влияние на местное население, за что получила имя царицы Тадмор. Принимала участие в восстании друзов против ливанского правителя Башир Шихаба II и некоторое время управляла рядом населённых ими территорий.

¹¹ Практически одновременно со Львовым эти места посетил Вронченко, который описывал их следующим образом: «Екиль-Ырмак или Токату вытекает верстах в 80 на северо-восток от Токата – в описываемое пространство края втекает он немного севернее Токата. Немного пониже Токата Екиль-Ырмак разделяется на несколько рукавов, разделяемых узкими низменными полосками земли, и соединяющихся вскоре потом опять в одно русло. Почти до Турхала по сторонам Екиль-Ырмака довольно широкая равнина, хорошо запаханная – берега низки. Далее равнина суживается, а в иных местах исчезает вовсе – скаты к реке круты и местами скалисты. Перед Амасией равнина, не очень широкая, появляется опять; к ней с обеих сторон высокие утесы. Ниже города по равнине множество садов. Равнина делается очень узка между утесами, которые длятся верст на 40, и потом заменяются земляными скатами. Верст за 30 до морского берега горы оканчиваются – река течет по равнине. Длина течения Екиль-Ырмака от Токата до моря составляет верст около 180» (Записки Военно-топографического депо. Ч. III. СПб., 1838. С. 49).

¹² Здесь проходила условная граница между объектами исследования Львова и Вронченко, который писал: «Кызыл-Ырмак (Halys) вытекает верстах в 150 к северо-востоку от Кесареи; в описываемое пространство края втекает он между Кесареєю и деревней Урум-Диле» (Записки Военно-топографического депо. Ч. III. СПб., 1838. С. 52). Таким образом, Львов описывает течение реки от истоков до Кайсери, а Вронченко – далее на запад.

¹³ Вронченко подтверждает такую характеристику речной воды: «вода Кызыл-Ырмака, убивая растительность зерен, почитается негодной для орошения полей. Ниже дороги деревень при Кызыл-Ырмаке говорят немногo.<...>Далее постоянно оседлых жителей почти нет до Бафры, только зимовья кочующих туркмен и курдов» (Записки Военно-топографического депо. Ч. III. СПб., 1838. С. 54).

¹⁴ В результате первой турецко-египетской войны 1831–1833 гг. и вмешательства России на стороне султана Махмуда II был заключен Кютахийский мир (4 мая 1833), по которому египетские войска были выведены из Анатолии, но Сирия и Палестина передавались в управление паше Египта Мухаммеду Али. Взаимные уступки, на которые пришлось пойти ради мира, не удовлетворяли обе стороны. В 1838 г. Мухаммед Али провозгласил независимость от султана, что привело ко второй турецко-египетской войне 1839–1841 гг., по результатам которой под давлением европейских держав Сирия и Палестина были возвращены под власть султана.

¹⁵ До середины XI в. вся Малая Азия и Армения входили в состав Византийской империи, которая произошла от Римской империи после ее разделения на Восточную и Западную в IV в. Государственным языком Византии с VII в. был греческий, вытеснивший латинский, почему государство иногда называли Греческой империей, но сами подданные называли себя ромеями, а государство – Державой ромеев. После завоевания османами в XV в. население бывшей Византии сохранило название ромеев, или по-турецки ром.

¹⁶ В сфере местного административного управления не существовало, очевидно, строго определенного соотношения должностей и их полномочий. Вронченко дает иное определение муселимлыкам и пашалыкам: «Несколько воеводьков с принадлежащими к ним агалыками составляют мусселимлык. Это область вроде прежнего санджака или нашей губернии, но гораздо меньшего размера. В такой области есть обыкновенно, по крайней мере, один значительный город, в котором мусселим имеет свое пребывание, и к городу принадлежит несколько деревень, зависящих прямо от мусселима. Для деревень сих он заступает место и воеводы и аги. <...> Наряду с мусселимлыками надлежит поставить два бейлыка: Кодж-гиссарский и Маденский. Бей собственно значит родоначальник племени у народов кочующих, лицо подвластное только султану и только от него зависимое; но теперь, когда прежние, освященные законом и обычаем установления постепенно заменяются новыми, когда частные власти теряют мало по малу свою силу и самобытность, бей значит не более в своем племени, как ага в своем округе. <...> Мусселимлык принимает название пашалыка, когда управляется вместо мусселима пашой: таковы Айдинский и Кесарейский, ничем от обычного состава мусселимлыков неразличествующие» (Записки Военно-топографического депо. Ч. III. СПб., 1838. С. 249–250).

¹⁷ В ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг. на азиатском театре военные действия были впервые перенесены из Закавказья в Восточную Анатолию. Войска Кавказского корпуса под командованием И. Ф. Паскевича овладели Карсом и Эрзурумом, русские отряды занимали Муш, Байбурт, Гюмюшхане и подходили к Трабзону. Находившиеся в войсках офицеры Генерального штаба занимались топографической съемкой местности и картографическими работами. По Адрианопольскому мирному договору эти территории были возвращены Османской империи, но ценные картографические материалы отложились в архиве Военно-топографического депо. Описания, составленные русскими офицерами, легли в основу специального раздела «Области Азиатской Турции, сопредельные Российским владениям за Кавказом: пашалыки Ахалцихский, Карсский, Баязетский, Арзерумский, Мушский, Трапезонтский» и главы «О курдах» в труде полковника Н. И. Ушакова «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах» (СПб., 1836. Ч. I).

¹⁸ Вронченко подтверждает и дополняет это свидетельство неопределенности общего количества населения: «Весьма трудно определить число жителей с некоторой точностью. Счет не подушный, но посемейный по самому существу своему уже неопределителен, так что даже местное правительство не может означить населенности той или другой области, не ошибаясь, по крайней мере, на одну шестую, а иногда и на одну пятую часть всего числа. Сверх того, областные правители нисколько не заботятся о верности исчисления, имеют даже свои выгоды скрывать настоящее число душ: так при назначении числа земской милиции, они могут располагать им почти совершенно по своему произволу, сообразно с хорошим или дурным своим расположением к тому или другому округу, основанном обыкновенно на от-

ношениях денежных. Таким образом, верховное правительство получает о количестве оседлого народонаселения сведения самые поверхностные. Число кочующих жителей известно еще менее. Переходя с места на место, приписываясь то к той, то к другой области, многие кочевья считаются вдвойне, многие не считаются ни где – все же вообще числится наобум. Здесь ошибка может легко простираться даже на одну четверть целого» (Записки Военно-топографического депо. Ч. III. СПб., 1838. С. 199).

¹⁹ Вронченко иначе описывает религиозность современных ему турок: «Ежедневные молитвы и умовения соблюдаются в строгости немногими: улемами, стариками, людьми, желающими внушить к себе уважение, большей частью дервишей, большей частью женщин. Остальные позволяют себе более или менее послаблений под разными предлогами, как то люди рабские, путешественники и проч. Уважение к точному исполнению сих обрядов сделалось не всеобщим: некоторые уже начинают насмехаться над святошеством и ханжеством особ известных по набожности, замечая их нередко двусмысленное поведение в делах житейских; другие только видят в умовениях пустой обряд, ни к чему не ведущий, и находят странным пятикратное повторение каждый день одного и того же (т.е. намаза) почти теми же словами. Мечети вообще посещаются мало даже по пятницам: народ сам жалуется на свою холодность к слушанию духовного учения. В будни редко кто идет в мечеть, не только из работающих, но и из праздных, которые предпочитают просидеть время молитвы в кофейне или на улице, в своих домах и гаремах. Но те, которые входят в мечеть, сидят там чинно и благоговейно, не глядя и не обращая внимания ни на что происходящее вокруг, молятся и слушают поучения с видом искреннего участия – исключения бывают очень редки» (Записки Военно-топографического депо. Ч. V. СПб., 1840. С. 148–149). Справедливости ради надо заметить, что в Восточной Анатолии, описываемой Львовым, религиозный дух сохранялся в большей степени, чем в остальной Малой Азии или Европейской Турции, что отмечал А. С. Пушкин в стихотворении «Стамбул гуауры нынче славят...», написанном в 1830 г. под впечатлением от посещения Эрзерума.

²⁰ В последние шесть лет правления (1833–1839) султана Махмуда II были проведены финансовая и административная реформы, учреждены министерства западного типа и новое административное деление, в котором губернаторы лишались права содержать собственные войска, что должно было пресечь окраинный сепаратизм. Все же, хотя все эти реформы содействовали упорядочению государственного управления, форм земельной собственности и сопровождались усилением личной власти султана, они мало способствовали прогрессу турецкого общества. Махмуд II пытался распространить в Османской империи светское образование, создать сеть военных училищ, общеобразовательных и технических школ, развить книгопечатание, создать литературу и журналистику. Во внутреннем управлении он стремился ввести правильную администрацию (из числа выпускников светских школ и училищ), уничтожить взяточничество, сделать подчинение пашей центральной власти действительным, а не фиктивным. Однако его деятельность вызвала

недовольство духовенства, а также чиновничества и не нашла поддержки в народе. На каждом шагу реформы встречали глухое, а нередко и открытое противодействие, переходившее в мятежи. Даже главное достижение – новая армия европейского типа – оказалось бесполезным для отмщения Мухаммеду Али в ходе второй турецко-египетской войны (1839–1841) из-за поражения в битве при Незибе, к юго-востоку от Газиантепа. Вскоре султан Махмуд II умер, оставив наследником сына Абдул-Меджида I.

²¹ Несмотря на то, что греки и армяне, как и все немусульманские подданные султана, относились в Османской империи к сословию «райя» с низким социальным статусом, их взаимоотношения были далеки от солидарности. Вронченко отмечает: «Греки очень не любят армян, как своих соперников в торговле и промышленности, как людей, преимущественно захвативших в свои руки звание банкирское. Из греков банкиров немного, ветренные и задорные, не зная ни в чем ни середины, ни осторожности, они бывают очень богаты: в немногие годы в доме явятся миллионы, но обыкновенно все и лопнет также как пришло – грабителя ограбят начисто, и все кончено» (Записки Военно-топографического депо. Ч. V. СПб., 1840. С. 235).

²² Это ошибочное утверждение Львова – большинство курдов уже в XIX в. исповедовали ислам суннитского толка, а название «кызылбаши» турки применяли по отношению к персам по наименованию этнической группы в Северном Иране и Азербайджане. В XVI–XVIII вв. кызылбаши называли всех подданных Сефевидского государства независимо от их этнической принадлежности. О религии курдов Вронченко пишет: «Они все мусульмане, но турки почитают их еретиками за некоторое уклонение от общепринятых обрядов, за то, что они плохо веруют в неизбежность предопределения, принимают предосторожности против чумы, не почитают грехом употребление крепких напитков и очень вольно обходятся с женщинами. Вообще турки говорят, что курды во многом похожи на европейцев» (Записки Военно-топографического депо. Ч. V. СПб., 1840. С. 224).

²³ В начале XIX века курды племени Решван, которые вели кочевой образ жизни в окрестностях Анкары и Коньи, были подвергнуты попыткам принуждения к оседлости со стороны османских властей, в том числе как часть реформ Танзимата. Первая попытка была предпринята в 1830 году, когда власти уведомили вождей племени Решван на Центрально-Анатолийских равнинах о своих планах расселить их вокруг Сиваса. Это привело к недовольству среди вождей племени, которые предложили Конью и Анкару в качестве районов поселения, на что власти согласились.

²⁴ Среди чиновников и государственных служащих курьеры-татары (не путать с национальностью) занимали в Османской империи особое положение. Вронченко отмечает: «Хотя назначение татара состоит собственно в том, чтобы перевозить важные письма, но он есть лицо всегда доверенное: с ним посылаются значительные суммы денег; он кроме писем, отправляясь в Константинополь, почти всегда имеет и словесное поручение к тому или другому из людей государственных, его впускает к себе сам сераскир-паша, расспрашивает при других о новостях, о дороге, а потом дает ему секретную

аудиенцию, – и тут от рассказанного татаром зависит многое, иногда даже участь мусселима. Потому-то татары получают хорошее содержание, и сверх того, за успешные поездки в столицу хорошие бакшиши, то есть несколько сотен пиастров, даже иногда тысячу и не одну. Одежда татар отличается тем, что они под курткой носят кафтан ниже колена, с едва сходящимися спереди полами, на голове же фес с повязанным поверх его желтым или пестрым малым платком. Оружие их состоит на время пути обыкновенно в сабле и пистолетах, иногда сабля заменяется ятаганом» (Записки Военно-топографического депо. Ч. III. СПб., 1838. С. 256).

²⁵ Сарафы (первоначально менялы, позднее банкиры) играли не менее важную роль в финансовой системе Османской империи, чем казначеи-хазнадары. Вронченко пишет: «Главы и старшины разоряют народ иногда, но всегдашними его кровопийцами суть банкиры (сарафы). Все банкиры христиане, кроме поверенного от банкира Константинопольского, сопутствующего правителю при вступлении его в должность для принятия постоянной уплаты долга и, так сказать, надзора за его управлением по части доходов. Каждый город имеет своего другого банкира, называемого городским или областным. Банкир такой назначается по общественному мнению и своему желанию, разумеется, с согласия притом правителя. Он должен иметь всегда в готовности деньги, это главное. Он, собственно говоря, не принимает участия в управлении городом и областью, однако же, принадлежит к сословию правительственному по большим средствам притеснения народа, доставляемым ему порядком сбора налогов. Городские банкиры обогащаются быстро и помогают обогащаться правителям. Иногда они выводят из терпения народ своим хищничеством: в таком случае правитель не выпускает случая воспользоваться общим негодованием, требует банкира к расправе, и, как бы не решилось дело, всегда получает притом значительную сумму, то как плату за помилование мошенника, то как задаток дани от банкира, которым заменяет прежнего, ограбив однако его при отрешении от должности» (Записки Военно-топографического депо. Ч. III. СПб., 1838. С. 263).

²⁶ Вронченко несколько иначе описывает обычай деревенского гостеприимства, а также отмечает злоупотребления властей при этом: «В деревнях, сверх того, неимущий путешественник найдет ночлег и даже пищу себе и лошади своей бесплатно – это покупается у частных людей на счет целой деревни; всякий такого рода расход заносится в книгу и при конце года сумма включается в число налогов. Правители обращают в свою пользу и этот остаток старинного гостеприимства: в домах берут кушанье, солому и ячмень даром, а сумма, взимаемая по книге, расходуется по рукам управляющих» (Записки Военно-топографического депо. Ч. V. СПб., 1840. С. 151). Не исключено, что в Восточной Анатолии, описываемой Львовым, обычаи гостеприимства сохранились в более первозданном виде.

²⁷ Токат входил в маршрут путешествия Вронченко, но впечатления от города у него были иными: «Жителей около 45000; ханов 16. Базар очень велик, или лучше сказать базара два. Дома в Токате деревянные с черепичными кровлями, большей частью двухэтажные, выстроенные дурно и непрочно;

<...> Улицы по скатам оврагов узки, круты и очень дурно вымощены; на равнине, внутри бассейна, они пошире и несколько опрятнее, хотя вообще весь город очень нечист. <...> В Токате заметно много деятельности: частое прибытие и отъезд караванов, как в дальние пути в Сирию и Константинополь, так и развозящих в места ближайшие медную посуду и другие вещи; беспреывная работа ремесленников, куяющих медь – все это придает городу вид движения гораздо большего, нежели то обычно в Анатолии. Между купцами есть несколько домов очень зажиточных, даже богатых, хотя того не оказывается по наружности. Жилища и одежда всех вообще бедны и крайне неопрятны» (Записки Военно-топографического депо. Ч. V. СПб., 1840. С. 135).

²⁸ Вронченко не подтверждает эти сведения в своем описании Кайсери: «Воды в фонтанах довольно – она проведена с высот, составляющих последний скат горы Аргеуса» (Записки Военно-топографического депо. Ч. V. СПб., 1840. С. 34). Возможно, что Львов посещал Кайсери в другое время года, когда обострялась проблема водоснабжения города.

²⁹ В ходе ликвидации в 1826 г. янычарского корпуса султаном Махмудом II в столице Османской империи вспыхнул бунт янычар, который был подавлен с применением артиллерии. Зачинщики бунта были казнены, их имущество конфисковано падишахом, а молодые янычары изгнаны или арестованы. Суфийский орден бекташи – ядро организации янычар – был распущен, а многие его последователи казнены или изгнаны. Уцелевшие янычары занялись ремеслом и торговлей.

³⁰ Вронченко иначе описывает откупной порядок при добыче соли: «Девели-Карагисарское озеро, лежащее к юго-западу от горы Аргеус, дает очень много хорошей соли. Оно на откупу у Девели-Карагисарского воеводы, который платит Кесарейскому паше в год около 40 тысяч пиастров и посредством приставов своих, живущих при озере в трех местах, собирает с приезжающих по 2½ пиастра за груз арбы и по 1½ за выюк верблюда» (Записки Военно-топографического депо. Ч. III. СПб., 1838. С. 138). Таким образом, власти не покупают соль у частных добытчиков, а взимают пошлину с вывозимой добытой соли.

³¹ О добыче мрамора за пределами Восточной Анатолии Вронченко сообщает: «Теперь мрамор не ломают нигде, отчасти потому, что в Анатолии ничего прочного не строят, но наиболее потому, что развалины древних городов доставляют готовые мраморные плиты, которые стоит только перевозить на место новых построек. Обилие развалин таково, что, несмотря на беспреывное, продолжающееся многие веки потребление, истощатся они еще не скоро» (Записки Военно-топографического депо. Ч. III. СПб., 1838. С. 142).

³² Вронченко пишет: «Верблюдов держат во всех частях Малой Азии, но по равнинам более, нежели в горах (особенно на Таврусе). Все верблюды одногорбые, двугорбых нет вовсе. Но и одногорбые не все одинаковой породы, а различаются между собой значительно ростом и силою. Наилучшими почитаются ублюдки из двух разных пород: одной малой, другой среднего роста; они бывают огромной величины, толсты и очень крепки, но, подоб-

но мулам и лошакам, не дают приплоду» (Записки Военно-топографического депо. Ч. III. СПб., 1838. С. 172). То, что Львов описывает двугорбых верблюдов, свидетельствует об особенностях именно Восточной Анатолии, за пределами маршрутов Вронченко.

³³ Вронченко подтверждает: «Прежде из Диарбекира (в 16 дней) и из Мосула (в 35) токатские купцы получали белый и красный холст, платки, сафьян и чернильные орешки; холст и платки распродавались в крае, а сафьян и орешки отправлялись в Константинополь и Смирну для продажи за границу. Теперь с Востока холста и платков не получается – они в крае заменены американскими, английскими и голландскими; через то торговля Токата с Мосулом прекратилась совершенно. Из Диарбекира получают еще чернильные орешки и очень немного сафьяну, который добротой уступает кесарейскому. Из Ерзерума (в 16 дней) и из Багдада (в 50) получались персидские ткани, кашемирские шали, козья шерсть, индиго, йеменский кофе, гилянский и карабахский шелк, значительная часть чего отправлялась в Европу, особенно шелк и шали. Теперь требования на персидские ткани и кашемирские шали почти прекратились – те и другие более и более заменяются европейскими, в особенности английскими» (Записки Военно-топографического депо. Ч. V. СПб., 1840. С. 279).

³⁴ Во время второй турецко-египетской войны 1839–1841 гг. османская армия предприняла вторжение на подконтрольную египтянам территорию в направлении Алеппо, но была разбита войсками Ибрагима-паши. Слабость турецкой армии, состоявшей из новобранцев, неудачное командование и скорая смерть султана Махмуда II не позволили османам воспользоваться стратегическими преимуществами, о которых писал Львов. Только вмешательство европейских держав и англо-австрийская интервенция в Сирии вынудили Египет признать свое поражение.

³⁵ В битве при Низипе 24 июня 1839 г. между турецкими и египетскими войсками курдская конница, составлявшая более половины османской армии, не выдержала огня египетской артиллерии и бежала с поля боя, что привело к беспорядочному отступлению всей армии. Мотив участия в кампании курдского ополчения состоял в расчете на легкую добычу в Сирии, но к упорному бою с неизбежными потерями курды оказались не готовы.

³⁶ Одним из главных преобразований Мухаммеда Али в Египте стала военная реформа. Для ее проведения активно использовались иностранные специалисты (в основном французские). В ходе реформы была создана регулярная армия, введена воинская повинность, в 1826 году открыто несколько военных училищ, Академия Генерального штаба. Новая египетская армия была вооружена современной артиллерией. В результате военной реформы Египет получил армию в 150–200 тыс. и военный флот, были отремонтированы и созданы новые крепости.

Научное издание

**ВОСТОЧНАЯ АНАТОЛИЯ 1833–1835 гг.
Военно-географический очерк**

Корректор *Н. А. Сидоркина*
Верстальщик *Н. В. Макеева*
Оформитель *П. А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 20.12.2023 г. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 23,7. Учетно-изд. л. 20,9. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ПАО «Т8 Издательские технологии»

г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5
тел.: 8 (499) 653-59-71. E-mail: info@T8print.ru